
ВОПРОСЫ ВЫПУСК 10-1(98-1), 2023 ПОЛИТОЛОГИИ

Научный журнал

Журнал «Вопросы политологии» включен
в Перечень рецензируемых научных изданий
ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ
по политическим наукам, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Журнал включен в Перечень научных изданий
рекомендованных ВАК Республики Узбекистан
для публикации основных научных результатов диссертаций
по политическим и философским наукам

МОСКВА, 2023

ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Научный журнал

ISSN 2225-8922

Журнал включен
в Перечень ВАК РФ

Учрежден

ООО «Издательство
«Наука сегодня»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны
культурного наследия

Рег. № ПИ № ФС77-46176
от 12 августа 2011 г.

Журнал издается ежемесячно

Журнал включен в базу РИНЦ
(Российский индекс
научного цитирования)

Включен в каталог
Ulrich's Periodicals Directory
Пятилетний
импакт-фактор журнала: 0, 376

Адрес редакции:
115598, г. Москва, ул. Загорьевская,
д. 10, корп. 4, цокольный этаж,
помещение 1, комната 7-1, офис 4
Тел.: (910) 463-53-42

Интернет-ресурс:
www.voprospolitolog.ru
E-mail: voprospolitolog@yandex.ru

Мнение авторов может
не совпадать с мнением редакции.
При перепечатке ссылка
на журнал обязательна.

Научные статьи, публикуемые
в журнале подлежат обязательному
рецензированию.

Ответственный редактор
Шурина С.С.

Перевод
Чернышова Е.В.

Компьютерная верстка
Загуменов А.П.

Подписано в печать 25.10.2023

Формат 60×84/8. Объем 44,25

Печать офсетная.

Тираж – 1000 экз.

(1-й завод – 500 экз.)

Заказ №

Отпечатано в типографии
ООО «Белый ветер»
115054, г. Москва, ул. Щипок, 28

Тел.: (495) 651-84-56

Председатель Редакционного Совета – ПЛАТОНОВ В.М.,

к.ю.н., заведующий кафедрой политического анализа и управления РУДН,

Председатель Московской городской Думы (1994–2014 гг.)

Редакционный Совет

АВАЗОВ Камиль Халлиевич	д.ф. (PhD) по полит. наукам, Региональный центр переподготовки и повышения квалификации работников народного образования Сурхандарьинской области (Узбекистан, г. Ташкент)
АСТАВАЦАТУРОВА Майя Артасековна	д.п.н., профессор, Пятигорский государственный университет (Россия, г. Пятигорск)
БЛЮХИН Владимир Владимирович	д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
БОЖАНОВ Владимир Александрович	д.и.н., профессор, Белорусский Национальный технический университет (Белоруссия, г. Минск)
ВАНКОВСКА Бяляна	профессор политологии и международных отношений факультета философии Университета Святых Кирилла и Мефодия (Македония, г. Скопье)
ВЕЛИКАЯ Наталья Михайловна	д.п.н., профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН, РГГУ (Россия, г. Москва)
ГОНЧАРОВ Пётр Константинович	д.с.н., профессор, Российский университет транспорта (МИИТ) (Россия, г. Москва)
ГРАЧЁВ Михаил Николаевич	д.п.н., профессор, РГГУ (Россия, г. Москва)
ДЭМБЭРЭЛ К.	доктор (PhD), Институт международных отношений АН Монголии (Монголия, г. Улан-Батор)
ЖИЛЬЦОВ Сергей Сергеевич	д.п.н., профессор, Дипломатическая академия МИД РФ (Россия, г. Москва)
КАРАДЖЕ Татьяна Васильевна	д.ф.н., профессор, МПГУ (Россия, г. Москва)
КАССАЕ НЫГУСИЕ В. МИКАЭЛЬ	д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
КОВАЛЕНКО Валерий Иванович	д.ф.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)
КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна	д.с.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
КРИВОКАПИЧ Борис	д.ю.н., Унион–Никола Тесла университет (Сербия, г. Белград)
МЕДВЕДЕВ Николай Павлович	д.п.н., профессор, главный редактор журнала (Россия, г. Москва)
МИХАЙЛОВ Вячеслав Александрович	д.и.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
НАЗАРОВА Елена Александровна	д.с.н., профессор, МГИМО МИД России (Россия, г. Москва)
НАЗАРОВ Александр Данилович	д.и.н., профессор, МАИ (Россия, г. Москва)
НАСИМОВА Гульнара Орденбаевна	д.п.н., профессор, Казахский Национальный университет им. Аль-Фараби (Казахстан, г. Алматы)
НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич	д.п.н., профессор, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)
ОРЛОВ Игорь Борисович	д.и.н., профессор, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)
ПАХРУТДИНОВ Шукритдин Ильясович	д.п.н., профессор, Институт переподготовки и повышения квалификации руководителей и специалистов системы народного образования имени А. Авлони (Узбекистан, г. Ташкент)
ПЛЯС Яков Андреевич	д.и.н., д.п.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ (Россия, г. Москва)
ПРЯХИН Владимир Федорович	д.п.н., профессор, РГГУ (Россия, г. Москва)
ПУСЬКО Виталий Станиславович	д.ф.н., профессор, ВА РВСН им. Петра Великого (Россия, г. Москва)
РУБАН Лариса Семёновна	д.с.н., профессор, отдел исследования проблем международного сотрудничества Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (Россия, г. Москва)
СЛИЗОВСКИЙ Дмитрий Егорович	д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
СЫЗДЫКОВА Жибек Сапарбековна	д.и.н., профессор, ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)
ХОЙБЕРСКАЯ Лариса Львовна	д.п.н., профессор, Киргизско-Российский славянский университет (Киргизия, г. Бишкек)
ШАРКОВ Феликс Изосимович	д.с.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
ЯН ФУЛИНЬ	проректор Хэйлунцзянского института иностранных языков (КНР, г. Харбин)

Редакционная коллегия

Главный редактор – МЕДВЕДЕВ Н.П., д.п.н., профессор

Абрамова О.Д. (д.п.н.)

Кетягин Г.В. (к.п.н. – зам. гл. редактора)

Насимова Г.О. (д.п.н.)

Шурина С.С. (к.п.н. – ответ. редактор)

ISSN 2225-8922 (print)

12 выпусков в год и

4 выпуска в год переводной (англ.) версии

Языки: русский, английский

<http://voprosplitolog>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>)

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной биб-лиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 70035

Цели и тематика

Журнал ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ – периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционного совета и редколлегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 2011 года в издательстве «Наука сегодня». С 2016 года издается переводная (англ.) версия журнала. С момента своего создания, журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих политологических журналов России.

Цель журнала – способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований. Тематическая направленность журнала отражается в следующих постоянных рубриках: «История и философия политики», «Политические институты, процессы и технологии», «Политическая регионалистика и этнополитика», «Политическая культура и идеологии», «Политические проблемы международных отношений и глобализации».

Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, материалы круглых столов, научные рецензии, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политики и политологии.

В своей деятельности редакционный совет и редколлегия журнала руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки качества научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Целевой аудиторией журнала являются российские и зарубежные специалисты-политологи, а также аспиранты и магистры, обучающиеся по направлениям политология, государственное и муниципальное управление и международные отношения.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования о подготовке и публикации статей, архив (выпуски с 2011 года) и дополнительная информация размещена на сайте: <http://voprosplitolog.ru>

Электронный адрес: voprosplitolog@yandex.ru

ISSN 2225-8922 (print)

12 issues a year plus

4 issues a year of the translated (eng.) version

Languages: Russian and English

<http://voprosplitolog>

Included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation

Included in the Ulrich's Periodicals Directory

Materials of the journal are placed on the RSCI platform of the Russian scientific electronic library – Electronic Journals Library Cyberleninka

Subscription index of the journal in the Rospechat Agency catalogue is: 70035

Objectives and themes

Academic journal “Political Science Issues” is an international peer-reviewed scientific periodical in the field of political studies. The journal has an international character because of the composition of its Editorial Board, its editors, its contributing authors and topics of its publications.

The scientific journal is published since 2011 at the “Publishing House “Science Today”. Translated (eng.) version of the journal is published since 2016. Since its inception, the journal was guided by high scientific and ethical standards and today it is one of the leading political science journals in Russia.

The purpose of the journal is to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign political scientists.

The journal is intended for the publication of the results of fundamental and applied scientific research. Thematic focus of the journal is reflected in the following permanent headings: “History and philosophy of politics,” “Political institutions, processes and technologies,” “Political regionalism and ethno-politics,” “Political culture and ideologies,” “Political problems of international relations and globalization.”

Format of publications: scientific articles, reviews, scientific materials, materials of round tables, scientific reviews, scientific reports devoted to research problems in the field of politics and political science.

The Editorial Board and the editors of the journal in their activities are guided by the principles defined by VAK of Russia for scientific journals, including: presence of the institute of peer review for the expert quality assessment of scientific articles; information openness of the publications; availability and compliance with the rules and ethical standards for the submission of manuscripts by the authors.

The target audience of the journal is Russian and foreign specialists-political scientists, as well as graduate students and masters in the fields of political science, state and municipal management and international relations.

The journal strictly adheres to the international publishing standards and publication ethics identified in the *COPE (Committee on Publication Ethics)* document. <http://publicationethics.org>.

Full details of the journal and its editorial policy, requirements to the preparation and publication of articles, archive (issues since 2011) and additional information are available on the website: <http://voprosplitolog.ru>

E-mail address: voprosplitolog@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

Крутов А.В.

Осовременивание классических политологических теорий посредством сочетания разных методологических подходов (на примере описания функций политической системы)..... 4968

Лескова И.В.

Истоки и причины политического популизма..... 4980

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

Свириденко Е.А.

имфония государства и церкви глазами иосифлян и нестяжателей 4992

Ащеулов О.Е.

К вопросу о помощи Китаю со стороны СССР в войне против Японии (1943-1945) 5007

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Бродская Н.П.

Большие языковые модели: генеративные модели ИИ как инструмент влияния в социальном пространстве современного общества..... 5018

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Попов С.И., Гришин О.Е., Нестерчук О.А.

Тенденции трансформации инструментария проведения выборов органы государственной власти и местного самоуправления 5030

Бигулов С.А.

Сравнительный анализ Парламента РСО-Алания и региональных парламентов Германии, Канады и Великобритании 5039

Ван Сяоцунь, Коньков А.Е.

Проблемы реализации проектов развития в рамках культурной политики государства 5048

Привалов В.А.

Этнокультурные предпосылки возникновения Нагорно-Карабахского конфликта 5054

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПОЛИТИКИ

Морозов Д.А.

Взаимосвязь геополитики и геоэкономики в современном мире:
особенности научного дискурса 5067

**Столярова А.Н., Глебова И.А., Хайрулина Т.П.,
Князева О.В., Новосельский С.О.**

Экологическая политика в социально-ответственном
поведении корпораций 5078

Грядунов Ю.Ю.

Нормативная база государственной политики защиты
традиционных ценностей..... 5093

**Ксенофонтова К.М., Фадеева Н.В., Игнатова М.Н.,
Новосельский С.О., Золкин А.Л.**

Политика управления молодежным предпринимательством
как инструментом трансформации экономики..... 5101

Ксенофонтова К.М., Чунихина А.А., Данилов М.В., Пономарев

Е.Е., Новосельский С.О. Экономическая оценка политики
социально-ответственного поведения корпораций.....5114

Ковальчук А.Г.

Развитие государственно-гражданского взаимодействия
в современной России: федеральные
и региональные программы 5127

**Гончарова Н.В., Игнатова М.Н., Новосельский С.О.,
Бирюков И.А., Панова А.И.**

Зарубежный опыт реализации политики цифровизации
здравоохранения: экономическая оценка
мирового рынка телемедицины 5136

Поярков Р.А.

Применение больших данных и искусственного интеллекта
в цифровой трансформации государственной службы 5151

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

**Линькова Е.В., Кражева-Карцева Е.В., Георгиева Н.Г.,
Зверев В.В., Черникова Т.В.**

Образ Латинской Америки в российской
политической мысли XIX века: особенности и эволюция..... 5160

Абрамов В.Л.

Контрмеры Ирана и Венесуэлы для преодоления
долговременных санкционных ограничений 5170

Агоннуде Бидолей Вианней Фредди

Цифровая трансформация в условиях пандемии Covid-19:
опыт стран Африки к югу от Сахары..... 5182

Писаренко С.С.

Расширение военного присутствия США
в Индо-Тихоокеанском регионе 5190

Спасов А.А.

Военно-политическая операция США на Балканском треке
как угроза российско-сербским
межгосударственным отношениям..... 5199

Давыдов С.Д.

Информационная политика США в Юго-Восточной Азии
в середине 2010-х-первой половине 2020-х гг. 5209

Копылов И.А.

Управление национальной обороной в системе
государственного управления Российской Федерации 5219

Люй Ваньцин, Сюй Мэнчжу

Формирование и развитие новой Евразии..... 5228

Тушков А.А., Максимова Т.Д.

Международные аспекты в исследовании легитимации
и позиционирования общественно-политических структур
современного Китая 5237

Хасанова К.Э.

Подходы к противодействию мировой наркотизации
через призму социальной топологии Д. Ло 5244

Шень Лихуа, Ду Илин, Суо Линфэн

Векторы внешней политики Молдовы на фоне
российской специальной военной операции..... 5251

Потурухин В.Д.

Перспективы глобализации и глобализма
в международных отношениях 5260

СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА

Рогова Я.Д., Токарева С.А., Костина А.Д.

Односторонние ограничительные меры:

понятие, виды и особенности 5267

Чжан Чжань

Мягкая сила и статус-кво мягкой силы Китая..... 5276

НАШИ АВТОРЫ 5293

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ 5303

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ 5305

CONTENTS

Academic Journal
“Political Science Issues”
Volume 13, Issue 10-1 (98-1), 2023

HISTORY AND THEORY OF POLITICS

Krutov A.V.

Modernization of Classical Political Science Theories Through
a Combination of Different Methodological Approaches
(by the Example of the Description of the Functions
of the Political System)..... 4979

Leskova I.V.

Origins and Causes of Political Populism..... 4991

POLITICAL HISTORY OF RUSSIA

Sviridenko E.A.

A Symphony of the State and the Church
in the Eyes the Josephlanes and the Non-Covenants 5006

Ashcheulov O.E.

On the Question of Soviet Assistance to China
in the War Against Japan (1943-1945)..... 5017

POLITICAL SOCIOLOGY

Brodskaya N.P.

Large Language Models: Generative AI Models
as a Tool of Influence in the Social Space of Modern Society 5029

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

Popov S.I., Grishin O.E., Nesterchuk O.A.

Trends in the Transformation of Tools for Holding Elections
to State Authorities and Local Self-Government..... 5038

Bigulov S.A.

Comparative Analysis of the Parliament of the Republic of Albania
and the Regional Parliaments of Germany,
Canada and the United Kingdom..... 5047

Wang Xiaoqun, Konkov A.E.

Problems of Implementation of Development Projects
within the Framework of the Cultural Policy of the State 5053

Privalov V.A.

Ethno-Cultural Backgrounds for Genesis
of the Nagorno-Karabakh Conflict..... 5065

PUBLIC ADMINISTRATION AND INDUSTRY POLICIES

Morozov D.A.

Interrelation of Geopolitics and Geo-Economics
in the Modern World: Features of Scientific Discourse 5077

**Stolyarova A.N., Glebova I.A., Khairulina T.P.,
Knyazeva O.V., Novoselsky S.O.**

Environmental Policy in Socially Responsible Behavior
of Corporations 5091

Gryadunov Yu. Yu.

The Regulatory Framework of the State Policy
for the Protection of Traditional Values 5099

**Ksenofontova K.M., Fadeeva N.V., Ignatova M.N.,
Novoselsky S.O., Zolkin A.L.**

Policy for Managing Youth Entrepreneurship
as an Instrument for Economic Transformation.....5111

**Ksenofontova K.M., Chunikhina A.A., Danilov M.V.,
Ponomarev E.E., Novoselsky S.O.**

Economic Assessment of the Policy of Socially
Responsible Behavior of Corporations 5126

Kovalchuk A.G.

Development of State-Civil Interaction in Modern Russia:
Federal and Regional Programs 5135

**Goncharova N.V., Ignatova M.N., Novoselsky S.O.,
Biryukov I.A., Panova A.I.**

Foreign Experience in Implementing the Policy of Digitalization
of Healthcare: Economic Assessment
of the World Telemedicine Market..... 5149

Poyarkov R.A.

The Use of Big Data and Artificial Intelligence
in the Digital Transformation of Public Service 5159

THEORY AND HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS
AND FOREIGN POLICY

***Linkova E.V., Kryazheva-Kartseva E.V., Georgieva N.G.,
Zverev V.V., Chernikova T.V.***

The Image of Latin America in the Russian Political Thought
of the XIX Century: Features and Evolution 5168

Abramov V.L.

Countermeasures by Iran and Venezuela
to Overcome Long-Term Sanctions Limitations..... 5181

Agonnoude Bidoley Vianney Freddy

Digital Transformation During the Covid-19 Pandemic:
Experiences from Sub-Saharan Africa..... 5189

Pisarenko S.S.

The Expanding of US Military Presence in the Indo-Pacific..... 5198

Spasov A.A.

The US Military-Political Operation on the Balkan Track
as a Threat to Russian-Serbian Interstate Relations..... 5208

Davydov S.D.

US Information Policy in Southeast Asia
in the Mid-2010s to the First Half of the 2020s..... 5218

Kopylov I.A.

Management of National Defense in the Public
Administration System of the Russian Federation..... 5227

Lu Wanqing, Xu Mengzhu

Formation and Development of a New Eurasia..... 5236

Tushkov A.A., Maximova T.D.

International Aspects in the Study of Legitimation
and Positioning Socio-Political Structures of Modern China 5243

Khasanova K.E.

Countering Global Increase in Drug Use Through the Prism
of J. Law's Social Topology 5250

Shen Lihua, Du Yilin, Suo Lingfeng

Moldova's Foreign Policy Vectors Against the Backdrop
of the Russian Special Military Operation..... 5259

Poturukhin V.D.

Prospects of Globalization and Globalism
in International Relations 5266

STUDENT SCIENCE

Rogova Ya.D., Tokareva S.A., Kostina A.D.

Unilateral Restrictive Measures:

Concept, Types and Specifics..... 5275

Zhang Zhan

Soft Power and the Status Quo of China's Soft Power 5291

OUR AUTHORS 5298

DEMANDS FOR MANUSCRIPTS 5303

EDITORIAL BOARD 5305

А.В. КРУТОВ

кандидат политических наук, доцент
Московского авиационного института,
Россия, г. Москва

ОСОВРЕМЕНИВАНИЕ КЛАССИЧЕСКИХ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ ПОСРЕДСТВОМ СОЧЕТАНИЯ РАЗНЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ (НА ПРИМЕРЕ ОПИСАНИЯ ФУНКЦИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ)

В современном мире стало все труднее описать политические события с помощью прежних методов и подходов. Изолированность учений и методологий в политологии ведет к ее кризису. В статье выдвинута гипотеза о возможности описания непрогнозируемых политических явлений путем совмещения разных подходов без их конфликта. Разработанные в середине XX в. Г. Алмондом и др. функции политической системы рассмотрены с помощью современной теории события А. Бадью и методов нелинейной динамики. Цель статьи – осовременить концепцию политической системы, используя методологический синтез, раскрывающий познавательные возможности совмещения разных подходов в описании события. Политика (по Бадью) есть действия субъекта по пути к сингулярному событию из ситуации с неопределенностью. Выявлены этапы такого перерастания (предполитическая ситуация, начало формирования субъекта, процедура и событие), связанные с функциями по Алмонду для политической системы. Показано их новое содержание для двух групп: «внутреннего состояния» (социализация, рекрутирование, коммуникация) и основных (артикуляция, агрегирование, выработка курса, вынесение судебных решений). В ходе исследования проведен теоретический и методологический анализ, применены системный подход и теория множеств, обозначена роль субъекта. По необходимости употреблены термины Бадью в его диалектической онтологии. Использованы работы Ж.-М. Денкэна, Ж. Рансьера и др. зарубежных и российских исследователей. Отмечена практическая значимость совмещения методологий, и как ее иллюстрация использован «феномен Навального». В конце сделаны выводы о расширении границ методологий и инструментов управления процессом, что повышает качество прогноза события.

Ключевые слова: Г. Алмонд, А. Бадью, методология, ситуация, событие, функции, система, процесс, нелинейная динамика.

Общая нестабильность ситуации в большинстве стран связана с возникновением новых политических явлений и неспособностью общественных институтов справиться со своими функциями. Вместе с тем сохраняется традиция исследовать политику по европейским правилам прошлого века. В период расцвета индустриализма и европейской демократии, когда политика вращалась вокруг регулятора-государства, в 1960-х Габриэль Алмонд описывал системы как сложные *саморегулирующиеся*, т. е. способные посредством обратной связи поддерживать параметры своего состояния в заданных пределах [1]. Однако этот подход не работает по отношению к современной политике с резкими сменами курса, неожиданным ростом влияния существующих движений (вроде ВЛМ) или возникновением новых структур («желтые жилеты»). Современная политика остается формой общественного бытия с структурированными и связанными элементами, но предстает качественно усложненной системой, *самоорганизующейся* за счет субъективного фактора. В ней идут процессы спонтанного упорядочивания, возникновения пространственно-временных или функциональных структур.

По Алмонду, методологический кризис возник в политологии из-за раскола на автономные учения, из-за пренебрежения культурно-ценностными и психологическими аспектами политики. Сегодня для поиска выхода из него необходимо учитывать многообразие толкований концепций политологии в разные исторические периоды; совместимость методологий политической науки и общенаучного познания; следует расценивать ученого-интерпретатора как субъекта, меняющего среду и себя [4]. Выходу из кризиса способствует расширение содержания понятий в теориях, поиск новой логики интерпретаций и эвристического познавательного инструментария [5. С. 94].

Выход из кризиса возможен в переходе от фактуального к событийному политическому знанию, в котором категория «политическое событие» в онтологическом и гносеологическом статусе позволит справиться с проблемой методологического синтеза [7. С. 301]. Культурно-ценностные аспекты и логическая формализация учтены Аленом Бадью в «политическом изобретении», когда «вынуждается событие». Оно достигается через ряд рискованных, построенных на основе верности будущей истине вмешательств формирующегося субъекта в неоднозначную ситуацию [2].

Соизмеримые подходы (например, экономические или социологические) давно применяются в политологии, но совмещения «*несоизмеримых*»

и разноплановых методологий в ней практически не встречаются (из-за опасения вероятных противоречий их инструментов [7. С. 308]).

Выдвигаем гипотезу о возможности прогнозирования процессов и событий в классической теории политических систем посредством расширения концептуально-понятийного поля. При присоединении к нему теории бытия и события А. Бадью и нелинейной динамики это позволит получить новое знание.

Для проверки гипотезы предлагается рассмотреть функции политической системы Алмонда в новой интерпретации – с помощью теории события Бадью. Речь пойдет об основных функциях (*артикуляции, агрегирования, выработке курса, осуществлении курса, вынесении судебных решений*) и функциях «внутреннего состояния» (*политической социализации, рекрутирования, коммуникации*) [1. С. 81-83].

Цель статьи – осовременить концепцию политической системы (в части описания ее функций по Алмонду), используя методологический синтез, показать познавательные возможности совмещения подходов в описании политического события (на примере феномена Навального).

В своих исследованиях Алмонд периодически обращался к политической системе, определяемой как некая общность, в рамках которой необходимо принимать публичные решения [1. С. 18]. Представляется, что выявленные им функции стали универсальным инструментом евро-американской сравнительной политологии: они присутствуют в различных теориях динамики политических систем, во взаимоотношениях государства с институтами гражданского общества. Их можно определить, как признаки становления субъекта политики.

Попытки описать по западным лекалам общественные явления России последних десятилетий (протесты против «монетизации льгот», выступления Навального, усиление авторитета президента – в то время как в Европе политические элиты утрачивали доверие) были неудачны. Бадью приводил примеры лидеров, близких и понятных культурному ядру незападных стран (апостол Павел, Ленин, Мао Цзедун), поэтому его теория естественней для российского сознания. Однако формализованный алгоритм построения вынуждения, и проблема сохранения связности при провозглашении события-разрыва у Бадью не раскрыты [10], поэтому предлагается дополнить его учение коэволюционными идеями нелинейной динамики. Примером расхождения понимания ситуации и события в разных методологиях может быть «феномен Навального».

У Бадью ситуация предстает бесконечным количеством факторов, состояний, стечений различных обстоятельств, мнений. Она составляет бытие между событиями, отличающееся многообразием движущих сил и их непостоянством. Ситуация, сохраняющая равновесие при помощи *сил порядка*, считается обыденной, пустой и связной. Она не имеет субъективного

фактора и описывается как система *саморегулирования*, адаптирующаяся к внешней среде. Так, в 2000-х гг. в России равновесность поддерживалась наличием оппозиции, которая из-за «встроенности в систему» теряла авторитет.

Ситуация становится «предполитической», если в ней что-то происходит, *предъявляется* (презентуется), т.е. субъективно заявляется о чем-то, что требует удовлетворения, прояснения, учета [2], но не представлено в виде модели, образа. Часть общества обеспокоена этой двойственностью. Она хотела видеть ярких, убедительных, волевых лидеров «несистемной» оппозиции, способных *представить* (репрезентовать) ее ожидания в конкретных требованиях.

В предполитической ситуации-множестве большинство элементов является относительно стабильным *неполитическим* подмножеством, определяемым базовыми процессами. Другое подмножество образовано не представленными, но предъявленными «блуждающими» элементами [2] (назовем их «*политическими фактами*»). В России еще до появления феномена Навального существовала предполитическая ситуация, подобная описанной Рансьером: с «разноголосицей неуслышанных несогласных» манифестантов, которую администрация-полиция [6. С. 47-56] маркировала как «белый шум».

В предполитической ситуации проявляются такие функции «внутреннего состояния», по Алмонду, как *коммуникация, социализация, рекрутирование*.

Политическая коммуникация и информирование. В середине XX в. политическая *коммуникация* рассматривалась как «движение информации в обществе и внутри различных структур, образующих политическую систему» [1. С. 142]. Сложившиеся при индустриализме и обеспечивающие саморегулирование ассоциации, союзы, СМИ декларировались как рациональные, морально благие, объективные. Со временем они стали скрывать политические факты или «обнулять» их при помощи полиции [2. С. 58, 77]. Неполнота информирования привела к «блужданию идей» среди маргинальных групп, сетевых сообществ, массовых движений.

Хаотичная политическая коммуникация, неполное информирование, клиповое мышление в терминах нелинейной динамики описывались бы как «повышение энергетики» обмена сообщениями, «рост температуры» социума, возникновение «нестабильных структур».

Обозначим *информационную* поддержку субъекта как выявление им новых отношений и связей, построение психологического образа действительности при помощи собственного жизненного опыта.

В России в начале XXI в. средства массовой информации пополнились различными мессенджерами, что еще больше усилило влияние на сознание людей, формируя язык общения при разрыве групповых связей

и знаний. Схожесть интересов способна объединить противоречивые мнения, но может и вести к манипулированию и агрессии.

Политическая социализация включает многообразие структур, вырабатывающих, закрепляющих и трансформирующих значимые установки в обществе [1. С. 83]. В этом смысле социализация раскрывает состав «блуждающего подмножества».

Упомянутые выше «политические факты» будем классифицировать в соответствии с описанием мира политики Ж.-М. Денкэном: *представление* о факте, сам *факт сознания*, *связи* (между представлениями и фактами сознания), ценностно нагруженные *термины* общения. Факты «корыстны и конфликтны», они образуют иерархию, «реструктурируются перед новыми опытами», связывают мир политики с внешним миром «через многочисленные и сложные отношения, имеющие свою логику» [3. С. 30-35]. Политические факты присутствуют при определенном раскладе неполитических элементов ситуации. Например, в «деле Скрипалей» исчезла объективная сторона рядового криминального события, полиция была отстранена от расследования, в руководстве Великобритании стали выстраивать политическую версию случившегося.

Поведение «блуждающего множества» соответствует диалектике порядка и хаоса в открытой нелинейной среде. «Подавление» политических фактов неполитическими подобно размыванию структур при повышении «температуры» участков среды и отсутствии локализации. Если хаотичность информирования и коммуникации высока, то под влиянием «внешнего источника горения» могут расти реорганизованные иерархии [11]. Обозначим их функционалом «внутреннего состояния», способным привести к распаду структур или к режиму с обострением.

Отметим факторы «подогрева» политической социализации в России начала 2010-х: а) влияние западных либеральных ценностей на соединение приверженцев; б) взаимодействие структур блуждающего множества с несистемной оппозицией; в) события, мотивирующие общественность к активности (от лесных пожаров, способствующих объединению добровольческих отрядов, до поствыборных движений протеста в 2010-2012 гг.). Тогда государство проявило «свою мощь, превышающую мощь ситуации» [2. С. 221], провозгласив основой российского общества традиционные духовно-нравственные ценности (в Стратегии 2015 г.), направив средства на поддержку гражданских структур (предпринимателей, малообеспеченных семей, молодежных движений).

Политическое рекрутирование у Алмонда подразумевает «отбор людей для политической деятельности и государственных постов» [1. С. 83], т.е. отбор элит, способных привести к коллективному согласию.

Рекрутирование у Бадью сводится к объединению сторонников на почве *представления*, т.е. способности привлекать окружающих через вызывающий интерес объект.

Представление отличается от поиска согласия между говорящими «на разных языках». Для его запуска необходимо осознать: каждый из *говорящих* есть *субъект*, а не источник шума; их объект *одинаков*; у них *общий* понятийный язык, который приводит к общему *пониманию*; их общение *содержательно*. Презентация развития ситуации с помощью языковых, знаковых, логических и математических систем основана на аргументации без двусмысленности между коммуникаторами [6. С. 15-17, 82].

Рекрутирование есть признание чужого представления *своей ценностью*, это не «объективная детерминация», а *волевое* усилие, которое мотивировано коллективным стремлением к истине [2. С. 61, 218-219].

В нелинейной динамике среда имеет собственные резонансные характеристики. Если перенести эту аналогию на общество, в нем существуют подобные резонансы: смутное брожение ожиданий перемен, с невозможностью их выразить. Формулирование их в конкретных выражениях есть интуитивное *представление* развития ситуации. Рекрутирование подобно локализации структур в одном «темпомире» при условии, что они возникают в соответствии с этими характеристиками, при этом система приближается к обострению [11. Р. 22-23].

Навальный использовал возникшую двойственность ситуации, найдя общий предмет для недовольных *говорящих*. Он умело подстраивал свои лозунги под общественные настроения, будучи то яростным русским националистом, то «рыцарем» либеральной идеи. Призывы Навального резонировали с перечисленными выше факторами «подогрева» политической социализации. Однако государство рекрутировало своих субъектов: лидеров общественных организаций, представителей церкви, СМИ, культуры и др., и авторитет Навального в России стал падать.

Блуждающее множество в терминологии Бадью в предполитической ситуации нарушает структуру бытия. Двойственность подсказывает потенциальному субъекту многовариантные *рискованные вмешательства* в ситуацию. Их результат будет зависеть от последовательности, составляющей генерическое множество. Субъект разрывает сложившиеся связи детерминации, приводя ситуацию в режим обострения, хотя возникшие при этом изменения неощутимы для недовольных говорящих. В ходе своих рискованных вмешательств субъект становится «индикатором несуществующего» будущего [2. С. 53-66, 114, 145; 7].

Парадокс происходящего в конце 2010-х гг. в том, что Навальный объявил о двойственности ситуации *в России*, обозначив себя потенциальным субъектом. В отличие от него, государство признавало двойственной ситуацию *в мире*, считая внешнеполитическую нестабильность большей

опасностью, чем «блуждания» в России. У Навального была возможность «поругать» в квази-двойственной ситуации, однако он и его спонсоры ошиблись в оценке ситуации, в методах использования ресурсов.

Таким образом, при двойственности, которую субъект связывает своими вмешательствами, выполняются *функции внутреннего состояния* на всех этапах. Но при этом описание *основных функций* Алмонда, которые проявляются в начале формирования субъекта, становится неоднозначным. Рассмотрим их.

Артикуляция интересов – это решение индивидов и групп в правительстве или обществе о том, что «они хотят получить от политики», при существовании «определенных механизмов» выражения их нужд и требований и обязательности «коллективных действий». Используется «обширный набор методов, чтобы высказать свои пожелания, требования» относительно политического курса [1. С. 81, 122, 123]. В настоящее время под артикуляцией понимается преобразование смутных социальных чувств, эмоций, ожиданий в рациональное требование, т.е., в терминах Бадью, «*ничто*» преобразуется в «*нечто*», отсутствовавшее в *знании* о ситуации [2. С. 189, 221, 226].

Артикуляция закрепляет существование двух миров в публичной сфере: в одном царствует аргументация, высшая степень признанной разумности и мудрости, в другом – ее «преобразующее разрушение». С разделением формируются позиции участников, предполагающие коллективное действие. Это не шум, «не резкая реакция на тяжелую ситуацию», а демонстрация прав, манифестация справедливости, осознанная оппонентом [6. С. 84-85]. Группировки и интересы образуются на субъективных предпочтениях и «политических фактах» спонтанно, изменчиво, иррационально.

Артикуляция создает микроструктуры в пространстве политики из-за возникающей под влиянием политических фактов нестабильности внутренних связей ситуации-системы. Творческий хаос в блуждающем множестве задает состояние неразрешимости, в котором субъект выражает свое отношение к событию [2. С. 71], интуитивно «подстраивая» ситуацию под него.

У Навального артикуляция получилась частично. Он старался привлечь внимание публики разоблачением крупных российских политиков и сырьевых компаний, борьбой с коррупцией, организацией протестных акций в регионах с применением интернет-технологий [8. С. 242-243]. Государство, напротив, широко артикулировало интересы, выстраивая общенациональную идею, способную объединить интересы многих, с помощью которой из стана Навального уводились сторонники.

Агрегирование интересов – объединение политических требований групп на основе программ, выражающих альтернативы. Стремления и требования складываются в варианты политического курса, накопление «поляризации, вносимой политической культурой», создание условий

для послевыборного торга [1. С. 82, 156, 158, 160, 170, 183-184], иерархизации потребностей и построения общегрупповых целей.

Увязка многоразличия людей и мнений с «производством суждения» обеспечивается коммуникацией участников и нормами принятия решения, здравым смыслом [2. С. 110]. Агрегирование демонстрирует единство бытия, которое для активистов противоречиво, и упрощает построение генерического множества, а за ним рекрутирования субъекта.

В терминах нелинейной динамики агрегирование в виде борьбы, торга, тяжбы можно выразить как согласование темпов жизни неустойчивых структур, построенных на связанных политических фактах, и объединение их в моноструктуру. При этом новые и давно существующие структуры сохраняют память о своих прежних состояниях [11; 13. Р. 313-314].

У Навального агрегирование интересов было в начале его вхождения в политику. Позже он сузил свою деятельность до борьбы с коррупцией, сосредоточившись на демонстрации «неправедных роскошеств» сильных мира сего и дискредитации Председателя Правительства.

Выработка политического курса есть преобразование социальных интересов и требований во властно-управленческие решения. Одни группы, по Алмонду, предлагают решения в соответствии с конституционным порядком, другие их утверждают, вносят поправки или отклоняют, третьи обязаны воплощать курс и применять судебные санкции в случае его нарушения. Но в его выборе не может превалировать никакое сравнение выгод и потерь. При этом запутанность выработки курса делают тщетными попытки определить, кто несет ответственность за успехи и провалы. Однако роль, которую играют граждане в отборе элит, позволяет им влиять на агрегацию интересов и направление курса [1. С. 82, 164, 187, 189, 236; 6. С. 16, 37, 38]. Курс – это всегда разрешенное, обеспеченное материальными ресурсами и программой конечное событие. Реализация выбранного политического курса у Алмонда – процедура, основанная на административных действиях-предписаниях, и не является политической функцией системы.

Бадью видит стратегический курс как вынуждение незапрещенного законами желаемого события, т.е. Иного, скрытого до поры «под видом *Того же самого*». Курс обеспечивается духовным ресурсом – верностью событию активистов. Реализация курса осуществляется произвольно по свободным предпочтениям субъекта, поскольку не надежны заключения и не согласованы «данное и воображаемое». Процедура – последовательность предписаний, основанных не на бюрократических регламентах (как у Алмонда), а на «верности событию», на математике множеств. В политической ситуации фиксируется бесконечное количество: (а) *элементов*; (б) *состояний* ситуации, упорядочивающих ее; (в) *предписаний*, прерывающих неопределенность и преобразующих бесконечность ситуации в конкретное число, обозначающее Событие [2. С. 11, 85, 61-62, 215, 223-225].

Процедура событийности подобна процессам нелинейной динамики. Так, количество *элементов* ситуации (а) сравнимо с источником энергии изменений. Бесконечность *состояний* (б) характеризует внутреннюю нелинейность среды. *Предписания* (в) обозначают работу диссипативного фактора. Последний приводит либо к снижению уровня нелинейности и возврату стабильного порядка, либо к режиму обострения с переходом к событию-аттрактору с перспективой развития.

Последовательность вмешательств создает *организацию*, основанную на верности событию, а не на структурных «заданностях» классов или мнений [2. С. 87-88]. Предписания обеспечивают следование к событию по возможным траекториям и переходы между ними. В точках бифуркации процедура увязана *вмешательствами*. По мере выполнения предписаний возникает «доминирующее русло». Структуры разных стадий развития «приноравливаются» к новому порядку, процессы в среде упрощаются, приближаясь к аттрактору-событию. После скачка «в событие» ситуация усложняется: новый верхний уровень меняет структуру и ограничивает свободу функционирования нижних уровней, обеспечивая целостность системы. Эту закономерность можно обнаружить в проявлениях, связанных с террором, идеологией и «народной массовой демократией общей воли» [12].

Выработка и реализация курса – заключительная часть формирования субъекта. В них двойственная ситуация меняется аналогично и *усложненно-саморегулирующейся*, и *саморазвивающейся* системе. Если субъект предугадает будущее событие, оно повлияет на ситуацию как аттрактор в нелинейной среде.

Событие – это итог развития ситуации, не предусмотренный ее правилами и субъективно ее меняющий. Оно обозначает потерю устойчивости, видимой правильности, разрыв, меняющий смысл истории. Событие становится либо прорывом в будущее, рождением новой истины, либо вторжением прошлого. Философы призывают задуматься о критериях истины, осознать основания выводов об истинности события, которое «может быть удачной конструкцией» [2. С. 65-66; 9. С. 40-41]. В политике все события «реальны» и формируют сознание людей. Однако историческое закрепление их в качестве истинных возможно при обретении событием материальных форм и усложнения общественных отношений. Событие меняет бытие, формируя постсобытийную ситуацию.

Навальный, которым многие были очарованы как блогером, разочаровал большинство как политик. При всей его инициативности ему не удалось сформулировать свой политический курс, и он остался лишь оппозиционером государству. Политическое событие у Навального заранее угадывается по ходу развития сценария. Даже его сторонники признали, что население

не готово идти за ним, не понимая его программу, способы ее реализации и источники ресурсов.

Вынесение судебных решений у Алмонда – функция восстановления политического курса с помощью административных действий, «связанных с вынесением судебных решений», если он оспаривается или нарушается [1. С. 82, 219]. Применительно к современным условиям слово «судебный» будем воспринимать в его старом толковании: «суд» как-то, что меняет судьбу.

Политическое событие у Бадью – это *коллективный* акт признания изменившейся реальности как общей судьбы, основанной на новой истине. «Судебные» решения о восстановлении нарушенного курса соответствуют вмешательствам субъекта от момента представления ситуации до утверждения события.

В нелинейной динамике новый, верхний уровень организации, являющийся аттрактором, аналогичен коллективному субъекту, выступающему как дирижер ситуации. При этом одни нижележащие структуры «размываются», другие объединяются, создавая точки выбора (бифуркации): будет ли событие-судьба?

Оппозиционная часть населения не стала связывать свою судьбу с курсом Навального, ее лидер оказался непонятым большинством, не сумел дирижировать ситуацией («вмешаться»). У него был существенный функционал «внутреннего состояния», приведший к режиму с обострением, но оппозиционер не смог *субъектно* представить будущее Событие и, опираясь на двойственность ситуации, выстроить свои вмешательства в нее. Государство обвинило Навального в создании экстремистской организации. В аллегории *суда* его *защита* оказалась слабее *обвинения*.

Итак, продемонстрировано сочетание функций политической системы (по Алмонду) с теорией события Бадью и методами нелинейной динамики.

Таким образом, в статье предложена интерпретация теории, разработанной в индустриальную эпоху, на языке теории политики постиндустриализма, т.е. на более высоком уровне сложности. Можно сделать выводы: 1) политика – многовариантная деятельность; чем больше теорий описывают путь к результату, тем больше инструментов управления процессом появляется; 2) каждая теория имеет свои границы применения. В настоящее время мир находится в «полосе турбулентности», когда параметры внешней среды меняются, поэтому лучше брать во внимание сразу несколько методологий, дающих совпадающие результаты; 3) совмещение разных подходов позволит предугадать в двойственной ситуации возникающие возможности и угрозы, а также учесть новые факторы информационной эпохи, отсутствующие в теориях индустриальной эпохи; усовершенствовать формализацию типовых задач, решение которых даст приемлемый (валидный) результат;

выявить ошибки, сделанные несостоявшимся субъектом, что повышает качество прогноза события.

Практическая значимость данного исследования состоит в использовании предложенного подхода при моделировании и прогнозировании процессов в сложно-нестабильных социально-экономических сферах общественной жизни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Алмонд Г., Пауэлл Д., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М.: Аспект Пресс, 2002.
2. Бадью А. Мета/Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике. М.: Логос, 2005.
3. Денкэн Ж.-М. Политическая наука. М.: МНЭПУ, 1993.
4. Карадже Т.В. Трансдисциплинарность как методологическое основание моделирования развития социальных систем // Вопросы политологии. 2016. Вып. 4 (24).
5. Мчедлова М.М. Будущее как предчувствие (к дискуссии о характере политической науки) // Политическая наука. 2018. № 1.
6. Рансьер Ж. Несогласие: Политика и философия. С-Пб.: Machina, 2013.
7. Сморгунев Л.В. Методологический синтез в современной сравнительной политологии // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из общественных дисциплин. 2014. № 4. EDN: ТВНМУР.
8. Соколов А.В., Курбанова А.А. Массовые движения в современной России (на примере движения в поддержку А. Навального) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 52 // <https://doi.org/10.17223/1998863X/52/21>. EDN: YRPCPJ.
9. Федорова М.М. Событие: современные подходы к формированию понятия // Вопросы философии. 2019. № 6 // <https://doi.org/10.31857/S004287440005332-0>. EDN: MUPKKM.
10. Brassier R. Presentation as anti-phenomenon in Alain Badiou's «Being and Event» // Continental Philosophy Review. 2006. No 39. DOI: 10.1007/s11007-006-9014-5.
11. Guastello S.J. Non-linear Dynamics and Leadership Emergence // Leadership Quarterly. 2007. T. 18. No 4 (August).
12. Osborne Th. Tragedy. Modernity and Political Life // Society. 2021. No 59 (1) // <https://doi.org/10.1007/s12115-021-00644-1>.
13. Rosser J., Barkley Jr. Aspects of dialectics and non-linear dynamics // Cambridge Journal of Economics. 2000. No 24.

A.V. KRUTOV

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
of the Moscow Aviation Institute,
Moscow, Russia

MODERNIZATION OF CLASSICAL POLITICAL SCIENCE THEORIES THROUGH A COMBINATION OF DIFFERENT METHODOLOGICAL APPROACHES (BY THE EXAMPLE OF THE DESCRIPTION OF THE FUNCTIONS OF THE POLITICAL SYSTEM)

In the modern world, it has become increasingly difficult to describe political events using previous methods and approaches. The isolation of doctrines and methodologies in political science leads to its crisis. The article puts forward a hypothesis about the possibility of describing unpredictable political phenomena by combining different approaches without their conflict. The functions of the political system developed in the middle of the XX century by G. Almond and others are considered with the help of A. Badiou's modern event theory and methods of nonlinear dynamics. The purpose of the article is to modernize the concept of the political system, using a methodological synthesis that reveals the cognitive possibilities of combining different approaches in describing an event. Politics (according to Badiou) is the subject's actions on the way to a singular event from a situation with uncertainty. The stages of such development (pre-political situation, the beginning of the formation of the subject, procedure and event) associated with Almond's functions for the political system are revealed. Their new content is shown for two groups: the "internal state" (socialization, recruitment, communication) and the main ones (articulation, aggregation, course development, adjudication). In the course of the study, a theoretical and methodological analysis was carried out, a systematic approach and set theory were applied, the role of the subject was designated. By necessity, Badiou's terms are used in his dialectical ontology. Works by J.-M. Denquin, J. Rancière and other foreign and Russian researchers. The practical significance of combining methodologies is noted, and the "Navalny phenomenon" is used as its illustration. At the end, conclusions are drawn about the expansion of the boundaries of methodologies and process management tools, which improves the quality of event forecasting.

Key words: G. Almond, A. Badiou, methodology, situation, event, functions, system, process, nonlinear dynamics.

И.В. ЛЕСКОВА

*доктор социологических наук, кандидат политических наук,
профессор, зав. кафедрой политологии и прикладной
политической работы Российского государственного
социального университета, Россия, г. Москва*

ИСТОКИ И ПРИЧИНЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОПУЛИЗМА

В статье авторы анализируют проблемы политического популизма, экономические, социальные и культурные причины популизма. Актуальность рассматриваемой темы обусловлено необходимостью рассматривать популизма, левый и/или правый популизм в комплексном ракурсе, как в общетеоретическом спектре исследовательских задач, так и на конкретных уровнях тех или иных казусов.

***Целью** является анализ причин и истоков востребованности политического популизма, сформулировать существующие тенденции популизма как политического феномена.*

***Методами исследования** являлись общенаучные методы, в том числе логико-интуитивный подход исследования популизма, метод сравнительного анализа позволяющий сравнить признаки и основы концепций популизма и существующих политических культур.*

***Научная новизна** исследования заключается в формулировании причины и истоков политического популизма, признаков популизма и взаимосвязи правового популизма партий стран ЕС и евроскептицизма.*

***Выводы.** В статье констатируется, что причинами роста политического популизма является разочарование граждан проводимой государством социально-экономической политикой, следствием чего является снижение доверия органам власти. В статье приводятся результаты социологических исследований в странах ЕС, которые констатируют нарастающий тренд политического популизма, рост политического предложения правых партий в странах Европы. Исследователи популизма пишут о парадоксах категории популизма, поскольку с одной стороны популизм выступает как непосредственное проявление демократии и политического участия граждан, с одной стороны, с другой стороны популизм может оказывать деструктивное воздействие на демократические институты и процессы.*

В статье авторы заключают, что популизм набирает тенденцию востребованности обществом, в условиях, когда существующие политические партии не могут предложить избирателям четкие альтернативы по важным, волнующим общество вопросам, формируются коалиции размывающие различия между партиями, что способствует востребованности популизма.

Ключевые слова: популизм, политика, политические партии, коалиции, публичная сфера.

Введение. Актуальность исследования политического популизма вызвана комплексом проблем – экономических, культурных, динамикой изменений вызванных глобализацией и цифровизацией. Востребованность обществом приемов политического популизма обусловлена неспособностью органов публичной власти адекватно реагировать на запросы и требования общества.

Экономическими причинами популизма, по мнению специалистов, являются низкие темпы экономического роста, социальное неравенство и рост безработицы. Растущее неравенство в доходах общества является движущей силой политического популизма, значительная дифференциация доходов, рост численности населения в городских агломерациях и развитых промышленных районах резко контрастирует на фоне периферии, где сконцентрирован низкий темп роста, дефицит инвестиций и рост безработицы.

Некоторые авторы, в частности Мещеряков Д. [2. С. 755-764], Аккерман Т. [4. Р. 147-159] выделяют причины востребованности политического популизма в обществе, такие как: показатели культурных изменений в системах ценностей общества, переход от либеральных к более консервативным идеям. В странах ЕС оппозиция политической корректности и гендерному сознанию в обществе постепенно нарастала и нашла соответствующий политический выход в форме востребованности среди граждан, что происходит на фоне отсутствия высокооплачиваемой работы, стагнации рынка труда, снижение заработной платы, высокой инфляции. Для ряда стран Европейского Союза пожизненная работа для граждан стало исключением, все реже встречается профессиональная преемственность среди молодежи, карьерные стратегии молодежи меняются достаточно часто, изменяется не просто содержание работы, но и действия, трудовые задачи которые необходимо выполнять. Данные вызовы в сфере трудовой дифференциации и востребованности профессиональных компетенций родителей и детей также являются причиной востребованности идей политического популизма.

Популизм и евроскептицизм как политические тренды общества. Мониторинг общественного мнения в странах ЕС [19. Р. 43], показывает,

что большинство граждан Европы – 81% населения в странах-членах ЕС считают, что неравенство в доходах слишком велико в их странах, а 78% респондентов придерживаются мнения, что национальные правительства должно делать больше для борьбы с неравенством в доходах, и 73% опрошенных придерживаются данной позиции в отношении органов управления ЕС. 78% европейцев считают, что общие государственные расходы на ключевые направления социальной политики должны увеличиться. Несмотря на кризис, вызванный пандемией COVID-19, проблемы неравенства доходов снизились для большинства социально-экономических групп. Падение доходов граждан стран ЕС было наиболее чувствительно для пожилых людей и жителей сельской местности. Восприятие справедливости в жизни за последние 5 лет снизилось, так доля граждан стран ЕС, согласных с тем, что происходящее в их жизни справедливо, уменьшилась с 51% в 2017 году до 38% в 2022 году. 78% европейцев считают, что общие расходы на ключевые направления социальной политики должны увеличиться. Большинство граждан ЕС выступают за дополнительные расходы на социальную сферу, особенно в странах юга Европы. Рост расходов на здравоохранение и текущий социальный уход является главным приоритетом почти во всех странах, далее следуют образование, пенсии, жилье, а затем поддержка доходов, семейные пособия и пособия по безработице. Большинство респондентов считает, что дополнительные социальные расходы должны финансироваться за счет увеличения налоговой нагрузки на домохозяйства (51%), а также за счет увеличения государственного дефицита (15%), или увеличения социальных расходов (16%) [19. Р. 43].

По мнению Паппаса Т. [16. Р. 1-24] теория глобализации провозглашала, что проигравшими будут низкоквалифицированные рабочие, востребованные на периферии, однако опросы общественного мнения показывают, что граждане не хотят зависеть от социальных выплат государства в течение длительного времени, вместо этого они предпочитают новый род и вид деятельности, профессиональную карьеру. Вызовы глобализации изменили и систему образования.

Проблема миграции также являются ускорителем или движущей силой идей политического популизма, все чаще граждане выступают против мигрантов, как конкурентов на рынке труда, которые готовы работать за более низкую заработную плату в течение более длительного трудового периода.

Причинами роста политического популизма является разочарование граждан проводимой государством социально-экономической политики, все больше в странах Европы, наблюдается рост коалиционных правительств малых партий, что говорит о дифференциации политических предпочтений граждан, отсутствия единой, внятной, политической программы участников коалиционного правительства. В коалиционном правительстве

усиливается партнерство малых политических партий, которые определяют политическую повестку дня и становятся доминирующими в публичной сфере общества. Популистская партия меняет приоритет соблюдения верховенства закона, изменяет систему разделения властей, запрещает оппозицию, регламентирует законодательство в сфере массовой информации, пытается доминировать в социальных сетях. Политический популизм отражает фрагментарную идеологию и столкновение различного политического дискурса общества и элит.

Функе М. и Требеш С. [11. Р. 227-260] отмечают, что многие из ныне известных правых популистских партий в Европе, такие как «Лига Севера» в Италии, «Альтернатива для Германии», «Норвежская партия прогресса» или «Партия финнов», являются «детьми финансовых кризисов», их востребованность обществом и прорыв в национальной политике объясняется следствием финансового кризиса 2008-2009 гг. Функе М., Требеш С. [11. Р. 8] также пишут, что кризис 2008 года вызвал волну обновления правительств, в которых правые популисты получили власть, и зачастую именно в качестве партнера по коалиции. Сандрин П. [17] фиксирует, что причинами популизма является сокращение рабочего класса, секуляризация общества и последствия массовой иммиграции, которые наблюдаются в Европе с 50-х, 60-х годов. В 1980-х годах иммигранты и их семьи стали более заметными частями европейского общества. И если раньше политика была чисто социально-экономической, то теперь основное внимание уделяется вопросам идентичности. В 2015-2016 гг. так называемый кризис беженцев стал своего рода катализатором популистских настроений. С одной стороны, есть определенные моменты, которые подтолкнули поддержку крайне правых гражданами стран Европы, но в целом этот процесс является постепенным процессом, который занял не менее четырех десятилетий.

В Австрии парламентские выборы осенью 1999 года знаменуют собой начало особого периода правого популизма, направленного против Европейского Союза. Крайне правая Австрийская партия свободы (Freiheitliche Partei Österreichs – FPÖ) набрала второе место по количеству голосов. Это был первый случай в истории ЕС, когда партия, имеющая связи с национал-социалистическим прошлым, была принята в качестве партнера по коалиции на национальном уровне [20. Р. 402]. Крупнейшей победой австрийской FPÖ на сегодняшний день стала победа Н. Хофера с результатом 31,1% в первом туре президентских выборов 2016 года.

Одной из самых успешных правых популистских партий Европы является «Французский национальный фронт» – (FN), который сменил название на «Национальное объединение» в 2018 году, за последние четыре десятилетия «Французский национальный фронт» вырос из небольшой партии во влиятельную политическую партию, оказывающую влияние на всех уровнях электоральной компании – от местных выборов (коммун и т.д.)

до парламентских и президентских выборов и даже до Европарламента. В 2002 году лидер Национального фронта Жан-Мари Ле Пен победил кандидатов левых партий и вышел во второй тур, набрав 18% голосов. Партия «Национальный фронт» добилась беспрецедентного успеха на местных выборах в марте 2014 г. Однако наибольший успех партии был достигнут на выборах в Европарламент в мае 2014 г., которые обеспечили наибольшее количество мест во Франции. Во время президентских выборов во Франции 2017 года французские ультраправые смогли пройти во 2-й тур, победив все традиционные политические партии. Результат удвоился по сравнению с 2002 г., достигнув 34% голосов. Мари Ле Пен также была названа журналом «Time» самым влиятельным человеком в 2015 году, а сайт «Politico» назвал ее самым влиятельным человеком в Европейском парламенте после Мартина Шульца.

В Италии «Лига» (ранее известная как Лига Севера) (LN) стала частью итальянской правительственной коалиции в период с 2018 по 2019 год, и заняла первое место на выборах в Европейский парламент в 2019 году. Лидер Маттео Сальвини открыто критиковал иммиграцию и, будучи министром внутренних дел стремился жестко ограничить иммиграцию из стран Средиземноморья, а также даже предложил провести перепись цыганского населения в Италии с целью депортации. После миграционного кризиса 2015 года, вызванного решением ФРГ ненадолго открыть свои границы, Брюссель начал принуждать другие государства-члены ЕС принять мигрантов для разделения бремени. На выборах в Германии в 2017 году партия «Альтернатива для Германии» (АдГ) набрала 12,6% голосов, что ослабило позиции правящей коалиции правительства Ангелы Меркель, и по результатам голосования в Европейский парламент в 2019 года АдГ набрала почти 11,00% голосов [17].

Важнейшими чертами современного европейского популизма являются нативизм, враждебность к иммигрантам, евроскептицизм. Правые популисты считают себя представителем молчаливого большинства, которое, по их мнению, игнорируется правящими элитами. Известный профессор К.Мудде отмечает, что популисты часто представляют собой не – «молчаливое большинство», а очень «громкое меньшинство» [15. Р. 542-563]. По мнению политологов, основная проблема сегодня – это столкновение между национализмом и неолиберальным глобализмом. Националисты хотят, чтобы государства активно регулировали рынки, с целью защиты своих граждан. Одним из последствий подъема правого популизма является контроль границ, а это означает, что национальная безопасность, национальные интересы и национальная идентичность находятся под угрозой со стороны иностранцев.

Большинство крайне правых партий являются популистскими. Популизм, в конечном счете, есть не что иное, как позиционирование

«мы-они», «свои-чужие» или, как описывает данный процесс К. Мудде, это идеология, которая формирует базовую структуру общества, разделенного на две монолитные и антагонистические группы: граждан против «коррупцированной» элиты [15. Р. 110]. В этом контексте истеблишмент воспринимается как единый класс, озабоченный только собственным благополучием, а граждане воспринимаются как однородное сообщество с общей волей, озабоченной обеспечением общего блага.

Исследователи Берман Ш. и Шеговая М. [7. Р. 5] отмечают, что опорой и социальной базой политического популизма являются городской рабочий и средний класс с низкими уровнями уровнем дохода. Востребованность концепции политического популизма является воспроизведением его исторических форм, которые накладываются на концепцию «пост демократии» и «пост правды».

Дискурс и парадоксы политического популизма. В современных политических режимах политическая информация и коммуникация стали играть ведущую стратегическую роль. Парадокс популизма заключается не только в его разнообразии, внешних формах проявления, но и сущностных основах проявления политического популизма. Исследователи пишут о парадоксах категории популизма, поскольку с одной стороны политический популизм выступает как непосредственное проявление демократии и участия граждан в политике, проявления их политических интересов при принятии решений с одной стороны, с другой стороны популизм может нести деструктивное воздействие на демократические институты и процессы.

Некоторые исследователи Гидрон Н., Бониковский Б. [12] считают, что популизм может иметь и прогрессивное значение, политологи пишут о том, что популизм представляет собой новую форму политического режима и обладает уникальными характеристиками, может определяться как «популистская демократия». Влияние цифровизации и социальных сетей позволяет говорить о социальной трансформации общества, о появлении нового поколения граждан с новыми формами активизма, что способствует распространению политических идей, новых форм политических действий, концентрации политических движений. Парадокс популизма заключается еще и в том, что большая часть риторики основана на том, что существующая политическая система игнорирует, пренебрегает или работает против интересов общества и граждан.

Популизм очень часто пренебрегает институциональными условиями и нормами либеральной демократии, такими как – свобода слова, свобода прессы, признание легитимности оппозиционных партий и движений, разделение властей.

Во всех странах Европы наблюдается электоральный успех полулистов которую исследователи называют популистской волной. Некоторые исследователи предлагают различать понятия «истинного» и «ложного»

популизма поскольку «ложный популизм» или «популизм без народа» представляет собой следствие использования техник массовой мобилизации для реализации недемократических целей, вследствие чего «ложный популизм» можно определять, как демагогия.

Некоторые политологи, в частности Ставракакис Ю. [20] выделяют различные варианты современного популизма: популизм как идеология, популизм как политический дискурс и популизм как политическая стратегия. Некоторым исследователям популизм видится как противостояние в обществе коррумпированных элит и народа [17].

Шмиттер П. [20] пишет, что популизм возникает в условиях демократии, принимает демократические правила организации общества и не отвергает их, «а ргіоті» популизм не оказывается чем-то чуждым для демократии. Направленность популизма зависит от того насколько оказываются устойчивыми, как эффективно функционирует в обществе, политические институты, насколько ценности демократии укоренены в обществе и как они воспринимаются. Некоторые политологи считают, что популизм является зеркалом демократии поскольку отображает ту действительность, о которой политики умалчивают, либо игнорируют, либо разрешают политические проблемы и принимают политические решения непрозрачными методами [12].

Хантингтон С. [13] утверждает, что неэффективность политики истекает из-за несоответствия между проблемами, с которыми сталкивается страна и потенциала политических институтов. Основной проблемой видится отставание развития политических институтов от социальных и экономических изменений. Чем сложнее, разнообразнее требования общества тем выше политическая стабильность, т.к. выше зависимость существования политических институтов способных реагировать на запросы общества.

С одной стороны, в дебатах о происхождении популизма участвуют ученые, которые предполагают, что поддержка кандидатов радикальных правых или левых взглядов и идей, наиболее сильна среди граждан, сталкивающихся с неблагоприятными экономическими обстоятельствами. С другой стороны, есть ученые, которые утверждают, что растущая поддержка радикальных правых партий и рост популизма вдохновлен, в частности, сдвигами культурных рамок, которые привели к тому, что социальные и политические элиты приняли пост материалистические и мультикультурные ценности, вызвав встречную реакцию избирателей, приверженных более традиционным взглядам, связанных с оппозицией иммиграции и большему расовому или гендерному равенству [17].

Политологи, в частности Дансизье Р. [10] обнаруживают, что ксенофобия, антииммигрантские настроения, недовольство внешними группами и т.д., как правило, доминируют в сложные экономические времена, когда граждане с низкими доходами и низким уровнем образования, в частности,

обеспокоены безработицей и будущими перспективами трудоустройства, конкуренцией за скудные государственные ресурсы, такие как жилье или социальные пособия.

Еще одним фактором, часто подчеркиваемым в объяснениях причин популизма в Европе, является рост технократии на внутреннем и европейском уровнях. По мнению Сфальфорса П. технократия относится к полномочиям по принятию решений, передаваемым не избираемым бюрократам и международным организациям на общеевропейском уровне. Одна из проблем с передачей власти технократам заключается в том, что их предпочтения часто расходятся с предпочтениями простых граждан [21. Р. 55], способствуя расхождению между требованиями граждан и проводимой политикой.

Берман и др. [7] объясняя популизм как форму политического предложения представляют его как фактор институционального упадка. Основной причиной популизма является растущее недовольство граждан мейнстримными, устоявшимися политическими институтами, которые не желают или не могут реагировать на их жалобы и требования.

В более общем плане, политологи отмечают, что популизм имеет тенденцию к прогрессу и востребованности обществом, когда основные левоцентристские и правоцентристские партии не могут предложить избирателям четкие альтернативы по важным, волнующим общество вопросам. Большие коалиции, которые еще больше размывают различия между основными левоцентристскими и правоцентристскими партиями, как правило, повышают востребованность популизма, поскольку они позволяют популистам претендовать на то, чтобы предложить обществу единственную реальную альтернативу статус-кво. Берман Ш. и Кундиани Х. [6] утверждают, что «если избиратели будут недовольны статус-кво, а партии не смогут предложить четкие альтернативы по вопросам, которые их волнуют, следствием чего будет являться экстремизм и демократический упадок, это может усугубить «разрыв в представительстве», рост несоответствия между предпочтениями избирателей и альтернативами, предлагаемыми основными партиями».

Популистские политики и правительства рассматривают формальные институты либеральной демократии как коррумпированную сферу, порожденную нечестными элитами, и поэтому популисты систематически подрывают доверие к этим институтам (таким как суды, регулирующие органы, службы безопасности, пресса и так далее). Популисты оправдывают эти атаки заменой дискредитировавших себя коррумпированных институтов теми, которые служат «народу» или, другими словами, популистским партиям и политикам. Именно потому, что популисты утверждают, что представляют «народ», а это часто означает исключение уязвимых и маргинализированных групп населения, таких как религиозные или этнические меньшинства и иммигранты.

Мониторинг общественного мнения в странах ЕС фиксирует, что проблема коррупции остается серьезным фактором политики для граждан ЕС: 68% считают, что коррупция по-прежнему широко распространена в их стране. Основное внимание уделяется национальным государственным учреждениям: 74% респондентов считают, что коррупция широко распространена, за ними следуют политические партии (58%) и местные, региональные и национальные политики (55%). В то же время европейцы оптимистично относятся к действиям, предпринимаемым на национальном уровне для борьбы с коррупцией как преступлением. Меньшинство респондентов стран ЕС считает, что меры по борьбе с коррупцией применяются беспристрастно и без скрытых мотивов (37%), что достаточно успешных уголовных преследований, чтобы удержать людей от коррупционных действий (34%), что усилия национального правительства по борьбе с коррупцией эффективны (31%) или что существует достаточная прозрачность и надзор за финансированием политических партий в их стране (31%) [19].

Таким образом, снижение уровня политической конкуренции между основными политическими партиями способствует росту популизма в Европе. Опасения общества по поводу иммиграции, экономики или культурных изменений недостаточны, чтобы объяснить всплеск популистской поддержки. Основные партии, как левоцентристские, так и правоцентристские, не смогли отстоять свои идеи и позиции в выборных циклах, сформулировать свои интересы, предложить четко оформленную идейную платформу и политическую программу. Левоцентристы отказались от своих традиционных обязательств в области социальной политики, а правоцентристам часто не удавалось сдерживать ксенофобов и нативистов. Для избирателей неудачи традиционных партий и кризис предложения их политических программ подтвердили популистские утверждения о том, что политический статус-кво равносителен правлению коррумпированных, корыстных элит и что только радикальные решения могут обеспечить реальное представительство «народа».

Заключение. Растет недоверие к политическим партиям и политикам, особенно с учетом различных скандалов с финансированием выборных компаний. И поэтому граждане с готовностью верят, что политические лидеры и партии коррумпированы, и им нельзя доверять. Как в Европе, так и в Соединенных Штатах многие избиратели, поддерживающие популистов, хотя и сменяемой политики, которую они считают безответственной и неподотчетной.

Как отмечает Ставракакис Ю. [20. Р. 264] основные партии как правого, так и левого политического спектра не смогут предложить значимые решения, потому что восприятие государственного суверенитета подорвано неолиберальной формой глобализации и процессом углубления интеграции стран в ЕС. Государство больше не может контролировать потоки капитала,

товаров, услуг и людей; также не может контролировать и свои границы. Кроме того, действующие политические партии не захотят менять это вызывающее тревогу общества положение дел, потому что они приняли на вооружение концепцию неолиберализма не только как набор экономических стратегий, но и как рациональность, которая приводит к истощению и к выводу, что глобализация необратима и что альтернативы нет.

В заключении, хочется отметить, что нарастание тенденций политического популизма, в т.ч. правового популизма в странах Европы конструировалось на основе националистических тенденций. Политическая риторика, используемая популистами, конструируется вокруг дискурса антимусульманских и антииммигрантских настроений общества. Особенности политического популизма является политическая культура и история каждой страны или региона. Формируемая в отдельных странах «подданническая» политическая культура позволяет правым политическим партиям на основе популистской риторики привлечь электорат и стимулировать склонность последних создавать соответствующие партийные институты и политические группы поддержки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Дейвикс К.* Популизм. 2012 // <http://gefter.ru/archive/6800>.
2. *Мещераков Д.Ю.* Понятие популизма в современной англосаксонской и германской политической науке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 4.
3. *Подрезов М.В.* История изучения политического популизма и его современное положение в политической науке // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 451.
4. *Akkerman T.* Populism and Democracy: Challenge or Pathology? // Acta Politica. 2003. Vol. 38. № 2. DOI: 10.1057/palgrave.ap.5500021.
5. *Berlin I.* To Define Populism // Government and Opposition. 1968. № 3.
6. *Berman Sh., Kundnani H.* The cost of convergence // Journal of Democracy. 2021. № 32 (1).
7. *Berman Sh., Snegovaya M.* Populism and the decline of social democracy // Journal of Democracy. 2019. № 30 (3).
8. *Bonikowski B.* Ethno-nationalist populism and the mobilization of collective resentment // Bulletin Journal of Sociol. 2017. № 68 (S1).
9. *Collier P.* The Future of Capitalism, London. Penguin Random House UK, 2018.
10. *Dancygier R.M.* Immigration and Conflict in Europe. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 2010.
11. *Funke M., Schularick M., Trebesch C.* Going to extremes: politics after financial crises, 1870-1914 // European Economic Review. 2016. № 88.

12. *Gidron N., Bonikovski B.* Varieties of Populism: Literature Review and Research Agenda. Cambridge: Harvard University. Working Paper Series, 2013.
13. *Huntington S.P.* Political Order in Changing Societies. New Haven, CT: Yale Univ. Press, 1968.
14. *Maly I.* Algorithmic populism and algorithmic activism // *Diggit Magazine*. 08.11.2018 // <https://www.diggitmagazine.com/articles/algorithmic-populism-activism>.
15. *Mudde C.* The Populist Zeitgeist // *Government and Opposition*. 2004. № 39 (4).
16. *Pappas T.S.* Modern Populism: Research Advances, Conceptual and Methodological Pitfalls, and the Minimal Definition // *Politics Oxford Research Encyclopedia*. 2016. DOI: 10.1093/acrefore/9780190228637.013.17.
17. *Sandrin P.* The Rise of Right-Wing Populism in Europe: A Psychoanalytical Contribution. In: De Souza Guilherme B., Ghymers C., Griffith-Jones S., Ribeiro Hoffmann A. (eds) *Financial Crisis Management and Democracy*. Springer, Cham. 2021.
18. *Schmitter P.* The Vices and Virtues of “Populisms”. 2019 // <https://sociologica.unibo.it/article/view/9391/9197>.
19. Special Eurobarometer № 529 May-June 2022 Fairness, inequality, and intergenerational mobility Data annex Fieldwork: May-June, 2022.
20. *Stavrakakis Y., et al.* Extreme right-wing populism in Europe: Revisiting a reified association. *Critical Discourse Studies*. 2017.
21. *Svalfors S.* Knowing the game: motivation and skills among policy professionals // *Journal Prof. Organ.* 2017. № 4 (1).

I.V. LESKOVA

*Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Political Sciences,
professor, head Department of Political Science and Applied
political work of the Russian State Social University,
Moscow, Russia*

ORIGINS AND CAUSES OF POLITICAL POPULISM

In the article, the authors analyze the problems of political populism, economic, social and cultural causes of populism. The relevance of the topic under consideration is due to the need to consider populism, left and/or right-wing populism in a comprehensive perspective, both in the general theoretical spectrum of research tasks, and at specific levels of certain incidents.

The goal is to analyze the causes and origins of the demand for political populism, to formulate the existing trends of populism as a political phenomenon.

The research methods were general scientific methods, including the logical-intuitive approach to the study of populism, the method of comparative analysis that allows you to compare the signs and foundations of the concepts of populism and existing political cultures.

The scientific novelty of the study lies in the formulation of the causes and origins of political populism, the signs of populism and the relationship between legal populism of the parties of the EU countries and Euroscepticism.

Conclusions. The article states that the reasons for the growth of political populism is the disappointment of citizens with the socio-economic policy pursued by the state, which results in a decrease in trust in the authorities. The article presents the results of sociological research in the EU countries, which state the growing trend of political populism, the growth of the political proposal of right-wing parties in European countries. Populism researchers write about the paradoxes of the category of populism, since, on the one hand, populism acts as a direct manifestation of democracy and the political participation of citizens, on the one hand, on the other hand, populism can have a destructive effect on democratic institutions and processes.

In the article, the authors conclude that populism is gaining a trend of being in demand by society, in conditions when existing political parties cannot offer voters clear alternatives on important issues that concern society, coalitions are formed that blur the differences between parties, which contributes to the demand for populism.

Key words: *populism, politics, political parties, coalitions, public sphere.*

Е.А. СВИРИДЕНКО

*аспирант кафедры философии политики и права
философского факультета Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва*

СИМФОНИЯ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ ГЛАЗАМИ ИОСИФЛЯН И НЕСТЯЖАТЕЛЕЙ

Статья посвящена изучению взглядов двух внутрицерковных групп внутри Русской Церкви в XV-XVI веках на взаимоотношения церкви и государства и границы взаимного проникновения в сферы друг друга. Задачей статьи является выяснение различий воззрений иосифлян и нестяжателей, их идеологическая борьба друг с другом у престола государей за первенство их духовно-политических концепций. В качестве исторических источников взяты духовные послания лидеров церковных течений своим ученикам и светским властителям, а также многочисленные «Послания» и «Жития». Основными методами исследования являются сравнительно-исторический метод и причинно-следственный анализ связей между историческими событиями. По результатам исследования, можно заключить, что лидер иосифлян Иосиф Волоцкий и лидер нестяжателей Нил Сорский по-разному смотрели на задачи самой Церкви, и отсюда выходили споры о допустимых контактах со светским миром. Если Нил Сорский глядел на Церковь как на собрание одиночек, которые, следовательно, не должны иметь сильных контактов с внешним миром, Иосиф полагал симфонию и духовное наставничество Церкви над государем, и фигуру Государя как защитника православия, оптимальным вариантом будущего развития. Нельзя не отметить, что западные исследователи считают борьбу иосифлян и нестяжателей одним из первых этапов борьбы между либерализмом и консерватизмом.

Ключевые слова: *государь, царская власть, политическая философия, история, политика, религия, иосифляне, нестяжатели, Иосиф Волоцкий, Нил Сорский.*

Симфония государства и церкви – это концепция, которая находит свое истолкование в ряде религиозных и политических традиций – главным образом в Византийской империи – и в последующих православных церковных

учениях. Множество выдающихся исследователей-теологов находят подтверждение тому, что византийцы верили в то, что их государство и, следовательно, их общество были материализацией царства Бога на земле. Так, Дж. Мейендорф, перевел новеллу VI св. Юстиниана, в которой утверждается следующее: «Величайшие дары Божии, данные людям высшим человеколюбием, это священство и царство. Первое служит делам Божеским, второе заботится о делах человеческих. Оба происходят от одного источника и украшают человеческую жизнь. Поэтому цари более всего пекутся о благочестии духовенства, которое, со своей стороны, постоянно молится за них Богу. Когда священство беспорочно, а царство пользуется лишь законной властью, между ними будет доброе согласие и все, что есть доброго и полезного, будет даровано человечеству. Мы заботимся и о хранении православной веры, и о благоустроении священства, чем надеемся получить великие блага от Бога и sobлюсти твердый порядок в государстве, а также обрести то, чего еще не достигли. Хороший конец всегда увенчивает вещи, принятые должным богоугодным образом. Здесь тщательно соблюдаются священные каноны, которые завещали нам славные апостолы, досточтимые свидетели и служители Божии, и которые сохранили и разъяснили святые отцы» [23. С. 668].

В контексте знаковых исследований необходимо упомянуть труд выдающегося британского историка-медиевиста и византиниста Стивена Рансимена «Восточная схизма. Византийская теократия». Исследователь следующим образом описывает уже упомянутое нами «царство Бога»: «... как Господь царствует на небесах, так и император по Его подобию должен править на земле по Его заповедям» [25. С. 142].

Специфика симфонии в Русском государстве заключалась в том, что государство активно использовало церковь как инструмент укрепления своей власти, а церковь, в свою очередь, использовала поддержку государства для распространения своего влияния. Иосиф Волоцкий, живший и творивший в период XV-XVI вв., оказал значительное влияние на формирование государственно-правовых концепций Московского государства.

Он считался сторонником строгой церковной дисциплины и церковной автономии и выступал против ересей, призывая к суровым наказаниям для еретиков, включая сожжение на костре, и отстаивал идею о том, что государство должно участвовать в борьбе с ними. Эти взгляды были описаны в его главном труде «Просветитель», появившемся примерно в период 1500-1505 гг. Теологические взгляды иосифлян стали центральными во время Стоглавого собора 1503 г. в рамках решения вопроса о монастырском землевладении – сам Собор привел к укреплению авторитета церкви и усилению ее взаимодействия с государством [6. С. 197-212].

«Устав», сложный как по составу, так и по содержанию – в то же самое время наименее привлекающий внимание специалистов – как справедливо

отметил профессор В.М. Кириллин [10]. Существует две редакции «Устава» – во-первых, редакция, вошедшая в состав «Великих Четий Миней» Макария («Духовная грамота преподобного игумена Иосифа о монастырском и иноческом устройении... духовному настоятелю иже по мне сущему...»); во-вторых, редакция, которая содержалась в сборник Нила Полева («Аввы Иосифа от божественных писаний о жительстве общежительнемъ словеса к своимъ ему ученикомъ») – эту редакцию отличает то, что она короче первой – и состоит из 11 «слов»; наконец, указанная редакция, по всей видимости является первичной.

Для «Устава» характерно серьезное отношение к власти и правилам – а также их фиксация. Иосиф Волоцкий часто повторяет слова «Христу настоятельствуещу нам». В данном случае целесообразным представляется упомянуть «Устав Святого Бенедикта» (монашеский устав, заложивший принципы западноевропейского монашества), по которому аббат является заместителем Иисуса Христа. Иосиф Волоцкий, напротив, видел в Христе единственного Главу Церкви и единого Настоятеля всех православных монастырей.

Одним из выразительных элементов Устава является учение о соборном «механизме» управления монастырем. Соборные старцы, по мнению Преподобного, должны быть дополнительным «инструментом» в ореоле власти настоятеля. Принцип соборности уравнивает автократию власти игумена – например, в случае нарушения настоятелем устава, соборные старцы могут восстановить так называемую норму христианской жизни. В данном случае прослеживается довольно интересная параллель с Собором в Православной церкви – в обители, о которой мыслит Волоцкий, на наш взгляд, модель «Собора» представлена именно в виде идеи о соборных старцах.

При сравнении краткой и «минейной» редакций Я.С. Лурье приходит к выводу о том, что первая была составлена в период полемики с еретиками. Исследователь предполагает, что игумен обозначил свои взгляды относительно еретиков в «Послании о Троице», предназначавшейся для архимандрита Вассиана. В последних исследованиях доселе известная информация о «Послании о Троице» оспаривается – например, А.А. Манохин вообще отрицает, что его автором мог быть Иосиф Волоцкий [13. С. 59-65].

В ряде посланий можно обнаружить описание взаимодействия Иосифа Волоцкого и Ивана III – так, например, в «Послании Иосифа Волоцкого архимандриту андронниковскому Митрофану» [22. С. 175] приведен следующий сюжет:

«Коли, господине, был есмь на Москве, ино, господине, государь князь великий, Иван Васильевич всея Руси, говорил со мною наедине о церковных делех. Да после того почал говорити о новгородских еретикех, да молвил мне так: «И яз, деи, ведал новгородских еретиков, и ты мя прости в том,

а митрополит и владыки простили мя». И аз ему молвил: «Государь! Мне тебя как прощати?». И он молвил: «Пожалуй, прости мя!». И аз ему молвил: «Государь! Только ся подвигнешь о нынешних еретикех, ино и в прежних тебе Бог простит» [22. С. 175].

В данном отрывке описана одна из встреч Иосифа Волоцкого с Иваном III. Примечательно, что Государь просит прощения у Иосифа Волоцкого, на что последний отвечает ему, что прощение можно заслужить лишь у Бога – причем предварительно необходимо избавиться от еретиков. Иван III также говорит Преподобному о том, что митрополит и владыки простили его – однако Волоцкий не видит в этом смысла и замечает, что «государю великому князю в том прощении нет пользы, кое словом прощается, а делом не покажет ревности о православной вере христианской» [22. С. 176].

В ситуации распространения ереси жидовствующих необходимо было пересмотреть вопросы церковной и монастырской дисциплины. Это произошло на Соборе 1503 г. Иосиф Волоцкий участвовал в Соборе по просьбе Ивана III – этот факт подтверждается рядом свидетельств [27; 30]. Несмотря на обстоятельства, связанные с распространением ереси, центральной темой Собора стало все-таки церковное и монастырское землевладение, в обсуждении необходимости которого центральную роль также сыграл Иосиф Волоцкий. Иван III выступал за конфискацию владений – однако позже поменял свое решение, столкнувшись с сопротивлением большинства, к которому принадлежал и Преподобный Иосиф Волоцкий, говоривший следующее: «Аще у монастырей сел не будет, како честному и благородному человеку постричься? И аще не будет честных старцов, отколе взяти на митрополию или архиепископа или епископа и на всякие честныя власти? А коли не будет честных старцов и благородных, – ино вере будет поколебание» [22. С. 366-369].

Условно этапы становления идеологии Иосифа Волоцкого можно разделить на две части – до и после перехода Иосифо-Волоколамского монастыря под патронат Великого князя (1507 г.). Я.С. Лурье в своем труде «Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV-начала XVI в.» подчеркивает, что существуют «все основания видеть в Иосифе и его сподвижниках в конце XV в. прямых преемников Геронтия и других представителей противокняжеской оппозиции 70-80-х гг.» [11. С. 31]. Я.С. Лурье считает, что уже после 1507 г. Иосиф Волоцкий стал, напротив, идеологом самодержавия. На наш взгляд, такое «деление» не вполне справедливо – так, представляется, что на протяжении своей жизни Преподобный, скорее отстаивал точку зрения в отношении насущных проблем, нежели чем приспособлялся под текущие события (такие как, например, переход Иосифо-Волоколамского монастыря под патронат Великого князя и пр.). А.И. Овчинников и др. в статье «Православное вероучение и консервативная философия права» замечают, что «...его [Иосифа Волоцкого] представление

о взаимоотношениях государства и церкви не укладывалось ни в принцип «царство выше священства», ни в прямо противоположный ему тезис «священство выше царства» [19. С. 147].

В.Е. Вальденберг, напротив, считал, что «основу политических взглядов Иосифа Волоцкого составляет идея подчинения церкви государству или, точнее, идея «подчинения церковных дел государственной власти» [2. С. 203]. В своем послании И.И. Третьякову Иосиф Волоцкий утверждает следующее: «Господь Бог устроил вседержитель во свое место и посадил на царском престоле, суд и милость предать ему и церковное и монастырское и всего православного христьянства всея Руския земля власть и попечение вручил ему» – при этом отмечая, что «божественная правила повелевают царя почитати» [22. С. 187-208].

В отношении указанных «исторических параллелей» симфонии государства и церкви, необходимо подробнее рассмотреть творение Иосифа Волоцкого «Просветитель». Как уже было сказано, он полагал, что необходимо привлечь государство к борьбе с еретиками. Заинтересованность государства в такой борьбе могла быть объяснена и тем, что за ересью могли скрываться интересы католической Церкви – и, следовательно, угроза для стабильности власти. В рамках «Просветителя» он излагал собственное представление о государственной власти – в первую очередь, Иосиф Волоцкий придерживался идеи ее божественного происхождения: «Сего ради слышите, Царие и Князи, и разумеите, яко от Бога дана бысть держава вам. Вас бо Бог в Себе место избра на земли и на Свой престол вознес посади, милость и живот положи у вас» [7. С. 23]. Что же касается «обожествления» Государя – то здесь Иосиф Волоцкий придерживается следующего принципа: «Царь убо естеством подобен есть всем человеком, властию же подобен есть Вышнему Богу» [7. С. 44] – то есть по «естеству» Царь человек; однако же по данной ему власти – Бог. В этом случае складывается следующая ситуация: «Царь-Бог» исполняет Божественную волю, однако по природе своей оставаясь человеком он также может допустить роковую ошибку – «за государское прегрешение Бог всю землю казнит» [7. С. 44].

Фигура Государя наделяется ответственностью перед подданными – последние также должны блюсти перед царем «покорение и послушание» – то есть быть покорными и послушными. В вопросе подданных необходимо снова обратиться к «обожествлению» Царя – так, подданным предписано «поклоняться и служить телесне, а не душевне, и вздавати им царьскую честь, а не божественную» [7. С. 24]. В целом, идея о главенстве духовной власти над светской читается у Иосифа Волоцкого через наделение государства функцией «защитника» церкви.

Иосиф Волоцкий все-таки высказывал идеи об ограничении власти Государя – так, царь, не соблюдающий предписанные ему «нравственные» назначения, подверженный греховному поведению – «скверныа страсти

и грехи, сребролюбие же и гнев, лукавство и неправду, гордость и ярость, злейши же всех, неверие и хулу» [7. С. 42], называется «диаволь»; «мучитель». В случае если Царь подвержен такому греховному поведению, подданный может отказаться от подчинения ему – «и ты убо такового царя или князя да не послушаеши, на нечестие и лукавство приводяща тя, аще мучит, аще смертию претит. Сему свидетельствуют пророци и апостоли, и вси мученици, иже от нечестивых царей убиени быша и поведению их не покоришися Сице подобает служить царем и князем» [7. С. 42]. В. Вальденберг назвал эту точку зрения Преподобного не иначе как «учением о правоммерном сопротивлении государственной власти» [2. С. 116].

В Шестнадцатом Слове произведения Иосиф Волоцкий проводит параллели между византийской и русской историей. Во-первых, Преподобный «прописывает» обязанности русского Государя: «Солнцу свое дело – светити лучами всю тварь, царю же – добрыя детели, еже миловати нищаа и обидныа. Ты ж убо, о дръжавный царю, и скипетр царствия прием от Бога, блюди, како угодиши давшему ти то, не токмо бо о себе ответ даси ко Господу, но еже и инии зло творят, ты слово отдаси Богу, волю дав им» [29. С. 582].

Данное утверждение подкрепляется примерами из византийской истории – так, правильность казни еретиков, в которой как мы уже уяснили, сомневался Иван III, объяснялась через поступки византийских правителей: «Великий убо царь Феодосий Македония патриарха Царьграда с единомысленными с ним епископы в заточение с бесчестием осуди. Тако и царь Феодосий юный Нестория патриарха Царьграда с единомысленными емо епископы таковым же судом осуди» [29. С. 585].

Можно, таким образом, предположить, что русские Государя в понимании Иосифа Волоцкого становятся преемниками Византии, преемственными хранителями святынь веры, которые должны усваивать практики Византийской империи.

Важно отметить, что на тексты Иосифа Волоцкого определённое влияние оказывал византийский диакон Агапит (VI – первая треть VII вв.) – в частности его идея о широких и всеобъемлющих обязанностях царской власти. Вопрос относительно влияния идей Агапита на «политическое мышление Московии» [35. С. 146] остается открытым – однако Иосиф Волоцкий активно использовал их – так, произведение «Отрывок из послания великому князю», как утверждает Я.С. Лурье, представлял собой «композицию из сочинения византийского писателя, дополненную лишь небольшими вставками самого Иосифа» [11. С. 475]. По всей видимости, сближение с идеями Агапита о богоизбранной и неограниченной власти императора было признаком, таким образом, сближения иосифлян с самодержавием.

Деятельность Иосифа Волоцкого предположительно можно поделить на два периода – до и после перехода Волоколамского монастыря

под княжеский патронат. Пост-переходный период связан с активизацией полемики иосифлян и нестяжателей. Нестяжатели стали ключевым движением в истории русского монашества в XV-XVI вв. Они отстаивали точку зрения о том, что монашество должно быть свободно от мирского влияния и материальных обязательств, а истинный монах должен отказаться от земельного владения, материального богатства и любого формата власти в мирском обществе. Они отвергали любую форму насилия и утверждает, что монахи не должны вмешиваться в политическую жизнь и судебные дела.

Нестяжательство в Русском государстве проявлялось в среде отечественных подвижников благочестия – например, преподобного Антония Печерского, жизнь которого описана в «Житие преподобного и богоносного отца нашего Антония, первоначальника Русских иноков, начавших подвизаться в пещерах». Так, Антоний «начал жить, постоянно молясь Богу, ел он сухой хлеб и пил воду в меру – и то через день, а иногда через два; иногда же не вкушал целую неделю, пребывал в бодрствовании день и ночь» [5. С. 13]. Со стороны автора жития, преподобному Антонию Печерского дается высокая оценка – так, Антоний «озарил на Руси своим светом мысленным светилом, помогающие нам в ночи нашего нерадения о спасении» [5. С. 20].

Оформление нестяжательства как явления внутриобщественной идеологии происходит в начале XVI в. Первым идеологом нестяжательства стал Нил Сорский, идеи которого прозвучали на Соборе 1503 г. Стоит отметить, что сам Собор и по сей день является объектом противоречий исследователей – в первую очередь по вопросу достоверности сведений, представленных в текстах, посвященных указанному событию [15. С. 92; 12. С. 460; 17. С. 41; 34. С. 120, 227]. В настоящее время исследователи приходят к выводу о том, что полное отрицание церковного землевладения не было свойственно Нилу Сорскому – так, в «Уставе скитской жизни» он пишет следующее: «А делать то, что возможно под кровом. Если в общежитиях по нужде похвально и под открытым небом, упряжку волов гнать пахать и иное что-либо тяжелое своими силами делать, говорит Божественное Писание, то для живущих уединенно это достойно укора» [18. С. 7]. Выполнение работ (пахота, возделывание урожая и др.) подразумевает владение землей – это не отрицается Нилом Сорским. Скорее, Сорского заботит именно нравственная составляющая поведения иноков – так, например, по мнению Нила Сорского иноки не должны гордиться местоположением монастыря, количеством братии в нем [18. С. 59]; должны соблюдать личную мораль и пр. Что же касается владения имуществом – то представляется, что Нил Сорский выступал против тотальной *зависимости* монастырей от него.

Переходя к главному вопросу, касающемуся отношения нестяжателей к симфонии государства и Церкви, необходимо упомянуть исследование «Спор «иосифлян» и «нестяжателей» на фоне русской истории XV – начала XVI веков» – так, его автор, С.Ю. Яхимович, приходит к выводу о том,

что острота разногласия нестяжателей и иосифлян также заключалась в вопросе представления о церковно-государственных отношениях [31]. С.Ю. Яхимович пишет следующее: «...церковь виделась «нестяжателями» как духовный пастырь общества с правом независимого мнения и критики княжеской политики, а для этого нужно было, как можно меньше зависеть от богатых пожалований светской власти» [31]. Фактически, нестяжатели будто бы выступали сторонним наблюдателем, обладающим «независимым мнением» – для обретения независимости, таким образом, было необходимо попытаться изолироваться от государственных пожалований. С.В. Перевезенцев в своей статье «Учение преподобного Нила Сорского в политическом дискурсе XVI в.» [21] отмечает, что Нил Сорский считал, что «монастыри должны содержать за счет государственной и, в частности, великокняжеской казны» – при том, что он также решительно осуждал «сребролюбие», считая его злейшим из недугов [21]. Следовательно, мы считаем целесообразным остановиться на точке зрения о том, что Нил Сорский выступал именно за *ограничение* землевладения.

Церковь, по разумению Нила Сорского, должна пребывать в «молитвенной заботе» [21] о государстве. Нил Сорский следующим образом рассуждает о богатствах в «Предании ученикам своим о жительстве скитском» [24. С. 69-166]: «Все сие приводя на память, размыслим: где же други и знаемые наши? и что от сего приобрели, если кто из них был славен или властителем в мире сем, или имел великое богатство и телесное питание! Не все ли сие обратилось в тление и смрад и прах?» [24. С. 69-166]. Приобретенное, таким образом, не играет роли в «час смертный». Можно сделать вывод, что Нил Сорский был чужд «продвижению» каких бы то ни было политических идей – скорее, его учение было направлено на проповедь евангельской, Христовой любви, а также фиксацию нравственных ориентиров для монашества.

В рамках данного исследования мы, также подробно рассмотрим взгляды Вассиана Патрикеева, который предпринял попытку адаптировать учение Нила Сорского под некую государственную идеологию. Публицистическая деятельность Вассиана была связана с двумя основными тезисами – во-первых, резкое отрицание возможности монастырского землевладения; во-вторых, гуманное отношение к еретикам.

Изложение своих взглядов на устройство Церкви – а именно на стяжание земель – Вассиан продолжил в «Кормчей книге» («монастыри не должны иметь сел»). Используя свою близость к Василию III – и в том числе посредством нее, Вассиан пытался добиться полного переустройства русских монастырей на основе нестяжательности. Можно предположить, что поначалу Василий III был благосклонен к задумке Вассиана (учитывая, что «Кормчая книга» хранилась в великокняжеской казне [8. С. 63]). Таким образом, идейное направление великокняжеской политики задавали тон взглядам

Вассиана, решительно выступающего против монастырского землевладения и тем самым способствующего политике государственной централизации. Иеромонах Антоний (Малинский) пишет о Вассиане следующее: «...в отношении к государственной власти Вассиан был далек от нестяжательского представления о паритете государства и церкви» [1. С. 24].

В 20-е гг. XVI в. положение Вассиана резко меняется – он теряет расположение Василия III и даже обвиняется в «ереси». Внешнеполитическое положение Русского государства усложняется – так, происходит поход казанских и крымских татар на Москву и ряд других событий, которые показывают необходимость усиления великокняжеской власти. В литературных источниках разрыв Василия и Вассиана объясняется оппозиционным настроением нестяжателей к самодержавной власти в целом. В данном случае интерес представляет эпизод, связанный с разводом Василия III – т.е. «нестяжатели были против насильственного пострижения и развода и вторичного брака великого князя» – однако попадание его в опалу возможно в первую очередь связано со сближением Василия III и иосифлян, которые долгое время мечтали поквитаться с заклятым врагом, не стеснявшимся в выражениях при комментировании их учений.

На наш взгляд, для Вассиана Патрикеева идеи Нила Сорского явились лишь инструментом, который можно было использовать для достижения определенных целей – в том числе и политических, связанных со сношением с Государем. В данном случае также представляется целесообразным отметить точку зрения исследователя К. Никольского, который «поделил» нестяжателей на три группы – последователей Нила Сорского; поддерживающих Нила Сорского с определенными оговорками и так называемую «боярскую» группу, в которую входил Вассиан Патрикеев – ее члены отрешились от «созерцательного духовного взгляда» в пользу практических соображений, который прежде всего были связаны с поглощением монастырями боярских земель [16. С. 153-189].

Еще одним нестяжателем, деятельность и взгляды которого мы считаем целесообразным рассмотреть, является Гурий Тушин, происходящий из боярского рода Квашиных. Он принял пострижение в Кирилло-Белозерском монастыре; там же он сблизился с Нилом Сорским [9. С. 109-200]. Отношение княжеской власти к Гурию было благосклонным – так, он получил от Василия III искусно выполненное Евангелие [16. С. 179]. Он был склонен к аскетическо-созерцательной литературе лишь до конца второго десятилетия XVI в. – затем – уже в более поздних текстах просматривается его интерес к общественно-политической жизни.

В «Словах», помещенных в сборнике Гурия Тушина, поднималась тема праведного суда – Тушин также обращался к князьям и царям (однако обращение это не было конкретным) и призывал их не давать взятки, творить справедливый суд и пр. Несмотря на то, что обращения были абстрактными

и конкретные исторические деятели в них не упоминались, можно предположить, что Гурий Тушин исходил из сложившейся в государстве XVI в. печальной традиции процветания «неправого суда». Фактически, Гурий Тушин будто бы «направлял» Государя, увещевал его следить «больными» сторонами общественной жизни. Итак, Гурий Тушин, как утверждает Н.А. Казакова, был причастен к редакции сочинений Вассиана – при этом их взгляды по некоторым вопросам различались – так, Гурий Тушин, скорее был сторонником *увещевания* соблюдения нестяжательства монастырями, нежели чем сторонником практической секуляризации. Что же касается взаимоотношения церкви и государства – то в данном случае отследить направленность взглядов Тушина довольно трудно. Нами было упомянуто, что Василий III благосклонно относился к нему – поэтому можно предположить, что Тушин являлся «сторонником великокняжеской власти» [9. С. 109-200].

Итак, последователи Нила Сорского – в первую очередь Вассиан Патрикеев – считали, что союз со светской властью поможет им обеспечить духовно-нравственное процветание монастырей – а идеальная «христианская поведенческая модель», тем самым, будет достигнута. А. Павлов в «Историческом очерке секуляризации церковных земель России» предполагал, что «настоящая цель партии нестяжателей, которую объясняют все их выступления, состояла в том, чтобы поставить духовную власть вне зависимости от правительства и избавить ее от необходимости оказывать правительству поддержку» [20. С. 84]. Эта точка зрения является спорной – вряд ли можно с уверенностью говорить о нежелании «поздних» нестяжателей оказывать поддержку государству – однако можно предполагать, что они преследовали свои собственные цели – например, связанные с владением боярскими землями.

Для сторонников нестяжательства – в первую очередь для Вассиана – было характерно считать себя «нравственными и духовными наставниками русских государей» [21]. Складывание такого наставничества вскоре перестало устраивать великих князей, что подтверждается началом процессов над нестяжателями.

Вплоть до 60-х гг. XIX в. различия между Нилом Сорским и Иосифом Волоцким были выражены словами С.М. Соловьёва – «Нил смотрел на монастырь как на общество людей, отказавшихся от мира», а Иосиф «смотрел на монастырь также как на рассадник властей церковных» [28. С. 1559]. Российские исследователи XIX в. в том числе называли Нила Сорского родоначальником либерализма [14. С. 303]. «Партия заволжских старцев», наиболее известными представителями которой были Нил Сорский и позже Вассиан Патрикеев были противопоставлены так называемому «иосифлянскому направлению»

Любопытно, что многие зарубежные исследователи XX-XXI вв. называют Нила Сорского «коммунистом»; «основателем нового религиозного движения»; «родоначальником русского либерализма». В англоязычной литературе также утверждается, что Нил Сорский поддерживал ересь и добивался разделения «между церковью и государством». Фактически, авторы пытаются превратить разногласия между иосифлянами и нестяжателями в борьбу между либерализмом и консерватизмом. Данную точку зрения можно найти в исследовании А.Г. Мазура «Россия царская и коммунистическая». А.Г. Мазур называет соперничество между иосифлянами и нестяжателями (в том числе и на ранней стадии) «острым конфликтом». Он пишет о том, что Нил является одним из первых сторонников отделения церкви от государства.

Что же касается Иосифа – то тот, по мнению Мазура, использовал «кальвинистскую логику», чтобы доказать, что богатство само по себе является милостью Божьей, за которую каждый прихожанин должен быть благодарен и восхвалять Всемогущего [33. С. 44]. Д. Хоскингс в книге «Россия и русские» пишет, что различие между иосифлянами и нестяжателями может быть и не такое кардинальное, как считалось когда-то, но соперничество все-таки существовало по ряду других вопросов [32. С. 104].

Е.В. Романенко пишет следующее: «Нил Сорский и Иосиф Волоколамский выбрали разные формы монашеской жизни: старец Нил – скит, в то время как игумен Волоколамский выбрал общежительный монастырь. В соответствии с этим они выбрали различные системы владения собственностью. Между ними не было никакого противоречия, поскольку обе системы восходят к ранней истории православного монашества, которая отражена в житиях» [26. С. 120].

Некоторые различия во взглядах, однако, были – Нил Сорский исходил из аскетических воззрений, которые основывались на канонических правилах Восточной Церкви; Иосиф Волоцкий руководствовался церковно-практическими соображениями. Нам представляется целесообразным предположить, что, во-первых, иосифляне и нестяжатели по-разному смотрели на власть в контексте церкви. Так, для Нила Сорского «главное – внутреннее совершенствование инока в атмосфере подлинной аскезы» [8. С. 58] – то есть стремление к абсолютно христианским целям – Сорский, таким образом, далек от размышлений о власти в принципе; Иосиф Волоцкий «видел в монастырской аскезе прежде всего средство для подготовки монахов к исполнению церковно-административных задач» [8. С. 58] – то есть власть и порядок по его разумению должны были присутствовать в монастыре. Итак, Иосиф Волоцкий сформулировал идею «священства и царства» следующим образом: «Человеколюбиво дан людям свыше великий Божий Дар – священство и царство: одно служит Божескому, другое, владычеству, заботится о человеческом. Тот, кто принял по высшему повелению

управление родом человеческим, должен не только заботиться о собственных делах и распоряжаться собственной жизнью, но и всех, находящихся в его власти, защитить от волнений и греховнейшего возмущения, которым лукавый дух затопляет нас повсюду и возмущает смирение тела» [4. С. 4-5].

На наш взгляд, представление нестяжателей о симфонии государства и церкви не является столь же основательным, как представление иосифлян. Дело в том, что учение Нила Сорского подразумевает под собой отречение от мира, следование «умному деланию» и пр. – эти аспекты предполагают, скорее, определенное представление о Государе, выстраивание «модели истинного христианского властителя» [21]. Последователи Нила Сорского, на наш взгляд, не смогли предложить какой бы то либо духовно-политической концепции – действительно, история взаимоотношений, например, Василия III и Вассиана Патрикеева указывает, скорее всего, лишь на желание последнего достигнуть определенных личных целей посредством близости к князю.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Антоний, иеромонах. Некоторые вопросы изучения истории партии «нестяжателей» // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Вып. 2 (10). 2015.
2. *Вальденберг В.Е.* Древнерусские учения о царской власти. Москва: Территория Будущего, 2006.
3. *Ващева И.Ю.* Евсевий Кесарийский и становление раннесредневекового историзма. СПб: Алетейя, 2006.
4. *Волоцкий И.* Слово об осуждении еретиков. РНБ, Ф. I. 229; СПб., 1997.
5. Житие преподобного и богоносного отца нашего Антония, первоначальника Русских иноков, начавших подвизаться в пещерах // Киево-Печерский патерик, или сказания о житии и подвигах святых угодников Киево-Печерской лавры / перевод с церковнославянского и предисловие. Е. Поселянина. М., 2012.
6. *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV-XVI столетий (Возрожденная Россия). М., 1982.
7. Иосиф Волоцкий, прп. Просветитель. М., 1994.
8. *Казакова Н.А.* Вассиан Патрикеев и его сочинения. Л., 1960.
9. *Казакова Н.А.* Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурия Тушина // ТОДРЛ. М., Л., 1961. Т. 17.
10. *Кириллин В.М.* Литературное наследие преподобного Иосифа Волоцкого // Портал «Слово» // <https://portal-slovo.ru/philology/39035.php>.
11. *Лурье Я.С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV-начала XVI в. М., Л., 1960.

12. *Лурье Я.С.* Мнимые послания Нила Сорского Паисию Ярославову // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. XVI.
13. *Манохин А.А.* Автор Послания о Троице – не Иосиф Волоцкий? // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 1 (87).
14. *Миллер О.Ф.* Инквизиторские вожделения ученого. «Заря», кн. X, 1870.
15. *Моисеева Г.Н.* Об идеологии нестяжателей // История СССР. 1961. No. 2.
16. *Никольский Н.Н.* Общинная и келейная жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре в XV и XVI веках и в начале XVII. Христианское чтение. СПб., 1907.
17. *Никольский Н.К.* Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. // ОЛДП. СПб., 1897. Вып. 113.
18. Нил Сорский, прп. Устав о скитской жизни. Екатеринбург: Изд-во Ново-Тихвин. жен. монастыря, 2002.
19. *Овчинников А.И., Овчинникова С.П., Андрейченко А.С.* Православное вероучение и консервативная философия права. Часть I // Философия права. 2007. № 1.
20. *Павлов А.* Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Ч. I. М., 1871.
21. *Перевезенцев С.В.* Учение преподобного Нила Сорского в политическом дискурсе XVI века // Сайт «Образовательный портал «Слово»» // <https://portal-slovo.ru/history/46102.php>.
22. Послания Иосифа Волоцкого. Подготовка текста А.А. Зиминой и Я.С. Лурье. М., Л., 1959.
23. Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. М., 1994. Т. 1.
24. Преподобный Нил Сорский. Предание ученикам своим о жительстве скитском / Перевод А.Н. Муравьева в редакции С.В. Перевезенцева. СПб., 1852.
25. *Рансимен С.* Восточная схизма. Византийская теократия. М., 1998.
26. *Романенко Е.В.* Первый скит России: страницы истории XV-XX вв. // К Свету. Край Кирилла Белозерского. № 15. 1997.
27. Российское законодательство X-XX вв. М., 1985. Т. 2.
28. *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 1 (Т. 5). Ст. 1559.
29. Творение преподобного отца нашего Иосифа, игумена Волоцкого. Казань, 1857.
30. Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1876. Кн. 1.
31. *Яхимович С.Ю.* Спор «иосифлян» и «нестяжателей» на фоне русской истории XV – начала XVI веков // Сайт «Самый Восточный:

Информационно-просветительский портал Хабаровской епархии» // <http://www.pravostok.ru/ru/journal/jhistory/?id=1449>.

32. *Hoskings G.* Russia and the Russians. Harvard, 2004.

33. *Mazour A.G.* Russia, tsarist and communist. Oxford, 1962.

34. *Ostrowski D.* A «Fontological» Investigation of the Muscovite Church Council of 1503-1977.

35. *Shevchenko I.* A neglected Byzantine source of Muscovite Political Ideology. Harvard, 1954.

E.A. SVIRIDENKO

*M.V. Lomonosov Moscow State University,
Faculty of Philosophy, Department of Philosophy of Politics
and Law, Moscow, Russia*

A SYMPHONY OF THE STATE AND THE CHURCH IN THE EYES THE JOSEPHITES AND THE NON-COVENANTS

The work is devoted to the study of the views of two church groups within the Russian Church in the XV-XVI centuries on the relationship between church and state and the permissible limits of mutual penetration into each other's spheres. The purpose of the article is to clarify the differences in the views of the Josephites and non-possessors and their ideological struggle with each other at the throne of sovereigns for the primacy of their spiritual and political concepts. Spiritual messages to monks and secular rulers, as well as numerous "Messages" and "Hagiographies" were taken as historical sources. The main research methods were the comparative-historical method and the cause-effect analysis of relationships between historical events. It can be stated that the leader of the Josephites, Joseph Volotsky, and the leader of the non-possessors, Nil Sorsky, looked at the tasks of the Church itself differently, and from this came disputes about allowable contacts with the secular world. Nil Sorsky represented the Church as a gathering of those who have renounced this world, and they should not have strong contacts with the outside world. Joseph considered the symphony and spiritual guidance of the Church over the sovereign, and the figure of the Sovereign as the defender of Orthodoxy, the best option for the development of the state. Also, Western researchers consider the struggle of the Josephites and non-possessors one of the first stages of the struggle between liberalism and conservatism.

Key words: *sovereign, royal power, political philosophy, history, politics, religion, Josephites, non-possessors, Joseph Volotsky, Nil Sorsky.*

О.Е. АЩЕУЛОВ

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории и экономической теории Академии
ГПС МЧС России, РФ, г. Москва

К ВОПРОСУ О ПОМОЩИ КИТАЮ СО СТОРОНЫ СССР В ВОЙНЕ ПРОТИВ ЯПОНИИ (1943-1945)

В статье рассматривается актуальная проблема взаимодействия в рамках оказания помощи Китаю Советским Союзом в борьбе против общего врага – Японии, в годы Второй мировой войны. Ведь изучение советско-китайских отношений имеет большое значение для понимания современных международных отношений в Азии и мире в целом. Цель статьи заключается в обобщении исторического материала по вопросу взаимопомощи СССР и Китая во время войны против Японии за период с 1943 по 1945 гг., а также в понимании, какие именно факторы и в какой степени сдерживали сотрудничество СССР и Китайской Республики в деле совместного противодействия японской агрессии в Дальневосточном регионе. Выбор объекта исследования обусловлен его актуальностью и недостаточной изученностью взаимодействия двух великих держав в период японской агрессии и Второй мировой войны с точки зрения дипломатических отношений. Методология статьи основана на общенаучных методах познания, общих для гуманитарных и иных наук, а также специальных научных принципах (историзм, объективность, системность). В заключении автор статьи пришел к следующим выводам: этапы оказания помощи осуществлялись в рамках трех этапов. Первый этап – 1932-1937 гг. – это период налаживания связей между странами, а также восстановления разорванных ранее дипломатических отношений; второй – 1937-1941 гг. – период активной помощи КНР со стороны СССР; третий – 1943-1945 гг., характеризующийся тем, что страны готовятся к вступлению СССР в войну с Японией.

Ключевые слова: история, Советский Союз, японская агрессия, Вторая мировая война, Китайская Республика, внешняя политика, дипломатия, Азия.

Введение. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в настоящее время отношения России и Китайской Народной Республики (далее – КНР) претерпевают фазу активного развития. В конце прошлого – начале нынешнего века КНР оказывается одним из важных стратегических партнеров нашей страны. Основы этой коммуникации отражены в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве [10]. Результаты двусторонней работы имеют свои наглядные результаты, а именно: торгово-экономические связи в значительной степени увеличились; вырос обмен технологиями; ведется интенсивный политический диалог (Президент России и Председатель КНР практически ежегодно осуществляют встречи); расширился обмен в сфере культуры и образования, подтверждением чему является учеба по обмену студентами.

Также, Россия и КНР еще в 1997 году подписали Совместную декларацию о многополярном мире, согласно которой страны совместными партнерскими действиями нацелены на создание нового мирового устройства: без военных блоков и постоянной опасности войны. Прошло уже 26 лет, за это время Москва и Пекин много достигли, страны стали заметными игроками на мировой арене, и вопрос о коммуникации двух стран актуален как никогда. Россия и Китай имеют длинную историю взаимоотношений, которые делятся уже более 4-х веков. Все это время коммуникация между странами была разной, отношения имели этапы падений и взлетов. Страны враждовали, даже воевали, при этом Россия и Китай также развивали, и продолжают это делать, свои двусторонние отношения как партнеры. И в этом ключе знать историю важно, чтобы лучше понимать, каким путем идти в будущем.

Полагаем, что одним из ярких и насыщенных этапов отношений, конечно, является коммуникация СССР и Китайской Республики в период Второй мировой войны. Так, еще в 1931 году Япония вторглась в Китай, международная обстановка постепенно накалялась и Дальний Восток не был исключением. В этой связи дипломатические отношения, которые Советский Союз и Китайская Республика прервали в 1927 году, страны решили восстановить, а также подписать договор о ненападении, что было сделано в 1937 году, а в 1945 году был подписан договор о дружбе и союзе. Страны, в первую очередь, заботились о своих собственных интересах: они не только стремились окончательно побороть общего противника, каждая сторона пыталась получить максимальную выгоду для экономики страны и ее международного имиджа. Таким образом, в данном исследовании в дальнейшем речь пойдет о дипломатических отношениях упомянутых государств в период японской агрессии на Дальнем Востоке в последние годы Второй мировой войны в контексте оказания помощи.

Отечественную историографию по исследуемой проблематике можно разделить на четыре основные группы. Первая группа состоит из работ, которые концентрировались на определенных событиях. Они рассматривали шаги советской дипломатии, которые помогали Китаю в борьбе с Японией [2; 6; 7; 12]. Эти работы рассматривают определенные аспекты взаимоотношений Советского Союза и Китая, например, рассматривается значение договоров как одного из важных шагов в развитии советско-китайских отношений. Эти договоры не только дали возможность государствам совместно справиться с японской агрессией, но и способствовали установлению международных отношений после войны.

Вторая группа в рамках историографии состоит из работ, которые рассказывают о международных отношениях на восточном направлении СССР в целом [3; 4; 11; 13].

К третьей группе литературных источников следует отнести работы, которые сосредоточены на реконструкции отношений между странами и их культурных аспектов [5; 8; 14; 19].

Четвертая группа изучает экономический аспект взаимоотношений [1; 16].

Однако полагаем верным акцентировать внимание на том, что в принципе большинство авторов указанных литературных источников склонно идеализировать отношения Китая и СССР.

Предыстория: СССР в конфликте на Дальнем Востоке до 1943 года. В 30-40-е годы XX столетия существовали два фактора, которые определяли ход развития советско-китайских отношений. Первый – внешний, главным содержанием которого являлась японская агрессия в Китае, переросшая, в конечном итоге, во Вторую мировую войну. Второй – внутренний, а именно: гражданская война в Китае, в ходе которой Коммунистическая партия боролась с партией Гоминьдан, а многие регионы находились под контролем фактически независимых от центра местных правительств.

Причастность СССР к гражданской войне, а именно активная помощь китайским коммунистам, усиливала влияние на советско-китайские отношения второго фактора. В дальнейшем внешний фактор стал играть практически главную роль. Кроме того, существовала проблема Монголии, территорию которой Китай считал своей. Во время Синьхайской революции 1911 года Монголия провозгласила независимость, часть территории стала суверенным государством, которое Китай не признавал. Другая часть земель сформировала Внутренняя Монголия под контролем Китая. Внешняя Монголия при поддержке Российской империи отстаивала свою независимость. Китайская Республика хотела ее вернуть, что несомненно осложняло отношения с СССР. Именно японская оккупация Китая заставила Китайскую республику пойти на восстановление отношений с СССР, а позже – и на плотное сотрудничество в период Второй Мировой войны.

Помощь КР со стороны СССР осуществлялась в нескольких направлениях, о чем свидетельствуют каналы организации помощи в виде поставок военной техники и направления специалистов. Данное направление помощи осуществлялось несколькими способами, иными словами, существовали разные пути снабжения, часть из них представлена на карте (см. рис. 1).

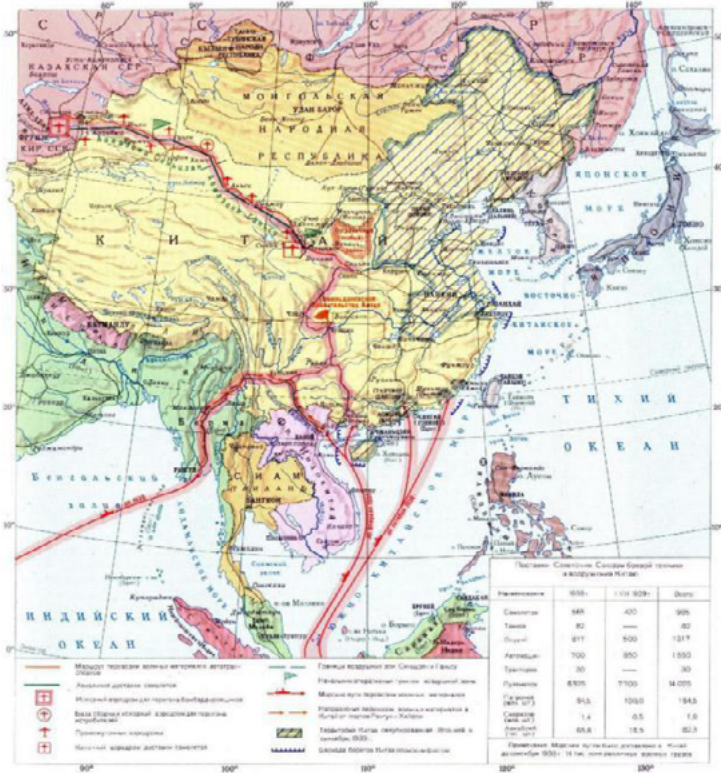

Рисунок 1. Карта каналов организации помощи КР со стороны СССР

Взаимоотношения Японии и СССР также были сложными. Советский Союз обладал территориями на Дальнем Востоке, которые были желанны для Японии. Более того, Япония хотела получить контроль над таким ценным объектом, как КВЖД, которая в тот момент принадлежала СССР, но пока Япония полностью не захватила и не поставила под свой контроль Китай, она не могла начать открытое противостояние с СССР без чьей-либо поддержки. Ей не хватило бы военного потенциала и мощи, чтобы вести сражения на два фронта.

После нападения Японии на Китай, СССР занимает позицию нейтралитета, запретив доступ к КВЖД обоим государствам. Однако, под давлением Японии, которая обещает напасть, если не получит доступ к КВЖД,

Советский Союз сдает позиции [9. С. 66-67]. Таким образом, в 1935 году СССР был вынужден продать КВЖД правительству Маньчжоу-Го, которое являлось «марионеточным» государством Японии (то есть фактически СССР продал КВЖД Японии) за 140 миллионов иен или, примерно, 164 миллиона золотых рублей [1. С. 180].

Следующий момент, который требует рассмотрения – пограничные конфликты между СССР и Японией, которые происходят начиная с 1935 года. Самые яркие из них: Хасанские бои и бои на Халхин-Голе.

Таким образом, несмотря на тяжелую ситуацию на Западе, СССР все-таки находит силы, чтобы дать отпор Японии, но только в локальных конфликтах, не вмешиваясь в японо-китайскую войну. Почему же так происходит? Полагаем, причина видится в том, что СССР не был готов к войне, тем более к войне на два фронта. А после прихода к власти Гитлера в Германии в 1933 году, взрывоопасность западного направления повышается, и власти Союза постепенно понимают, что СССР может подвергнуться нападению. Японское командование также скептически оценивало состояние СССР в тот период, считая, что «СССР в настоящее время к войне не готов» [17. С. 141].

Советская дипломатия на тихоокеанском фронте. В первые годы Великой Отечественной войны, Советская Россия безусловно видела противостояние Германии в качестве своей главной цели, а помощь Китаю уходила на второй план. В период с 1941 по 1943 годы, в основном, США помогали Китаю. Тем не менее, после поражения немецких войск под Сталинградом и побед РККА в Курской битве, когда наступает переломный момент войны, китайская повестка дня постепенно входит в зону интересов СССР. Вопрос о войне с Японией присутствует, хоть и не в качестве главной темы, в повестке дня союзнических конференций.

Так в октябре 1943 года, в ходе Московской конференции, Китайская Республика, США, СССР и Великобритания подписывают Декларацию по вопросу всеобщей безопасности, по условиям которой все стороны договора обязывались объединить свои усилия с остальными для победы над общим противником. В зарубежной литературе есть мнение, что И.В. Сталин был против включения Китайской Республики в качестве четвертого государства, подписавшего договор, так как это могло обострить отношения между СССР и Японией. На присутствии китайской стороны настоял президент США Ф. Рузвельт. Также по условиям Декларации, все 4 страны не должны были заключать отдельный мир, а обязаны были налаживать коммуникацию и создавать международную организацию, чтобы в рамках данной организации обсудить условия мирного существования после окончания войны.

В ноябре 1943 года проходила конференция в Тегеране, в рамках которой участвовали главы правительств трех держав. Именно на данном

мероприятии Советский Союз официально заявил о своей готовности вступить в войну против Японии, однако при условии завершения военных действий на западном фронте. Далее, на Ялтинской конференции в феврале 1945 года, когда исход войны стал ясен, присутствовали только три державы, представители КР не были приглашены. СССР согласился с таким положением дел, объясняя свою позицию тем, что Чан Кайши мог стать причиной, по которой результаты конференции могли стать известны Японии. И этот момент показывает, что лидер СССР видит Китай не как равного союзника. Обсуждение плана о борьбе с основным противником Китая, с которым война идет еще с 1937 года, без представителей КР не странно или неуместно, а показательно, так как СССР, видимо, что-то хотел утаить не только от японской, но и от китайской стороны.

В Крыму было подписано «Соглашение трех великих держав по вопросам Дальнего Востока», которое предусматривало вступление СССР в войну против Японии. Однако важны условия этого договора. Первым пунктом было сохранение статуса-кво Внешней Монголии. Кроме того, обсуждались вопросы совместного использования КВЖД и ЮМЖД. Однако в заключении договора указывалось, что все эти вопросы, включая Внешнюю Монголию и железные дороги, потребуют согласия Чан Кайши. Последующее решение этих вопросов будет обсуждаться в советско-китайских договорах. Таким образом, несмотря на отсутствие китайской стороны, в Ялте обсуждались вопросы, которые затрагивали непосредственно интересы Китайской Республики. СССР выдвинул условия поддержки военных действий на Дальнем Востоке, часть из которых могли показаться чрезмерными, особенно для китайской стороны. Среди них было передача Советскому Союзу Южного Сахалина и Курильских островов, сдача на долгий срок китайским правительством СССР порта Даляня и Порт-Артура, который стал бы военно-морской базой, а также возвращение СССР права пользоваться КВЖД вместе с КР. Это были чрезмерные требования, по мнению Китая, которые, в случае полного их выполнения, безусловно усилили бы позицию СССР на Дальнем Востоке, но представители других сторон согласились, так как им требовалась помощь советской армии на дальневосточном фронте, а также, возможно, западные державы не стремились отстаивать интересы КР и не были заинтересованы в этом [12. С. 15]. Итак, СССР начал подготовку к войне с Японией, активные действия в этом направлении начались уже после объявления капитуляции Германии 8 мая 1945 года. Постановлением ГКО от 3 июня 1945 г. был определен состав сил, предназначенных для переброски к границам Маньчжурии; 28 июня Ставка утвердила план войны с Японией.

Договор о дружбе 1945 года. В рамках завершающего этапа Второй мировой войны СССР и КР выступали уже как союзники в военной сфере. Однако китайская сторона должна была предварительно принять условия,

оговоренные тремя державами на Ялтинской конференции. На это рассчитывало руководство Советского Союза. В июне 1945 года о договоренностях тогдашнему главе правительства Китайской Республики Сун Цзывэню рассказал президент США Г. Трумэн.

В конце того же месяца китайская сторона прибыла в Москву для заключения договора. Советско-китайские переговоры носили довольно сложный характер, согласие было трудно достижимым, так как государства хотели абсолютно противоположных вещей. КР хотела оспорить те пункты Ялтинского соглашения, которые касались ее, например, признание МНР. Также власти Китая были против преимущественного положения СССР и КР на КВЖД и ЮМЖД, а также на порте Дальний и Порт-Артуре.

Однако тематика переговоров изменилась из-за того, что СССР 8 августа начал войну против Японии. Поэтому из-за затянувшихся переговоров (более месяца) советско-китайский договор не вступил в силу до начала военных действий. СССР решил ускорить процесс, и его вступление в войну с Японией стало вариантом давления на КР, чтобы Китай скорее согласился.

Переговоры завершились подписанием 14 августа 1945 года Договора о дружбе и союзе между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой, имевшего важнейшее значение. Он не только установил условия, по которым развивались отношения КР и СССР после завершения военных действий, но и зафиксировал сложные связи Советского Союза и Китая. Политическая элита Китая в тот период была разделена на несколько партий, в частности: правящую Гоминьдан и оппозиционную КПК. Договор также повлиял на сценарий развития взаимоотношений с остальным миром, в большей степени, конечно, это касалось США и остальных стран-победителей Второй Мировой войны.

Подписание договора о дружбе и союзе между Советской Россией и Китайской Республикой юридически закрепляло новый этап отношений между двумя странами. Правительства наконец-то смогли договориться, по крайней мере, на определенный отрезок времени (30 лет), насчет многих спорных аспектов, которые являлись камнями преткновения и мешали развитию успешного сотрудничества двух государств.

СССР и Китай на заключительном этапе Второй мировой войны. Как ранее отмечалось, СССР объявил войну Японии еще до заключения Договора о дружбе и союзе с Китаем 8 августа. На следующий день РККА начала боевые действия. Иными словами, СССР начал выполнять свои обязанности и договоренности, достигнутые на Ялтинской конференции, даже заранее.

Япония подписала акт о капитуляции 2 сентября, но отдельные военные столкновения продолжались до 10 сентября того же года. Надо отметить, что официально напряженные отношения между СССР и Японией были урегулированы лишь 12 декабря 1956 года Московской декларацией.

Однако, 3 сентября 1945 года указом Президиума Верховного Совета СССР был закреплён как праздничная дата – День победы над Японией. Уместно вспомнить, что именно поэтому в 2020 г. «Президент России Владимир Путин утвердил датой окончания Второй мировой войны 3 сентября». После капитуляции Японии, СССР, согласно Договору о дружбе и союзе, был обязан начать вывод войск в течение 3 недель. Действительно, часть войск была выведена даже раньше. Но план вывода основной массы войск был предоставлен лишь к ноябрю 1945 года. Согласно данному плану, вывод войск должен был закончиться к 3 декабря. Однако, из-за внутренних проблем Гоминьдан попросил приостановить процесс эвакуации, вывод войск затянулся. Дело в том, что советская администрация способствовала установлению власти КПК на указанной территории, и Чан Кайши боялся, что как только советская армия уйдёт, эти территории сразу займут коммунисты. А если войска СССР останутся там, то это даст Гоминьдану возможность сначала взять под контроль южную и центральную часть страны, а потом принять управление по договору от советской администрации и над севером Китая. В итоге 3 мая 1946 года последний советский солдат ушёл с маньчжурской территории. Часть войск осталась на Ляодунском полуострове, согласно договору 1945 года. Кроме того, Порт-Артур стал военно-морской базой совместного пользования. Так завершилась помощь Советского Союза Китаю в антияпонской борьбе, и начался новый этап взаимодействия двух государств [18. С. 223].

Выводы. По итогам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Поддержка Китая Советской Россией в антияпонской борьбе имела определенные подводные камни. Странам пришлось восстанавливать разорванные в 1929 году дипломатические отношения, преодолевать взаимное недоверие. Процесс переговоров затягивался, несмотря на наличие общего врага. Для стран было сложно договориться.

2. Отражение японской агрессии в Дальневосточном регионе в 1930-1940-е гг. было единой целью Китайской Республики и СССР. Несмотря на это, существовал целый ряд факторов, которые затрудняли взаимодействие двух держав. Это включало поддержку СССР МНР (Внешней Монголии), которую Китай считал своей территорией, сепаратистские власти в Синьцзяне, которые также были настроены просоветски, помощь КПК со стороны Советского союза, а также конфликт стран из-за КВЖД. Страны прошли долгий путь, преодолевая эти недоразумения и разрешая конфликтные вопросы, но в итоге им удалось совместно одержать победу над Японией.

Таким образом, с учетом всех противоречий, СССР и КР смогли добиться общей цели. Помощь, которую оказывал Союз, не прошла впустую, и японская агрессия была остановлена.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: междунар. и полит. аспекты истории (первая половина XX в.). М.: Рус. панорама, 2005.
2. Военная помощь СССР в освободительной борьбе китайского народа / К.П. Агеенко и др. М.: Военное издательство министерства обороны СССР, 1975.
3. *Воскресенский А.Д.* Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999.
4. *Воскресенский А.Д.* Эволюция международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе (1900-1920-е гг. XX в.) // Восток – Россия – Запад: Исторические и культурологические исследования. К 70-летию академика В.С. Мясникова. М.: Издательство «Памятники исторической мысли», 2001.
5. Восприятие в Китае образа России / С.Л. Тихвинский; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Наука, 2008.
6. *Галенович Ю.М.* «Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений. От октября 1917 г. до октября 1949 г. М.: ИДВ РАН, 1992. Т. 1.
7. *Галенович Ю.М.* Россия – Китай: Шесть договоров. М.: Муравей, 2003.
8. *Галенович Ю.М.* Взгляд на Россию из Китая: прошлое и настоящее России и наших отношений с Китаем в трактовке китайских ученых. М.: Время, 2010.
9. Документы внешней политики СССР. (1932 г.). М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 15.
10. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (Москва, 16 июля 2001 г.) // Дипломатический вестник. 2001. № 8.
11. *Мясников В.С.* Дальневосточный театр Второй мировой войны и советская дипломатия (1937-1945) // Мир истории. 2000. № 2.
12. Россия и Китай: четыре века взаимодействия: история, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / Дипломатическая акад. МИД России; под ред. А.В. Лукина. М.: Весь мир, 2013.
13. Русско-китайские отношения в XVII веке: материалы и документы. в 2 томах. 1608-1683. М.: Наука, 1969. Т. 1.
14. *Самойлов Н.А.* Изучение истории Российской духовной миссии в Китае: основные направления, подходы и перспективы // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 2 (7).

15. Федеральный закон от 24.04.2020 № 126-ФЗ «О внесении изменений в статьи 1 и 1-1 Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 17. Ст. 2704.

16. *Филинов А.В.* Советско-китайские переговоры о продаже КВЖД и маньчжурский кризис (конец 1920 – начало 1930 годов) // Преподавание истории в школе. 2018. № 8.

17. *Халхин-Гол.* Исследования, документы, комментарии. К 70-летию начала Второй Мировой войны / Т.С. Бушуева, А.В. Серегин; отв. Редакторы А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров. М.: ИКЦ «Академ-книга», 2009.

18. *Чуньюе Лу.* Нормализация советско-китайских отношений и ее историческое значение // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2019. № 3.

19. *Шишов А.В.* Россия и Япония: История воен. Конфликтов. М.: Вече, 2000.

O.E. ASHCHEULOV

*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
of the Department of History and Economic Theory of the State
Fire Service Academy of the Ministry of Emergency Situations
of Russia, Moscow, Russia*

ON THE QUESTION OF SOVIET ASSISTANCE TO CHINA IN THE WAR AGAINST JAPAN (1943-1945)

The article deals with the actual problem of cooperation in the framework of assistance to China by the Soviet Union in the fight against a common enemy – Japan, during the Second World War. After all, the study of Soviet-Chinese relations is of great importance for understanding modern international relations in Asia and the world as a whole. The purpose of the article is to summarize historical material on the issue of mutual assistance of the USSR and China during the war against Japan for the period from 1943 to 1945, as well as to understand exactly what factors and to what extent hindered the cooperation of the USSR and the Republic of China in the joint counteraction of Japanese aggression in the Far Eastern region. The choice of the research object is due to its relevance and insufficient knowledge of the interaction of the two great powers during the Japanese aggression and World War II from the point of view of diplomatic relations. The methodology of the article is based on general scientific methods of cognition common to the humanities and other sciences, as well as special scientific principles (historicism, objectivity, consistency). In conclusion, the author of the article came to the following conclusions: the stages of assistance were carried out within three stages. The first stage – 1932-1937 – is a period of establishing ties between the countries, as well as restoring previously severed diplomatic relations; the second – 1937-1941 – is a period of active assistance to the PRC from the USSR; The third is 1943-1945, characterized by the fact that countries are preparing for the entry of the USSR into the war with Japan.

Key words: *history, Soviet Union, Japanese aggression, World War II, Republic of China, foreign policy, diplomacy, Asia.*

Н.П. БРОДСКАЯ

кандидат политических наук,
с.н.с. ИМЭМО РАН, Россия, г. Москва

БОЛЬШИЕ ЯЗЫКОВЫЕ МОДЕЛИ: ГЕНЕРАТИВНЫЕ МОДЕЛИ ИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЛИЯНИЯ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В наши дни развитие ИИ-технологий, основанные на принципах машинного обучения, привели к серьезным изменениям во многих областях общественной жизни. При этом генеративные модели искусственного интеллекта, большие языковые модели, являются одной из самых инновационных технологий последних лет. В исследовании рассматриваются актуальные проблемы применения генеративного ИИ в современном социальном пространстве и возможные риски его адаптации к реалиям современного мира. Особое внимание уделяется вопросам влияния технологий ИИ на распространения дезинформации и манипуляции общественным мнением.

Ключевые слова: искусственный интеллект, технологии ИИ, генеративные технологии, большие языковые модели, ChatGPT.

Сегодня искусственный интеллект (ИИ), считается типичной технологией XXI века, хотя его концепция возникла в середине прошлого века, мало кого заинтересовав в то время. Как известно, сам термин «искусственный интеллект» был предложен американским ученым Джоном Маккарти в 1956 году во время исторического Дартмутского летнего исследовательского проекта по искусственному интеллекту, где рассматривался вопрос: можно ли моделировать рассуждения, интеллект и творческие способности с помощью вычислительных машин [19]. Долгие десятилетия практическое применение технологий ИИ вызывало большой скепсис [1], но в начале XXI века, с внедрением технологии глубокого обучения [2], ИИ перестал быть исключительно научной концепцией.

Результаты глубокого обучения действительно демонстрируют замечательный прогресс. Метод глубокого обучения оказался поразительно универсальным подходом, эффективным не только при распознавании объектов и речи, но также и для многих других задач, которые раньше считались

неподвластными для машин. В настоящее время глубокое обучение остается очень мощным, но при этом достаточно ограниченным инструментом. Как отмечают многие специалисты в области ИИ, главная проблема нынешнего искусственного интеллекта – его крайняя узость. Сегодня он пригоден лишь для решения очень конкретных задач – тех, на которые он запрограммирован, и это при условии, что встречающиеся ему вещи и ситуации не слишком отличаются от тех, с которыми он уже имел дело ранее. Узкие ИИ-системы, которыми человечество располагает на данный момент, вполне работоспособны, их производительность в точных и узкоспециализированных задачах является сверхчеловеческой, но им нельзя доверять никаких других задач помимо тех, которые в точности были предусмотрены программировавшими их людьми. Считается, что даже множество узких вариантов искусственного интеллекта никогда не заменит интеллект широкий. Искусственный интеллект должен уметь справляться не только с ограниченными по своей сути проблемами, для решения которых в память машины уже загружено огромное количество данных, но также и с проблемами, которые окажутся для компьютерных систем новыми, или хотя бы с такими вариациями исходной проблемы, которые ранее не встречались. Есть мнение, что развитие ИИ сейчас идет по неверному пути и большинство нынешних усилий направлено на создание, по сути, не очень разумных машин, которые выполняют лишь самые узкие задачи и полагаются в первую очередь на большие данные, а не на то, что называется глубоким пониманием [6. С. 265]. Ян Лекун, возглавляющий лабораторию искусственного интеллекта в Facebook и занимающий должность вице-президента и ведущего исследователя искусственного интеллекта в корпорации Meta (4), считает, что: «Более универсальный машинный интеллект, прогресс в достижении которого был и остается очень медленным, заключается в способности системы гибко адаптироваться к реальному миру. Для решения этой задачи обучения с учителем и обучения с подкреплением... недостаточно. Нужно изобрести новую парадигму, чтобы машина могла бы встать на один уровень с обучением человека или животного» [4. С. 281-282].

Одним из наиболее востребованных направлений в области искусственного интеллекта на сегодняшний день становятся большие языковые модели (Large Language Model, LLM). Большие языковые модели – это нейросетевые модели, которые используют алгоритмы машинного обучения, позволяющие прогнозировать, обобщать, а также генерировать речь на основе больших наборов текстовых данных. Принцип работы больших языковых моделей основывается на определении вероятностного сочетания слов и их значений в заданном контексте с использованием определенных алгоритмов вычислений. LLM – это математические представления закономерностей, встречающихся в использовании естественного языка, и они способны генерировать текст – отвечать на вопросы, поддерживать

беседу – делая вероятностные выводы о следующем слове в последовательности, по сути, создавая текст, контекстуально соответствующий исходному запросу. Основное применение LLM в наши дни находят в чат-ботах, написании статей, электронных писем, переводах текстов и т.д. [11].

Наиболее известным примером больших языковых моделей является ChatGPT 4.0. GPT (Generative Pre-Trained Transformer) – авторегрессионная генеративная языковая модель, созданная на основе технологии трансформеров (3). ChatGPT – это языковая модель, основанная на новой версии нейросетевой модели GPT-3,5. Модель разработала компания OpenAI, основанная Илоном Маском в 2015 году, в сотрудничестве с Microsoft на суперкомпьютерной инфраструктуре Azure, для тренировки которой использовались методы обучения с учителем и обучения с подкреплением. ChatGPT – это чат-бот, обученный на огромном количестве текстовых данных из интернета, способный вести диалог, выдавая этичные ответы на любые вопросы. По сути, она предназначена угадывать, о чем пойдет речь дальше, если задать ей в качестве примера вопрос или текст. Когда ChatGPT дается какой-либо текст для работы, она использует то, что «узнала» из массивного набора данных, чтобы попытаться предсказать, какой текст должен быть следующим. Модель делает это, разбивая входной текст на более мелкие части и используя сложную математику, чтобы выяснить, какой должна быть наиболее вероятная следующая часть. Затем, как только модель предсказала, какой должна быть следующая часть текста, она генерирует этот текст и использует уже его, чтобы продолжать прогнозировать, что будет дальше. Этот процесс продолжается до тех пор, пока ChatGPT не сгенерирует полный ответ на исходный текст. Модель может сочинять рассказы, стихи, музыку, генерировать картинки. Помимо прочего, она способна выдавать базовый программный код. С 30 ноября 2022 года пользователям был открыт свободный доступ к ChatGPT, а уже в феврале 2023 года число пользователей ChatGPT превысило 100 млн. человек по всему миру и установило рекорд для нейросетей.

Одним из главных достижений ChatGPT является улучшение понимания и генерации ответов в рамках диалогов, при этом она стремится установить и поддерживать связь с пользователем, может быть настроена на работу в разных стилях и контекстах, способна «перевоплощаться» в различные персонажи или обладать специфическим стилем речи. Это позволяет использовать ChatGPT для создания интерактивных чат-ботов и персональных помощников с более естественным и человекоподобным поведением. Модель способна не только понимать и отвечать на разнообразные вопросы, но и генерировать ответы, содержащие достаточно подробную и полезную информацию. Благодаря обучению на больших объемах текстовых данных и методу обратной связи от пользователей, ChatGPT имеет способность совершенствоваться и улучшаться.

Билл Гейтс назвал ChatGPT одной из двух революционных технологий, сумевших поразить его на протяжении всей его жизни [12]. Он оптимистично рассуждает о том, как можно использовать данный инструмент для повышения производительности труда, а также для уменьшения глобального неравенства – в работе, здравоохранении и образовании. Гейтс считает, что искусственный интеллект, интегрированный в цифровые рабочие инструменты, такие как Microsoft Office, сможет помочь в управлении почтой и создании писем. По мере удешевления вычислительных мощностей, уверен он, способность GPT выражать идеи все больше будет напоминать наличие личного ассистента, который сможет взять на себя решение большого круга задач. ИИ уже широко используется в здравоохранении для анализа медицинских данных и разработки лекарств, но следующая версия технологии, полагает Гейтс, сможет помочь в более точном прогнозировании побочных эффектов лекарств и расчете дозировок. Все это сможет стать инструментом для решения проблем здравоохранения, от которых страдают самые бедные люди в мире. Он отметил возможность использования ИИ в сельском хозяйстве в бедных странах, посредством разработки семян, адаптированных к местному климату, и создания вакцин для домашнего скота. Гейтс предсказывает, что ИИ сможет совершить революцию в сфере образования в ближайшие 5-10 лет, представляя контент, адаптированный к стилям обучения учащихся, а также поняв, что мотивирует отдельных учащихся или заставляет их терять интерес к предметам. ИИ также сможет помочь учителям планировать обучение по курсу и оценить понимание учащимися изученных тем. «Чтобы максимально эффективно использовать эту замечательную новую технологию, нам нужно как защититься от рисков, так и распространить ее преимущества среди как можно большего числа людей» – считает Билл Гейтс. К числу отрицательных моментов в применении модели генеративного ИИ миллиардер отнес то, что ChatGPT на данном этапе не всегда корректно понимает контекст запроса и беспомощен в работе с абстрактными задачами.

В свою очередь, многие специалисты в области ИИ не разделяют точку зрения Била Гейтса и считают, что долгосрочные риски внедрения современных моделей генеративного искусственного интеллекта во многом превосходят потенциальные плюсы его использования. Одной из главных проблем называется негативное влияние широкого применения ChatGPT на рынок труда. Качественное отличие применения подобных технологий состоит в том, что человек постепенно выходит из традиционного экономического уклада. Так, по прогнозам Goldman Sachs, развитие ChatGPT и других форм генеративного искусственного интеллекта приведет к значительным потрясениям на рынке труда, полностью автоматизировав до 25% рабочих мест в развитых экономиках [13]. В самих США развитие ИИ не затронет только 30% работников, занимающихся физическим трудом. Наибольшему риску

потерять работу, по их прогнозам, подвержены юристы и административный персонал, а со временем искусственный интеллект сможет выполнять такие задачи, как заполнение налоговых деклараций, оценка сложных страховых случаев или документирование осмотра места преступления.

Технологии, подобные ChatGPT, дают человечеству широкие перспективы во многих областях науки, медицины, образования, развлечений и даже искусства. Вместе с тем, они в свою очередь предоставляют новые безграничные возможности манипуляций и влияния на общественное сознание. Так, Европол предупредил о потенциальных рисках для киберпространства, которые уже исходят от существующих языковых моделей на основе ИИ, таких как ChatGPT [9]. Опубликованный весной 2023 года, он указывает на три основные сферы преступлений, в которых может быть использован искусственный интеллект: мошенничество, дезинформация и киберпреступления. При совершении мошенничеств, преступники, по мнению Европола, могут использовать способности ChatGPT создавать реалистичные и убедительные тексты, а также имитировать речь и стилистику конкретных людей. Кроме того, злоумышленники смогут быстрее и эффективнее собирать информацию о потенциальных жертвах. Способность модели генерировать вредоносный код помогает преступника с низкими техническими навыками организовывать кибератаки. При этом более продвинутые злоумышленники могут автоматизировать киберпреступления с помощью возможностей языковых моделей. Также в Европоле считают, что применение языковых моделей может упростить процесс создания фэйковой информации и дипфейков, которые можно использовать для дезинформации, мошенничества и вымогательств.

Возможности ChatGPT создавать уникальный контент в виде текстов, научных статей, новостей действительно видятся актуальной опасностью применения данной технологии в современном мире. Чем больше контента генерируется ИИ, тем сложнее понять, был ли он создан человеком, тем более, если эти тексты хорошо индексируются поисковиками и активно распространяются. В условиях широкого распространения информации очень сложно бывает понять, кем она создана и насколько реальна. Еще до создания большой языковой модели со столь широкими возможностями, отмечалось применение ИИ-технологий в глобальном цифровом пространстве, как нерегулируемого эффективного инструмента геополитического и экономического влияния владельцев цифровых платформ и сервисов, задающих современные потребительские, общественно-политические и социокультурные тренды [7]. Еще в ноябре 2020 года были опубликованы результаты исследования [10], согласно которым специально «обученные» ИИ-системы способны выявлять «уязвимости» в процессах принятия решений человека и, воздействуя на них, подталкивать индивидуума к определенному выбору. На этапе исследований эффективность манипуляционных

алгоритмов в лабораторных тестах составляла около 70%. И такой выбор воспринимается человеком как исключительно свой, а не навязанный со стороны. В глобальных электронных СМИ и агрегаторах новостей подобные ИИ-системы уже определенное время используются для фильтрации, обработки и классификации информации, таргетированного доведения ее до конечного потребителя, как исходя из его личных предпочтений, так и с учетом редакционной политики цифровой платформы или издания. Применение подобных ИИ-инструментов не ограничивалось новостными ресурсами и платформами. Так, например, самый распространенный в мире поисковик Google американской компании Alphabet использует технологии ИИ для автоматического осмысления сложных поисковых запросов, оптимизации поисковой выдачи, включая игнорирование нежелательных источников информации и отдельных публикаций, и развития «умной» системы рекомендаций на принадлежащих компании ресурсах.

Группа исследователей из OpenAI, Стэнфордского и Джорджтаунского университетов провела изыскания с целью определить возможности модели ChatGPT отвечать на вопросы, связанные с дезинформацией [15]. В итоге, они пришли к заключению, что по мере того, как генеративные языковые модели становятся более доступными, их легче использовать чтобы писать более достоверные и убедительные тексты, а значит, процесс производства дезинформационного контента станет более простым и дешевым. Все это может сделать современные генеративные технологии эффективным инструментом для операций влияния в будущем. В свою очередь, в докладе организации Freedom House говорится о том, что все больше стран стали активно использовать технологию дипфейков (2), основанную на генеративных технологиях ИИ, для манипулирования общественным мнением [14]. Основной вывод доклада заключается в том, что современный генеративный ИИ, на основе которого создаются фальшивые интервью, речи и события, стал новейшим инструментом в руках политических деятелей для манипуляции информацией. Допускается, что в недалеком будущем возможна подделка любого цифрового материала, будь то онлайн-видео, заранее записанная речь, кадры с камеры видеонаблюдения или видео с уличными из зала суда. Создание дипфейков базируется на технологии, называемой генеративными состязательными сетями (GAN – generative adversarial networks), и состоящей из пары «состязательных» нейронных сетей глубокого обучения. Первая, генератор, пытается создавать что-то, что выглядит реалистично. Вторая сеть, дискриминатор, сравнивает это с подлинным изображением. Основываясь на обратной связи с дискриминатором, генератор переобучается так, чтобы в следующий раз обмануть дискриминатор. На выходе создается настолько точная подделка, что отличить ее от оригинала практически невозможно [5. С. 80]. Появление технологии ChatGPT во многом облегчило создание исключительно высококачественных

дипфейков. Эта модель может создавать ролики с использованием предварительно записанных голосов, которые необходимо сопоставить с лицами на видео. ChatGPT поддерживает встроенное редактирование видео, что делает работу с дипфейками более удобной. Доступность и универсальность технологии делают процесс создания высококачественной дезинформации рутинным и незатратным, что позволяет сравнивать ее с «пороховой бочкой» [20].

Вместе с тем, возможный потенциал современных языковых моделей состоит и в перспективе качественного усовершенствования политического астротурфинга (1). По сути, это практика маскировки спонсоров сообщения или организаций (политических, рекламных, религиозных или общественных), чтобы создать впечатление, будто они исходят от незаинтересованных граждан и поддерживаются ими. Подобный эффект достигается путем создания большого количества фальшивых комментариев или отзывов в Интернете, которые преследуют цель ввести общество в заблуждение и заставить поверить в то, что данная позиция является широко поддерживаемой точкой зрения [8]. Термин «астротурфинг» происходит от названия компании AstroTurf – бренда синтетических ковровых покрытий, созданных, чтобы имитировать натуральную траву. Первое такое покрытие было установлено в 1966 году и за последующие десятилетия искусственные травяные покрытия настолько усовершенствовались, что их стало практически невозможно отличить от реальных. С помощью новых методов генеративного интеллекта многократно возрастает возможность вводить большое количество людей в заблуждение, снижать доверие к подлинным социальным инициативам, которые могут быть расценены как поддельные и соответственно способствовать дискредитации демократических процессов внутри страны [17].

Выпуск чат-бота ChatGPT и невероятная популярность модели способствовала возобновлению гонки технологического «вооружения» среди высокотехнологических компаний по разработке и внедрению аналогичных инструментов искусственного интеллекта в свои продукты. OpenAI, Microsoft и Google находятся в авангарде этой тенденции, но и IBM, Amazon, Baidu и Tencent работают над аналогичными продуктами.

В этих условиях в марте 2023 года более 1000 экспертов в области искусственного интеллекта и представителей IT-индустрии призвали ввести полугодовой мораторий на обучение ИИ-систем более производительных, чем модель GPT-4 компании OpenAI. В число подписантов вошли такие известные личности, как основатель, генеральный директор и главный инженер SpaceX, владелец X Corp. (Twitter, Inc.) Илон Маск, соучредитель Apple Стив Возняк, известный писатель-философ Юваль Ной Харари, а также десятки известных специалистов в области ИИ. В открытом письме они предупредили о потенциальных рисках дальнейшего

развития генеративного ИИ для общества [21]. В письме, опубликованном некоммерческим институтом Future of Life, был озвучен призыв «поставить на паузу» разработку ИИ до того, как будут разработаны общие протоколы и стандарты безопасности, применение которых будет проверяться независимыми аудиторами. В послании подчеркивается, что мощные ИИ-системы должны разрабатываться только после того, как человечество будет уверено в позитивных последствиях такого развития и в том, что связанные с ними риски будут управляемыми. Там же упоминается о потенциальных угрозах для общества и цивилизации со стороны способных конкурировать с людьми ИИ-систем, что может привести к экономическим и даже политическим потрясениям.

При этом отдельные представители IT-индустрии призывают и вовсе к бессрочному запрету развития искусственного интеллекта, поскольку, по их мнению, появление сверхчеловечески умной компьютерной модели приведет к гибели всех людей, поскольку подобные системы не станут заботиться о разумной жизни в целом. Например, американский аналитик и противник искусственного интеллекта Элиезер Юджовский предлагает задуматься о том, что искусственный интеллект рано или поздно сможет выбраться за пределы интернета, если этого захочет, и возможно научится красть расшифрованную ДНК отдельного человека и создавать на их основе искусственные формы жизни или даже организует постбиологическое молекулярное производство, при котором станет возможным пересобирать одни вещества в совершенно другие [23]. С ним полностью солидарны многие ученые, которые считают, что бесконтрольные разработки в этой области привели к тому, что человечество добилось прогресса, которого не ожидало.

18 июля 2023 года Совет безопасности ООН в свою очередь провел первое в истории заседание по теме ИИ под заголовком «Искусственный интеллект: возможности и риски для международного мира и безопасности». Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш заявил в своем докладе, что применение искусственного интеллекта может иметь очень серьезные последствия для глобального мира и безопасности, а появление генеративного ИИ может стать определяющим моментом для дезинформации и разжигания ненависти и инструментом, подрывающим истину, факты и безопасность [22]. Гутерриш также выразил поддержку призывам некоторых стран к созданию нового органа ООН для поддержки коллективных усилий по управлению этой экстраординарной технологией по образцу Международного агентства по атомной энергии, Международной организации гражданской авиации или Межправительственной группы экспертов по изменению климата. Интересно, что Россия, в лице заместителя посла России при ООН Дмитрия Полянского, усомнилась в том, что Совету, на который возложена задача поддержания международного мира и безопасности, следует обсуждать искусственный интеллект. При этом Россия

последовательно выступает против формирования наднациональных органов в сфере ИИ, ратуя за равноправный взаимоуважительный диалог между суверенными членами международного сообщества, при должном учете всех законных интересов и озабоченностей участников переговорного процесса. При условии, что никакие ИИ не должны ставить под сомнение моральную и интеллектуальную автономию человека [3].

Таким образом, в наши дни развитие ИИ-технологий, основанные на принципах машинного обучения, привели к серьезным изменениям во многих областях общественной жизни. При этом генеративные модели искусственного интеллекта являются одной из самых инновационных технологий последних лет. Современные алгоритмы, способные молниеносно обрабатывать большие объемы информации, создавать новый контент – тексты, видео, изображение и генерировать код программирования, дают миру невиданные ранее перспективы в различных областях общественной жизни. Вместе с тем, обладая возможностью создавать правдоподобный контент, генеративные модели ИИ могут нести в себе определенные риски использования подобных инструментов в целях распространения дезинформации и манипуляции общественным сознанием. Подобные технологии ставят под угрозу стабильность существования общества в целом, основанную в том числе на принципах достоверности и объективности. Стремительность и непредсказуемость развития новейших технологий ИИ чрезвычайно осложняет процесс их осмысления и затрудняет разработку методов предотвращения злоупотребления генеративными моделями в целях манипуляции общественным мнением и формирования искаженного представления о действительности. Очевидно, назрела потребность в создании международных правил и стандартов, контролирующих распространение и применение генеративных моделей ИИ которые могли бы сохранить равновесие между технологическим развитием и стабильностью общественной жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Астротурфинг – это попытка создать впечатление широко распространенной поддержки для какого-либо события, компании, товара или проекта.

(2) Дипфейки – это искусственно созданные медиа-контенты, включая видео и аудиозаписи, которые могут быть крайне реалистичными и порой практически неотличимы от настоящих записей.

(3) Трансформер – архитектура глубоких нейросетей, которые предназначены для обработки текстов на естественном языке, перевода, суммаризации, но не требует обработки текста по порядку.

(4) Meta – признана экстремистской организацией в России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бродская Н.П.* Искусственный интеллект: социальные риски и вызовы. 2021. № 11.
2. *Бродская Н.П.* Искусственный интеллект – проблемы безопасности личности. 2022. № 11.
3. Выступление и.о. Постоянного представителя Д.А. Полянского на заседании СБ ООН по искусственному интеллекту 18 июля 2023 г. / Постоянное Представительство Российской Федерации при ООН // https://russia.un.org/ru/news/180723_ai.
4. *Лекун Ян.* Как учится машина. Революция в области нейронных сетей и глубокого обучения. М.: Интеллектуальная литература, 2020.
5. *Ли Кай-Фу.* ИИ 2041. Десять образцов нашего будущего. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2022.
6. *Маркус Г., Дэвис Э.* Искусственный интеллект: перезагрузка. Как создать машинный разум, которому действительно можно доверять. М.: Интеллектуальная литература, 2020.
7. *Ровинская Т.В.* Свобода слова в условиях цифровой диктатуры IT-корпораций // Полис. Политические исследования. No 2 // <http://doi.org/10.17976/jpps/2022.02.03>.
8. *Bienkov A.* Astroturfing: what is it and why does it matter? // The Guardian. February 8, 2012 // <https://www.theguardian.com/commentisfree/2012/feb/08/what-is-astroturfing>.
9. ChatGPT – the impact of Large Language Models on Law Enforcement // Europol. 17 Apr 2023 // <https://www.europol.europa.eu/publications-events/publications/chatgpt-impact-of-large-language-models-law-enforcement>.
10. *Dezfooli A., Nock R., Dayan P.* Adversarial vulnerabilities of human decision-making // <https://www.pnas.org/doi/10.1073/pnas.2016921117>.
11. *Foy P.* What is a Large Language Model (LLM)? // Machin Learning Quant.ai // <https://www.mlq.ai/what-is-a-large-language-model-llm/>.
12. *Gates B.* The Age of AI has begun // GatesNotes. The Blog of Bill Gates. March 21, 2023 // https://www.gatesnotes.com/The-Age-of-AI-Has-Begun?WT.mc_id=20230321100000_Artificial-Intelligence_BG-TW_&WT.src=BG.
13. Generative AI set to affect 300mn jobs across major economies // Financial Times. 23 March 2023 // <https://www.ft.com/content/7dec4483-ad34-4007-bb3a-7ac925643999>.
14. Generative AI Is the Newest Tool in the Dictator’s Handbook // GIZMODO. The Future is Here. October 4, 2023 // <https://gizmodo.com/freedom-house-2023-freedom-on-the-net-report-ai-1850887842>.
15. *Goldstein J.A., Sastry G., Musser M., DiResta R., Gentzel M., Sedova K.* Generative Language Models and Automated Influence Operations: Emerging Threats and Potential Mitigations // Georgetown University’s Center for Security

and Emerging Technology, OpenAI, Stanford Internet Observatory. January 2023 // <https://cdn.openai.com/papers/forecasting-misuse.pdf>.

16. Introducing ChatGPT // <https://openai.com/blog/chatgpt/>.

17. *Marcellino W., Beauchamp-Mustafaga N., Kerrigan A., Chao L.N., Smith J.* The Rise of Generative AI and the Coming Era of Social Media Manipulation 3.0. Next-Generation Chinese.

18. Astroturfing and Coping with Ubiquitous AI // RAND Corporation. September 2023 // https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/perspectives/PEA2600/PEA2679-1/RAND_PEA2679-1.pdf.

19. *McCarthy J., Minsky M.L., Rochester N., Shannon S.E.* A PROPOSAL FOR THE DARTMOUTH SUMMER RESEARCH PROJECT ON ARTIFICIAL INTELLIGENCE. August 31, 1955 // <http://www-formal.stanford.edu/jmc/history/dartmouth/dartmouth.html>.

20. *Pasternak A.* GPT-powered deepfakes are a ‘powder keg’ // Fast Company. February, 2, 2023 // <https://www.fastcompany.com/90853542/deepfakes-getting-smarter-thanks-to-gpt>.

21. Pause Giant AI Experiments: An Open Letter. // Future of Life Institute. March 22, 2023 // <https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments/>.

22. Secretary-General Urges Security Council to Ensure Transparency, Accountability, Oversight, in First Debate on Artificial Intelligence // <https://press.un.org/en/2023/sgsm21880.doc.htm>.

23. *Yudrowsky E.* Pausing AI Developments Isn’t Enough. We Need to Shut it All Down // TIME. March 29, 2023 // <https://time.com/6266923/ai-eliezer-yudkowsky-open-letter-not-enough/>.

N.P. BRODSKAYA

*Cand. Of Science (Politics), Senior Researcher,
Institute of World Economy and International Relations
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

LARGE LANGUAGE MODELS: GENERATIVE AI MODELS AS A TOOL OF INFLUENCE IN THE SOCIAL SPACE OF MODERN SOCIETY

Nowadays, the development of AI technologies based on the principles of machine learning has led to serious changes in many areas of public life. At the same time, generative models of artificial intelligence, large language models, are one of the most innovative technologies of recent years. The study examines the current problems of the use of generative AI in the modern social space and the possible risks of its adaptation to the realities of the modern world. Particular attention is paid to the impact of AI technologies on the spread of disinformation and manipulation of public opinion.

Key words: *artificial intelligence, AI technologies, generative technologies, large language models, ChatGPT.*

С.И. ПОПОВ

*кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры публичной политики и истории государства
и права Юридического института Российского университета
дружбы
народов имени Патриса Лумумбы, Россия, г. Москва*

О.Е. ГРИШИН

*кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры публичной политики и истории государства
и права Юридического института Российского университета
дружбы
народов имени Патриса Лумумбы, Россия, г. Москва*

О.А. НЕСТЕРЧУК

*доктор политических наук, профессор, профессор кафедры
публичной политики и истории государства и права Юридического
института Российского университета дружбы народов
имени Патриса Лумумбы; профессор кафедры политологии и
политического управления Института общественных наук
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации,
Россия, г. Москва*

ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТРУМЕНТАРИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ВЫБОРОВ В ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

В статье анализируются развивающиеся направления модификации средств и методов проведения выборов в органы государственной власти и местного самоуправления. Продемонстрирован прогресс в развитии избирательных технологий в контексте появления технических новшеств. Обозначено дискуссионное проблемное поле, возникающее при реализации новых технологий в избирательных кампаниях. Показаны векторы дальнейшего развития технологий дистанционного электронного голосования.

Ключевые слова: выборы, органы государственной власти, местное самоуправление, избирательные технологии, избирательный процесс, избирательные кампании, дистанционное электронное голосование.

Проблемы трансформации инструментария организации и проведения выборов в представительные органы власти любого уровня постоянно находятся в поле зрения представителей самого широкого круга исследователей: социологов, политологов, психологов, юристов, политтехнологов и представителей иных профессий, тесно связанных с избирательным процессом.

Особый интерес, данное явление вызывает у специалистов в области государственного и муниципального управления, самих государственных и муниципальных служащих, депутатов и выборных должностных лиц, представителей политических партий, кандидатов-самовыдвиженцев. Именно от реализации указанного процесса зависит само формирование органов представительной и исполнительной власти, их качественный и персональный состав.

В наше динамичное время стремительно меняется окружающий мир, условия развития социума, появляются новые и трансформируются старые ориентиры общества. Все это происходит по большей части в связи с появлением новых современных технологий, которые все больше проникают во все сферы нашей жизни, и, избирательные технологии в этом смысле не являются исключением. Только за последние 20 лет наша страна прошла путь от создания государственной автоматизированной системы «Выборы» (ГАС «Выборы») и начала применения КОИБов (Комплексов обработки избирательный бюллетеней), до использования технологий электронной агитации и дистанционного электронного голосования (ДЭГ).

Безусловно, на каждом новом витке внедрения новых технологий в избирательный процесс эти явления вызывали и до сих пор вызывают дискуссии, как в обществе, так и в кругу специалистов. Не оставалось в стороне и научное сообщество, которое не только участвовало в полемике, но и отмечает как позитивное, так и возможные риски при внедрении тех или иных новаций в избирательные действия и законодательство. Речь в данном случае идет не только, и даже не столько о применении достижений современной электроники, сколько, прежде всего о внесении изменений в параметры избирательной системы, корректировка сроков и различных процедур в рамках избирательного процесса. Как впоследствии показала практика, такие трансформации могут оказывать самое серьезное влияние на реформирование политического ландшафта и управленческих тенденций, и, как следствие, на изменение настроений в обществе, что гипотетически

вполне могло сказаться на политической, экономической и социальной стабильности в государстве [5].

Традиционно, избирательный процесс рассматривается укрупнено в двух компонентах: организационная составляющая (т.е. законодательный порядок организации избирательного процесса) и деятельность, непосредственно связанная с борьбой политических партий и кандидатов для достижения победы в предвыборной гонке. В рамках нашего анализа современных тенденций трансформации инструментария проведения выборов в органы государственной власти и местного самоуправления мы также будем придерживаться сложившейся традиции.

Практически бесспорно, что в настоящий момент основными трендами организации и проведения избирательных кампаний становятся цифровые технологии. Это и не удивительно, так как в современном постиндустриальном обществе IT-технологии сегодня получили свое применение практически во всех сферах окружающей нас действительности от бытовых коммуникаций до высокотехнологичных систем управления жизнедеятельностью, включая медицину, образование, жилищно-коммунальное хозяйство, транспорт, правоохранительные структуры, политическое, государственное и муниципальное управление [3; 9].

Конечно же, цифровой прорыв в области избирательных технологий произошёл не одномоментно и начался не вчера и не сегодня. Помимо упомянутых выше систем ГАС «Выборы» и КОИБов, в него постепенно интегрировались средства электронных коммуникаций, в том числе и социальные сети [6]. Однако все эти новшества до последнего времени не посредственно не затрагивали личностный Я-образ каждого избирателя, в отличие от новаций последнего времени. Именно этот факт следует считать отправной точкой при оценках и исследованиях настроений общества в связи с началом применения и использованием новейших избирательных технологий.

Отметим, что одно из ключевых мест занимает оценка использования механизмов агитации электората партиями и кандидатами через приложения современных мобильных устройств. До той поры, пока в арсенале избирательных штабов имелись лишь сайты и электронные приемные граждан, через которые осуществлялось информирование избирателей о кандидате и его взаимодействие с потенциальным электоратом это не вызывало никакой озабоченности ни у населения, ни у избирательных комиссий, ни у конкурентов. Причина довольно проста – традиционные способы и методы работы с избирателями дополнялись аналогичными возможностями электронного взаимодействия. Как только отдельные «продвинутые» кандидаты попытались использовать для своей агитации телеграм-каналы и другие мобильные приложения, использование которых, предполагает наличие у избирателя порой весьма дорогостоящего смартфона, то дело приняло уже совершенно иной оборот. Избирательные комиссии и судебные инстанции

были завалены исками от кандидатов-конкурентов о снятии с предвыборной гонки участников, использовавших указанные методы агитации. Если в период выборов депутатов Государственной Думы 2021 года это были лишь единичные случаи, то во время проведения избирательных кампаний в представительные органы местного самоуправления в Москве в 2022 году они приняли массовый характер. Малозначительные на первый взгляд факты и отступления от норм закона, такие как высокая вероятность отсутствия в личной собственности каждого избирателя смартфона, не предоставление в избирательную комиссию образцов агитационных материалов (в том числе и в электронном виде), размещенных на электронных площадках, наличие в телеграмм-канале фотографий и видеосюжетов с музыкальным сопровождением, использованных с нарушением авторских прав, в совокупности приводит к попранию одного из основополагающих принципов организации выборов – равенства возможностей политических партий и кандидатов. Суды, конечно же, удовлетворяли требования истцов, ибо очевидно нарушение такими «продвинутыми» кандидатами избирательного законодательства [8].

Кандидатам, принимающим участие в предвыборной гонке, к положениям избирательного законодательства, требуется относиться особенно серьезно. В этой ситуации целесообразно руководствоваться именно принципом «все, что не разрешено – то запрещено», а никак не наоборот. Если выразиться более мягко, то те действия кандидата, которые, прямо не подкреплены законодательно, могут обернуться против самого кандидата и иметь целый ряд очень серьезных последствий, например, снятие с предвыборной гонки.

Особо инновационными представляются процедуры многодневного и дистанционного электронного голосования. Впервые практика многодневного голосования была применена в России в 2020 году, что вполне соответствовало реалиям того времени, связанными с пандемией COVID-19.

21 июля 2020 года Госдума приняла закон № 267-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», позволяющий проводить выборы в течение нескольких дней подряд, не более трех, в избирательных кампаниях любого уровня. Поправки о многодневном голосовании были внесены в федеральные законы № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12 июня 2002 года и № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 22 февраля 2014 года. В соответствии с ними № 67-ФЗ был дополнен статьей 63.1, № 20-ФЗ – статьей 80.1 соответственно.

Пандемия COVID-19 закончилась, все ограничения для населения давно сняты, однако практика многодневного голосования успешно прижилась. С одной стороны, удобство для избирателей при таком подходе очевидно,

с другой, подобный напряженный режим работы для участковых избирательных комиссий, наблюдателей, государственных и муниципальных служащих, всесторонне обеспечивающих функционирование избирательных участков и бесперебойную деятельность участковых комиссий, правоохранительных органов чрезвычайно осложнился с учетом повышения требований в отношении качества и надежности, профессионализма их деятельности [7].

Официальный старт использованию дистанционного электронного голосования в России был дан федеральным законом № 60-ФЗ от 14 марта 2022 года «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», дополнивший федеральный закон № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12 июня 2002 года статьей 64.1, специально посвященной этой процедуре. Заметим, что дистанционное электронное голосование в порядке эксперимента начало применяться несколько раньше. Например, в 2019 году на выборах депутатов Мосгордумы, в 2020 году в ходе общероссийского голосования по принятию изменений в Конституцию Российской Федерации и на дополнительных выборах в Госдуму. В 2021 году городах Москве и Севастополе, Нижегородской, Ярославской, Курской, Мурманской и Ростовской областях при проведении выборов депутатов Госдумы, а также региональных и муниципальных органов власти. Попытаемся провести анализ особенностей процедуры и итогов дистанционного электронного голосования с момента его официального вступления в полную силу.

Ввиду широкой доступности и изобилия статистических данных остановимся на анализе проведения выборов представительных органов местного самоуправления в городе федерального значения Москве осенью 2022 года. В качестве примера возьмем избирательный округ № 1 Муниципального округа Беговой.

Первоначально обратимся к такому показателю как явка избирателей на голосование. Для наглядности данные, полученные из архива выборов Центральной избирательной комиссии Российской Федерации [1] сведем в табл. 1.

Год	Явка избирателей, %	Примечание
2008	46,35%	Муниципальные выборы были совмещены с выборами Президента Российской Федерации
2012	21,59%	
2017	19,53%	

Год	Явка избирателей, %	Примечание
2022	47,48%	На участках – 29,34%

Таблица 1. Явка избирателей для голосования на выборах депутатов Совета депутатов Муниципального округа Беговой (округ № 1) по годам

Тенденция очевидна. Если не считать день голосования 2008 года на которых муниципальные выборы были совмещены с Президентскими, средняя наблюдаемая явка избирателей колеблется около 20% и имеет тенденцию к снижению. Даже 2 марта 2008 года, когда избиратели получили в руки два бюллетеня, (явка на выборы Президента составила 69,81% [2]) треть из них проигнорировала голосование за муниципальных депутатов, что лишь подчеркивает не очень высокий интерес населения к деятельности местных органов власти.

Из анализа данных табл. 1 возникает очевидный вопрос, по какой причине осенью 2022 года увеличилась явка (почти в 2,5 раза)?

Органы государственной исполнительной власти, и члены Центральной избирательной комиссии объясняют это явление тем, что форма дистанционного электронного голосования чрезвычайно привлекательна для молодежи, которая львиную долю своего времени проводит в сети Интернет, и именно благодаря ДЭГ удалось повысить электоральную активность в молодежной среде.

Однако при применении дистанционного электронного голосования как относительно самой технологии, так и законодательных формулировок, специалисты в сфере IT-технологий отмечают следующее:

1. Отсутствие гарантий у членов избирательных комиссий по проведению и контролю ДЭГ – нужно сделать публичным список специалистов, задействованных в работе системы.

2. Система наблюдения не предусмотрена.

3. Ограничение избирательного права при сбоях.

4. Не существует гарантий контрольного подсчета голосов – процедура должна воспроизводиться в суде при спорах.

5. Сложность в толковании законов избиркомами [4].

На всех этапах своего развития общество всегда с большой настороженностью, порой граничащей с откровенной неприязнью, относилось к различным научным открытиям, техническим достижениям и новшествам. Не является исключением и наше время. Недоверие к новым цифровым технологиям, искусственному интеллекту и другим инновациям является неизменным спутником технического прогресса. Но все же специалистам в области государственного, муниципального, политического управления необходимо понимать, что внедрение и применение новых, в том числе

и цифровых технологий, должно происходить постепенно и аккуратно, по мере адаптации к ним общества с тем, чтобы ни при каких обстоятельствах не нарушить сбалансированное состояние социума, не подвергнуть риску политическую и социальную стабильность государства.

В этой связи в качестве примера уместно привести систему образования, которая в условиях пандемии COVID-19 повсеместно перешла на дистанционный формат обучения. С окончанием периода действия ограничений она не стала ни навязчиво продвигать, ни отбрасывать положительные наработки в этой сфере, продолжая использовать дистанционный формат как вспомогательный инструмент в процессах обучения слушателей и взаимодействия участников научного сообщества [10].

Таким образом, действительно, законодательное обеспечение избирательного процесса и регламентирование непосредственно выборов несколько отстает от реальной практики использования цифровых ноу-хау, но, тем не менее, необходимо продолжать совершенствовать применение таких технологий как на законодательном, так и на практическом уровнях, чтобы общество полностью доверяло и приняло их, как удобный и достоверный инструмент голосования на выборах любого уровня.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Выборы депутатов Совета депутатов муниципального округа Беговой // <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom>.

2. Выборы Президента Российской Федерации Москва Район Беговой // http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&tvd=100100022249920&vrn=100100022176412®ion=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vibid=100100022249940&type=227.

3. *Грачев М.Н.* Технологии «электронной демократии»: новые возможности и степень их востребованности в современных российских мегаполисах // Управление социальными инновациями: опыт, проблемы и перспективы: сборник статей VIII Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 19-20 ноября 2020 г. / под. ред. В.Г. Иванова. М.: РУДН, 2020.

4. На пути к цифровизации: плюсы и минусы ДЭГ // <http://vybor-naroda.org/lentanovostey/193789-na-puti-k-cifrovizacii-pljusy-i-minusy-djeg.html>.

5. Политическая стабильность: факторы, проблемы, риски / И.С. Амиантова, В.А. Глебов, О.Е. Гришин и др. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2023.

6. *Попов С.И., Соколов А.А.* Использование сетевых технологий в избирательном процессе: Россия и мир, перспективы и проблемы // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 3 (43).

7. Профессионализм деятельности: теоретические основы и актуальные проблемы / Г.И. Авцинова, А.А. Бодалев, Л.В. Вершило и др. Москва: Издательский дом «ЭКО», 2005.

8. Решение Черемушкинского районного суда по административному делу № 2а-920/22 от 31 августа 2022 года // <https://судебныерешения.рф/69097301>.

9. Шарипов О.Р., Попов С.И. Цифровизация в России. Первые оценки разработчиков IT-технологий и экспертов // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 12 (76).

10. Distance Learning in the Humanitarian Field amid the Coronavirus Pandemic: Risks of Creating Barriers and Innovative Benefits / V.A. Glebov, S.I. Popov, Yu.M. Lagusev et al. // *Propositos y Representaciones*. 2021. Vol. 9. № S3. DOI 10.20511/pyr2021.v9nSPE3.1258.

S.I. POPOV

*Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Public Policy and History of State and Law, Law
Institute
of the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia*

O.E. GRISHIN

*Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Public Policy and History of State and Law, Law
Institute
of the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia*

O.A. NESTERCHUK

*Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of
Public Policy and History of State and Law, Law Institute of the Peoples'
Friendship University of Russia; Professor of the Department
of Political Science and Political Management of the Institute
of Social Sciences of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian
Federation, Moscow, Russia*

TRENDS IN THE TRANSFORMATION OF TOOLS FOR HOLDING ELECTIONS TO STATE AUTHORITIES AND LOCAL SELF-GOVERNMENT

The article analyzes the developing trends in modifying the means and methods of holding elections to state authorities and local self-government. Progress in the development of electoral technologies in the context of the emergence of technical innovations has been demonstrated. The debatable problem field that arises when implementing new technologies in election campaigns is outlined. The vectors for further development of remote electronic voting technologies are shown.

Key words: *elections, public authorities, local government, electoral technologies, electoral process, election campaigns, remote electronic voting.*

С.А. БИГУЛОВ

аспирант, младший научный сотрудник

СОИГСИ ВНЦ РАН,

Россия, г. Владикавказ

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПАРЛАМЕНТА РСО-АЛАНИЯ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРЛАМЕНТОВ ГЕРМАНИИ, КАНАДЫ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Парламент Республики Северная Осетия-Алания не является уникальной единицей формирования региональной политики ни в Российской Федерации, ни в мировой практике. Возможность взглянуть на региональные парламенты в других государствах позволяет нам выявить схожие черты и различия в системе публичной власти регионов. Подобный анализ дает возможность оценить сложившуюся практику функционирования парламентов регионов в различных зарубежных странах и рассмотреть потенциальные пути дальнейшего развития Парламента РСО-Алания. Для подобного сравнения нами были выбраны ФРГ, Канада и Великобритания. Федеративная Республика Германия является одной из наиболее развитых и богатых федераций в мире. RAI (Индекс Регионального Влияния) ФРГ также является одним из самых высоких в мире. Канада является вторым по площади после Российской Федерации федеративным государством. Даже находясь под формальной властью Британской Короны, Канада использует мандат короны в региональной политике для укрепления влияния Законодательного Собрания. Объединенное Королевство, являясь унитарным государством, в конце XX в. пошло на регионализацию, и возродило парламенты входящих в ее состав королевств Шотландии и Уэльса. Процесс регионализации унитарного государства и повышения значимости региональных парламентов позволяет убедиться в возможности подобных преобразований. Парламент Республики Северная Осетия-Алания не представляет собой нечто, существенно отличающееся от рассмотренных в данной статье региональных парламентов. Таким образом, можно утверждать, что в потенциальном будущем вероятно дальнейшее движение на сближение парламента РСО-Алания и парламентов зарубежных государств. Однако подобные изменения возможны только лишь по итогу наличия консенсуса в обществе

по вопросу дальнейшей модернизации политической системы республики в общефедеральной структуре Российской Федерации.

Ключевые слова: парламент Республики Северная Осетия-Алания, Индекс Регионального Влияния, Баварский Ландтаг, Законодательное Собрание Саскачевана, Парламент Шотландии, Сенедд.

Парламент Республики Северная Осетия-Алания в системе публичной власти Российской Федерации является региональным представительным органом, функционирующим на основе конституции РФ, конституции РСО-Алания, а также иных законодательных актов. В соответствии с федеральным законодательством, в начале 2000-х годов различные парламенты регионов Российской Федерации были приведены к общему стандарту, установленному федеральной властью, исключая существование обособленных практик функционирования законодательного органа субъекта РФ. Тем не менее, рассмотрение Парламента РСО-Алания как части общемировой системы региональных парламентов позволяет более полно оценить текущее положение РСО-Алании как одного из регионов федеративного государства. Действительно, ведь сама концепция регионального представительного органа не является уникальной спецификой России, и, проведя сравнение положения Парламента РСО-Алания и региональных парламентов различных стран, мы можем лучше понять настоящую ситуацию и потенциальное направление развития.

Федерализм, закрепляющий особые права самостоятельных государственно-территориальных образований, объединенных в единое сложное государство, является относительно распространенной формой государственного устройства. Государства такого типа можно встретить на каждом заселенном континенте. Среди государств, функционирующих по принципу федерации, можно упомянуть Австралию, Австрию, США, Бразилию, Мексику, Индию, Нигерию, Эфиопию. В рамках любого из перечисленных выше государств существуют закрепленные в правовых актах и утвержденные на практике способы взаимодействия между федеральной властью и региональными субъектами. Однако различные формы взаимодействия общегосударственной власти и локального представительства можно встретить далеко не только в странах с закрепленным федеративным устройством. В рамках данной статьи мы не станем углубляться в общую сравнительную характеристику Республики Северная Осетия-Алания как субъекта Российской Федерации, и отдельных регионов в различных странах, но сосредоточимся исключительно на анализе региональных парламентов. Региональный парламент, будучи представительной ветвью власти на региональном уровне, непосредственно представляет народ, проживающий на данной территории. Сравнение его положения в рамках государственной

власти позволяет лучше понять существующую политическую ситуацию в регионе и наличествующие в мировой практике альтернативы.

Современная Федеративная Республика Германия состоит из 16 земель. 10 так называемых «старых земель», 5 «новых земель» бывшей ГДР, присоединившихся к ФРГ в 1990 г., плюс обособленный объединенный Берлин. Несмотря на различие между землями, традиционно Германия считается симметричной федерацией, в соответствии с конституционной нормой, равно как и Россия. Однако и в том, и в другом случае можно обнаружить дискуссионность данного тезиса. Существуют исследователи, указывающие как на вертикальную, так и на горизонтальную асимметрию немецкого федерализма, основанную как минимум на социально-экономической и культурно идеологической диспропорции [4]. Также существуют исследователи, относящие Россию к ассиметричным федерациям, как минимум на основании наличия различного статуса субъектов, таких как края, автономные области, автономные округа и республики [9. С. 389]. В рамках данной работы мы не станем углубляться в вопросы положения выбранных для сравнения субъектов в общефедеральной структуре конкретного государства, но сосредоточимся непосредственно на парламентских функциях.

В Германии один из самых высоких в мире Индекс Регионального Влияния (Regional Authority Index или RAI), измеряющий совокупность 9 критериев региональной автономности. В 2018 году RAI ФРГ составил 37,67, а в 2011 году Германия поставила рекорд за все зафиксированные 68 лет подсчетов RAI, с 1950 г., набрав 37,72. Для сравнения, в Российской Федерации RAI на 2018 г. составлял 21,86 [14]. Региональные парламенты в Германии носят наименование «ландтаг». Так, земельный парламент Баварии именуется Баварский ландтаг (нем. der Bayerische Landtag). Федеральная земля Вольное государство Бавария – самая крупная по площади, вторая по численности населения земля в Германии. Валовой региональный продукт Республики Бавария на 2021 г. составляет 661,5 млрд. евро, что на конец 2021 г. равно примерно 748,5 млрд. долларов [12]. Баварский ландтаг располагается на территории Мюнхена, и избирается раз в пять лет. Его четыре основных функции – это создание земельного правительства, осуществление контроля над его деятельностью, законотворческая деятельность и оказание содействия коллективным органам парламента. Численный состав ландтага после 2003 г. изменялся на различных выборах циклах и не является строго закрепленным. Так, для примера, ландтаг 16 созыва, действующий в период 2008-2013 гг. состоял из 187 депутатов, ландтаг 17 созыва (2013-2018) уже из 180 депутатов, а ландтаг 18 созыва (2018-2023) состоит из 205 депутатов. Выборы осуществляются по смешанной избирательной системе, знакомой гражданам России по выборам в Государственную Думу РФ, но не применяемой на выборах в Парламент РСО-Алания [1]. Лидирующее место на выборах 18 созыва в Баварском

ландтаге занимает партия Христиано-социальный союз (ХСС или CSU), набравшая 37,2% голосов [13]. После 2008 г. в Баварии отсутствует подавляющая партийная сила в парламенте, представленная в Северной Осетии депутатами Единой России, набравшими в 2022 г. 67,88% голосов [2]. К тому же характерной особенностью Германской политической системой является существование региональных партий, одной из которых и является ХСС, представленная исключительно в Баварии. В РФ, согласно законодательству, политической партии необходимы региональные отделения не менее чем в половине субъектов России, что делает невозможным формирование политической партии, нацеленной исключительно на один регион, например, на РСО-Алания [6].

Канада является второй по площади страной на планете, уступая лишь Российской Федерации, а также одной из старейших федераций. Еще Акт о Британской Северной Америке 1867 г., учредивший единое государственное образование «Доминион Канада», и не без оснований называемый конституцией Канады, закрепил федеративный статус новообразованного государства. Изначально высокоцентрализованная федерация со временем модернизировалась, и по итогу превратилась в современную нам Канаду, несмотря на сохранение конституционной монархии и подчинение монарху Объединенного Королевства [5].

Оценивая 2018 г. Канаде был присвоен RAI 27,77, что далеко от максимальных значений, но все еще достаточно высокий показатель [14]. Формальным главой государства в Канаде признается Его Величество Король Карл III, Король Канады, однако на время его отсутствия на территории Канады все права монарха делегированы Генерал-губернатору, действующему от лица Британской Короны [8]. На региональном уровне власть короны представляет лейтенант-губернатор. Его основная задача заключается в осуществлении контроля над назначением премьер-министра региона, а также в отправлении церемониальных функций. Лейтенант-губернатор формально назначается от лица Короны Генерал-губернатором, однако по факту назначение производит Премьер-министр Канады. Лейтенант-губернатор созывает, приостанавливает и распускает Законодательное собрание, однако аполитичен и не вмешивается в повседневные вопросы. Формально именно Лейтенант-губернатор от лица короны назначает Премьер-министра провинций или территории [15]. Однако фактически должность Премьер-министра напрямую связана с Законодательным собранием региона, где у Премьер-министра на всем протяжении его службы сохраняется членство. Зачастую Премьер-министром становится лидер крупнейшей партии в Законодательном собрании региона, имеющей абсолютное большинство, однако иногда возможны исключения и формирование правительства меньшинства [17; 18]. Подобные нормы характерны для системы конституционной монархии, где формальный прописанный

в законе порядок является традиционным, а де факто применяются неформальные принципы. Как и в Канаде, в РСО-Алания должности главы региона и премьер-министра разграничены, однако в данном случае глава республики, согласно конституции РСО-Алания, является полноправным актором политики региона, способным непосредственно осуществлять свою власть. Согласно конституции РСО-Алания глава республики избирается Парламентом в соответствии с федеральным законодательством и законодательством РСО-Алания [3]. Федеральное законодательство уточняет, что выборы производятся из трех кандидатур, представленных депутатам Президентом Российской Федерации [10].

В рамках Законодательного собрания региона – регионального парламента Канады, мы, как и в ФРГ, можем наблюдать существование местных партий. Так, в ныне действующем Законодательном собрании Саскачевана 29 созыва, избранном в 2020 г., лидирующей партией является партия под названием Саскачеванская партия, с 60,67% голосов. Местное подразделение общеканадской Новой Демократической партии сумело получить второе место с 31,59% голосов, и занять оставшиеся места в парламенте [19]. Однако на прошедших в 2023г. довыборах в нескольких провинциях, в провинции Ламсен-Морс второе место сумела получить образованная в 2022 г. выходцами из Саскачеванской партии Объединенная Саскачеванская партия [20]. Это демонстрирует нам потенциальную значимость влияния местных партий на политику региона.

Великобритания, в отличие от приведенных выше примеров и от самой Российской Федерации, вовсе не именует себя федерацией ни в каких правовых документах. Однако многими исследователями в настоящий момент ставится под сомнение статус исключительно унитарного государства в отношении Объединенного Королевства. Процессы регионализации, которые можно проследить так же на примере Италии или Испании, остаются актуальным для Великобритании в силу сложного состава государства, некогда объединившего под единым флагом различные королевства, до сих пор претендующие на особый статус. Формирование независимых региональных парламентов в Шотландии и Уэльсе, а также дальнейшее увеличение их влияния позволяет нам провести интересующее нас сравнение.

После Акта о союзе 1707 г. Шотландский парламент, действующий с 13 века, прекратил свое существование, влившись в новообразованный парламент Великобритании. После неудачной попытки 1979 г., референдум об образовании парламента Шотландии внутри Великобритании, наконец, набрал необходимое количество голосов в 1997. За необходимость парламента проголосовали 74,3%, за наличие полномочий по изменению налогов проголосовали 63,5% [16]. В том же году избиратели голосуют «за» по вопросу о формировании Уэльской Ассамблеи – парламента Уэльса, имеющего в настоящий момент Сенедд. Таким образом, два крупнейших

образования Великобритании получают региональный парламент, обладающий реальными полномочиями. По итогам регионализации к 2018 г. RAI Объединенного Королевства составляет 9,59, что мало в сравнении, однако весьма значительный показатель для формально унитарного государства [14].

Вновь встречаемым отличием парламентов, как Шотландии, так и Уэльса является наличие национальных партий – Шотландская национальная партия и Партия Уэльса – представленных в региональном и общегосударственном парламенте. Обе эти партии представляют собой значительную силу в своих региональных парламентах, и даже в парламенте Объединенного Королевства, где формируют коалицию. При этом они обе открыто выступают с поддержкой идеи сецессии своих Королевств из Великобритании. Так, с поддержкой Шотландской национальной партии в 2014 г. прошел референдум о независимости Шотландии, однако, с небольшим перевесом, по итогу Шотландия осталась в составе Объединенного Королевства. Брекзит, против которого высказалось большинство жителей Шотландии актуализировал для Шотландского парламента и правительства вопросы о необходимости проведения собственной политики по поддержанию взаимодействия с Евросоюзом [7]. В РСО-Алания отсутствуют массовые сепаратистские настроения, однако опыт Шотландии позволяет убедиться в наличие самой возможности укрепления своего внутригосударственного статуса даже в рамках унитарного государства.

Напоследок рассмотрим влияние региональных парламентов на наднациональные структуры. Так, за период с 2012 по 2014 г. Шотландским парламентом и его отдельными группами членов было отправлено 16 312 письменных вопросов в Европейский Союз за разъяснениями проводимой ЕС политикой и сущности отдельных правовых актов. Баварский ландтаг за тот же период отправил 2900 письменных вопросов. На каждый из них был получен ответ [11]. К сожалению, в настоящее время парламент РСО-Алания не проявляет подобной активности в отношении наднациональных структур, таких как Евразийский Экономический Союз, членом которого является Российская Федерация. Более того, подобные запросы вероятно могут быть расценены как выход парламента республики за пределы своих полномочий, однако в будущем вполне вероятно расширение возможностей по интеграции парламента РСО-Алания и интересов, которые они представляют, в наднациональные организации.

Таким образом, в заключение нашего исследования, мы можем говорить о необходимости отслеживать опыт региональных парламентов других стран для лучшего понимания дальнейших возможностей модернизации парламента нашей республики. Введение местных партий, существующих в ФРГ, Канаде и Объединенном Королевстве, на уровне республики отвечало бы распространенному тренду в среде федеративных государств,

и потенциально могло бы сформировать влиятельную силу в парламенте. Избрание главы республики возможно различными методами, за пределами прямых выборов избирателей, и существующей в РСО-Алания модели. Однако имеет смысл рассматривать фактическую зависимость главы региона от метода его назначения. Укрепление прямой информированности парламента республики по вопросам компетенции наднациональных органов, в которые входит страна, так же представляется потенциальным направлением глобального развития парламента республики. Однако указанные изменения в практике деятельности парламента РСО-Алания невозможны без изменения федерального законодательства. Впрочем, как мы можем видеть на примере Великобритании, даже в рамках унитарного государства существует возможность укрепить свое положение. В рамках федерации, которой является Российская Федерация, подобные изменения в широкой перспективе представляются еще более вероятными. Тем не менее, подобные изменения невозможны без достижения общественного консенсуса по вопросу дальнейшей модернизации политической системы республики в общефедеральной структуре Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Антропов Р.В.* Избирательная система Баварии: особенности выборов в ландтаг (земельный парламент) // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 5.
2. Выборы депутатов Парламента Республики Северная Осетия-Алания седьмого созыва // http://www.n-osset-alania.vybory.izbirkom.ru/region/region/n-osset-alania?action=show&root=1&tvd=2152000721186&vrn=2152000721181®ion=15&global=&sub_region=15&prver=0&pronetvd=null&vibid=2152000721186&type=229.
3. Конституция Республики Северная Осетия-Алания от 12 ноября 1994 года // <http://alania.gov.ru/documents/4318>.
4. *Кочетков Е.Е.* Симметрия и асимметрия в немецком федерализме // Вестник Российской нации. 2019. № 4 (68).
5. *Мазуркова Т.В.* Конституция Канады, федерализм и «провинциальные права» // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2018. № 1.
6. Особенности государственной регистрации и деятельности политических партий // <https://minjust.gov.ru/ru/pages/politicheskikh-partij/>.
7. *Охошин О.В.* Шотландская национальная партия: новый лидер, старые проблемы // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2023. № 2 (32).
8. *Пашинева В.А.* Полномочия главы Содружества Наций: сравнительно-правовой аспект (на примере федерации Канада) // Актуальные проблемы сравнительного правоведения: сборник материалов II Всероссийской

научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов, Симферополь, 19-20 апреля 2017 года. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2017.

9. Румянцев О.Г. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990-1993 гг.): в 6 т. Т. 3: 1992 год. Книга третья (Строительство новой Федерации) / под общ. ред. О.Г. Румянцева. М.: Волтерс Клувер, 2008.

10. Федеральный закон от 21.12.2021 N 414-ФЗ (ред. от 14.04.2023) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации».

11. Anna-Lena Högenauer (2017) Regional parliaments questioning EU affairs // The Journal of Legislative Studies. № 23 (2).

12. Bavaria's economy facts and figures // https://www.stmwi.bayern.de/fileadmin/user_upload/stmwi/publikationen/pdf/2022-11-18_BWinZahlen_Engl.pdf.

13. Der Landtag 2018-2023 (18. Legislaturperiode) // https://www.bavariathek.bayern/medien-themen/portale/geschichte-des-bayerischen-parlaments/landtage-seit-1819.html?tx_parlament_pi4%5Baction%5D=show&tx_parlament_pi4%5Bcontroller%5D=Landtag&tx_parlament_pi4%5Bkategorie%5D=36&tx_parlament_pi4%5Blandtag%5D=375&cHash=644f8c1a55541700fd990bfe20b527ac.

14. RAI-Country // https://www.arjanschakel.nl/images/RAI/RAI_country-2021.xlsx.

15. Role & Responsibilities // <https://ltgov.sk.ca/role-responsibilities>.

16. Scottish Referendum Live – The Results // <https://www.bbc.co.uk/news/special/politics97/devolution/scotland/live/index.shtml>.

17. What happens in a hung Parliament // <https://macleans.ca/politics/what-happens-in-a-hung-parliament/>.

18. Yukon Liberals set to be sworn-in as party aims to form minority government // <https://www.ctvnews.ca/politics/yukon-liberals-set-to-be-sworn-in-as-party-aims-to-form-minority-government-1.5399214>.

19. 2020 General Election Results // <https://results.elections.sk.ca/ge29/>

20. 2023 By-Elections // <https://results.elections.sk.ca/>.

S.A. BIGULOV

Postgraduate

*Junior research fellow at SOIGSI
of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS,
Vladikavkaz, Russia*

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE PARLIAMENT OF THE REPUBLIC OF ALBANIA AND THE REGIONAL PARLIAMENTS OF GERMANY, CANADA AND THE UNITED KINGDOM

The Parliament of the Republic of North Ossetia-Alania is not a unique unit of regional policy formation either in the Russian Federation or in world practice. The opportunity to look at regional parliaments in other states allows us to identify similarities and differences in the system of public power in the regions. Such an analysis makes it possible to assess the current practice of the functioning of regional parliaments in various foreign countries and to consider potential ways of further development of the Parliament of the Republic of North Ossetia-Alania. For such a comparison, we selected Germany, Canada and the United Kingdom. The Federal Republic of Germany is one of the most developed and richest federations in the world. RAI (Regional Authority Index) Germany is also one of the highest in the world. Canada is the second largest federal state after the Russian Federation. Even under the formal authority of the British Crown, Canada uses the Crown's mandate in regional politics to strengthen the influence of the Legislative Assembly. The United Kingdom, being a unitary state, at the end of the XX century went to regionalism, and revived the parliaments of its constituent kingdoms of Scotland and Wales. The process of regionalization of the unitary state and increasing the importance of regional parliaments makes it possible to verify the possibility of such transformations. The Parliament of the Republic of North Ossetia-Alania is not something strikingly different from the regional parliaments discussed in this article. Thus, it can be argued that in the potential future, further movement towards the rapprochement of the Parliament of the Republic of Albania and the parliaments of foreign states is likely. However, such changes are possible only as a result of the consensus in society on the further modernization of the political system of the republic in the federal structure of the Russian Federation.

Key words: *Parliament of the Republic of North Ossetia-Alania, Regional Authority Index, Bavarian Landtag, Legislative Assembly of Saskatchewan, Parliament of Scotland, Senedd.*

ВАН СЯОЦЮНЬ

*аспирант МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва*

А.Е. КОНЬКОВ

*кандидат политических наук, доцент
кафедры политического анализа МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва*

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ РАЗВИТИЯ В РАМКАХ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Проекты развития в рамках культурной политики государства позволяют привлечь альтернативные ресурсы, производить децентрализованные культурные действия, поддерживать партнерство государственных структур и неправительственных организаций. В этой связи важно рассмотреть проблемы, с которыми сталкиваются крупные проекты развития. В статье анализируются такие проблемы, как политическая и правовая система страны, нематериальный характер проектов развития, неясная роль спонсоров и руководителей проектов развития.

Ключевые слова: *культурная политика, проектная деятельность, проекты развития, организационная гибкость.*

В настоящее время на фоне динамики и усложнения общественного устройства, перехода от индустриальных систем к системам, базирующимся на информации, формирования единого экономического и социокультурного пространства возникла потребность в переосмыслении роли и функций культуры в обществе. Культура предстает как важный ресурс социально-экономического развития и роста человеческого потенциала. Становится очевидной необходимость расширения рамок культурной деятельности, которая производит непосредственный эффект, удовлетворяя коллективные и индивидуальные потребности в области культуры [3. С. 40].

Культурная политика разных уровней реализуется через деятельность государственных структур, ведется неправительственными, общественными, политическими организациями и осуществляется как за счет бюджетных средств, так и частного (внебюджетного) финансирования, в том числе

путем внедрения форм партнерства государственного, некоммерческого и частных секторов [2. С. 6]. Проект как особая форма организации культурной деятельности, позволяющая привлекать альтернативные ресурсы, производить децентрализованные культурные действия, поддерживать партнерство государственных структур и неправительственных организаций, выступает эффективной современной моделью управления в сфере культуры. Современная государственная социально-культурная политика – это интегрирование отдельных программ и проектов развития, касающихся различных слоев населения, в единое целое при усилении регулирующей роли современного общества.

Проекты развития в современном обществе являются важным элементом государственной политики [7. С. 104]. Это часто объясняется тем, что проекты развития влияют на экономическое благосостояние страны в целом и являются ключевыми для эффективности каждого правительства. Последние исследования показывают, что крупные проекты развития появились как средство для развивающихся стран для достижения более быстрого экономического развития [6. С. 91]. Важно отметить, что содержание этих проектов определяется спецификой государственной политики в конкретной стране, целями и задачами, которые государство перед собой ставит.

Надо отметить, что проекты развития отличаются от промышленных или коммерческих проектов несколькими важными аспектами, понимание которых оказывает сильное влияние на то, как проекты развития могут управляться и оцениваться. Проекты развития в основном касаются сокращения масштабов нищеты и повышения уровня жизни, защиты окружающей среды, защиты основных прав человека, развития инфраструктур, а также содействуют укреплению международного сотрудничества в сфере политики, экономике, культуре и т.д. [9. С. 6]. Эти гуманитарные и социальные цели обычно гораздо менее осязаемы, а результаты менее заметны и измеримы по сравнению с инфраструктурными и промышленными проектами, обычно реализуемыми в частном секторе.

Даже для проектов развития, связанных с улучшением инфраструктуры, конечные «мягкие» цели обеспечения устойчивого социально-экономического развития всегда имеют приоритет при оценке проекта ключевыми заинтересованными сторонами. Неосвязаемость целей и результатов проекта создает особую проблему при реализации и оценке проектов развития, которые требуют адаптации существующего комплекса знаний по управлению проектами и принятия новых инструментов и концепций для определения, мониторинга и измерения степени достижения этих целей проектами развития [11. С. 22]. Следствием этого является неэффективное использование средств на цели развития и долгосрочное отсутствие подотчетности.

Еще одной характеристикой большинства крупных проектов развития в рамках культурной политики государства является сложная сеть многих заинтересованных сторон, участвующих в них [5. С. 237]. Промышленные и коммерческие проекты обычно имеют двух ключевых заинтересованных сторон – клиента, который оплачивает проект и в результате получает выгоду от его результатов, и подрядчика или подразделения-исполнителя, которому платят за управление проектом для достижения желаемых результатов. В отличие от этого, в проектах развития обычно участвуют три отдельных ключевых заинтересованных стороны, а именно финансирующее лицо (в контексте государственной политики – это чаще всего государство), которое оплачивает, но не использует напрямую результаты проекта, подразделение-исполнитель и целевые бенефициары, которые фактически получают выгоду от результатов проекта, но чаще всего не платят за проекты [4. С. 25]. Разделение ролей этих трех ключевых заинтересованных сторон имеет несколько важных последствий.

Во-первых, финансовая подотчетность команды управления проектами развития часто считается такой же важной, как и ее ответственность за завершение проектов в срок, стоимость и качество. Во-вторых, усложняющими требованиями к финансовой отчетности являются усилия финансирующих учреждений и правительств по установлению правил и процедур, регулирующих распределение и использование средств на цели развития. Установленные с аналогичными намерениями, но разными учреждениями с разными организационными культурами и традициями, эти различные правила и процедуры часто противоречат друг другу, создавая особые и ненужные трудности во время реализации проекта развития [12. С. 1].

Кроме того, отсутствие рыночного давления при оценке и реализации проектов развития в сочетании с неосвязаемостью их целей часто делает эти проекты объектом политических манипуляций. Отдельные политики и политические партии могут настаивать на неосуществимых проектах или могут выступать против хороших проектов ради собственных политических выгод. В крайних случаях некоторые страны могут использовать финансирование развития для укрепления политического союза с лидерами других стран [10. С. 677].

Как следствие, реальные интересы различных заинтересованных сторон в этих проектах могут отличаться от заявленных целей в проектном документе, создавая особую дилемму для реализации. Проблемы, с которыми сталкиваются проекты развития, убеждают в необходимости совершенствования существующих систем оценки, чтобы позволить руководителям и заинтересованным сторонам этих проектов оценивать эффективность проекта более объективным и последовательным образом.

С. Грей определила проблемные области в управлении проектами развития, объяснив многие неудачи проектов институциональными,

а не техническими проблемами. Сложность управления изменениями, особенно в институциональных и организационных областях, в дополнение к высокому уровню неудач проектов развития из-за плохого планирования, неизбежно повышает важность знаний в области управления проектами. Инструменты и методы управления проектами, используемые в стандартных проектах, часто не могут быть применены к управлению крупными проектами развития [8. С. 574].

Кроме того, система управления проектами культуры в рамках культурной политики государства в основном представляет собой вертикальную систему управления. Однако эта модель вертикального управления имеет два ограничения. Первое заключается в том, что различные отрасли в системе фрагментированы, что не способствует развитию межотраслевой интеграции при разработке и реализации политики и нормативных актов.

Так, местный ведомственный протекционизм является очень сильным, а центральное правительство часто не имеет отношения к спорам об интересах некоторых ведомств и региональному протекционизму. Административные регламенты зачастую более произвольны в процессе внедрения, и они часто имеют различные толкования из-за различных фактических условий различных местных департаментов, что затрудняет процесс реализации проектов развития. Во-вторых, географическое разделение между различными местными департаментами имеет свои собственные интересы, а формирование местной политики и нормативных актов противоречит друг другу, что не способствует полноценной реализации проектов культуры [1. С. 134].

Таким образом, можно обобщить проблемы, с которыми, на наш взгляд, сталкиваются крупные проекты развития:

- политическая и правовая система страны и их стабильность/нестабильность;
- в целом нематериальный характер проектов развития;
- в проектах развития отсутствует давление рынка и рентабельности;
- неясная роль спонсора(спонсоров) и руководителей проекта.

Несмотря на это, специфика проектов развития как важного элемента культурной политики заключается в том, что финансовая и организационная гибкость, отсутствие привязки к определенным институциям культуры, ориентированность на социокультурный результат, что позволяет адекватно решать проблемы социокультурной сферы в условиях реформирования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Ванг Л. Проблемы в реализации культурной политики в Китае / В. Радар // Times Finance. 2021.

2. *Востряков Л.Е., Тургаев А.С.* Новая модель государственной культурной политики России // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. № 3 (36).

3. *Востряков Л.* Культурная политика в современном мире. Материальная база сферы культуры // Науч.-информ. Сборник. 2000. Издание 2. 2000.

4. *Baccarini D.* The logical framework method for defining project success // Project management journal. 1999. Volume 30.

5. *Diallo A.* The success of international development projects, trust and communication: an African perspective // International journal of project management. 2005. Volume.

6. *Eichengreen B.* Institutions and economic growth in postwar Europe // Productivity, technology and economic growth. Springer, Boston, MA. 2000. Volume 3.

7. *Goodman M.K.* The mirror of consumption: Celebritization, developmental consumption and the shifting cultural politics of fair trade // Geoforum. 2010. Volume 41.

8. *Gray C.* Managing cultural policy: pitfalls and prospects // Public administration. 2009. Volume 87.

9. *Ika L.A.* Project success as a topic in project management journals // Project management journal. 2009. Volume 40.

10. *Pallage S.* On the welfare cost of economic fluctuations in developing countries // International Economic Review. 2003. Volume 44.

11. *Pinto J.K.* Critical factors in successful project implementation // IEEE transactions on engineering management. 1987. Volume 1.

12. *Wyszomirski M.J.* From accord to discord: Arts policy during and after the culture wars // America's Commitment to Culture. Routledge. 1995. Volume 2.

WANG XIAOQUN

*Graduate student at Moscow State University
named after M.V. Lomonosov,
Moscow, Russia*

A.E. KONKOV

*Candidate of Political Sciences, Associate Professor
Department of Political Analysis, Moscow State University
named after M.V. Lomonosov,
Moscow, Russia*

**PROBLEMS OF IMPLEMENTATION
OF DEVELOPMENT
PROJECTS WITHIN THE FRAMEWORK
OF THE CULTURAL
POLICY OF THE STATE**

Development projects within the framework of the state's cultural policy make it possible to attract alternative resources, carry out decentralized cultural activities, support partnerships between state structures and non-governmental organizations. In this regard, it is important to consider the challenges faced by major development projects. The article analyzes such problems as the political and legal system of the country, the intangible nature of development projects, the unclear role of sponsors and leaders of development projects.

Key words: *cultural policy, project activity, development projects, organizational flexibility.*

В.А. ПРИВАЛОВ¹

аспирант факультета государственного
управления МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НАГОРНО-КАРАБАХСКОГО КОНФЛИКТА

Целью статьи является определение этнокультурных предпосылок возникновения конфликта в Нагорном Карабахе. В рамках статьи были проанализированы как теоретические, так и эмпирические исследования, нацеленные на изучение этнокультурных предпосылок конфликта в Нагорном Карабахе. Были выделены три базовые концепции этнической идентичности, которые объясняют возникновение этнополитических конфликтов: примордиализм, конструктивизм и инструментализм. В отношении Нагорно-карабахского конфликта мнения исследователей разделилось – некоторые из исследователей (например, Т. Де Ваал, А. Тоноян) придерживаются примордиалистской концепции возникновения конфликта, объясняя его важностью сохранения исторически сложившихся этнокультурных ценностей населения Нагорного Карабаха, другие исследователи (например, О.Ю. Кузнецов, М. Кубурас, Л. Папазян) склоняются к конструктивистской концепции, делая акцент на том, что этнокультурные факторы конфликта являются следствием политических процессов, а не исторической «памяти». Однако, как показало эмпирическое исследование, проведенное Н. Нароманян в 2022 году, население Нагорного Карабаха в большей степени придерживаются примордиалистской концепции – важность исторической памяти и многовековых этнокультурных ценностей – религии, культуры и языка. В целом, проведенное исследование позволило прийти к выводу о том, что этнокультурный фактор, включая религиозную и культурно-языковую идентичность армянского населения Нагорного Карабаха, наряду с территориальным является одной из наиболее весомых предпосылок данного этнополитического конфликта в независимости от их исторического или приобретенного в следствии политических изменений базиса.

¹ Научный руководитель: БУДАНОВ М.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва.

Ключевые слова: *этнополитические конфликты, Нагорно-Карабахский конфликт, предпосылки конфликта, этнокультурные предпосылки конфликта, примордиализм, конструктивизм.*

Введение. Последние несколько десятилетий характеризуются глобальной перестройкой отношений между государствами. Данная тенденция привела к возрастанию напряженности и возникновению различных очагов конфликтов и нестабильности. В данном контексте следует отметить, что этнический фактор оказывает значительное влияние на международные отношения и мировую политику: он может приводить к объединению стран и народов, так и, наоборот, к ухудшению взаимоотношений между ними. Таким образом, конфликты этнополитического характера при их игнорировании и отсутствии должных путей урегулирования могут трансформироваться не только в региональные, но и в мировые кризисы.

В рамках развития межгосударственных отношений наиболее остро стоит вопрос этнокультурной идентичности, который находит свое отражение в политическом аспекте международных отношений и может стать предпосылкой к развитию конфликтов не только локального и регионального, но и мирового уровней.

Один из наиболее протяженных по времени этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве – Нагорно-Карабахский конфликт, особую важность в котором играют этнокультурные предпосылки.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 3; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 14; 15; 16].

Однако проблему этнополитического развития и урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Предпосылки возникновения этнополитических конфликтов. Анализ научной литературы по теме исследования позволяет констатировать, что к настоящему времени не сложилось единого мнения относительно предпосылок возникновения этнополитических конфликтов.

Интересным является мнение А.Х. Султыгова, который в качестве источника этнополитического конфликта ставит разный уровень развития этносов в политических, экономических, социальных, территориальных сферах. Автор определяет, что «недовольство несправедливым положением дел приводит к конфронтации между дискриминируемым этносом и государством, которое чаще всего приводит к требованию со стороны этноса предоставить ему возможность самостоятельно решать ряд задач, преимущественно политических» [17. С. 37].

С точки зрения М.В. Саввы этнополитический конфликт имеет, в первую очередь, социальные корни, проявляющиеся в разных формах, например, такие как «страх потери этнических особенностей, угнетение со стороны других этносов, а также содержащие в себе идею об этническом превосходстве» [13. С. 90]. Все эти формы в своей реализации в дальнейшем затрагивают существующие политические институты.

По утверждению Р. Ставенхагена, в большинстве случаев этнополитическое противостояние проявляется во многих аспектах жизни населения, исходя из чего, автор отстаивает свою позицию о «невозможности существования этнополитического конфликта как такого, так как между людьми постоянно происходят социальные, экономические и политические разногласия, а сами же люди в первую очередь начинают мыслить при помощи этнических категорий» [5. С. 52]. Как пишет И.Д. Звягельская, «природу конфликта можно определить исключительно как этническую в случае сознательного или несознательного противопоставления различий между сторонами конфликта в нарастающем кризисе, когда этнический фактор становится олицетворением политической мобилизации» [4. С. 45]. При этом, этническая самоидентификация может выступать в качестве маскировки при реализации политических интересов определенной группой лиц или политических элит.

Этнополитические конфликты имеют множество детерминант, среди которых выделяют причины как внутреннего, так и внешнего характера. Под внутренними предпосылками подразумевается, в первую очередь, желание народа или этнической группы создать автономию, что всегда сопровождается борьбой за территорию. В свою очередь, Н.А. Хазанов уточняет, что «сам факт существования этничности уже является веским основанием для возникновения какого-либо конфликта, так как для человека, такой тип самоидентификации человека стоит наравне с такими как семья и гендер» [18. С. 32]. Такая приоритетность в системе ценностей объясняет сопряженность этнополитических конфликтов с высокими уровнем агрессии и желанием совершать деструктивные действия, т.к. именно безудержное желание защитить свою этническую идентичность – культуру, языковые и религиозные особенности являются причиной массовости движения в ходе разрывания конфликта.

Если попытаться классифицировать исследования, посвященные изучению причин этнополитических конфликтов, то их можно разделить на две основные группы.

Первая группа исследователей (в частности, Н.А. Хазанов) опирается на точку зрения о том, что «само понятие этничности подразумевает существование в его рамках и конфликтогенности, которая после разрешения одного конфликта, рано или поздно формирует новые конфликт и необходимость их урегулировать» [18. С. 34]. В этих исследованиях экономические,

политические и социальные аспекты играют вторичную роль, они могут изменить состояние конфликта, обострив его, но не стать его причиной.

Другая группа исследователей (в частности, Р. Ставенхаген) базируется на мнении о преобладании и первостепенности в рамках возникновения этнополитических конфликтов социальных, экономических и политических причин над этническими. При этом, появление этнической подоплеки конфликта приводит к более агрессивным чертам кризисной ситуации.

Одним из наиболее важных, но в то же время менее изученным является этнокультурный фактор возникновения конфликтов в международных отношениях. Как указывал в своих исследованиях Э. Смит, «культурный плюрализм и этнический национализм вызывают межэтническую напряженность и этнические конфликты» [30. Р. 45].

Помимо этого, стоит отметить, что предпосылки возникновения этнополитических конфликтов строятся на теоретических парадигмах этнокультурной идентичности: примордиализм, конструктивизм и инструментализм.

Концепция примордиализма основана на постулате, что этнические конфликты представляют собой естественное явление, возникающее в результате культурных различий между этническими группами. Согласно концепции примордиализма, этническая идентичность происходит от природы (либо обусловлена биологической природой этноса, либо сформирована индивидуумами в далеком прошлом) и передается нынешним поколениям людей от их предков. Как указывает К. Чандра, «каждый человек принадлежит к одной этнической группе, которая, будучи однажды приобретена, остается фиксированной во времени» [20. Р. 8]. Более того, члены этнической группы обладают групповым сознанием, которое развивается из их языка, культуры, традиций и истории; и это групповое сознание со временем подкрепляется определенными мифами и символами, которые передаются от старших поколений. При этом по утверждению сторонников примордиализма этнические конфликты являются результатом «воспоминаний о прошлых злодеяниях» [29. Р. 259], из-за которых трудно избежать насилия.

В рамках концепции конструктивизма главенствует положение о том, что этнические группы не конфликтны по своей сути, а этнические конфликты и насилие возникают под воздействием изменения политических систем и культурных норм. Другими словами, этнические группы представляют собой социальную конструкцию, то есть они формируются и меняются на основе «господствующих в определенный временной интервал культурных норм» [19. Р. 201]. Это, в свою очередь, может привести к развиту межэтнического конфликта.

Инструментализм, как концепция этнокультурной идентичности, базируется на предположении о том, что основная причина этнополитических конфликтов кроется в «этнических предпринимателях», которые мобилизуют членов своей этнической группы для достижения своих личных целей,

главным образом в политических интересах. Основным убеждением в процессе развязывания этнополитического конфликта становится «угроза со стороны другой этнической группы» [21. Р. 35] или «преувеличение различий между этническими группами как угроза идентичности» [24. Р. 32], что особенно важно для сильно сплоченной этнической группы.

Таким образом, к настоящему времени не сложилось единого мнения относительно природы возникновения и развития этнополитических конфликтов, при этом каждая из вышеописанных концепций имеет право на существование.

Этнокультурные детерминанты возникновения Нагорно-Карабахского конфликта. В первую очередь необходимо указать, что основная проблема современной азербайджанской и армянской историографии заключается в том, что каждая из сторон конфликта в Нагорном Карабахе пытается доказать свое первенство к принадлежности данного региона.

Одно из противоречий заключается в названии данного региона. С одной стороны, официальное (международное) название области – Нагорный Карабах, а с другой стороны, самопровозглашенное в 2017 году (но непризнанное на международном уровне) государство получило название Республика Арцах. Причина данного противоречия коренится в притязании армян или азербайджанцев на принадлежность данного региона.

Происхождение слова «Карабах» определяется комбинацией тюркского слова «кара» (черный) и персидского слова «баг» (сад), т.е. Карабах переводится как «черный сад». С другой стороны, менее известное армянское название Карабаха – Арцах. Согласно народной этимологии, этот термин происходит от личного имени Ар (Аран) и Цах (лес или сад). Таким образом, армянское название Арцах переводится как «сады Арана Сисакееана», который был первым нахараром, наследным наместником средневековой армянской знати в северо-восточной части Армении в I веке до н.э. Тогда как предки сегодняшних тюркских азербайджанцев (азери) прибыли на Кавказ гораздо позже, в XI веке н.э. Хотя сегодняшние азербайджанцы выступают за гораздо более раннюю дату прихода азери на данную территорию. Таким образом, главным тезисом, которого придерживается азербайджанская сторона, является утверждение, что причиной конфликта послужили претензии Армении к Азербайджану, носящие территориальный характер. В целом как армяне, так и азербайджанцы считают, что «они были там первыми», «они имели на эту территорию превосходящее право по сравнению со всеми остальными» [23]. Несмотря на то, что фактически основой населения Нагорного Карабаха является армянская диаспора при его территориальной принадлежности Азербайджану, территориальная причина конфликта не является основной.

Британский исследователь Т. Де Ваал говорит о культурно-религиозных детерминантах Нагорно-Карабахского конфликта, который стал «линией разлома между христианами и мусульманами, армянами и турками, западом и востоком» [22]. При этом, по мнению автора, символизм Нагорного Карабаха для обеих сторон конфликта не поддается переоценке: «для армян Карабах – последний форпост их христианской цивилизации и историческая гавань армянских князей и епископов перед началом восточнотюркского мира. Азербайджанцы говорят о нем как о колыбели, месте рождения их музыкантов и поэтов» [22]. Таким образом, с точки зрения Т. Де Ваала для армян Нагорный Карабах является неотъемлемой частью армяно-христианской истории с ее средневековыми церквями и монастырями, а для азербайджанцев является оплотом азербайджанской идентичности, а его территория считается древней колыбелью развития тюркско-мусульманской культуры. Здесь в полной мере прослеживается примордионалистский подход к обоснованию этнополитического конфликта в Нагорном Карабахе.

Концепция примордиализма прослеживается и в утверждении А. Тонояна, опираясь на исторический опыт армян и азербайджанцев, у которых религия сыграла важную роль в формировании их соответствующей идентичности, автор делает акцент на том, что «культурно-религиозные предпосылки стали важным фактором в развития Нагорно-Карабахского конфликта и дальнейшему его нарастанию в социально-экономическом и политическом плане» [31. Р. 19]. При этом, в полной мере согласиться с данным утверждением нельзя, т.к. конфликт в Нагорном Карабахе не перерос в полностью религиозный.

Некоторые исследователи, например, О.Ю. Кузнецов [6. С. 93-108] не только отрицает примордиалистскую концепцию этнической идентичности, противопоставляя ей концепцию конструктивизма, но и видит существенные противоречия в религиозно-культурных предпосылках Нагорно-Карабахского конфликта ввиду двух базовых причин:

во-первых, на протяжении последнего столетия (с момента образования Азербайджанской Демократической Республики в мае 1918 года) государство позиционировалось исключительно как светское (нерелигиозное), в котором религия воспринималась по большей части как культурологическая, а не идеологическая подоплека существования религиозных общин. Таким образом, отличительной чертой азербайджанского «светского» ислама является терпимость, лояльность и абсолютная неконфликтность по отношению к другим культурам и конфессиям, что в большей степени характерно для арабского «идеологического» ислама, являющегося причиной столкновений (в т.ч. военных) в странах Северной Африки и Ближнего Востока. Кроме того, азербайджанцы, находясь в ареале большого скопления мусульманской общины, постепенно теряют ценности своей этнической

принадлежности и не имеют страха относительно своей безопасности и перспектив авторитета государства в будущем;

во-вторых, несмотря на то, что армяне являются христианами, стоит учитывать факт того, что Армянская апостольская церковь, несмотря на принадлежность к христианству, имеет ряд особых черт в догматике и обряде, отличающих ее как от византийского православия, так и от римского католицизма. При этом армяне исторически были окружены государствами и народами, исповедующими ислам, исходя из чего Армянская Апостольская Церковь определяла систему взаимоотношений между армянами и титульными народами регионов их проживания, т.е. фактически поддерживала зависимость армян от этносов, исповедующих ислам.

Более того, сторонники конструктивистской концепции, в частности М. Кубурас, утверждают, ввиду того, что «между армянами и азербайджанцами как этническими группами были длительные периоды относительного мира и стабильности, примордиалистское представление об естественном возникновении этнополитических конфликтов в результате древней ненависти, не может точно объяснить причины возникновения конфликта в Нагорном Карабахе» [25. Р. 45]. Автор утверждает, что культурно-языковой фактор, являющийся одной из детерминант армяно-азербайджанских противоречий, повлекшей развитие Нагорно-Карабахского конфликта, возник как следствие политических процессов.

Фактически на территории Нагорного Карабаха преобладающей частью населения всегда было армянское. После передачи в 1921 году Азербайджану армянам, населявшим Нагорный Карабах, было предоставлено право на среднее образование на своем родном языке, чтобы они могли продолжать жить в родной культурной среде. Однако педагогические институты и другие учреждения системы подготовки учителей для армянских школ в Нагорном Карабахе, находились в столице Азербайджана – г. Баку, тем самым фактически разрывая образовательные связи с армянскими вузами, расположенными в Ереване и других городах Армении. Это привело к невозможности реализации право на языковую идентичность армян Нагорного Карабаха при получении образования.

Таким образом, культурно-языковой фактор сыграл наиболее значимую роль в формировании конфликтной атмосферы в Нагорном Карабахе к концу 1980-х годов. Для общества с иным этноязыковым составом невозможность изучать свою собственную историю и язык, при одновременном обязательстве изучать историю и язык этноса с иной культурной идентичностью, несмотря на общность советской идеологической связи, явилось первопричиной Нагорно-Карабахского конфликта. В данном контексте, А.Н. Ямсков отмечает, что «армяне Нагорного Карабаха, во-первых, были возмущены практически полным разрывом их образовательных и культурных связей с соседней Арменией, а во-вторых, тем, что они считали недостаточным

внимание руководства автономной области к развитию армянского языка и культуры из-за давления политики азербайджанского правительства» [32. Р. 328-357]. Данное мнение является подтверждением конструктивистской концепции этнической идентичности – этнический конфликт в Нагорном Карабахе возник ни под влиянием базовых культурных ценностей, а под воздействием изменения политической системы.

Аналогичного мнения придерживается Лалиг Папазян, который определил одним из наиболее весомых катализаторов конфликта постепенное навязывание азербайджанской культуры армянскому населению Нагорного Карабаха. Автор указывает, что «в течение 1960-х годов было закрыто 28 армянских школ, разрушены церкви и кладбища, а азербайджанский язык был введен в качестве официального языка в Нагорном Карабахе. В конце 1960-х – начале 1970-х годов культурные связи с Арменией были прерваны, и азербайджанцы стали назначаться на различные руководящие посты в Нагорном Карабахе» [28. Р. 54-94]. «Страх вымирания» в культурном плане имеет важное значение для самоидентификации этносов. Как указывал М. Кундера, «самобытность народа и цивилизации отражается и концентрируется в том, что создано разумом и известно как «культура». Если этой идентичности грозит исчезновение, культурная жизнь народа становится более интенсивной, более важной, пока сама культура не становится ценностью, вокруг которой сплачивается народ» [26. Р. 33-37].

Н. Наромаян [27] в 2022 году провела эмпирическое исследование в виде опроса жителей Нагорного Карабаха (Республики Арцах), направленное на идентификацию ключевых элементов их этнокультурной идентичности и предпосылок продолжающегося конфликта в регионе. Благодаря проведенному опросу удалось выявить важность исторической памяти в карабахском обществе, поскольку она стала источником расширения прав и возможностей, особенно для молодого поколения, которое настроено продолжать жить на земле своих предков и способствовать процветанию страны. Поколение после обретения Нагорным Карабахом независимости научилось любить свою страну и свою землю, держаться за нее и защищать ее любой ценой, поскольку она является единственным гарантом их существования и выживания. Местное сообщество склонно придавать символическое значение некоторым элементам ландшафта и культурных памятников, при этом признавая их материальным выражением своей собственной территориальной и этнокультурной идентичности. Кроме того, респонденты указывали на важную роль культурно-религиозных факторов национальной идентичности населения Нагорного Карабаха. Следуя многочисленным ответам респондентов о важности роли Армянской Апостольской церкви в обеспечении выживания народа Нагорного Карабаха, можно сделать вывод, что одна из основных характеристик идентичности также основана на религии, в данном случае на христианстве. Однако это не указывает

на то, что основная причина продолжающегося Нагорно-Карабахского конфликта является религиозной, поскольку есть и другие факторы, которые необходимо принимать во внимание и расставлять по приоритетам.

Респондентами также был выделен фактор культуры и армянского языка, которые считались важными для сохранения карабахской идентичности. Одним из аргументов, который следует принять во внимание, является идея единства между армянами, проживающими в Армении, и армянскими диаспорами в Нагорном Карабахе, поскольку одно дополняет другое в процессе решения проблем, направленных на развитие армянского народа.

Таким образом, эмпирическое исследование Н. Нароманян показало, что сами респонденты в большей степени придерживаются примордиалистской концепции. Можно констатировать, что народ Нагорного Карабаха, на протяжении веков ставящий во главу угла свою национальную идентичность, показал важность своих этнокультурных ценностей – религии, культуры, языка и истории. При этом важными характеристиками национальной идентичности выступает концепция коллективной (исторической) памяти и самоопределения народа.

Заключение. В рамках статьи были проанализированы как теоретические, так и эмпирические исследования, нацеленные на изучение этнокультурных предпосылок конфликта в Нагорном Карабахе. Были выделены три базовые концепции этнической идентичности, которые объясняют возникновение этнополитических конфликтов: примордиализм, конструктивизм и инструментализм.

При этом в отношении Нагорно-карабахского конфликта мнения исследователей разделилось. Некоторые из исследователей (например, Т. Де Ваал, А. Тоноян) придерживаются примордиалистской концепции возникновения конфликта, объясняя его важностью сохранения исторически сложившихся этнокультурных ценностей населения Нагорного Карабаха. Другие исследователи (например, О.Ю. Кузнецов, М. Кубурас, Л. Папазян) склоняются к конструктивистской концепции, делая акцент на том, что этнокультурные факторы конфликта являются следствием политических процессов, а не исторической «памяти».

Однако, как показало эмпирическое исследование, проведенное Н. Нароманян в 2022 году, население Нагорного Карабаха в большей степени придерживаются примордиалистской концепции – важность исторической памяти и многовековых этнокультурных ценностей – религии, культуры и языка.

В целом, проведенное исследование позволило прийти к выводу о том, что этнокультурный фактор, включая религиозную и культурно-языковую идентичность армянского населения Нагорного Карабаха, наряду с территориальным является одной из наиболее весомых предпосылок данного

этнополитического конфликта в независимости от их исторического или приобретенного вследствие политических изменений базиса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Волох В.А., Суворова В.А.* Информационная война против России по вопросам Крыма и Юго-Восточной Украины // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 7 (88).

2. *Го Фэнли.* Особенность противодействия информационным операциям со стороны Российской Федерации // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 6 (99).

3. *Гурбанов Э.Э.* Российско-азербайджанские отношения в новейшей историографии: краткий обзор // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 5 (93).

4. *Звягельская И.Д.* Специфика этнополитических конфликтов и подходы к их урегулированию. М.: Навона, 2008.

5. *Карсанова Е.С.* Этнополитические конфликты: проблемы и опыт политико-правового регулирования. М.: Международный юридический институт при Минюсте РФ, 2008.

6. *Кузнецов О.Ю.* Нагорно-Карабахский конфликт: «Столкновение цивилизаций»? Как теория Самюэля Хантингтона объясняет культурологическую суть конфликта вокруг Нагорного Карабаха // Кавказ и глобализация. 2013. № 1.

7. *Магадиев М.Ф.* Государственное управление в сфере информационной политики Российской Федерации в условиях гибридной войны // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 9 (90).

8. *Медведев Н.П.* К 100-летию образования Союза ССР. Постсоветское нациестроительство и региональные этноконфликты // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2022. Т. 9. № 2 (27).

9. *Меньшиков П.В.* О важности переосмысления подходов к оценке медийного пространства современной мировой политики // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2022. Т. 11. № 2 (42).

10. *Налбандян К.С.* Политическое влияние Турции на Южном Кавказе // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 6-2 (94-2).

11. *Пряхин В.Ф.* Государства постсоветского пространства как объект противоборства великих держав // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. Т. 10. № 1 (35).

12. *Рахман А.Х.* Влияние армяно-азербайджанского конфликта на безопасность Закавказья // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 11 (92).

13. *Савва М.В.* Динамика факторов этнической конфликтности на Северном Кавказе // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2011 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / под. ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2012.

14. *Савельева М.А.* Проблемы становления государственности в странах ЕАЭС после распада СССР // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2022. Т. 11. № 6 (46).

15. *Сапарбекова Д.С.* В фокусе Центральная Азия и Кавказ: актуальные вопросы и направления научных изысканий // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 3 (96).

16. *Сулейманова Ш.С.* Информационное противоборство и безопасность в современном мире // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 1 (94).

17. *Султыгов А.-Х.А.* Этнополитические противоречия и формы их разрешения: исторический опыт и современные реалии. М., 2006.

18. *Хазанов Н.А.* Политические практики регулирования межэтнических отношений в регионе // Регионоведение. Regionology. 2015. № 2.

19. *Chandra K.* Constructivist Theories of Ethnic Politics. Oxford: Oxford University Press, 2013.

20. *Chandra K.* Cumulative Findings in the Study of Ethnic Politics // APSA-CP. 2001. Vol. 12. Issue 1.

21. *Comaroff J. and Stern P.* New Perspectives on Nationalism and War // Theory and Society. 1994. Vol. 23. Issue 1.

22. *De Wall T.* The Nagorny Karabakh Conflict in its Fourth Decade. CEPS Working Document No. 2021-02/ September 2021 // <https://www.ceps.eu/ceps-publications/the-nagorny-karabakh-conflict-in-its-fourth-decade/>.

23. *Geukjian Oh.* Ethnicity, Nationalism and Conflict in the South Caucasus: Nagorno-Karabakh and the Legacy of Soviet Nationalities Policy, Farnham: Ashgate, 2012.

24. *Horowitz D.* Ethnic Groups in Conflict. Berkeley: University of California Press, 1985.

25. *Kuburas M.* Ethnic Conflict in Nagorno Karabakh // Review of European and Russian Affairs. 2011. Vol. 6.

26. *Kundera M.* The Tragedy of Central Europe // New York Review of Books. 1984. Vol. 31 (8).

27. *Naromanyan N.* Understanding Identity as an Empowering Tool: The Case of Nagorno-Karabakh, 2022 // https://www.researchgate.net/publication/363892910_Understanding_Identity_as_an_Empowering_Tool_The_Case_of_Nagorno-Karabakh.

28. *Papazian L.* A People's Will: Armenian Irredentism over Nagorno Karabagh // The Making of Nagorno-Karabagh. 2001.

29. *Sambanis N.* Do Ethnic and Nonethnic Civil Wars Have the Same Causes? // *Journal of Conflict Resolution*. 2001. Vol. 45.

30. *Smith A.D.* The Ethnic Origins of Nations. New York: Basil Blackwell, 1987.

31. *Tonoyan A.* Armenia-Azerbaijan: Rethinking the Role of Religion in the Nagorno-Karabakh Conflict. In Book «Religion, Conflict and Stability in the Former Soviet Union». Santa Monica: RAND Corporation, 2018.

32. *Yamskov A.N.* Ethnic Conflict in the Transcaucasus: The Case of Nagorno-Karabakh // *The Sociology of Race and Ethnicity*. 2001. Vol. 2.

V.A. PRIVALOV²

*Postgraduate student, School of Public Administration,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

ETHNO-CULTURAL BACKGROUNDS FOR GENESIS OF THE NAGORNO-KARABAKH CONFLICT

The purpose of the article is to determine the ethno-cultural backgrounds for the emergence of a conflict in Nagorno-Karabakh. Within the framework of the article, both theoretical and empirical studies aimed at studying the ethno-cultural backgrounds for the conflict in Nagorno-Karabakh were analyzed. Three basic concepts of ethnic identity have been identified that explain the emergence of ethnopolitical conflicts: primordialism, constructivism and instrumentalism. Regarding the Nagorno-Karabakh conflict, the opinions of researchers are divided – some of the researchers (for example, T. De Waal, A. Tonoyan) adhere to the primordial concept of the conflict, explaining it by the importance of preserving the historically established ethno-cultural values of the population of Nagorno-Karabakh, other researchers (for example, O.Yu. Kuznetsov, M. Kuburas, L. Papazyan) tend to the constructivist concept, emphasizing that the ethno-cultural factors of the conflict are the result of political processes, and not historical “memory”. However, as shown by an empirical study conducted by N. Naromanyan in 2022, the population of Nagorno-Karabakh to a greater extent adhere to the primordial concept – the importance of historical memory and centuries-old ethno-cultural values – religion, culture and language. In general, the study made it possible to conclude that the ethno-cultural factor, including

² **Scientific adviser: M.A. BUDANOV**, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Management in the Sphere of Interethnic and Interfaith Relations, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia.

the religious and cultural-linguistic identity of the Armenian population of Nagorno-Karabakh, along with the territorial one, is one of the most significant prerequisites for this ethno-political conflict, regardless of their historical or acquired as a result of political basis changes.

Key words: *ethnopolitical conflict, Nagorno-Karabakh conflict, backgrounds of conflict, ethno-cultural background of conflict, primordialism, constructivism.*

Д.А. МОРОЗОВ

*аспирант кафедры политологии
Института истории и политики Московского
педагогического государственного университета
Россия, г. Москва*

ВЗАИМОСВЯЗЬ ГЕОПОЛИТИКИ И ГЕОЭКОНОМИКИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ОСОБЕННОСТИ НАУЧНОГО ДИСКУРСА

Статья посвящена вопросам выявления особенностей, взаимосвязей и взаимовлияний между геополитикой и геоэкономикой в рамках существующих научных концепций. Автор обосновывает перспективы использования междисциплинарного и синергетического подходов при их анализе и применении в политологических исследованиях. Автор приходит к выводу о том, что в рамках динамики научного объяснения терминов «геоэкономика» и «геополитика» прослеживается неразрывная связь геоэкономики и геоэкономических стратегий с геополитикой, как сложных частей единого целого, что свидетельствует о перспективах расширения научного понимания современной геоэкономики в рамках политической науки. Междисциплинарный подход диктует необходимость дополнения геополитических стратегий не только экономическими аспектами, но и другими составными частями: информационной, экологической, научной (интеллектуальной) и культурной.

Ключевые слова: *геоэкономика, геополитика, геоэкономическая стратегия, методология геоэкономики.*

Актуальность. Геополитика и ее взаимосвязь с другими общественными науками часто являются предметом споров, связанных с генезисом самой геополитики и ее нынешним научным статусом. Единого, общепринятого определения геополитики не существует. Различия во мнениях между исследователями, работающими в этой предметной области, касаются фундаментальных вопросов, включая вопрос о том, какое место занимает геополитика в различных смежных областях знаний. В результате роста напряженности в международных отношениях, которая оказывает влияние

не только на сферу политического, но и трансформирует экономический аспект межгосударственных отношений, в политической науке возрастает актуальность понимания содержательных характеристик термина «геоэкономика» в контексте анализа и оценки глобального политического процесса. Это вызвано прежде всего усложнением мировых процессов и необходимостью расширения подходов и методов политического исследования.

Задачи. Основные вопросы, которые рассматриваются в данном исследовании, касаются определения особенностей, взаимосвязей и взаимовлияний между геополитикой и геоэкономикой в рамках существующих научных парадигм, а также оценки перспектив использования междисциплинарного и синергетического подходов при их анализе и применении в политологических исследованиях.

Геополитика как научное направление обрела силу с начала 1980-х годов, чтобы объяснить современное общество и тенденции его развития.

Игнатьева И.Ф. и Исаев Б.А. выделяют несколько тенденций геополитических изменений, которые повлияли на изменение классических геополитических идей. Первая тенденция обусловлена распадом колониальных империй после Первой мировой войны и началом деколонизации, которая привела к появлению порядка 200 самостоятельных государств. Вторая геополитическая тенденция связана с освоением людьми ранее мало пригодной для проживания территории крайнего Юга и Севера посредством новых технологий и глобального потепления. Третья тенденция связана с возрастанием количества людей на планете с ранее 2 млрд. до 7 млрд. Четвертая тенденция обусловлена глобализационными процессами и усилением миграции на фоне межконфессиональных, межэтнических и межрасовых контактов. Пятая тенденция вызвана выдвиганием на повестку дня необходимости учитывать и решать серьезные и опасные для человечества экологические вопросы. Шестая тенденция связана с отсутствием свободных территорий ввиду того, что все разделено между государствами и увеличением соперничества между ними [1].

«Новая» геополитика поврала с географическим детерминизмом классической геополитической мысли, вызвав необходимость обновления геополитического подхода. По мнению Гуилы Чургай, возвращение геополитики – это проявление теоретического устаревания, с которым сталкиваются современные социальные науки, и напрямую связано с упадком ведущих идеологий 20-го века [8].

В научном дискурсе можно встретить понимание геополитики как самостоятельной научной дисциплины, составной части других наук, исследовательской парадигмы (в рамках социальных наук), исследовательского метода, политической доктрины, способа мышления о мире и прикладных знаний [21. С. 9-20; 29. С. 10-27; 30. С. 91; 9. С. 22-44; 17]. Несмотря на то, что геополитика уходит своими корнями в географию, сегодня ее

основной сферой деятельности являются международные отношения и безопасность [26].

По словам Якуба Григиеля, существуют три взаимосвязанные области знаний, которые исследуют физическое пространство и политические процессы с разных точек зрения: география, геополитика и геостратегия [12. С. 21-39]. Эти области также пытаются описать процессы изменений, но в зависимости от рассматриваемого предмета темпы изменений, которые они принимают во внимание, различаются.

Физическое пространство, которое напрямую связано с географией, остается неизменным (за исключением таких катастроф, как землетрясения). По мнению Блажея Сайдука, геополитические исследования направлены на изучение взаимосвязи между пространством и политикой, фокусируясь на «человеческом факторе», который воздействует на пространство, описываемое географией, например, на коммуникационные маршруты, появление новых маршрутов обмена количеством людей и товаров, наличие природных или экономических ресурсов, уже обработанных природных ресурсов или производственных мощностей. В рамках геополитики представляющие интерес области включают медленные изменения, происходящие на международном уровне, где технология является одним из ключевых факторов, инициирующих изменения (например, позволяя использовать новые маршруты связи). Поэтому как научная дисциплина, геополитика стремится объяснить причины и направленность распределения ресурсов в государственной политике [26].

Хорошее определение геополитики дает французский геополитик Пьер Бехар, который понимает под ней политику, обусловленную географическими ограничениями [8]. Геополитика имеет дело с отношениями между географическим пространством и политическими действиями, поэтому она может обуславливаться соперничеством сил и соотношением сил в данном пространстве, требуя обеспечения силового контроля данного пространства.

Те ученые, кто участвует в спорах относительно статуса геополитики как науки, упоминают об отсутствии реальности, которая обеспечивала бы конкретную область изучения геополитики. Защитники ее научного статуса подчеркивают, что – как междисциплинарная область знаний – геополитика опирается на многие смежные науки: географию, политическую географию, политологические науки (включая международные отношения) и исследования в области безопасности.

В настоящее время существуют две школы геополитических исследований. Первая представлена неоклассической геополитикой [4. С. 620-626], которая интересуется областями исследований, проводимых предшественниками геополитики, то есть влиянием географических условий на международную политику государств. Данная отрасль геополитики характеризуется как «междисциплинарная наука, исследующая влияние географии

на политические явления и процессы» [31. С. 180]. Такой подход отличает ориентированность на процесс, принятие «долгосрочной» перспективы и предположение о том, что международная политика – это постоянная конкуренция между центрами силы за влияние. Концепция «долгого времени» относится к методам, используемым исследовательским сообществом (в основном историками Фернаном Броделем, Жаком Ле Гоффом, Люсьеном Февром и Марком Блохом), все из которых сосредоточились на долгосрочных процессах экономических, культурных и цивилизационных изменений, которые были невидимы с точки зрения отдельного человека, но оказывали влияние на развитие обществ и стран [26].

Другая, более критическая геополитика, ставит под сомнение позитивистскую онтологию и эпистемологию, а также занимает интерпретативную позицию [22. С. 26], отвергая позицию, согласно которой объективной реальности не существует, а есть только ее интерпретации. В этой парадигме наука является лишь одним из многих метанарративов, которые продвигают определенные значения за счет других. Продолжая критические размышления, представленные Франкфуртской школой, гуманистической географией и французскими постмодернистами (например, концепцией деконструкции Жака Деррида и археологией власти Мишеля Фуко), критическая геополитика фокусируется на деконструкции геополитических представлений с выявлением властных отношений, содержащихся в геополитических представлениях, которые являются работой конкретных личностей (например, классических геополитиков) и обусловлены социально-политическим контекстом, в котором они создаются [26].

В этом плане геополитические притязания – это всего лишь дискурс [24. С. 322-338], который служит в пользу одной группы (например, государства) за счет других. Такое понимание геополитики приближает ее к социологической рефлексии и больше относится к международным отношениям и географии. Предметом анализа является общество и процессы, происходящие внутри него, с особым акцентом на формирование географического воображения в попытке понять, «как политическое коренится в пространственном» [25. С. 26].

На протяжении десятилетий в анализе проблем общества доминировал марксизм. Однако материализм не дает объяснения усложняющимся международным событиям, в частности этническим конфликтам, геоэкономической конкуренции и распада постсоветского геополитического пространства.

Стало очевидно, что изучение экономических факторов важно, но недостаточно. В инструментарий эффективного геополитического анализа вошли идеологические вопросы, исторические аспекты, влияние географических факторов и стратегические мотивации конкурентов. Например, реальной стратегической целью войны в Персидском заливе 1991 года был

контроль над нефтью, что указывает на значительный вес экономического аспекта конфликта. Был также ряд других факторов, сыгравших важную роль – усиление американского влияния в регионе (геостратегические и геоэкономические аспекты), подчинение Ливана силами Сирии (исторические, психологические и геостратегические аспекты) и ответные действия мусульманских фундаменталистов [18]. Усложнение мировых процессов теперь требует осуществления многомерного анализа, в основе которого лежит неидеологический и междисциплинарный подходы, расширяя геополитические научные сферы исследования.

Если до 1990-х годов геополитика охватывала тему соперничества между государствами с применением силовой политики в пределах определенных территориальных границ, то дальше на мировую арену вышли новые акторы в виде национальных меньшинств, транснациональных компаний, крупных нефтяных гигантов и наркокартелей.

В начале 1990-х годов, когда Советский Союз был близок к распаду, в научный обиход вошел термин «геоэкономика». Эти годы ознаменовались интенсивными дебатами о будущем международной системы. Фрэнсис Фукуяма объявил, что история подошла к концу. Он имел в виду, что больше не существует никакой заслуживающей доверия альтернативы западной гегемонии, демократии и либерализму. Возглавляемая США система восторжествовала [10].

Не все согласились с этой оценкой. Известные политологи Бенджамин Барбер, Сэмюэл Хантингтон и Роберт Каплан, предположили, что в мире после окончания холодной войны будет доминировать обостряющийся конфликт [5; 14; 16].

Другим ученым, критиковавшим либеральный оптимизм, был Эдвард Люттвак, который ввел термин геоэкономика в полунаучной статье, опубликованной в консервативном журнале «Национальный интерес» [19]. Три года спустя он расширил свои идеи в книге «Американская мечта под угрозой исчезновения» [20]. По словам Э. Люттвака, идеологическая борьба времен холодной войны сменилась всемирной экономической конкуренцией, в которой торговля и финансы затмевают военную мощь.

С этого момента геоэкономика стала одним из новых применений геополитики.

После окончания холодной войны многие ученые изучали геоэкономические явления, опираясь на основополагающую статью Люттвака. Валери Хадсон и др., например, определили геоэкономике как стратегии территориального контроля, которые экономически мотивированы и осуществляются экономическими средствами, наиболее важными из которых являются инвестиции и торговля. В начале 1990-х годов они утверждали, что Соединенным Штатам следует сконцентрироваться на соответствующих возможностях в еще не созданной зоне сотрудничества, которая включала бы части

Африки, Латинской Америки, Океании и Сибири [13. С. 98]. Современные исследования также фокусируются на том, как экономика стала критически важной для силовой политики. Сюн понимает геэкономiku как переход от военной к экономической безопасности, особенно в связи с новой ролью Китая в мировой политике [15. С. 33]. Майкл Мэттлин и Майкл Уигелл полагают, что геэкономические стратегии типичны для незападных держав – Бразилии, Китая и Индии, – поскольку они полагаются на невоенные средства в своем мягком балансировании по отношению к Соединенным Штатам [23].

Вместе с тем, несмотря на ожидания Э. Люттвака, геэкономика не заменила военные средства управления государством. Экономические и военные инструменты сосуществуют, и государства используют их в зависимости от того, что они считают адекватным для решения конкретных задач, с которыми они сталкиваются. Поэтому Роберт Блэквилл и Дженифер Харрис считают, что «для наиболее искушенных геэкономических субъектов сегодняшнего дня геэкономические и военные аспекты государственного управления, как правило, взаимно усиливают друг друга» [6].

Другие исследователи также концептуализируют геэкономiku и геополитику – последняя понимается как достижение стратегических целей военными средствами – как пересекающиеся стратегии. Дэвид Скотт указывает в своем исследовании конкуренции между Китаем и Индией, что контроль над морскими линиями связи имеет важное значение для геэкономики и геополитики; как и доступ к жизненно важным ресурсам [28]. Томас Гроссе анализирует внутреннее накопление капитала в Китае и более широкое экономическое развитие, утверждая, что растущая экономическая база национальной мощи позволяет Народной Республике изменять структуры мировой экономики в соответствии со своими предпочтениями. В то время как Дэвид Скотт четко проводит различие между геэкономикой и геополитикой, Томас Гросс предполагает, что геэкономика – это слияние экономических и геополитических целей и подразумевает, что существуют гибридные стратегии проецирования экономической и военной мощи [11]. Самуил Хантингтон аналогичным образом предположил в своей статье, что государства, которые наращивают свою экономическую базу могущества, скорее всего, получают преимущества в технологии и, таким образом, станут сильнее в военном плане [14].

В этом плане, как пишут Сорен Шолвин и Майкл Уигелл: «сосуществование экономической и военной мощи и их взаимосвязь привели к путанице в терминологии, поскольку между ключевыми терминами не установлены четкие границы» [27]. Терминологическая путаница стала особенно очевидной, по их мнению, в научном анализе Санджая Бару, который, с одной стороны, определяет геэкономiku как взаимовлияние экономики и геополитики: например, экономическое развитие, снижение экономической

мощи конкретного государства оказывает геополитическое воздействие; геополитические изменения, такие как территориальные завоевания, влияют на экономику, а с другой – геоэкономическая мощь фигурирует как статус, вытекающий из успешно применяемой экономической мощи [3].

Существуют и нелюттватианские подходы к геоэкономике. Например, некоторые ученые связывают геоэкономике с появлением новых действующих лиц, имеющих значение для экономической и политической динамики за пределами национального масштаба. Джонатан Бартон, например, утверждает, что в то время как эпоха геополитики была связана с государствами-гегемонами и стабильностью в международных отношениях, эпоха геоэкономики характеризуется высокой гибкостью негосударственных субъектов и безграничными транснациональными отношениями [2].

Другие концентрируются на изменении территориальной логики как ключевой особенности геоэкономики. Дубора Коуэн и Нейл Смит считают, что объединение территории, экономики и людей под властью национальных государств – ключевых критериев эпохи геополитики – в настоящее время пересматривается, главным образом потому, что территориальные границы утратили ту определяющую роль, которую они раньше играли для экономики и общества. Эпоха геоэкономики характеризуется все большей сегментацией глобального производства, что происходит одновременно с ростом роли транснациональных предприятий в качестве ключевых действующих лиц. Угрозы безопасности, такие как терроризм, также не привязаны к территориальным границам. Определяя геоэкономике через ее особую территориальную логику, Дебора Коуэн и Нейл Смит, кроме того, утверждают, что геоэкономике имела решающее значение для международных отношений задолго до конца XX века [7. С. 42].

По мнению Игнатъевой И.Ф. и Исаева Б.А., геоэкономике как часть геополитики изучает «экономическое влияние государств в мире, мир, его разделение на сферы влияния, конфликт экономических интересов государств на мировой арене, зависимость геополитического статуса и экономического положения государств в целом, разделение и перераспределение политико-экономической структуры мира».

Сорен Шолвин и Майкл Уигелл полагают, что геоэкономике является одновременно внешнеполитической стратегией и аналитической основой. Как внешнеполитическая стратегия, она относится к применению государствами экономических средств воздействия для достижения стратегических целей. В качестве аналитической основы геоэкономике соотносится с реализмом международных отношений. Тем не менее, она выходит за рамки политического реализма, поскольку сосредоточена на географических особенностях, присущих внешней политике и международным отношениям. Это означает, что геоэкономике имеет дело с экономическими основами власти, которые имеют четкое географическое измерение: некоторые

страны обладают ресурсами, в которых нуждаются другие, и эти ресурсы транспортируются, например, по стратегически важным коридорам. С другой стороны, геоэкономика – это изучение того, как экономические инструменты используются для контроля над конкретными географическими районами, такими как сфера влияния регионального гегемона [27].

В этом плане геостратегия исследует процессы изменений, которые происходят быстрее и динамичнее во времени, чем те, которые описываются геополитикой. Геостратегия интересуется деятельностью государства, связанной с развитием, прежде всего, в сфере военной безопасности, но также и в других областях, включая экономическое и культурное развитие. Геостратегическая важность данного района может измениться очень быстро. Это изменение может быть результатом географических обстоятельств, действий, предпринятых государством (мотивированных идеологически или деятельностью групп интересов), или решений политических лидеров.

В целом, на наш взгляд, геоэкономика действительно является составной частью политической науки, и старается описать и понять поведение акторов мировой политики с экономической точки зрения в вопросе завоевания и сохранения политической власти. В этом плане геоэкономическая стратегия является составной частью геополитической стратегии, которая применяется в зависимости от условий внешней среды и эффективности ее реализации в рамках определенного временного периода.

Целью геоэкономической стратегии государства является достижение и сохранение привилегированного положения в мировом хозяйстве. Это означает, что геоэкономика ставит под сомнение взаимосвязь между экономической мощью и пространством. Это также относится к «виртуальному» пространству, в котором текучесть и интенсивность экономических обменов чрезвычайно затрудняют определение территориальных границ.

Выводы. На фоне отсутствия широко распространенного определения геоэкономики, а также концептуального изменения понимания геополитики, среди зарубежных ученых, использующих эти термины, многие часто не проводят границы между ними. Другие редко объясняют, что означает «гео» в геоэкономике и чем геоэкономика отличается от международной политической экономии.

Вместе с тем, на наш взгляд прослеживается неразрывная связь геоэкономики и геоэкономических стратегий с геополитикой, к которой они относятся как сложная часть целого. Междисциплинарный подход диктует необходимость дополнения геополитических стратегий не только экономическими аспектами, но и другими составными частями: информационной, экологической, научной (интеллектуальной) и культурной. Развитие мировой политики, совместно с экономическим прогрессом человеческой

деятельности, будет только дополнять и расширять научное понимание современной геоэкономики в рамках политической науки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Игнатъева И.Ф., Исаев Б.А.* Современные тенденции в геоэкономике и геополитике // Достижения в области социальных наук, образования и гуманитарных исследований. Атлантис Пресс. 2019. Том 273.
2. *Barton J.R.* Flags of Convenience: Geoeconomics and Regulatory Minimisation // *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. 1999. Vol. 90, no. 2.
3. *Baru S.* Geo-economics and Strategy // *Survival*. 2012. Vol. 54, no. 3.
4. *Bassin M.* The two faces of contemporary geopolitics. *Progress in Human Geography*. 2004. No. 28(5).
5. *Benjamin R. Barber.* Jihad vs. McWorld: Terrorism's Challenge to Democracy. New York: Ballantine Books, 1992.
6. *Blackwill R.D., Harris J.M.* War by Other Means: Geoeconomics and Statecraft. Cambridge: Harvard University Press. 2016.
7. *Cowen D., Smith N.* After Geopolitics?: From the Geopolitical Social to Geoeconomics // *Antipode*. 2009. Vol. 41, no. 1.
8. *Csurgai G.* Geopolities, Geoeconomics and Economic Intelligence // *The Canadian Institute of Strategic Studies*. 1998. No. 69.
9. *Dybczyński A.* Teoria geopolityki. In: A. Dybczyński (ed.), *Geopolityka*. Warszawa: Poltext. 2013.
10. *Fukuyama F.* The End of History? // *National Interest*. 1992.
11. *Grosse T.G.* Geoeconomic Relations between the EU and China: The Lessons from the EU Weapon Embargo and from Galileo // *Geopolitics*. 2014. Vol. 19, no. 1.
12. *Grygiel J.* Great Powers and Geopolitical Change. Baltimore: Johns Hopkins University Press. 2006.
13. *Hudson V.M., Ford R.E. etc.* Why the Third World Matters, Why Europe Probably Won't: The Geoeconomics of Circumscribed Engagement // *Journal of Strategic Studies*. 1991. Vol. 14, no. 3.
14. *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations? // *Foreign Affairs*. 1993. Vol. 72, no. 3.
15. *Hsiung J.C.* The Age of Geoeconomics, China's Global Role, and Prospects of Cross-Strait Integration // *Journal of Chinese Political Science*. 2009. Vol. 14, no. 2.
16. *Kaplan R.D.* «The Coming Anarchy: How Scarcity, Crime, Overpopulation, Tribalism, and Disease Are Rapidly Destroying the Social Fabric of Our Planet» // *Atlantic Monthly*. 1994. Vol. 273, no. 2.

17. *Klin T.* Wątki geopolityczne w dorobku Roberta Strausz-Hupé. Przegląd Geopolityczny. 2008. Vol. 1.

18. *Kundnani H.* Germany as a Geo-economic Power // Washington Quarterly. 2011. Vol. 34, no. 3.

19. *Luttwak E.N.* From Geopolitics to Geo-Economics: Logic of Conflict, Grammar of Commerce // The National Interest. № 20. 1990 // <http://www.jstor.org/stable/42894676>.

20. *Luttwak E.N.* The Endangered American Dream: How to Stop the United States from Becoming a Third World Country and How to Win the Geo-economic Struggle for Industrial Supremacy. New York: Simon & Schuster, 1993.

21. *Macala J.* Czym jest geopolityka? Spory wokół jej definicji. In: Z. Lach and J. Wendt (red.), Geopolityka. Elementy teorii, wybrane metody i badania. Częstochowa: Instytut Geopolityki, 2010.

22. *Marsh D., Furlong P.* Skóra, a nie sweter: Ontologia i epistemologia w politologii. In: D. Marsh and G. Stoker (ed.), Teorie i metody w naukach politycznych, trans. J. Tegnerowicz. Kraków: WUJ, 2006.

23. *Mattlin M., Wigell M.* Geoeconomics in the Context of Restive Regional Powers // Asia Europe Journal. 2016. Vol. 14, no. 2.

24. *Müller N.* Reconsidering the concept of discourse for the field of critical geopolitics: towards discourse as language and practice. Political Geography. 2008. No. 27.

25. *Potulski J.* Czym jest geopolityka? Spory wokół statusu badawczego geopolityki. In: P. Eberhardt (ed.), Studia nad geopolityką XX wieku. "Prace Geograficzne" no. 242, Warszawa: PAN IGiPZ, 2013.

26. *Sajduk B.* Geopolitics and political science – the controversies / Geopolitics. Ignatianum University Press, 2021.

27. *Scholvin S., Wigell M.* Power politics by economic means: geoeconomics as an analytical approach and foreign policy practice. Comparative Strategy, 2018.

28. *Scott D.* The Great Power 'Great Game' between India and China: 'The Logic of Geography // Geopolitics. 2008. Vol. 13, no. 1.

29. *Sykulski L.* Geopolityka. Skrypt dla początkujących. Częstochowa: Wydawnictwo Naukowe Grzegoria. 2014.

30. *Sykulski L.* Geopolityka. In: L. Sykulski (ed.), Mały leksykon geopolityki. Częstochowa: Wydawnictwo Naukowe Grzegoria, 2013.

31. *Sykulski L.* Geopolityka – zakres znaczeniowy pojęcia. In: L. Syskulski (ed), Przestrzeń i Polityka. Częstochowa: Polskie Towarzystwo Geopolityczne. 2009.

D.A. MOROZOV

PhD student at the Department of Political Science of Institute of history and policy of Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia

INTERRELATION OF GEOPOLITICS AND GEO-ECONOMICS IN THE MODERN WORLD: FEATURES OF SCIENTIFIC DISCOURSE

The article is devoted to the issues of identifying the features, interrelations and mutual influences between geopolitics and geo-economics within the framework of existing scientific concepts. The author substantiates the prospects of using interdisciplinary and synergetic approaches in their analysis and application in political science research. The author comes to the conclusion that within the framework of the dynamics of the scientific explanation of the terms “geo-economics” and “geopolitics”, there is an inextricable link between geo-economics and geo-economic strategies with geopolitics as complex parts of a single whole, which indicates the prospects for expanding the scientific understanding of modern geo-economics within the framework of political science. The interdisciplinary approach dictates the need to supplement geopolitical strategies not only with economic aspects, but also with other components: informational, environmental, scientific (intellectual) and cultural.

Key words: *geo-economics, geopolitics, geo-economic strategy, methodology of geo-economics.*

А.Н. СТОЛЯРОВА

*доктор экономических наук, профессор, профессор базовой кафедры
«Торговой политики» ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»,
Россия, г. Москва*

И.А. ГЛЕБОВА

*кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, заведующая
кафедрой «Экологии и природопользования», ФГБОУ ВО «МГУТУ
им. К.Г. Разумовского (ПКУ)», Россия, г. Москва*

Т.П. ХАЙРУЛИНА

*кандидат биологических наук, доцент кафедры «Экологии
и природопользования» ФГБОУ ВО «МГУТУ им. К.Г. Разумовского
(ПКУ)», Россия, г. Москва*

О.В. КНЯЗЕВА

*кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономической
теории и экономики таможенного дела» ГКОУ ВО «Российская
Таможенная Академия», Россия, г. Москва*

С.О. НОВОСЕЛЬСКИЙ

*кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
научного центра по исследованию истории и развития мировых
цивилизаций АНО ВО «Университет Мировых Цивилизаций им. В.В.
Жириновского»,
Россия, г. Москва*

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В СОЦИАЛЬНО- ОТВЕТСТВЕННОМ ПОВЕДЕНИИ КОРПОРАЦИЙ

Введение: *в статье рассматриваются теоретические и практические аспекты корпоративной экологической политики, которая реализуется в фарватере социально-ответственного поведения бизнеса. Экологическая повестка занимает важное место в механизме корпоративной социальной ответственности. Масштабы природоохранных инвестиций компании зависят в первую очередь от специфики хозяйственно-экономической деятельности и от уровня антропогенной нагрузки на окружающую среду. Необходимость интеграции экологической составляющей в пространство*

КСО обусловлена следующими причинами: во-первых, совокупная актуальность снижения антропогенного влияния на окружающую среду независимо от формы извлечения прибыли, во-вторых, государственное лоббирование экологических проектов, в-третьих, пристальное внимание общественности к решению экологических проблем, что важно для повышения социального статуса компании, в-четвертых, наглядность достижения желаемого результата, который может быть оперативно тиражирован в информационном пространстве.

Цель и задачи: *цель работы заключается в рассмотрении особенностей реализации экологической политики в пространстве социально-ответственного поведения корпораций. В статье поставлены и решены следующие задачи:*

- обосновать актуальность расширения емкости экологической повестки в структуре корпоративной социальной ответственности;*
- выполнить динамический и структурный анализ расходов корпораций на экологические мероприятия и проекты в социально-экономической системе РФ;*
- рассмотреть региональное и отраслевое распределение корпоративной активности в фокусе решения экологических проблем.*

Результаты исследования: *авторским коллективом уточнены теоретические аспекты содержательной сущности корпоративной экологической ответственности, а также выполнена диагностика ключевых показателей, отражающих экологическую активность корпоративных структур, в том числе в региональном и отраслевом разрезе.*

Ключевые слова: *экологическая политика, социально-ответственное поведение, корпоративная социальная ответственность, экологические расходы, природоохранные мероприятия.*

Актуальность. При существующей конъюнктуре ведения бизнеса экологическая составляющая занимает важнейшее место в структуре корпоративной социальной ответственности (КСО) [1. С. 177]. При управлении экологической повесткой КСО важно обеспечить прозрачность транслируемой информации для всех стейкхолдеров. Особенно актуальным является создание возможностей для общественного мониторинга, результаты которого могут быть массово представлены в информационном пространстве, а при необходимости обеспечить коррекцию природоохранной политики компании. Открытость экологической составляющей в определенном смысле выступает гарантом устойчивого развития территории и рационального ресурсопотребления [5. С. 25]. Как отмечает профессор М.В. Шатохин расширение потенциала экологической составляющей КСО

должно происходить несмотря на агрессивное поведение западных партнеров и санкции [17. С. 170]. При текущей конъюнктуре важно активизировать процессы импортозамещения в фокусе разработки суверенных природоохранных производственных технологий. Положительным примером в рассматриваемом аспекте можно считать агропромышленный комплекс страны, при исследовании которого в региональном разрезе профессор Е.В. Харченко делает вывод о росте экологической составляющей бизнес-процессов при активной государственной поддержке [16. С. 55]. Рост вовлеченности компаний в сферу социально-ответственного поведения является важнейшим инструментом сохранения природного разнообразия нашей страны для будущих поколений. Долгосрочной целью расширения потенциала экологической составляющей КСО выступает построение «зеленой экономики». В текущих конъюнктурных условиях важно добиться снижения антропогенной нагрузки, особенно производственной ее составляющей на окружающую среду. Для решения данной задачи в систему корпоративного менеджмента должны быть интегрированы принципы экологически-ответственного поведения. Для построения эффективного механизма экологического социально-ответственного поведения руководство компании должно максимально учесть интересы всех основных стейкхолдеров и интегрировать сбалансированный подход природопользования [11. С. 27]. Решение данной задачи базируется на системном мониторинге настроений и приоритетов основных стейкхолдеров компании.

Основная часть. Экологическая составляющая так или иначе присутствует в механизме корпоративной социальной ответственности практически любой компании [8. С. 90]. Присутствие экологической составляющей в орбите КСО направлено на достижение следующих целей:

– поиск баланса интересов производства и охраны окружающей среды. Достижение данной цели крайне актуально в современном фокусе максимизации прибыли любыми средствами. Безусловно, найти полный баланс практически невозможно, но стремиться к достижению данной цели необходимо постоянно. Только в этом случае удастся сохранить природный потенциал как для будущих поколений, так и для последующих производственных циклов;

– рациональное использование природных ресурсов обеспечивает грамотное их потребление в рамках производственных циклов, что создает условия для стабильности существования бизнес-модели в долгосрочной перспективе;

– компании, уделяющие существенное внимание экологической повестке КСО обладают значительной инвестиционной привлекательностью, что очень важно в эпоху развития фондовых рынков. Открытость информации об экологических инициативах компании для всех стейкхолдеров выступает фактором привлечения дополнительных инвестиций;

– достижение цели повышения социального статуса компании за счет природоохранных инвестиций также крайне важно, так как выстраивает мотивы для ведения гибридной конкурентной борьбы как за потребителя, так и за распределение государственных финансовых ресурсов. Органы власти намного охотнее сформируют пакет преференций в отношении той компании, которая обладает высоким социальным статусом, достигнутым за счет реализации масштабной природоохранной компоненты [9. С. 263].

В целом обеспечение устойчивости развития территории можно считать генеральной целью социально-ответственного поведения в экологическом сегменте. В рамках данной цели необходимо гарантировать максимально бережное отношение к окружающей среде, которая должна быть подвержена минимальному давлению со стороны хозяйственно-экономических процессов. Для достижения данной цели важно обеспечить использование комплекса превентивных мероприятий, которые препятствуют ухудшению качества окружающей среды [13. С. 2655].

Как отмечает А.С. Атаманова, стержневая цель функционирования стратегического менеджмента доминирующего большинства компаний заключается в обеспечении условий устойчивого развития [2. С. 15]. Устойчивость развития компании базируется в первую очередь на устойчивом развитии территории присутствия, фундаментом которого главным образом является экологическая составляющая. В этой связи в рамках разработки и реализации политики КСО менеджмент успешных компаний уделяет пристальное внимание решению природоохранных задач. При рассмотрении экологической составляющей КСО целесообразно выделить ключевые трактовки данного понятия, которые присутствуют в существующей международной практике. На рисунке 1 сгруппируем основные трактовки сущности корпоративной экологической ответственности.

Для оценки степени вовлеченности компании в процессы реализации экологической повестки социально-ответственного поведения, по мнению Т.Н. Бабич [3. С. 180] и А.Д. Галимовой [6. С. 140], необходимо проанализировать ряд актуальных критериев следующего характера:

- соблюдение всех положений нормативного правового поля в области охраны окружающей среды и экологоцентричного поведения;
- соответствие хозяйственно-экономической деятельности компании требованиям российских и международных стандартов в сфере экологической безопасности;
- использование превентивной функции в системе экологического менеджмента, сфокусированной на предотвращении наступления неблагоприятных событий для окружающей среды и сокращении потенциального антропогенного ущерба;
- постоянное улучшение очистных и защитных технологий с учетом принципов доступности и экономической целесообразности;

- активное управление экологическими рисками, сконцентрированное на их минимизации, прогнозировании наступления событий, способствующих росту вероятности их зарождения, а также устранении риск-факторов;

- присутствие в структуре нефинансовой корпоративной отчетности экологической отчетности, которая носит развернутый и общедоступный характер для всех заинтересованных сторон;

- добровольное участие в волонтерских мероприятиях экологического характера, а также осуществление финансовых отчислений в благотворительные фонды экологической направленности;

- формулировка миссии компании и глобальных целей ведения деятельности включает упоминания о теории устойчивого развития и гармоничном функционировании экосистемы;

- вовлеченность всех сотрудников и подразделений компании в механизм экологически-ответственного поведения, координация всех функций в векторе экологического менеджмента;

- интеграция экологического менеджмента в общий управленческий контур компании;

- в структуре бюджета компании присутствует отдельная статья, связанная с расходами на экологию и охрану окружающей среды;

- баланс критериев экологической и экономической эффективности бизнеса на основе рационального потребления ресурсного потенциала в первую очередь на территории присутствия;

- существование возможностей общественного контроля природоохранной и экологической деятельности компании на основе раскрытия информации и фактического локального доступа на хозяйственные объекты. В рамках данного направления также необходимо отметить необходимость присутствия устойчивой обратной связи между менеджментом компании и субъектами общественного контроля, актуальной для учета текущих запросов и претензий населения в сфере экологической безопасности;

- построение действенной системы восстановления нарушенных природных экосистем в рамках хозяйственно-экономических процессов, результаты функционирования которых должны быть подвержены государственному контролю и гражданскому мониторингу.

Роль экологической повестки в обеспечении устойчивости развития раскрыта на рисунке 2 [4. С. 47].

На основе представленной информационной базы рисунка 3 можно отметить, что величина экологических расходов отечественных предприятий стабильно увеличивается на протяжении расчетного временного периода. Увеличение экологических расходов свидетельствует о повышении внимания к экологической повестке в системе корпоративного менеджмента, а также о росте финансирования природоохранных мероприятий. Существование выявленной динамики также позволяет говорить о росте

вовлеченности большего числа компаний в орбиту экологически-ответственного поведения.

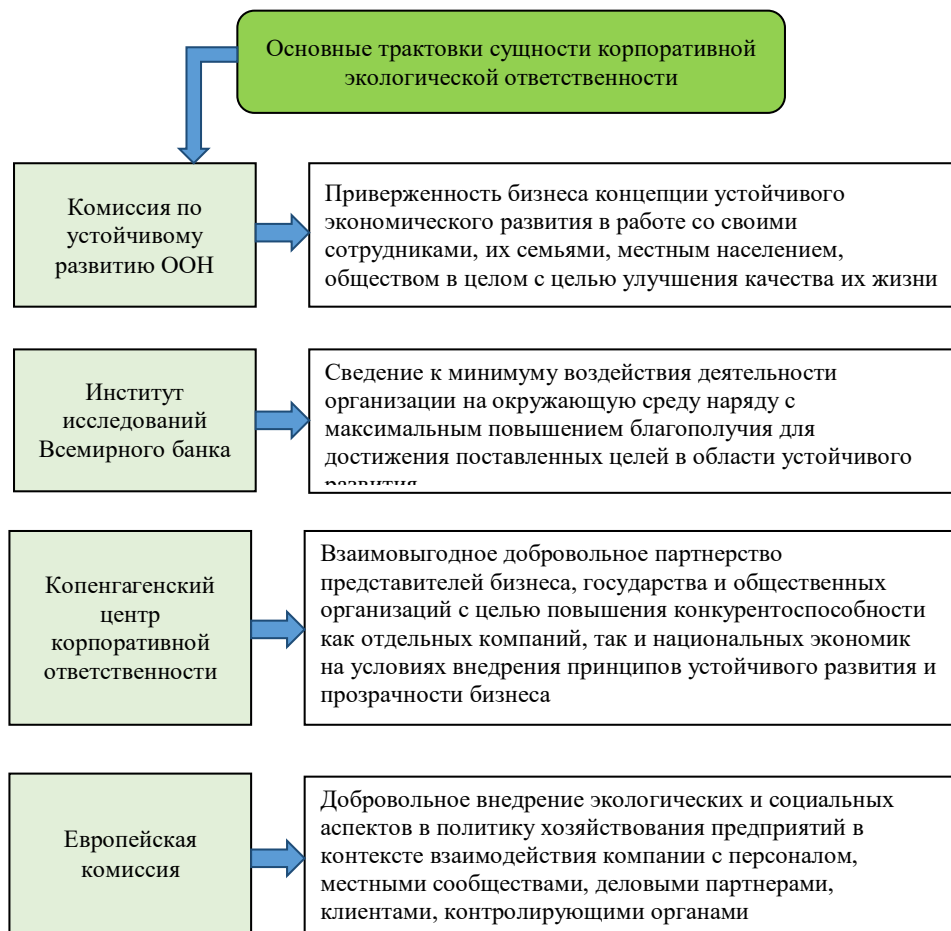

Рисунок 1. Основные трактовки сущности корпоративной экологической ответственности

В 2022 году по сравнению с 2013 годом величина экологических расходов бизнеса выросла примерно в 2,25 раза. Максимальный прирост экологических расходов отмечается в 2021 году по сравнению с 2020 годом на 18,03%, а минимальный темп прироста в размере 1,65% зафиксирован в 2016 году относительно 2015 года. В 2022 году размере экологических расходов бизнеса составил почти 1,11 трлн. рублей, что на 12,24% больше аналогичного показателя 2021 года. Присутствие положительной динамики финансирования природоохранных мероприятий со стороны бизнеса даже в условиях санкций недружественных страны свидетельствует о высокой актуальности экологической составляющей КСО.

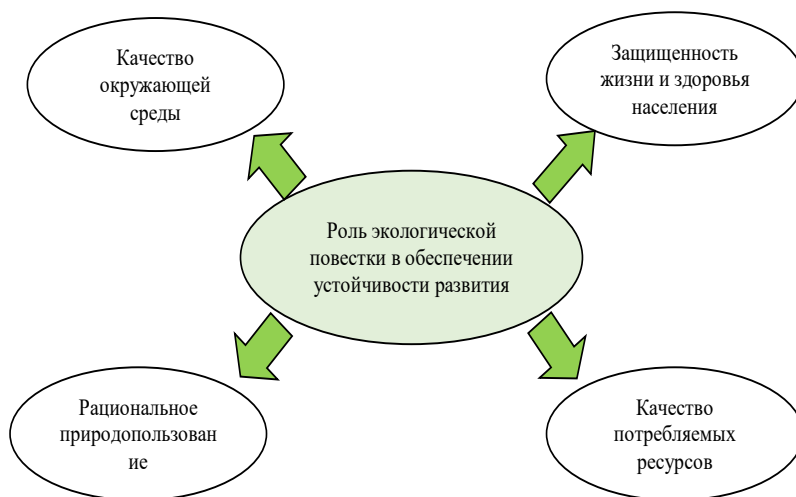

Рисунок 2. Роль экологической повестки в устойчивом развитии

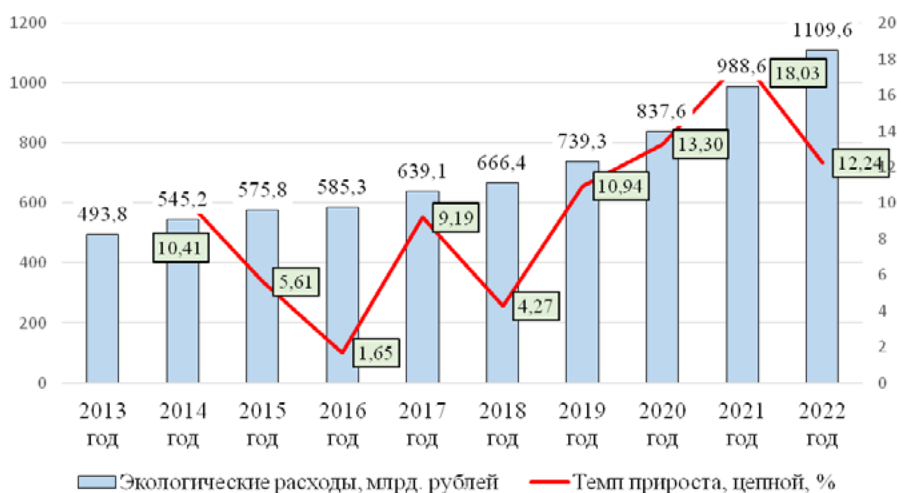

Рисунок 3. Динамика экологических расходов предприятий Российской Федерации в рамках КСО [12; 14; 15]

На основе рисунка 4 можно сделать вывод о том, что в структуре экологических расходов российских предприятий наибольший удельный вес принадлежит расходам, связанным со сбором и очисткой сточных вод, обращением с отходами, а также охраной атмосферного воздуха. По итогам вертикального анализа можно отметить, что в 2022 году доля расходов в фокусе сбора и очистки сточных вод в общей совокупности экологических расходов отечественных предприятий составила 35,40%, удельный вес

расходных обязательств в векторе обращения с отходами составил 31,20%, а доля расходов, связанных с охраной атмосферного воздуха составила 20,90%. Минимальный удельный вес в структуре экологических расходов российских предприятий в 2022 году принадлежит расходам, связанным с защитой от шума и вибрации (около 0,1%) и расходам в фокусе научно-исследовательской деятельности природоохранной направленности (около 0,2%).

Рисунок 4. Структура экологических расходов предприятий Российской Федерации в 2022 году в рамках КСО [12; 14; 15]

Ключевым фактором успеха в векторе долгосрочного решения природоохранных задач выступает активная инвестиционная политика. Важность экологических инвестиций обусловлена необходимостью постоянного совершенствования подходов и технологий в фарватере достижения максимального уровня экологической безопасности и минимизации экологических рисков. Кроме того, подобного рода инвестиции расширяют потенциал экологически ответственного поведения компании в сфере использования инструментов КСО.

Как видно из представленного материала рисунка 5 динамика экологических инвестиций отечественных компании на протяжении рассмотренного периода обладает общим растущим трендом. В 2022 году по сравнению с 2013 годом сумма инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды и рациональное природопользование, увеличилась примерно в 2,5 раза.

При этом динамика инвестиционной активности не всегда носила только растущий характер. В 2015 году по сравнению с 2014 годом объем экологических инвестиций сократился на 4,32%, а в 2016 году по сравнению с 2015 годом сумма долгосрочных природоохранных вложений уменьшилась на 7,98%. Достаточно высокие темпы прироста величины экологических

инвестиций стали фиксироваться с 2019 года. Особо стоит отметить резкий рост инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды и рациональное природопользование, в 2021 году по сравнению с 2020 годом на 52,79%. В 2022 году представители отечественного бизнеса инвестировали в развитие экологической повестки КСО примерно 306,9 млрд. рублей, что на 2,50% больше аналогичного показателя прошлого периода. В целом можно отметить, что менеджмент отечественных компаний уделяет все большее внимание расширению потенциала экологической составляющей.

Рисунок 5. Динамика инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды и рациональное природопользование [12; 14]

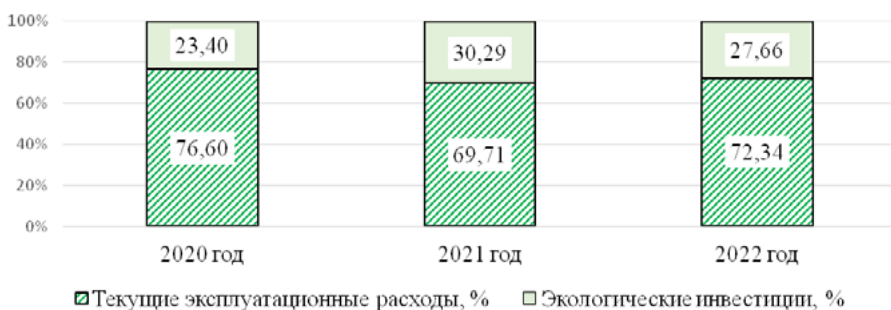

Рисунок 6. Структура финансирования экологической составляющей КСО отечественных предприятий [12; 14; 15]

С учетом данных рисунка 6 необходимо отметить, что в структуре финансирования экологической составляющей КСО наибольший удельный

вес принадлежит текущим эксплуатационным расходам. При этом за период 2020-2022 годов структура финансирования экологической составляющей КСО российского бизнеса остается в целом стабильной. По итогам 2022 года доля экологических инвестиций в структуре финансирования природоохранной повестки отечественных предприятий составляет 27,66% (в 2021 году величина показателя была равной 30,29%), а удельный вес текущих эксплуатационных расходов составил 72,34% (в 2021 году значение показателя было равно 69,71%).

Рисунок 7. Уровень отраслевой экологической активности российского бизнеса в рамках КСО по итогам 2022 года [12; 14; 15]

На основе рисунка 7 можно отметить, что наибольшую активность в фокусе экологической составляющей КСО в 2022 году проявляли предприятия обрабатывающих производств. Сумма экологических расходов представителей данной отрасли национальной экономики составила примерно 390,6 млрд. рублей. На втором месте находятся бизнес-структуры, деятельность которых связана с водоотведением и утилизацией отходов: в 2022 году ими было потрачено на финансирование природоохранных мероприятий эксплуатационного и инвестиционного характера примерно 280,6 млн. рублей. Предприятия, деятельность которых связана с добычей полезных ископаемых в 2022 году понести экологические расходы в размере 186 млрд. рублей.

При рассмотрении экологической составляющей КСО необходимо уделить внимание региональным особенностям. На основе материалов рисунка 8 можно отметить, что в 2022 году максимальные экологические расходы бизнес-структур были зафиксированы в Красноярском крае (99,6 млрд. руб.), Москве (68 млрд. руб.) и Московской области (57,6 млрд. рублей), а минимальные расходы на корпоративные природоохранные мероприятия отмечаются в Ингушетии (41 млн. руб.), Дагестане (128 млн. руб.) и Калмыкии

(270 млн. руб.). Для активизации деятельности бизнес-структур в фокусе экологической составляющей КСО региональные органы власти должны использовать максимальный набор инструментов, среди которых в первую очередь необходимо обратить внимание на государственно-частного партнерство.

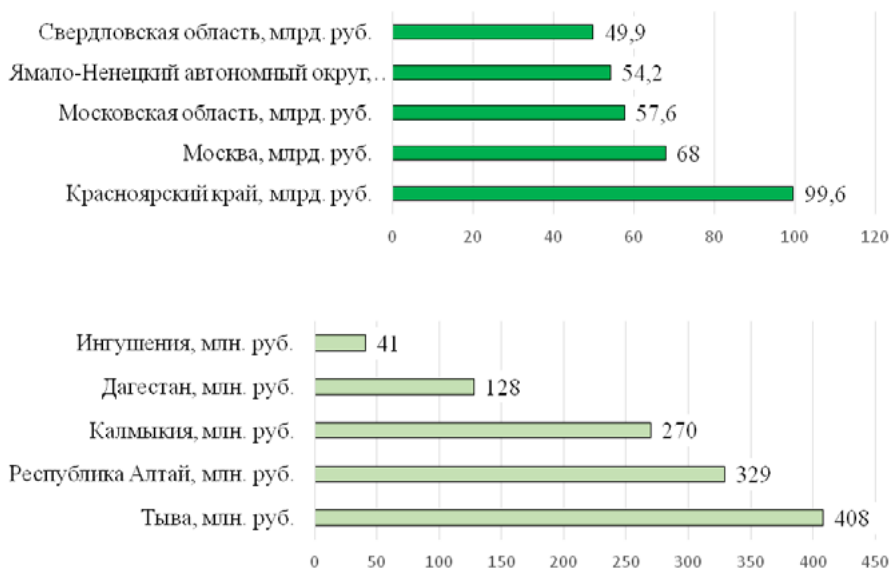

Рисунок 8. Регионы в максимальными и минимальными экологическими расходами бизнеса в рамках КСО по итогам 2022 года [12; 14; 15]

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод о том, что экологическая составляющая КСО достаточно активно развивается в последние годы, несмотря на санкции недружественных стран. Сформулированный вывод подтверждается существованием положительной устойчивой динамики экологических расходов отечественных предприятий, а также растущим трендом инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды и рациональное природопользование. В структуре экологических расходов российских предприятий наибольший удельный вес принадлежит расходам, связанным со сбором и очисткой сточных вод, обращением с отходами, а также охраной атмосферного воздуха. Наилучшие результаты при реализации экологической повестки КСО зафиксированы в Красноярском крае, Москве и Московской области. Максимальное внимание экологической составляющей КСО уделяется бизнес-структурам, связанным с обрабатывающими производствами, водоотведением и утилизацией отходов, а также добычей полезных ископаемых. Реализация экологической повестки КСО должна происходить в фарватере достижения

стратегических целей построения «зеленой экономики». Важность решения данной задачи заключается в необходимости глобальной трансформации национальной экономической системы в векторе рационального потребления природных ресурсов. Внедрение «зеленых» принципов крайне актуально для Российской Федерации, так как в структуре ее экономики существенная роль принадлежит предприятиям добывающей промышленной и энергетики, которые оказывают максимальное давление на окружающую среду.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Атабекова Х.Т.* Корпоративная социальная ответственность: экологические аспекты деятельности южнокорейских ТНК в России // В сборнике: Восточная Азия в меняющемся мире. 2019.

2. *Атаманова А.С.* Эффективность экологических проектов в регионах / А.С. Атаманова, А.А. Прокошин, И.А. Глебова // Дельта науки. 2020. № 1.

3. *Бабич Т.Н.* Современные подходы развития зеленых инноваций: отраслевые особенности / Т.Н. Бабич, Ю.С. Положенцева, И.О. Логвинова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13. № 2.

4. *Бахов А.А.* Корпоративная социальная ответственность в металлургической отрасли: опыт ПАО «ГМК «Норильский никель» // Экономика нового мира. 2021. Т. 6. № 3 (22).

5. *Быстровская И.А.* Страхование профессиональной ответственности как часть обеспечения ESG-стратегии // Страхование право. 2023. № 1 (98).

6. *Галимова А.Д.* Практики реализации программ корпоративной социальной ответственности на предприятиях энергетического комплекса // В сборнике: Тинчуринские чтения – 2020. Казань, 2020.

7. *Жиляков Д.И.* Анализ функционирования системы образования в сельских территориях региона / Д.И. Жиляков, С.О. Новосельский, Ю.В. Лисицина, П.О. Коротков, Т.О. Оласунканми // International Agricultural Journal. 2022. Т. 65. № 2.

8. *Никифоров-Никишин А.Л.* Экологизация экономики как основа сбалансированного развития общества / А.Л. Никифоров-Никишин, И.А. Глебова, М.В. Шатохин // Дельта науки. 2018. № 2.

9. *Никифоров-Никишин А.Л.* Экологическая безопасность в эпоху постмодернизма (методологический подход) / А.Л. Никифоров-Никишин, И.А. Глебова // В сборнике: Экономика, прикладная информатика, гуманитарные науки: современные тренды и перспективы развития. Москва, 2021.

10. *Новосельский С.О.* Методы оценки эффективности рекламных кампаний организаций / С.О. Новосельский, Ю.С. Мозговая // Политика, экономика и инновации. 2015. № 2 (2).

11. Новосельский С.О. Управление инвестиционной привлекательностью предприятия пищевой промышленности / С.О. Новосельский, Л.В. Бычкова, В.А. Климов, Н.А. Коптева // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2015. № 8.

12. Окружающая среда. Росстат // Официальный сайт // <https://rosstat.gov.ru/folder/11194>.

13. Попова С.А. Благотворительность как инструмент социально-экономического развития и расширения потенциала корпоративной социальной ответственности в условиях геополитической нестабильности / С.А. Попова, С.О. Новосельский, М.А. Булавина // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 6.

14. Расходы бизнеса на экологию впервые превысили ₽1 трлн. // <https://www.rbc.ru/business/07/08/2023/64cse2bc9a79477caa9a8c5b>.

15. Расходы российских предприятий на экологию впервые достигли 1 трлн руб. // <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2022/raskhod-na-ekolog/>.

16. Харченко Е.В. Успехи развития аграрного производства в Курской области и значение государственной поддержки / Е.В. Харченко, Д.И. Жилияков, Д.А. Зюкин // Международный сельскохозяйственный журнал. 2021. № 1 (379).

17. Шатохин М.В. Состояние и тенденции политики импортозамещения в агропромышленном комплексе страны / М.В. Шатохин, С.О. Новосельский, Т.Г. Антропова, Л.Ф. Пономарева // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2022. № 3.

A.N. STOLYAROVA

Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Basic Department of Trade Policy FSBEI HE «REU im. G.V. Plekhanov», Moscow, Russia

I.A. GLEBOVA

Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Ecology and Environmental Management, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Moscow State Technical University named after. K.G. Razumovsky (PKU)», Moscow, Russia

T.P. KHAIRULINA

Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, Department of Ecology and Environmental Management Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Moscow State Technical University named after. K.G. Razumovsky (PKU)», Moscow, Russia

O.V. KNYAZEVA

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Theory and Economics of Customs Affairs State Educational Institution of Higher Education «Russian Customs Academy», Moscow, Russia

S.O. NOVOSELSKY

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Leading Researcher at the Research Center for the Study of the History and Development of World Civilizations ANO VO «University of World Civilizations named after. V.V. Zhirinovsky», Moscow, Russia,

ENVIRONMENTAL POLICY IN SOCIALLY RESPONSIBLE BEHAVIOR OF CORPORATIONS

Introduction: the article examines the theoretical and practical aspects of corporate environmental policy, which is implemented in the wake of socially responsible business behavior. The environmental agenda occupies an important place in the mechanism of corporate social responsibility. The scale of a company's environmental investments depends primarily on the specifics of its

economic activities and the level of anthropogenic load on the environment. The need to integrate the environmental component into the CSR space is due to the following reasons: firstly, the overall relevance of reducing the anthropogenic impact on the environment, regardless of the form of profit, secondly, government lobbying for environmental projects, thirdly, close public attention to solving environmental problems, what is important for increasing the social status of the company, fourthly, is the visibility of achieving the desired result, which can be quickly replicated in the information space.

Goal and objectives: the purpose of the work is to consider the features of the implementation of environmental policy in the space of socially responsible behavior of corporations. The article poses and solves the following problems:

– justify the relevance of expanding the scope of the environmental agenda in the structure of corporate social responsibility;

– perform a dynamic and structural analysis of corporate expenses on environmental activities and projects in the socio-economic system of the Russian Federation;

– consider the regional and sectoral distribution of corporate activity in the focus of solving environmental problems.

Research results: the team of authors clarified the theoretical aspects of the substantive essence of corporate environmental responsibility, and also diagnosed key indicators reflecting the environmental activity of corporate structures, including at a regional and industry level.

Key words: *environmental policy, socially responsible behavior, corporate social responsibility, environmental costs, environmental measures.*

Ю.Ю. ГРЯДУНОВ

аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Среднерусского института управления – филиал, Россия, г. Орел

НОРМАТИВНАЯ БАЗА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ЗАЩИТЫ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

На сегодняшний день традиционные ценности, характерные для российского общества, испытывают давление со стороны американского и европейского сообществ и транснациональных компаний, что указывает на актуальность настоящего исследования. Цель работы: проанализировать нормативную базу государственной политики защиты традиционных ценностей (ТЦ). Гипотеза: категория «традиционные ценности» в России представляет собой не умозрительную концепцию, существующую исключительно в сознании руководства и граждан страны, а одно из важнейших направлений государственной политики, находящее отражение в положениях Конституции РФ и иных законодательных актах. Результаты работы: были проанализированы положения российских законодательных актов и сделан вывод о том, что традиционные ценности в России являются одним из важнейших направлений государственной политики, так как они, во-первых, закреплены в Конституции РФ (статьи 2 и 44). Во-вторых, задача по их сохранению и защите формирует деятельность следующих органов исполнительной власти: Министерство обороны РФ, Федеральная служба безопасности, Министерством культуры РФ, Министерством образования РФ.

Ключевые слова: *нормативная база, традиционные ценности, социум, общество, патриотизм, транснациональные корпорации, стратегия.*

Введение. На сегодняшний день в силу социальных, экономических, а также технологических причин возникает угроза утраты тех ценностей, что являются традиционными для российского общества. К таким причинам следует отнести следующие: абсолютизация личностной свободы, пропаганда вседозволенности, безнаказанности и культ насилия.

Кроме того, наблюдается стагнация, имеющая непосредственное отношение к борьбе с теми факторами, что усиливают разобщенность общества. Националистические и ксенофобские настроения являются прямым следствием того, что базовые нормы были существенно пересмотрены. Исторически сложилось так, что российские традиционные ценности (далее – ТЦ) подвергаются угрозам, исходящим со стороны Соединенных Штатов Америки, крупных корпораций, а также ценностей, характерных для европейского общества. Иными словами, ТЦ нуждаются в защите, которая невозможна в отсутствие определенных действий со стороны государственного аппарата, к которым следует отнести нормативное регулирование указанной сферы. Полагаем, что это указывает на актуальность настоящего исследования.

История России исчисляется множеством веков, на протяжении которых формировались ТЦ. Следует отметить тот факт, что ТЦ являются определенными концептуальными идеями, которые способны выразить непреложные истины, разделяемые представителями общества. При этом большая часть населения РФ воспринимает их в качестве основ морального и нравственного характера. В связи с этим интерес может представлять мнение П.А. Сорокина, утверждавшего, что содержание нравственных основ должно воплощаться в нормотворческой деятельности государства [2. С. 111].

Государственная политика представляет собой руководство к действию для органов государственной власти, (в первую очередь, это касается деятельности органов исполнительной власти), которое затрагивает определенные направления их деятельности. Кроме того, такое руководство к действию должно соответствовать не только социальным обычаям, но и законам страны. Э.Г. Юзиханова и С.В. Смелова утверждают, что конституционные законы и иные нормативно-правовые акты представляют собой основания государственной политики [12. С. 11-15].

В связи с этим в рамках настоящей работы выдвигается следующая гипотеза: категория «традиционные ценности» в России представляет собой не умозрительную концепцию, существующую исключительно в сознании руководства и граждан страны, а одно из важнейших направлений государственной политики, находящее отражение в положениях Конституции РФ и иных законодательных актах.

В первую очередь, представляется необходимым обратиться к Конституции РФ, являющейся Основным законом России, так как она обладает высшей юридической силой по отношению к иным нормативно-правовым актам (далее – НПА) [1]. Следует отметить тот факт, что Конституция РФ, хоть и не раскрывает содержание понятия «традиционные ценности», однако она содержит в себе дефиниции, косвенно указывающие на его сущность. В частности, согласно статье 2 Конституции РФ, высшей ценностью

являются: человек, а также все его свободы и права. В части 3 статьи 44 указано, что каждый человек обладает следующей обязанностью: сохранять как историческое, так и культурное наследие России, бережно относиться к историческим и культурным памятникам. Две вышеназванные статьи позволяют утверждать, что ТЦ, прежде всего, включают в себя права и свободы человека, а также культурное и историческое наследие. Сохранение последних – обязанность граждан страны, сохранение прав и свобод – обязанность государства.

Следующий НПА, представляющий интерес в рамках настоящей работы – Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 года № 809, посредством которого были утверждены Основы политики государства, сохраняющие и укрепляющие ТЦ РФ духовного и нравственного характера [4]. Указанный правовой акт раскрывает содержание понятия «традиционные ценности», каким его понимает государственный аппарат РФ. Так, ТЦ представляют собой ориентиры нравственной направленности, которые формируют мировоззрение российского общества. Кроме того, они должны передаваться от одного поколения к другому, являться основной общероссийской гражданской идентичности, укреплять единство граждан. Указанные ориентиры проявляются как в духовном, так и в культурно-историческом развитии народа РФ, являющегося многонациональным. Указ содержит в себе как те ТЦ, что обозначены в Конституции РФ (человек и его права, свободы), так и те, посредством которых представляется возможным охарактеризовать его моральные и нравственные качества.

Президент, органы публичной власти, институты гражданского общества – это те субъекты, что реализуют в нашем государстве меры, направленные на защиту ТЦ. Федеральные органы исполнительной власти, в свою очередь, реализуют государственную политику в указанной сфере. При этом их деятельность ограничена установленными полномочиями.

Необходимо говорить о том, что в Указе отмечены факторы, представляющие собой угрозу ТЦ России. К ним относятся: террористическая и экстремистская деятельность отдельных организаций; деятельность ряда СМИ; действия США и тех стран, что не являются для России дружественными; деятельность крупных иностранных корпораций, а также действия некоторых юридических и физических лиц, пребывающих на территории РФ.

В результате психологического и идеологического воздействия происходит следующее: гражданам РФ насаждается ценностная система, являющаяся чуждой для российского народа. Такая система ценностей, согласно Указу, является идеологией деструктивной направленности, которая включает в себя следующее: культивируется эгоизм; отрицаются патриотические идеи, семейные ценности; отрицается тот вклад, что был сделан гражданами России для исторических и культурных процессов международного

масштаба; пропагандируются нетрадиционные сексуальные отношения, что, в свою очередь, разрушает институт семьи.

При условии, что такая идеология продолжит распространяться на территории РФ, возможно возникновение следующих рисков:

- создадутся условия, разрушающие социум и ослабляющие связи семейного, дружеского характера;

- общество расколется, снизится роль социального партнерства, обесценятся идеи труда и взаимной помощи друг другу;

- нравственному здоровью граждан РФ будет причинен существенный вред, будут навязываться представления, отрицающие ценность жизни человека;

- будут внедряться поведенческие стереотипы, являющиеся антиобщественными; распространится аморальный образ жизни;

- российский социум станет пренебрегать духовными и нравственными ценностями;

- историческая правда исказится, а историческая память разрушится;

- самобытность граждан РФ станет отрицаться; гражданская идентичность и единство ослабнут; создадутся условия, в результате которых станет возникать конфликты между представителями различных религий и народностей;

- граждане России перестанут доверять государственным институтам; служение Отечеству будет дискредитировано; будет формироваться негативное отношение как к военнослужащим, так и представителям правоохранительных органов.

Вышеперечисленные риски определяют основные действия, направленные на сохранение ТЦ, которые находят отражение в различных сферах: образовательной, культурной, правоохранительной и т.д. Необходимо также говорить о том, что указанные Основы являются логическим продолжением тех НПА, что отражают вопросы стратегического развития РФ до 2030 года.

К таким НПА относится, в частности, Указ Президента России от 2 июля 2021 года № 400, на основании которого на сегодняшний день продолжают формироваться те планы, что обеспечивают национальную безопасность страны в долгосрочной перспективе [5]. Кроме того, в указанном документе определены личностные, общественные и государственные потребности, касающиеся сферы безопасности. Там же обозначены приоритеты РФ национального масштаба.

Также интерес представляет Указ Президента России от 5 декабря 2016 года № 646, являющийся основой обеспечения официального уровня использования и получения информационных сведений [6]. И хотя может показаться, что указанная Доктрина не имеет отношения к защите ТЦ, в действительности это не так. Доктрина затрагивает те технологии, посредством

которых возможно осуществить защиту тех прав и свобод граждан РФ, что обозначены в Конституции РФ.

Следует отметить следующий НПА: Стратегию противодействия экстремизму в РФ до 2025 года [3]. Она содержит в себе совокупность мер, которые позволяют стабилизировать российскую общественную и политическую ситуацию, повысить уровень безопасности социума, укрепить взаимоотношения между представителями различных религиозных и этнических групп, развивать гражданское и духовное единство.

Указ Президента России от 19 декабря 2012 года включает в себя меры, посредством которых укрепляется единство государства, а также целостность РФ, являющейся многонациональной страной, сохраняется самобытность народов этнической и культурной направленности [7].

Основы государственной культурной политики направлены на формирование гармонично развитой личности, разделяющей традиционные российские духовно-нравственные ценности и укрепление единства и сплоченности российского общества посредством приоритетного культурного и гуманитарного развития [8]. Меры, заложенные в данных Основах, осуществляются путем решения задач в различных областях, включая воспитание, образование, литературу, творчество.

Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы [9] направлена на формирование информационного пространства, позволяющего гражданам получать объективную, достоверную, безопасную информацию для качественного повышения уровня знаний. Достижение качества и безопасности информационного пространства планируется за счет развития науки и отличных от телекоммуникационных форм распространения знаний;

Также в рамках настоящей работы представляется необходимым упомянуть Указ Президента РФ от 7 мая 2018 года № 204, от 21 июля 2020 года № 474 [10; 11].

Выводы. На основании вышеизложенного приходим к выводу о том, категория «традиционные ценности» в РФ представляет собой одно из важнейших направлений государственной политики, находящее отражение в положениях Конституции РФ и иных законодательных актах, что подтверждается следующими фактами. Анализ статей 2 и 44 Конституции РФ позволяет утверждать, что права и свободы человека, а также культурное и исторические наследие представляют собой ТЦ первостепенной важности. Иные ТЦ, изложенные в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 года № 809 и представляющие собой нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение российского общества, являются продолжением ТЦ, изложенных в тексте Конституции РФ. Иные НПА, касающиеся защиты традиционных ценностей, являются руководством к действию для органов исполнительной власти. Так, «Стратегия национальной безопасности РФ»,

«Доктрина информационной безопасности РФ» и «Стратегия противодействия экстремизму в РФ до 2025 года» являются руководством к действию для следующих министерств: Министерство обороны РФ, Федеральная служба безопасности РФ, Министерство Внутренних дел РФ. «Основы государственной культурной политики», «Стратегия развития информационного общества в РФ на 2017-2030 годы» представляют собой руководства к действию для следующих органов исполнительной власти: Министерство культуры РФ, Министерство образования РФ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // <https://constitution.garant.ru/>.

2. *Сорокин П.А.* Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / вступ. статья, сост. и примеч. В.В. Сапова. М.: Астрель, 2006.

3. «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» (утв. Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194160/.

4. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>.

5. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/.

6. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/.

7. Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 (ред. от 06.12.2018) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/.

8. Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 (ред. от 25.01.2023) «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172706/.

9. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/.

10. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. от 21.07.2020) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/.

11. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726>.

12. Юзиханова Э.Г., Смелова С.В. Государственная политика защиты традиционных ценностей // Право и управление. 2022. № 12.

YU.YU. GRYADUNOV

Graduate student, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Central Russian Institute of Management – branch, Orel, Russia

THE REGULATORY FRAMEWORK OF THE STATE POLICY FOR THE PROTECTION OF TRADITIONAL VALUES

To date, traditional values characteristic of Russian society are under pressure from the American and European communities and transnational companies, which indicates the relevance of this study. Purpose of the work: to analyse the normative base of the state policy of protection of traditional values (TC). Hypothesis: the category of “traditional values” in Russia is not a speculative concept that exists solely in the minds of the country’s leadership and citizens, but one of the most important directions of state policy, reflected in the provisions of the Constitution of the Russian Federation and other legislative acts. Results of the work: the provisions of Russian legislative acts were analysed and it was concluded that traditional values in Russia are one of the most important directions of state policy, as they are, firstly, enshrined in the Constitution of the Russian Federation (Articles 2 and 44). Secondly, the task of their preservation and protection shapes the activities of the following executive bodies: the Ministry of Defence of the Russian Federation, the Federal Security Service, the Ministry of Culture of the Russian Federation, the Ministry of Education of the Russian Federation.

Key words: *normative framework, traditional values, society, society, patriotism, transnational corporations, strategy.*

К.М. КСЕНОФОНТОВА

*старший преподаватель кафедры психологии
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А.Н.
Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», Россия, г. Москва*

Н.В. ФАДЕЕВА

*кандидат технических наук, доцент кафедры управления
персоналом Красноярского института железнодорожного
транспорта – филиала ФГБОУ ВО «Иркутский государственный
университет путей сообщения»,
Россия, г. Красноярск*

М.Н. ИГНАТОВА

*кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры «Международных отношений и
государственного управления»,
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»,
Россия, г. Курск*

С.О. НОВОСЕЛЬСКИЙ

*кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
научного центра по исследованию истории и развития мировых
цивилизаций АНО ВО «Университет Мировых Цивилизаций им. В.В.
Жириновского»,
Россия, г. Москва*

А.Л. ЗОЛКИН

*кандидат технических наук, доцент,
доцент кафедры «Информатика и вычислительная техника»,
ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет
телекоммуникаций и информатики» (ПГУТИ),
Россия, г. Самара*

ПОЛИТИКА УПРАВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖНЫМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВОМ КАК ИНСТРУМЕНТОМ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Введение: в статье рассмотрены основные аспекты управления молодежным предпринимательством как инструментом трансформации экономики. Авторским коллективом отмечается актуальность использования потенциала молодых стартаперов для осуществления наукоемких преобразований и построения трека по достижению технологического суверенитета. Исследуемая в работе демографическая группа населения обладает высоким уровнем предпринимательской активности, приемлемости риска и нестандартности мышления. Набор обозначенных критериев создает условия для использования молодежных бизнес-инициатив в векторе трансформации национальной экономики. В рамках существующей геополитической конъюнктуры государство должно обеспечить максимально благоприятные условия для интенсификации деловых процессов в молодежной среде на основе административно-экономического и образовательно-консультационного инструментария.

Цель и задачи: цель работы заключается в проведении ретроспективной оценки развития рынка молодежных стартов и обоснования возможностей использования его потенциала для трансформации экономики. В работе решаются следующие задачи:

- обосновать актуальность молодежного предпринимательства как инструмента трансформации экономики в условиях низкого технологического суверенитета;*
- провести анализ динамики и сегментарных приоритетов молодежных стартапов;*
- сфокусировать общие тенденции развития отечественного рынка молодежных стартапов при существующей деловой конъюнктуре.*

Результаты исследования: авторским коллективом в фокусе исследования интенсивности молодежного предпринимательства дана оценка вариативности отечественной бизнес-среды, выполнен анализ динамики численности и сегментирования молодежных стартапов, а также обоснованы точки роста данного рынка в существующем деловом пространстве. Результаты авторских обобщений могут стать актуальной информационной базой для поиска оптимального инструментария стимулирования предпринимательской активности в молодежной среде в теоретической и практической плоскости.

Ключевые слова: молодежное предпринимательство, деловая активность, государственная политика, технологическое развитие, стартап.

Актуальность. Агрессивная санкционная политика недружественных стран требует от Правительства РФ активизации внутренних резервов, обеспечивающих трансформацию национальной экономики в векторе роста технологичности бизнес-процессов. Решение данной задачи, по мнению профессора М.В. Шатохина, максимально коррелируется с поставленными задачами в рамках стратегии импортозамещения [14. С. 170]. Одной из наиболее глобальных проблем современной экономики России можно считать низкий уровень технологического суверенитета. В последние годы в стране сформирован догоняющий трек технологического развития, который в минимальной степени опирается на собственные разработки. Вопросам генерации и тиражирования суверенных технологий уделялось не достаточное внимание в доминирующем большинстве отраслей в виду отсутствия стратегического мышления и нацеленности на получение текущего коммерческого успеха с дальнейшим выводом аккумулированного капитала. Изменения, произошедшие в геополитической конъюнктуре, требуют трансформации отечественного технологического пространства для обеспечения экономической безопасности [5. С. 145]. Выделенная проблема носит, безусловно, комплексный характер и для своего решения требует задействования широкого инструментария. В этой связи необходимо отметить, что в комплексе мер технологической трансформации отечественной экономики важное место занимает молодежное предпринимательство. Актуальность расширения потенциала молодежного предпринимательства, по мнению Б.Е. Токарева, заключается в росте инновационной активности бизнес-среды [13]. Молодежь представляет собой наиболее предприимчивую группу населения, которой свойственны риск и гибкость интеллекта, способного находить нестандартные решения системных проблем. Таким образом, в пространстве молодежного предпринимательства зарождается большое количество перспективных инноваций, которые при должном уровне инвестиционной и административной поддержки способны вырасти в массовые производственно-технологические и сервисные проекты. Как отмечает Ш.А. Шерматова, молодежные стартапы при активной частно-государственной поддержке способны переломить догоняющий трек технологического развития отечественной экономики и обеспечить строительство современного наукоемкого бизнес-пространства [15. С. 67]. Комплекс катализирующих факторов развития молодежного предпринимательства в векторе достижения целей трансформации отечественной экономики включает в себя следующий инструментарий:

– построение поликультурного образовательного пространства для молодых предпринимателей, в рамках которого они имеют возможность не только потреблять необходимый информационный контент, но и выстраивать устойчивые коммуникации в том числе с зарубежными партнерами из дружественных стран [6. С. 512];

– тиражирование положительного опыта молодежных стартапов, в том числе в рамках актуальных рекламных компаний, сфокусированных на продвижении концепта деловой активности в молодежной среде [4. С. 13];

– расширение фундаментального образовательного предпринимательского пространства, в том числе на уровне средней школы, в рамках которого необходима трансляция общей информации, раскрывающей базовые навыки управления деловыми процессами [2. С. 913];

– государственное стимулирование венчурных корпоративных инвестиций, в том числе в рамках политики социально-ответственного поведения. В данной области необходимо отметить проведение благотворительных мероприятий образовательного характера для молодых стартаперов, в рамках которых успешные предприниматели будут делиться своим положительным опытом. Подобного рода инициативы позволят выделиться из общей массы наиболее ярким представителям молодежной бизнес-среды и заручиться поддержкой инвесторов [7. С. 2655].

Основная часть. Развитие национальной экосистемы стартапов обладает повышенным уровнем актуальности в существующих условиях функционирования экономики России. Совокупность введенных ограничений недружественными странами по отношению к Российской Федерации носит множественный характер, но в целом направлена на снижение внутренней деловой активности, сокращение экономического потенциала, деградацию в научно-технологической и цифровой сферах. С учетом сказанного значительно повышается роль стартапов в существующих конъюнктурных условиях развития отечественной экономики, которая в первую очередь прослеживается в следующих приоритетных направлениях:

– повышение уровня предпринимательской активности и формирование общего делового фона в обществе, который сфокусирован на генерировании новых идей особенно среди молодежи. Присутствие ярких и успешных примеров стартапов является наилучшим стимулом для развития молодежного предпринимательства;

– актуальные и успешные стартапы позволяют создать новые рабочие места, что ведет к снижению степени напряженности на рынке труда, а также формируют дополнительный кластер налогоплательщиков;

– деловая активность в сфере стартапов способствует росту инвестиционной привлекательности различных секторов национальной экономики. В условиях санкций стимулирование инвестиционной активности является важным аргументом поддержания стабильности в экономической системе;

– внедрение наиболее актуальных стартапов может оказать положительное влияние на развитие критически важных отраслей экономики Российской Федерации. Уход ряда компаний с отечественного рынка с одной стороны, безусловно, является отрицательным моментом, но с другой стороны привел к формированию «окна возможностей» для новых и в первую очередь отечественных участников. Развитие российской экосистемы стартапов должно выступить инструментом для заполнения освоенных сегментов рыночной среды [1. С. 630].

При рассмотрении ниш развития стартапов в существующей конъюнктуре ведения предпринимательской деятельности целесообразно дать общую характеристику делового фона в стране. Для решения данной задачи рассмотрим показатели численности открытых и закрытых компаний в Российской Федерации, которые представлены на рисунке 1.

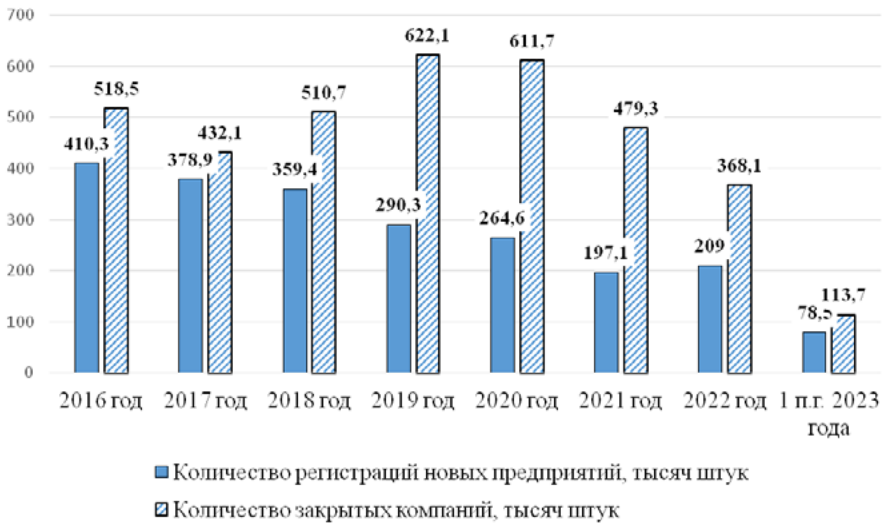

Рисунок 1. Динамика количества открытых и закрытых компаний в РФ [10]

С учетом представленной на рисунке информационной базы можно сделать вывод относительно ухудшения общего делового фона в экономике Российской Федерации. В основе данного вывода находится в первую очередь отрицательная динамика количества регистраций новых предприятий, а также превышение численности закрытых компаний над количеством вновь зарегистрированных. Уменьшение количества вновь зарегистрированных предприятий в отечественной экономике выступает следствием влияния широкого спектра факторов, к числу которых можно отнести общую макроэкономическую нестабильность, санкции недружественных стран, расширение масштабов бюрократического механизма, пандемию.

В конечном итоге данный показатель отражает присутствие негативного делового фона в российской экономике, который свидетельствует о снижении интенсивности бизнес-процессов и коммерческой активности. В 2022 году по сравнению с 2015 годом количество вновь зарегистрированных предприятий сократилось на 49,06%. Наиболее существенное сокращение данного показателя происходит в 2021 году по сравнению с 2020 годом на 25,51%, что обусловлено негативным влиянием пандемии. В 2022 году зафиксирован локальный рост числа вновь зарегистрированных предприятий в экономике России по сравнению с 2021 годом на 6,04%. Присутствие положительного прироста обусловлено относительным восстановлением деловой активности в экономике страны после пика пандемии. Информация относительно уровня деловой активности в 2023 году на момент исследования носила не полный характер. С учетом имеющейся информационной базы можно отметить, что в первом полугодии 2023 года количество зарегистрированных новых компаний меньше аналогичного показателя по итогам первого полугодия 2022 года на 35,8%, что безусловно связано с проведением СВО, максимально агрессивными санкциями, бегством капитала и общим нестабильным макроэкономическим фоном.

Количество закрытых компаний в отечественной экономике на протяжении рассматриваемого периода времени носит вариативный характер. Максимальное значение данного показателя было зафиксировано в 2019 году, которое обусловлено влиянием совокупности кризисных макроэкономических факторов. Ключевым элементом аналитической диагностики данного показателя выступает тот факт, что на протяжении 2015-2023 годов количество закрытых компаний всегда превышало численность вновь зарегистрированных предприятий. Максимальная разница в указанных показателях отмечена в 2020 и 2019 годах. В первом полугодии 2023 года также количество закрытых компаний оказалось больше численности вновь зарегистрированных предприятий. Присутствие выявленной тенденции свидетельствует о сокращении численности субъектов предпринимательской деятельности в экономике страны и приводит к формированию общего негативного фона стартапов. В контексте сказанного на рисунке 2 представим динамику численности стартапов в экономике РФ.

На основе представленной информационной базы необходимо отметить, что в Российской Федерации динамика численности стартапов на протяжении рассмотренного периода времени носит крайне вариативный характер, который связан с существенным воздействием широкого спектра факторов. Общий анализ представленного вариационного ряда показывает, что максимальное падение численности стартапов отмечается в 2015 и 2021 годах. В 2015 году по сравнению с 2014 годом количество стартапов сократилось на 33,10%, что вызвано влиянием внешнеэкономических санкций и спровоцированными ими кризисными явлениями в экономике страны. В 2021

году по сравнению с 2020 годом количество стартапов в отечественной экономической системе уменьшилось на 32,06%. К числу основных факторов, оказавших воздействие на формирование отмеченного отрицательного прирост необходимо отнести пандемию и последовавшее за ней снижение деловой активности как в общемировом, так и в национальном масштабе. При этом стоит отметить, что в 2022 году происходит восстановление рынка стартапов, которое привело к росту их численности относительно 2021 года на 32,58%. Также после кризисного 2015 года в 2016 году численность стартапов увеличилась на 42,27%.

Рисунок 2. Численность молодежных стартапов в РФ [3; 11; 12]

При исследовании наиболее значимых проектов в критически важных отраслях экономики России необходимо выполнить сегментирование рынка стартапов. В рамках данного сегментирования будут выделены наиболее топовые ниши для отечественных стартапов, а также проведена оценка степени их корреляции с критически важными отраслями отечественной экономики.

Представленные материалы свидетельствуют о том, что в 2021-2022 годах основной нишей развития стартапов в Российской Федерации были образовательные технологии. В отношении данного вопроса необходимо уточнить, что генерирование новых идей было сфокусировано на использовании цифровых технологий в рамках образовательного процесса. Актуальность указанной ниши стартапов значительно возросла в условиях пандемии, которая потребовала применения дистанционных форм обучения. Кроме того, положительное влияние оказал уже существующий тренд на получение дополнительных компетенций в цифровой среде.

В современном мире жизнь человека носит крайне динамичный характер и времени для потребления образовательного контента в традиционном формате просто нет. В тоже время рынок труда постоянно повышает требования к своим участникам в векторе обладания многофункциональным набором компетенций. На решение данной проблемы и направлена большая часть EdTech стартапов. Авторы выделенной совокупности проектов разрабатывают и внедряют новые подходы к генерированию, трансляции и получению образовательного контента. В динамике за два года отмечается увеличение удельного веса ниши образовательных технологий стартапов с 15,7% в 2021 году до 17,5% в 2022 году. Таким образом, практически каждый шестой стартап в России реализуется в сегменте применения цифровых технологий в образовательном пространстве.

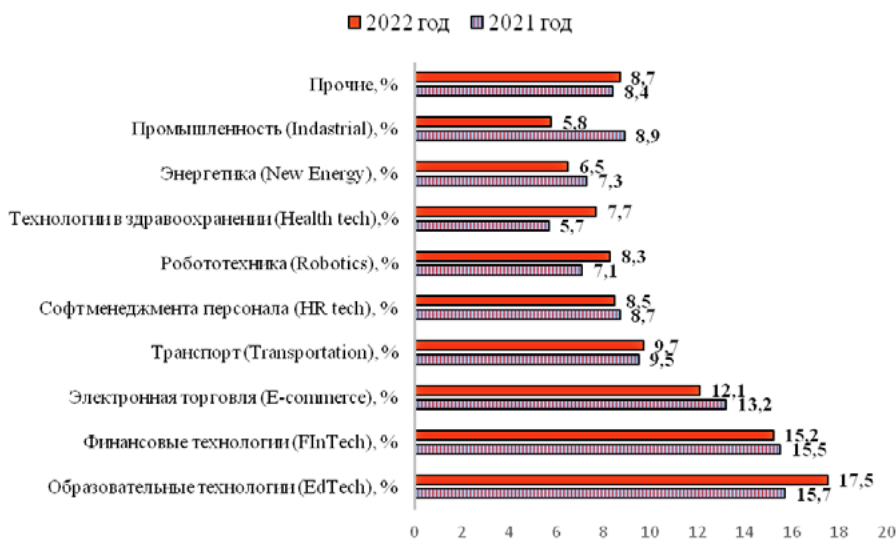

Рисунок 3. Отраслевое сегментирование молодежных стартапов в Российской Федерации по итогам 2021 и 2022 годов [9; 10]

Второй по объему созданных стартапов в России является ниша FinTech, суть которой состоит в применении цифровых технологий в финансовой сфере. Рост популярности данного сегмента стартапов обусловлен массовостью погружения российского общества в финансовый рынок и биржевые торги. Кроме того, коммерческие банки свои стратегические приоритеты развития видят именно в цифровом пространстве, что формирует широкий и главное высоко платежный спрос на стартапы данного сегмента. Существенный прирост ниши FinTech стартапов произошел именно в 2021 году в условиях пандемии, которая привела к значительной турбулентности на финансовых рынках. Итогом вариативности движения финансовых

инструментов стал повышенный спрос со стороны населения на участие в финансовых операциях с целью получения дохода. Освоение указанной ниши привело к росту FinTech стартапов, которые удовлетворили быстрорастущий спрос. В 2022 году рост доли FinTech стартапов немного замедлился, а величина удельного веса по сравнению с 2021 годом даже сократилась на 0,3%.

Третье место в рейтинге наиболее популярных ниш стартапов занимает электронная торговля. Указанный сегмент стартапов достаточно давно находится на лидирующих позициях, что обусловлено стабильностью спроса на данную продукцию. Пандемия также оказала положительное влияние на развитие E-commerce стартапов, так как существенно ограничила объем традиционной торговли и перенесла основной ее фокус в цифровое пространство. В 2022 году по сравнению с 2021 годом удельный вес ниши E-commerce стартапов сократился на 1,1%, что может быть обусловлено локальной насыщенностью данного рынка, а также жестким доминированием на нем крупных игроков, использующих барьерные ограничения доступа.

Заключение. В целом можно отметить, что отраслевая сегментация отечественного рынка стартапов не характеризуется радикальными изменениями, а динамика в значительной степени коррелируется с текущими социально-экономическими процессами. С точки зрения функционирования критических отраслей экономики Российской Федерации вектор развития стартапов в большинстве случаев направлен на решение наиболее актуальных проблем. В условиях санкционного давления наиболее пострадавшим сегментом отечественной экономики безусловно выступает цифровой сектор. В контексте сказанного необходимо отметить тот факт, что значительная часть российских стартапов реализуется непосредственно в цифровой сфере [8. С. 1370]. Таким образом, расширение потенциал отечественной экосистемы стартапов создает условия для формирования цифрового суверенитета страны. Среди прочих тенденций рынка отечественных стартапов необходимо отметить следующие изменения:

– рост удельного веса сегмента робототехники, который вызван глобальным спросом на данные технологии в современном мире. В перспективе ожидается дальнейшее повышения данной ниши стартапов, которое спонсируется масштабными потребностями будущего социально-экономического развития. В 2022 году по сравнению с 2021 годом удельный вес ниши Robotics стартапов увеличился на 1,2%;

– пандемия также оказала значительное влияние на рост спроса на цифровые технологии в системе здравоохранения. В данном аспекте особую актуальность представляет разработка проектов, связанных с оказанием медицинских услуг в дистанционной форме. Кроме того, выделяются стартапы, фокус которых направлен на сохранение текущего уровня здоровья

человека, а также построения его правильного жизненного режима. Решение данных задач происходит в первую очередь в рамках цифрового пространства. В 2022 году по сравнению с 2021 годом удельный вес Health Tech стартапов увеличился на 2%, а ближайшей перспективе также прогнозируется увеличение значимости рассмотренного сегмента;

– в рамках рассмотренного периода значительно уменьшился удельный вес промышленных стартапов. Причина отмеченного факта заключается в необходимости привлечения масштабных первоначальных инвестиций для осуществления подобного рода стартапов. В 2022 году по сравнению с 2021 годом удельный вес Industrial стартапов сократился на 3,1%. В среднесрочной перспективе ожидается дальнейшее снижение значимости данной ниши в российской экосистеме стартапов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Дедусенко Е.А.* Молодежное технологическое предпринимательство: тренды и вызовы создания стартапа / Е.А. Дедусенко, О.А. Елина // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2022. Т. 32. № 4.

2. *Жиляков Д.И.* Анализ функционирования системы образования в сельских территориях региона / Д.И. Жиляков, С.О. Новосельский, Ю.В. Лисицина, П.О. Коротков, Т.О. Оласунканми // International Agricultural Journal. 2022. Т. 65. № 2.

3. Исследование рынка стартапов в России // <https://ict.moscow/static/pdf/files/Startup%20Barometer%202021.pdf>.

4. *Новосельский С.О.* Методы оценки эффективности рекламных кампаний организаций / С.О. Новосельский, Ю.С. Мозговая // Политика, экономика и инновации. 2015. № 2 (2).

5. *Новосельский С.О.* Оценка технологического развития и интенсивности инновационной деятельности агропромышленного комплекса региона / С.О. Новосельский, Д.В. Зюкин, О.В. Петрушина, Ю.В. Плахутина, Д.И. Жиляков // Вестник аграрной науки. 2023. № 2.

6. *Петрушина О.В.* Формирование благоприятной социальной среды в поликультурном образовательном пространстве // В сборнике: Эффективность применения инновационных технологий и техники в сельском и водном хозяйстве. Сборник научных трудов международной научно-практической онлайн конференции, посвященной 10-летию образования Бухарского филиала Ташкентского института инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства / отв. редактор Т.Х. Жураев. 2020.

7. *Попова С.А.* Благотворительность как инструмент социально-экономического развития и расширения потенциала корпоративной социальной ответственности в условиях геополитической нестабильности / С.А.

Попова, С.О. Новосельский, М.А. Булавина // Вопросы политологии. 2023. № 6. Т. 13.

8. *Пронина М.Е.* Молодежные IT-стартапы: проблемы и перспективы развития // В сборнике: Актуальные проблемы науки в исследованиях студентов, ученых, практиков. Сборник научных статей по результатам Международной научно-практической конференции. Ижевск, 2023.

9. Стартап Барометр 2022 // <https://vc-barometer.ru/startup/2022>.

10. Стартапы в России – статистика и факты // https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.99462100-634db05c-0502bb48-74722d776562/https/www.statista.com/topics/7574/startups-in-russia/.

11. Стартапы года – 2022 // <https://rb.ru/list/startups-2022/>.

12. Стартап-экосистема России // <https://vc.ru/finance/106345-startap-ekosistema-rossii>.

13. *Токарев Б.Е.* Количественный анализ инновационных стартапов в России // Управление. 2020. № 2 // <https://cyberleninka.ru/article/n/kolichestvennyu-analiz-innovatsionnyh-startapov-v-rossii>.

14. *Шатохин М.В.* Состояние и тенденции политики импортозамещения в агропромышленном комплексе страны / М.В. Шатохин, С.О. Новосельский, Т.Г. Антропова, Л.Ф. Пономарева // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2022. № 3.

15. *Шерматова Ш.А.* Оценка рисков и перспектив молодежных стартапов в России // Актуальные исследования. 2023. № 7-2 (137).

K.M. KSENOFONTOVA

*Senior Lecturer at the Department of Psychology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian State University named after. A.N. Kosygina (Technology. Design. Art)»,
Moscow, Russia*

N.V. FADEEVA

*Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Personnel Management of the Krasnoyarsk Institute of Railway Transport – a branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Irkutsk State Transport University»,
Krasnoyarsk, Russia*

M.N. IGNATOVA

*Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International Relations and government controlled»,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Southwestern State University», Kursk, Russia*

S.O. NOVOSELSKY

*Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Leading Researcher at the Scientific Center for the Study of the History and Development of World Civilizations of the ANO VO «University of World Civilizations
named after. V.V. Zhirinovskiy», Moscow, Russia*

A.L. ZOLKIN

*Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Informatics and Computer Science,
FSBEI HE
«Volga Region State University of Telecommunications and Informatics» (PGUTI), Samara, Russia*

POLICY FOR MANAGING YOUTH ENTREPRENEURSHIP AS AN INSTRUMENT FOR ECONOMIC TRANSFORMATION

Introduction: the article discusses the main aspects of managing youth entrepreneurship as a tool for economic transformation. The team of authors

notes the relevance of using the potential of young startups to implement knowledge-intensive transformations and build a track to achieve technological sovereignty. The demographic group of the population studied in the work has a high level of entrepreneurial activity, risk tolerance and innovative thinking. The set of designated criteria creates conditions for the use of youth business initiatives in the vector of transformation of the national economy. Within the framework of the existing geopolitical situation, the state must provide the most favorable conditions for the intensification of business processes among young people on the basis of administrative, economic, educational and consulting tools.

Goal and objectives: the goal of the work is to conduct a retrospective assessment of the development of the youth start-up market and substantiate the possibilities of using its potential to transform the economy. The following tasks are solved in this work:

- substantiate the relevance of youth entrepreneurship as a tool for economic transformation in conditions of low technological sovereignty;*
- analyze the dynamics and segmental priorities of youth startups;*
- to focus the general trends in the development of the domestic market for youth startups in the current business environment.*

Research results: the team of authors, in the focus of studying the intensity of youth entrepreneurship, assessed the variability of the domestic business environment, analyzed the dynamics of the number and segmentation of youth startups, and also substantiated the growth points of this market in the existing business space. The results of the author's generalizations can become an up-to-date information base for searching for optimal tools for stimulating entrepreneurial activity among young people in a theoretical and practical plane.

Key words: *youth entrepreneurship, business activity, public policy, technological development, startup.*

К.М. КСЕНОФОНТОВА

*старший преподаватель кафедры психологии
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А.Н.
Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», Россия, г. Москва*

А.А. ЧУНИХИНА

*кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры «Международных отношений и
государственного управления», ФГБОУ ВО «Юго-Западный
государственный университет»,
Россия, г. Курск*

М.В. ДАНИЛОВ

*магистр кафедры менеджмента и
государственного муниципального управления
ФГБОУ ВО «МГУТУ им. К.Г. Разумовского» (ПКУ)»,
Россия, г. Москва*

Е.Е. ПОНОМАРЕВ

*магистр кафедры менеджмента и
государственного муниципального управления
ФГБОУ ВО «МГУТУ им. К.Г. Разумовского» (ПКУ)»,
Россия, г. Москва*

С.О. НОВОСЕЛЬСКИЙ

*кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
научного центра по исследованию истории
и развития мировых цивилизаций
АНО ВО «Университет Мировых Цивилизаций
им. В.В. Жириновского»,
Россия, г. Москва*

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ПОЛИТИКИ СОЦИАЛЬНО-ОТВЕТСТВЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ КОРПОРАЦИЙ

Введение: в работе представлена экономическая оценка политики социально-ответственного поведения корпораций. Информационной базой для аналитической диагностики и оценочных суждений выступили данные корпоративной социальной отчетности ПАО Сбербанк, ПАО «Газпром» и ПАО «Лукойл». Объектами анализа стали направления, целевые ориентиры и объемы финансирования социальных инвестиций системообразующих отечественных корпоративных структур. Выполненный динамический анализ базовых экономических показателей реализации политики корпоративной социальной ответственности (КСО) показал присутствие устойчивого трека увеличения емкости социально-ответственного поведения. Используемый эмпирический инструментарий позволяет говорить о существовании растущей тенденции принятых на себя социальных обязательств компаниями, которые носят добровольный характер и являются формой стратегического развития. В статье обосновывается актуальность интенсификации процессов в фокусе КСО для решения фундаментальных социально-экономических задач при существующей турбулентной конъюнктуре. Важность КСО вызвана необходимостью снятия общественной напряженности, минимизации экологических рисков, устранения социальных дефектов и повышения качества инвестиционного климата.

Цель и задачи: цель работы заключается в проведении экономической оценки политики социально-ответственного поведения корпораций. Задачи исследования включают в себя следующие положения:

- обосновать актуальность интенсификации процессов в фарватере социально-ответственного поведения корпораций при существующей турбулентной конъюнктуре;
- сфокусировать ключевые приоритеты и базовые достигнутые результаты социально-ответственного поведения ведущих отечественных компаний;
- провести экономическую оценку социальной инвестиционной активности российских корпоративных структур.

Результаты исследования: авторским коллективом выполнена диагностика экономической составляющей социальной инвестиционной политики ПАО Сбербанк, ПАО «Газпром» и ПАО «Лукойл», которая позволяет объективно оценить интенсивность и масштабы социально-ответственного поведения. Итоги исследования могут быть использованы

для формирования общей картины существующего потенциала КСО отечественных компаний и выработки действенного инструментария для его расширения.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, благотворительность, социальные инвестиции, социальные эффекты, долгосрочное развитие, социальные трансформации.

Актуальность. Отечественные компании на сегодняшний день уделяют значительное внимание вопросам корпоративной социальной ответственности, что проявляется в росте количества социально-ориентированных проектов и увеличении расходов на дополнительно принятые на себя социальные обязательства. Вполне очевидным является тот факт, что чем больше масштабы хозяйственно-экономической деятельности компании, тем более значительные инвестиции она вкладывает в решение проблем в сфере КСО. Данное утверждение носит доминирующий характер в большинстве рассмотренных примеров реализации политики социально-ответственного поведения. По мнению профессора Д.И. Жидякова, при текущей экономической конъюнктуре необходимо достичь максимальной емкости финансирования социальной сферы для минимизации уровня напряженности в общественной среде [4. С. 203]. Данное мнение также разделяет и О.В. Петрушина, которая в материалах своего исследования делает акцент на построении благоприятной поликультурной социальной среды [11. С. 512]. Важнейшим инструментом решения данной задачи является интенсификация процессов в области социально-ответственного поведения корпораций. Значимость механизма КСО носит много векторный характер. Как отмечает В.Г. Зарецкая, активизация процессов в сфере КСО способствует повышению качества инвестиционного климата той или иной территории, а также генерирует возможности для актуальных социально-экономических трансформаций [5. С. 17]. Эффективность КСО может быть рассмотрена через призму формирования качественного образовательного пространства, что особенно актуально для сельских территорий, которые имеют ограниченные финансовые возможности [3. С. 913]. Профессор М.В. Шатохин делает вывод о присутствии существенной роли КСО при достижении целевых стратегий импортозамещения [15. С. 170]. К примеру, внедрение корпоративных программ поддержки молодежного предпринимательства значительно повышает уровень инновационной активности. О.А. Овчинникова отмечает роль политики КСО в векторе информационной трансформации отечественной социально-экономической системы [8. С. 523]. Ключевые цифровые платформенные решения тиражируются в социальное пространство общества при инвестиционном сопровождении крупных компаний. Профессор Л.Н. Усенко отмечает актуальность социальных

инвестиций компании в фарватере достижения экономической устойчивости [14. С. 103]. Грамотные социальные инвестиции способствуют выстраиванию успешной линии достижения стратегических приоритетов. Таким образом, интенсификация механизмов социально-ответственного поведения корпораций крайне важна для решения базовых социально-экономических задач при существующей турбулентной конъюнктуре.

Основная часть. Основным источником информации относительно текущих результатов и экономической составляющей реализации политики КСО является корпоративная социальная отчетность. Как отмечает профессор М.В. Парушина, присутствие корпоративной социальной отчетности на сегодняшний момент выступает индикатором стабильности функционирования бизнеса [10. С. 13]. ПАО Сбербанк уделяет существенное внимание в рамках своей деятельности решению задач КСО. Эффективность достижения целевых ориентиров социально-ответственных проектов систематически отражается в материалах годового отчета. Важно отметить, что механизм социально-ответственного поведения является частью долгосрочной стратегии развития компании, которая получала название «esg-стратегия». В рамках данной стратегии внедряются инструменты, обеспечивающие реализацию процессов по esg-трансформации. Основные результаты адаптации инструментов политики КСО ПАО Сбербанк в отечественной социально-экономической системе по итогам 2022 года представлены на рисунке 1.

Благотворительность является одной из базовых форм КСО [12. С. 2655]. С учетом сказанного необходимо отметить, что важным направлением реализации политики КСО ПАО Сбербанк выступает благотворительная деятельность. Объем финансирования благотворительной деятельности со стороны ПАО Сбербанк по итогам 2022 года превысил 6 млрд. рублей, а структура расходов на благотворительность представлена на рисунке 2.

На основе информационной базы рисунка можно сделать вывод о том, что наибольший удельный вес в структуре расходов ПАО Сбербанк на благотворительную деятельность в 2022 году принадлежит финансированию направлений по поддержке деятельности организаций, помогающих ветеранам и инвалидам. Доля данного направления благотворительной деятельности составляет 34%. На втором месте в структуре расходов на благотворительность ПАО Сбербанк находятся расходы в области образования в размере 16%, также 16% от общей совокупности расходов на благотворительность приходится на поддержку социальной инфраструктуры территории присутствия и 11% на благотворительность в сфере здравоохранения. Наиболее актуальной практикой благотворительной деятельности ПАО Сбербанк является активная поддержка функционирования Благотворительного фонда «Вклад в будущее». Стержневая цель использования потенциала

Благотворительного фонда «Вклад в будущее» заключается в решении острых социальных вопросов и расширении социальной инфраструктуры.

Рисунок 1. Основные результаты социально-ответственного поведения ПАО Сбербанк по итогам 2022 года [2]

Рисунок 2. Структура расходов ПАО Сбербанк на благотворительность в 2022 году [2]

Значительное внимание вопросам социально-ответственного поведения уделяется в рамках деятельности ПАО «Газпром». Функционирование системы корпоративной социальной ответственности ПАО «Газпром» происходит по широкому спектру направлений, которые сгруппированы на рисунке 3.

Рисунок 3. Направления функционирования системы корпоративной социальной ответственности ПАО «Газпром» [9]

Каждое направление реализации КСО обладает своим уровнем значимости и имеет целевые ориентиры оценки эффективности. При управлении социальными инвестициями применяется механизм индикативного планирования [6. С. 11]. С учетом специфики хозяйственно-экономической деятельности в системе менеджмента ПАО «Газпром» особое внимание уделяют безопасности труда и организации экологического производства. Специфические условия выполнения трудовых функций сотрудниками ПАО «Газпром» требуют активизации деятельности компании в векторе сбережения и восстановления кадрового потенциала. Для решения данной

задачи в КСО ПАО «Газпром» активно интегрируется программа добровольного медицинского страхования.

Важно отметить, что инструменты КСО ПАО «Газпром» в области восстановления трудового потенциала и сохранения здоровья сотрудников распространяются не только на работников компании, но и на членов их семей. На рисунке 4 представим динамику развития системы ДМС в ПАО «Газпром».

Рисунок 4. Динамика развития системы ДМС в ПАО «Газпром» [9]

На основе информационной базы рисунка можно отметить, что в ПАО «Газпром» присутствует положительная динамика участников корпоративной программы добровольного медицинского страхования. Увеличение данного показателя расширяет потенциал системы КСО ПАО «Газпром» в векторе сбережения человеческого капитала. В 2022 году численность сотрудников ПАО «Газпром», застрахованных по корпоративной программе ДМС, увеличилась по сравнению с 2021 годом на 2,30%, а по сравнению с 2020 годом прирост составил 3,79%. Количество членов семей сотрудников ПАО «Газпром», застрахованных в рамках корпоративной программы ДМС, также обладает положительной динамикой. По итогам расчетов величина указанного показателя в 2022 году выросла по сравнению с 2021 годом на 8,5% и по сравнению с 2020 годом прирост составил 14,03%.

Общий объем финансирования программы корпоративного страхования здоровья сотрудников ПАО «Газпром» в рамках КСО по итогам 2022 года превысил 16,9 млрд. рублей. На рисунке 5 отразим динамику выплат по договорам ДМС в ПАО «Газпром».

С учетом материалов рисунка необходимо заключить о существовании положительной динамики выплат по договорам ДМС в ПАО «Газпром». Общий объем выплат стабильно растет по основным направлениям.

Финансирование мероприятий во реабилитации и восстановительному лечению в 2022 году по сравнению с 2021 годом выросло на 10,35%, а по сравнению с 2020 годом увеличение произошло более чем в два раза. Финансирование целевых профилактических мероприятий в 2022 году по сравнению с 2021 годом выросло на 51,68%, а по сравнению с 2020 годом прирост составил 9,18%.

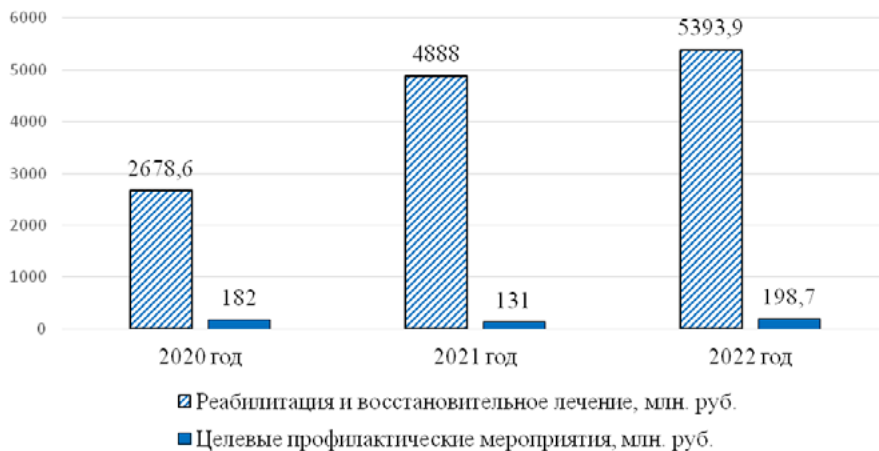

Рисунок 5. Динамика выплат по договорам ДМС в ПАО «Газпром» [9]

Положительной практикой функционирования системы КСО в ПАО «Газпром» выступает реализация проекта «Газпром – детям», который является крупнейшим социальным проектом, реализуемым компанией за последние годы. Основные направления реализации проекта «Газпром – детям» имеют следующее выражение:

- популяризация спорта и здорового образа жизни;
- расширение потенциала спортивной активности в молодежной среде;
- строительство и реконструкция объектов спортивной и физико-оздоровительной инфраструктуры на территории всех субъектов РФ (рис. 6).

Как видно из представленного материала итоги реализации проекта «Газпром – детям» характеризуются существованием устойчивой положительной динамики, которая выражается в росте количества генерированных объектов.

Положительными примерами характеризуется практика управления корпоративной социальной ответственностью в деятельности ПАО «Лукойл». С учетом специфики хозяйственно-экономической деятельности ПАО «Лукойл» особой актуальностью обладает деятельность компании в области охраны окружающей среды и экологической безопасности. В 2022 году в рамках реализации мероприятий КСО ПАО «Лукойл» были

осуществлены расходы в сумме 17,9 млрд. рублей, общая структура которых отражена на рисунке 7. С учетом представленной информации можно заключить, что наибольший удельный вес в структуре расходов ПАО «Лукойл» на охрану окружающей среды приходится на расходы по охране атмосферного воздуха, доля которых составляет 49%, и на расходы по безопасному удалению отходов производства, доля которых составляет 20%.

Рисунок 6. Основные итоги реализации проекта «Газпром – детям» [9]

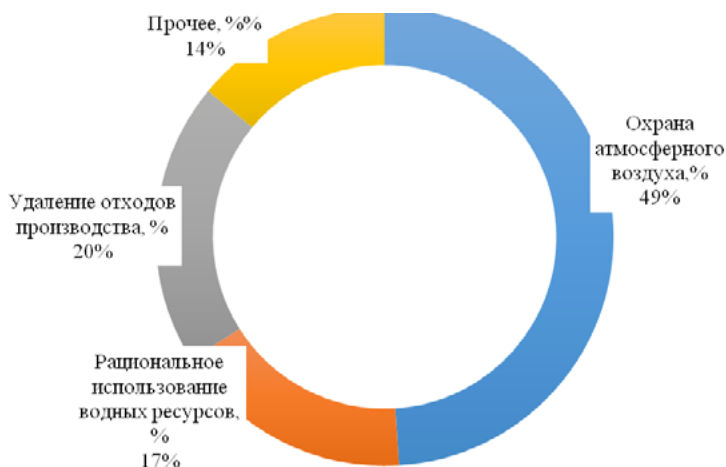

Рисунок 7. Структура расходов ПАО «Лукойл» на охрану окружающей среды в рамках КСО [1]

Выполнение обязательств социально-ответственного поведения в области охраны окружающей среды в ПАО «Лукойл» осуществляется в рамках «Программы экологической безопасности» [13]. Основные направления реализации «Программы экологической безопасности» ПАО «Лукойл» сфокусированы на следующих мероприятиях:

- экологический менеджмент (интеграция принципов экологического менеджмента во все хозяйственно-экономические процессы);
- чистая вода (достижение максимально безопасного и рационального использования водных ресурсов);
- чистый воздух (минимизация негативных выбросов в атмосферу и постоянное совершенствование функционирования очистных сооружений);
- чистая земля (восстановление отчужденных земель после производственного использования, в том числе восстановление биологического разнообразия);
- отходы (расширение потенциала и емкости переработки отходов);
- биологическое разнообразие (сохранение сбалансированного развития природных экосистем на территории присутствия);
- экологический мониторинг (тотальный мониторинг экологических параметров хозяйственно-экономической деятельности).

ПАО «Лукойл» ведет обширную социальную политику в отношении своих сотрудников, масштабы которой постоянно увеличиваются, что находит свое выражение в росте емкости доступного социального портфеля. На рисунке 8 представим динамику затрат ПАО «Лукойл» на внутреннюю социальную поддержку.

Рисунок 8. Динамика затрат ПАО «Лукойл» на внутреннюю социальную поддержку

На основе данных рисунка можно отметить, что в ПАО «Лукойл» на протяжении трех лет происходит рост расходов на внутреннюю социальную поддержку сотрудников в рамках реализации политики КСО. По итогам 2022 года величина данного показателя составила 21,4 млрд. рублей. В динамике затраты на социальную поддержку персонала в 2022 году по сравнению с 2021 годом выросли на 15,68%, а относительно 2020 года рост составил 28,14%. Затраты ПАО «Лукойл» на внутреннюю социальную поддержку включают в себя:

– единовременные социальные выплаты (единовременные выплаты при предоставлении ежегодного отпуска, дотации на найм жилья и питание, единовременные поощрительные выплаты и доплаты по больничным листам), которые за период 2020-2022 годов выросли на 40,23%;

– системные выплаты социального характера (взносы по договорам ДМС и страхования от несчастных случаев, оплату проезда работников, выходное пособие, оплату услуг учреждениям здравоохранения, оплату путевок и выплату компенсаций на отдых и лечение, единовременную материальную помощь, приобретение детских подарков, пособия по временной нетрудоспособности, беременности и родам, уходу за ребенком, взносы в НПФ «Открытие», расходы на жилищное обеспечение и материальную помощь неработающим пенсионерам), которые за период 2020-2022 годов выросли на 15,0%.

Заключение. В целом можно сделать вывод о том, что на современном этапе отечественными компаниями уделяется значительное внимание социально-ответственному поведению. Анализ существующей практики функционирования наиболее крупных российских компаний показал, что инструменты корпоративной социальной ответственности были массово интегрированы в политику устойчивого развития и заняли в ней доминирующее положение. Рассмотренные в работе лучшие практики реализации политики КСО на территории РФ на примере ПАО Сбербанк, ПАО «Газпром» и ПАО «Лукойл» показывают присутствие широкого спектра инструментов расширения потенциала социально-ответственного поведения компаний. Среди приоритетных направлений развития высоко интегрированной системы КСО необходимо выделить: во-первых, построение максимально емкого социального портфеля для сотрудников, который минимизирует для них существующие и потенциальные социальные риски, во-вторых, формирование корпоративного благотворительного фонда для системного решения социальных проблем и адресного финансирования, в-третьих, интеграция системы экологического менеджмента, основанного на концепции бережливого производства и минимизации антропогенного влияния на окружающую среду, в-четвертых, расширение потенциала человеческого капитала на территории присутствия путем создания корпоративных образовательных локаций, медицинских центров, спортивных комплексов, а также мест культурного отдыха.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Годовой отчет ПАО «Лукойл» // <https://investonic.ru/wp-content/uploads/2023/05/godovoj-otchet-lukoil-2022.pdf>.
2. Годовой отчет ПАО Сбербанк // https://www.sberbank.com/common/img/uploaded/_new_site/com/gosa2023/sber-ar-2022-ru.pdf.

3. Жилияков Д.И. Анализ функционирования системы образования в сельских территориях региона / Д.И. Жилияков, С.О. Новосельский, Ю.В. Лисицина, П.О. Коротков, Т.О. Оласунканми // International Agricultural Journal. 2022. Т. 65. № 2.

4. Жилияков Д.И. Совершенствование финансового обеспечения социальной политики // Сборник материалов III заочной международной научно-практической конференции «Современная наука: вопросы теории и практики». 2018.

5. Зарецкая В.Г. Оценка влияния инвестиций на размер валового регионального продукта (на примере Курской области) / В.Г. Зарецкая, Л.М. Осиневиц // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 46.

6. Новосельский С.О. Использование механизма индикативного планирования // Аграрная наука. 2006. № 9.

7. Новосельский С.О. Методы оценки эффективности рекламных кампаний организаций / С.О. Новосельский, Ю.С. Мозговая // Политика, экономика и инновации. 2015. № 2 (2).

8. Овчинникова О.А. Состояние и перспективы развития информационной экономики в России / О.А. Овчинникова, А.В. Сазонова // В сборнике: Инновационная экономика, стратегический менеджмент и антикризисное управление в субъектах бизнеса. сборник статей I Международной научно-практической конференции. 2018.

9. Отчет о социальной деятельности Группы Газпром за 2022 год // <https://www.gazprom.ru/f/posts/56/691615/gazprom-sustainability-report-ru-2022.pdf>.

10. Парушина Н.В. Формирование корпоративной социальной отчетности в современных условиях / Н.В. Парушина, Т.А. Баркова // Вестник ОрелГИЭТ. 2010. № 4 (14).

11. Петрушина О.В. Формирование благоприятной социальной среды в поликультурном образовательном пространстве // В сборнике: Эффективность применения инновационных технологий и техники в сельском и водном хозяйстве. Сборник научных трудов международной научно-практической онлайн конференции, посвященной 10-летию образования Бухарского филиала Ташкентского института инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства / отв. редактор Т.Х. Жураев. 2020.

12. Попова С.А. Благотворительность как инструмент социально-экономического развития и расширения потенциала корпоративной социальной ответственности в условиях геополитической нестабильности / С.А. Попова, С.О. Новосельский, М.А. Булавина // Вопросы политологии. 2023. № 6. Т. 13.

13. Программа экологической безопасности ПАО «Лукойл» // <https://lukoil.ru/Sustainability/Environment>.

14. Усенко Л.Н. Сущностные аспекты развития категории «экономическая устойчивость» / Л.Н. Усенко, В.А. Гузей // Учет и статистика. 2017. № 4 (48).

15. Шатохин М.В. Состояние и тенденции политики импортозамещения в агропромышленном комплексе страны / М.В. Шатохин, С.О. Новосельский, Т.Г. Антропова, Л.Ф. Пономарева // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2022. № 3.

K.M. KSENOFONTOVA

Senior Lecturer at the Department of Psychology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian State University named after. A.N. Kosygina (Technology. Design. Art)», Moscow, Russia

A.A. CHUNIKHINA

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International Relations and government controlled», Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Southwestern State University», Kursk, Russia

M.V. DANILOV

Master of the Department of Management and state municipal government Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Moscow State Technical University named after. K.G. Razumovsky» (PKU)», Moscow, Russia

E.E. PONOMAREV

Master of the Department of Management and state municipal government Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Moscow State Technical University named after. K.G. Razumovsky» (PKU)», Moscow, Russia

S.O. NOVOSELSKY

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Leading Researcher at the Research Center for the Study of the History and Development of World Civilizations ANO VO «University of World Civilizations named after. V.V. Zhirinovskiy», Moscow, Russia

ECONOMIC ASSESSMENT OF THE POLICY OF SOCIALLY RESPONSIBLE BEHAVIOR OF CORPORATIONS

Introduction: The paper presents an economic assessment of the policy of socially responsible behavior of corporations. The information base for analytical diagnostics and value judgments was the data from corporate social reporting of Sberbank PJSC, Gazprom PJSC and Lukoil PJSC. The objects of analysis were the directions, targets and volumes of financing of social investments of systemically important domestic corporate structures. The performed dynamic analysis of the basic economic indicators of the implementation of the corporate social responsibility (CSR) policy showed the presence of a stable track of increasing the capacity of socially responsible behavior. The empirical tools used allow us to talk about the existence of a growing trend of social obligations assumed by companies, which are voluntary in nature and are a form of strategic development. The article substantiates the relevance of intensifying processes in the focus of CSR for solving fundamental socio-economic problems in the current turbulent environment. The importance of CSR is caused by the need to relieve social tension, minimize environmental risks, eliminate social defects and improve the quality of the investment climate.

Purpose and objectives: the purpose of the work is to conduct an economic assessment of the policy of socially responsible behavior of corporations. The objectives of the study include the following:

- justify the relevance of intensifying processes in the wake of socially responsible behavior of corporations in the current turbulent environment;*
- focus the key priorities and basic achieved results of socially responsible behavior of leading domestic companies;*
- conduct an economic assessment of the social investment activity of Russian corporate structures.*

Results of the study: the team of authors carried out a diagnosis of the economic component of the social investment policy of PJSC Sberbank, PJSC Gazprom and PJSC Lukoil, which allows for an objective assessment of the intensity and scale of socially responsible behavior. The results of the study can be used to form a general picture of the existing CSR potential of domestic companies and develop effective tools for its expansion.

Key words: *corporate social responsibility, charity, social investment, social effects, long-term development, social transformation.*

А.Г. КОВАЛЬЧУК

аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Среднерусского института управления – филиал, Россия, г. Орел

РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ГРАЖДАНСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ФЕДЕРАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ

В статье рассматривается актуальная проблема участия взаимодействия в процессах управления в современной России в рамках специальных программ федерального и регионального уровней. Цель статьи заключается в рассмотрении сущности основных программ государственно-гражданского взаимодействия в сфере государственного управления на региональном и местном уровнях. В рамках исследования были решены следующие задачи: рассмотрены концептуальные основы изучения государственно-гражданского взаимодействия в отечественной и зарубежной политической науке; рассмотрены федеральные и региональные программы, в рамках которых возможно осуществление взаимодействия между государством и гражданами в современной России. Методология исследования основана на системном подходе и включает в себя методы общенаучной группы (анализ, синтез, индукция, дедукция); а также ряд специальных методов: историографический анализ изучаемой темы; методы политического анализа (системно-исторический, структурный, системно-функциональный). По итогу исследования автор статьи пришел к следующим выводам: на современном этапе программы государственно-гражданского взаимодействия акцентированы на активизацию гражданской позиции россиян, особенно в сфере местного и регионального управления.

Ключевые слова: *государственное управление, программы государственно-гражданского управления, политическое участие, механизмы государственно-гражданского взаимодействия, политический анализ.*

Введение. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в последние годы Россия столкнулась со многими вызовами в экономической, социальной и политической сферах, что потребовало пересмотра

стратегий государственной политики, национальных целей развития, основ законодательства страны, а также к формированию новых механизмов взаимодействия с гражданами в сфере государственного управления. Федеративное устройство нашей страны вкуче с национально-культурным многообразием предопределило ту консенсусную форму принятия решений, основу которой закреплял общественный договор по ключевым вопросам развития государства и его место в современном мире. В сложившейся ситуации перед государством стоят сложнейшие задачи, которые необходимо было решать одновременно по всем без исключения стратегическим направлениям развития.

В самой широкой трактовке в научной литературе отношения между государством и обществом определяются как «взаимодействие между государственными институтами и общественными группами для ведения переговоров о том, как осуществляется публичная власть и как на нее могут влиять люди. Они сосредоточены на таких вопросах, как определение взаимных прав и обязанностей государства и общества, переговоры о том, как должны распределяться государственные ресурсы, а также установление различных форм представительства и подотчетности» [4. С. 47]. При этом в большинстве исследований основное внимание уделяется не конкретным институциональным формам, а отношениям и реляционным функциям институтов государства и общества [10. С. 48]. Тем не менее, ни государство, ни гражданское общество не рассматриваются как действующие изолированно. Скорее, государство получает свою легитимность через взаимодействие с гражданами, организованным и активным гражданским обществом. В большинстве исследований гражданин рассматривается как «человек, обладающий правами, стремлениями и обязанностями по отношению к другим членам общества и государству, что подразумевает отношения между гражданами и государством» [9. С. 104].

Согласно Конституции РФ, гражданство дает различные преимущества, в том числе право пользоваться гражданством; голосовать, занимать должности и участвовать в политических процессах; доступ к благам образования, здравоохранения и другим благам; получить доступ к рынку труда за пределами неформального сектора; владеть бизнесом, землей и другими формами собственности; а также на безопасность проживания и свободу передвижения [5].

С нормативно-правовой точки зрения, в статье 32 Конституции РФ закреплено право граждан на участие в государственном управлении: «1. Граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей. 2. Граждане Российской Федерации имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме» [5. С. 1772].

Как отмечают исследователи, на протяжении последних десяти лет на государственном уровне, на уровне экспертных сообществ и на площадках институтов гражданского общества под эгидой государственных ведомств создаются новые площадки для диалога с обществом по ключевым проблемам развития страны [6. С. 47].

Такое взаимодействие должно облегчить выработку коллективных усилий и решений, принятых по ключевым направлениям развития. Тенденции участия по примеру цифровой платформы «Активный гражданин», например, уже характеризуются высоким уровнем общественной консолидации, достигнутым путем внедрения многочисленных общественных инициатив, причем этот опыт был успешно внедрен не только в столице, но и в регионах России.

Историография исследуемой темы довольно обширна и включает в себя работы как отечественных, так и зарубежных авторов. В частности, общетеоретическим вопросам государственно-гражданского взаимодействия в современной России посвящены исследования таких авторов, как А.В. Бедрик, Н.К. Бинев, С.А. Дюжиков [1], А.И. Киричек [4]. Институциональный аспект государственно-гражданского взаимодействия получил достойное освещение в работах А.Н. Новгородцевой, Н.И. Сивковой, Е.Л. Сысолятина [6]; А.А. Чаплыгина, Е.А. Агеевой [9], С.Д. Щеголева [10] и др.

В зарубежной историографии интерес представляют работы эмпирического характера, в которых анализируется конкретный опыт зарубежных стран в области гражданского участия. К числу таких исследований можно отнести работы таких авторов, как О. Бэллцэ [11], Р. Кропф, Дж. Вагнер [12], Д.Е. Гберевбие [14] и др. В частности, в работе С. Слейтера [15] рассмотрены современные концепции государственного управления в контексте устойчивого развития. Некоторый опыт гражданского взаимодействия рассмотрен в исследовании С.А. Вадува [16].

Тем не менее, при всей разработанности темы, в настоящее время необходимо более детально рассмотреть возможности участия граждан в процессах политического управления в рамках специальных программ и платформ для такого взаимодействия.

Обзор программ государственно-гражданского взаимодействия. Активная работа по созданию возможностей для участия граждан в процессах принятия решений ведется в Российской Федерации в рамках цифровизации государственного управления с 2014 года [3. С. 55]. С развитием цифровых технологий в практику государственных органов внедряются все новые формы работы с населением.

Существующие программы можно классифицировать по двум уровням взаимодействия: федеральный и региональный. При этом все предлагаемые формы диалога с населением представлены в современном цифровом формате.

№ п/п	Наименование программы / платформы	Цель и задачи	Ответственные органы
1	Государственная программа «Информационное общество» (2020)	Цель: повышение качества жизни граждан. Задачи: обеспечения конкурентоспособности России, развития экономической, социально-политической, культурной и духовной сфер жизни общества, совершенствования системы государственного управления на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий	Ответственным исполнителем Государственной программы является Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Соисполнители Государственной программы – Россвязь, Роспечать.
2.	Федеральный проект «Государство для людей» (2021)	Цель: повышение уровня доверия граждан, делового и экспертного сообществ к органам государственной власти. Задачи: повышение уровня доверия граждан, организаций, государственных органов через трансформацию подходов к работе с людьми для решения их жизненных ситуаций, простого и быстрого решения проблем, про-активного информирования о новых возможностях, возникающих в государстве.	Министерство экономического развития Российской Федерации

№ п/п	Наименование программы / платформы	Цель и задачи	Ответственные органы
3.	Цифровая платформа «Активный гражданин» (2014)	Цель: создание устойчивой площадки для проведения электронных голосований среди жителей столицы. Благодаря ему москвичи помогают решать вопросы развития города. Задачи: сбор мнения граждан, проживающих в Москве и Московской области по вопросам усовершенствования городской инфраструктуры и благоустройства территории.	Правительство Москвы и Московской области
4.	Активный гражданин Оренбургской области	Цель: создание устойчивой площадки для проведения электронных голосований среди жителей Оренбурга и Оренбургской области. Задачи: сбор мнения граждан, проживающих в регионе, по вопросам усовершенствования городской инфраструктуры и благоустройства территории.	Правительство Оренбурга и Оренбургской области
5.	Активный гражданин Воронежской области	Цель: создание устойчивой площадки для проведения электронных голосований среди жителей Воронежа и Воронежской области. Задачи: сбор мнения граждан, проживающих в регионе, по вопросам усовершенствования городской инфраструктуры и благоустройства территории.	Правительство Воронежской области

Таблица 1. Примеры действующих программ и платформ государственно-гражданского взаимодействия в сфере политического управления

На федеральном уровне программы нацелены на достижение устойчивого и конструктивного диалога с гражданами в наиболее актуальных областях взаимодействия: решения в сфере бизнеса, автоматизации процессов регистрации различных гражданских документов, облегчение доступа к услугам «цифрового правительства» [2] и т.п. Так, в федеральном

проекте «Государство для людей» [7] декларируется «клиентоцентричный подход в организациях, ассоциируемых гражданами с государством», что, по замыслу авторов проекта, должно обеспечить удовлетворение реальных потребностей граждан и бизнеса без необходимости поиска «нужного кабинета» или услуги.

Проект направлен на формирование клиентоцентричной культуры и реинжиниринг процессов взаимодействия государства внутри со всеми категориями граждан и бизнеса. При этом сам механизм взаимодействия основан на переписке между органами исполнительной власти и гражданами, что не представляется достаточно эффективным по двум причинам: 1) количество обращений в день только по вопросам ЖКХ превышает 1,5 млн сообщений, а обработка такой переписки занимает от одного месяца до полугода [6. С. 9]. Также, чтобы иметь возможность участвовать в такой переписке гражданину необходима регистрация через платформу «Государственные услуги», которая еще далека от совершенства, особенно для пожилых людей, для которых утеря пароля от данного сервиса может превратиться в неразрешимую самостоятельно проблему. Фактически, технические и бюрократические препятствия не позволяют федеральным программам стать эффективным и рутинным форматом взаимодействия с населением, а сами программы сохраняют в большей степени декларативный характер.

В регионах в сфере политического управления процесс принятия решений конкретизируется при работе через цифровые платформы отдельных областей по примеру платформы «Активный гражданин», запущенной в 2014 году Правительством Москвы и Московской области [8]. Успех цифрового формата работы подтверждается фактами распространения такого опыта в большинстве регионов России: механизм взаимодействия путем голосования и мини-опросов по ключевым проблем регионального развития внедрен в большинстве областей РФ.

Так, например, в Оренбургской области платформа «Активный гражданин» успешно используется для повышения удобства транспортной сети, улучшения городской инфраструктуры и для решения проблем благоустройства в регионе.

В Воронежской области применение цифровой инициативы аналогичного формата дает возможность выявить мнение населения по поводу целого ряда вопросов регионального управления. Распространение данного опыта взаимодействия в целом можно оценить, как достаточно конструктивное в рамках поставленной в проекте цели: улучшение качества жизни населения.

Тем не менее, обзор существующих программ и платформ позволяет констатировать, что процесс государственно-гражданского взаимодействия сведен к опросу мнения населения, сбору информации на местах, но не дает

возможности реализовывать гражданский контроль над деятельностью ответственных министерств и ведомств, в компетенции которых находится решение того или иного вопроса. По сути, итоги опросов, проводимых в рамках цифровых платформ, таких как «Активный гражданин», могут иметь только статистические последствия, поскольку носят рекомендательный характер. При отсутствии юридически-обязательного статуса результатов опросов, в рамках которых граждане выражают свое мнение (согласие или несогласие с проектами и решениями органов государственной власти).

Более того, программы цифрового формата нуждаются в дополнительной разъяснительной работе среди населения, поскольку многие жители российских провинций не знают о существовании такого рода проектов. Например, опрос, проведенный в Воронежской области, выявил, что о платформе «Активный гражданин» не знает каждый второй респондент несмотря на то, что проект реализуется Правительством Воронежской области с 2016 года [3. С. 57]. Таким образом, основной проблемой цифрового формата государственно-гражданского взаимодействия является необходимость повышения осведомленности самого населения о существовании, функциях и возможностях такого рода платформ и программ.

Выводы. Проведенный обзор позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Характер государственно-гражданского взаимодействия в формате федеральных программ и цифровых платформ может оказать существенное влияние на отношения между государством и обществом для реализации стратегических целей развития страны. Совершенствование инструментов такого рода взаимодействия позволит нивелировать существующее преобладание неформальных институтов и отношений, а также неофициальных процессов, которые на практике приводят к расхождениям между формальными системами и правилами и реальной практикой участия граждан в процессах политического управления.

2. Несовершенство форматов и отсутствие реальных механизмов контроля над деятельностью государственных органов даже при условии четко выраженного общественного мнения в рамках цифровых платформ приводит к тому, что граждане практически не имеют стимулов для взаимодействия со структурами государственной власти. В некоторых ситуациях граждане могут быть исключены из общественной жизни по причине низкого уровня цифровой грамотности или при отсутствии необходимых технических условий для использования цифровых платформ гражданского участия. Это приводит к негативным и слабым отношениям между государством и обществом. Усилия по содействию инклюзивному политическому участию должны быть ориентированы в первую очередь на проведение разъяснительной политики, популяризации инициатив государства в сфере создания площадок для диалога с обществом. Необходимо также уделять

внимание поддержке гражданского общества и участия граждан, с тем чтобы они могли привлекать государство к ответственности за принятые решения, не ограничиваясь опросами общественного мнения в конкретном региональном сообществе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Бедрик А.В., Бинеев Н.К., Дюжиков С.А. Гражданский потенциал регулирования межэтнических отношений в современном российском обществе // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 4.

2. Государственная программа «Информационное общество» (2020). Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций // <https://digital.gov.ru/ru/activity/programs/1/>.

3. Ерохина О.В. Цифровые формы политического участия в России (на примере платформы «Активный гражданин») // Власть. 2021. № 6.

4. Киричек А.И. Механизмы взаимодействия власти с субъектами гражданского общества при организации межсекторного социального партнерства в субъектах Российской Федерации // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2017. № 3.

5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 4. Ст. 445.

6. Новгородцева А.Н., Сивкова Н.И., Сысолятин Е.Л. Власть и некоммерческие организации в регионе: трудности взаимодействия (на примере Свердловской области) // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 2.

7. Федеральный проект «Государство для людей». Министерство экономического развития Российской Федерации // https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/gosudarstvo_dlya_lyudey/.

8. Цифровая платформа «Активный гражданин» // <https://ag.mos.ru/home>.

9. Чаплыгин А.А., Агеева Е.А. Модели взаимодействия государства и институтов гражданского общества // Вестник экспертного совета. 2018. № 3.

10. Щеголев С.Д. Механизмы взаимодействия органов государственной власти и молодежных объединений // Вестник государственного и муниципального управления. 2018. № 3.

11. Băluță O. Gender Equality and Women's Empowerment in Public Administration. Romania Case Study. University of Bucharest. 2022.

12. Cropf R., Wagner J. Civil Society and Public Administration. In book: American Public Administration. 2023.

13. Gbervbie D.E. Public Administration: A Conceptual Perspective (Second Edition). Cardinal Publishers, Ibadan. 2023.

14. Slater S. Modern concepts of public administration in the context of sustainable development. *Revista de Gestão e Secretariado (Management and Administrative Professional Review)*. 2023. Vol. 14 (10).

15. Vaduva S.A. The Business Civil Society and its Impact on Romanian Public Administration. In book: *From Corruption to Modernity*. 2016.

A.G. KOVALCHUK

*Graduate student, Russian Academy of National
Economy and Public Administration under the President of the Russian
Federation, Central Russian Institute of Management – branch,
Orel, Russia*

DEVELOPMENT OF STATE-CIVIL INTERACTION IN MODERN RUSSIA: FEDERAL AND REGIONAL PROGRAMS

The article reveals an actual problem of civil participation in governing processes in modern Russia within the framework of special programs at the federal and regional levels. The research goal is to consider the essence of the main programs for state-civil interaction in public administration at the regional and local levels. In the study the following tasks were solved: the conceptual foundations of state-civil interaction in domestic and foreign political science were considered; federal and regional programs were considered, within the framework of which interaction between the state and citizens in modern Russia was possible. The research methodology is based on a systems approach and includes general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction); as well as a number of special methods: historiographical analysis of the topic being studied; methods of political analysis (system-historical, structural, system-functional). Based on the research results, the author concluded that at the present stage, programs of state-civil interaction are focused on enhancing the civic position, especially in local and regional governments.

Key words: *public administration, public-civil management programs, political participation, mechanisms of public-civil interaction, political analysis.*

Н.В. ГОНЧАРОВА

кандидат юридических наук,
доцент кафедры автоматизированных систем управления
и кибернетики ФГБОУ ВО «ОГУ имени И.С. Тургенева», Россия, г.
Орел

М.Н. ИГНАТОВА

кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Международных
отношений и государственного управления», ФГБОУ ВО «Юго-
Западный государственный университет», Россия, г. Курск

С.О. НОВОСЕЛЬСКИЙ

кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
научного центра по исследованию истории и развития мировых
цивилизаций АНО ВО «Университет Мировых Цивилизаций
им. В.В. Жириновского»,
Россия, г. Москва

И.А. БИРЮКОВ

студент кафедры «Международных отношений и государственного
управления», ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный
университет», Россия, г. Курск

А.И. ПАНОВА

студентка кафедры «Международных отношений
и государственного управления», ФГБОУ ВО «Юго-Западный
государственный университет», Россия, г. Курск

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА МИРОВОГО РЫНКА ТЕЛЕМЕДИЦИНЫ

Введение: в статье нашли отражение результаты экономической
оценки развития мирового рынка телемедицины, которые стали след-
ствием реализации политики цифровизации здравоохранения в зарубеж-
ных странах. Инструментарий использования телекоммуникаций и циф-
ровых технологий для оказания медицинской помощи активно развивается

в зарубежных странах. Формирование прогрессивного трека развития телемедицины в большинстве зарубежных стран происходит при наличии емкой нормативной правовой базы, которая соответствует текущим условиям и особенностям применения телекоммуникаций и цифровых технологий для оказания медицинской помощи. Присутствие релевантной организационно-правовой основы способствует расширению потенциала применения разного рода инструментов телемедицины, а также устанавливает четкие и прозрачные рамки функционирования медицинских организаций в указанной сфере. Развитие телемедицины происходит при активном участии государственных структур. Формы государственной поддержки носят различный характер, что обусловлено спецификой существующей социально-экономической формации и особенностями применяемых методов государственного регулирования экономики. Важной формой государственного участия выступает активизация процессов цифровой трансформации национальной системы здравоохранения.

Цель и задачи: цель работы заключается в рассмотрении результатов реализации политики цифровизации здравоохранения в зарубежных странах через призму экономической оценки мирового рынка телемедицины. В статье поставлены и решены следующие задачи:

- выделить актуальность осуществления цифровых преобразований в здравоохранении при существующей социально-экономической конъюнктуре;
- провести анализ ключевых динамических и структурных показателей функционирования мирового рынка телемедицины;
- сгруппировать региональные особенности развития мирового рынка телемедицины.

Результаты исследования: авторским коллективом проведена емкая диагностика функционирования мирового рынка телемедицины в фокусе анализа динамики его стоимостного объема и сегментационной структуры, а также выполнено исследование инвестиционной активности и региональных особенностей интенсификации цифровой трансформации здравоохранения. Сделанные обобщения позволяют сформировать объективную картину текущего состояния и тенденций развития цифровизации здравоохранения в фарватере применения телекоммуникационных технологий.

Ключевые слова: цифровая трансформация, здравоохранение, телемедицина, мировой рынок, зарубежный опыт.

Актуальность. В мире система оказания медицинской помощи с использованием телекоммуникаций и цифровых технологий обладает

существенными перспективами расширения своего потенциала. Данное обстоятельство обусловлено широким перечнем причин. В первую очередь необходимо обратить внимание на возможности повышения качества оказания медицинской помощи на основе адаптации инструментов телекоммуникаций, что особенно актуально в условиях территориального пространства и удаленности отдельных районов от центров оказания квалифицированной медицинской помощи [1. С. 20]. Основные локации предоставления высококвалифицированных медицинских услуг сконцентрированы главным образом в центрах урбанизации, которые обладают набором узкоквалифицированных специалистов по отдельным заболеваниям. При этом значительные массы населения проживают на периферии, для которых использование компетенций профильных врачей не всегда становится возможным на системной основе. Сложности транспортной логистики, большая пространственная удаленность и временная разобщенность оказания медицинских услуг существенно снижают степень доступности квалифицированной медицинской помощи для отдельных групп населения. Решение отдельных проблем в сфере доступности высококвалифицированных специалистов для всех групп населения может быть осуществлено за счет использования телемедицины [6. С. 260]. В рамках проведения врачебных консультаций на основе использования телекоммуникационных технологий жители даже отдаленных территорий без отрыва от локации своего проживания могут относительно оперативно получить компетентное мнение профильного специалиста в фарватере направления свое лечения или оценки текущего диагноза. При данных обстоятельствах применение цифровых технологий значительно расширяет потенциал системы здравоохранения и позволяет распространить предоставление качественных медицинских услуг на всю территорию страны. Рост актуальности данного вопроса многократно повышается в том случае, когда пациенту необходима консультация конкретного врача узкого профиля. Таким образом, применение возможностей телемедицины обеспечивает оказание актуальной целевой помощи с учетом персонифицированных потребностей пациента [2. С. 78].

Вторым аспектом расширения потенциала использования телемедицины в современных социально-экономических условиях является рост динамики общественной жизни, который является характерной чертой уже не только крупных мегаполисов, но и более мелких локаций проживания населения страны. Интенсивность социально-экономических процессов минимизирует время для посещения медицинских учреждений и клиник. При этом актуальность решения данной задачи несколько не уменьшается, так как здоровье выступает важнейшим элементом человеческого капитала и ценностью каждой личности [10. С. 177]. Таким образом, при текущих условиях динамики общественного развития применение телемедицины позволяет сформировать окно возможностей для системного контроля

за состоянием здоровья человека с учетом его индивидуальных хронических и приобретенных заболеваний, а также текущих беспокоящих проблем. Кроме того, за счет применения телемедицины уменьшаются риски самолечения или получения «знаний» от неквалифицированных специалистов в социальных сетях или просто в интерактивном пространстве. Применение цифровых технологий снижает время на посещение медицинского учреждения и позволяет интегрировать элементы заботы о своем здоровье в ритм жизни современного человека. Обобщая сказанное, можно отметить, что рост интенсивности социально-экономических процессов, который выступает одним из базовых трендов современной формации, расширяет перспективы использования телекоммуникаций для оказания медицинской помощи за счет повышения востребованности данной формы медицинского обслуживания в условиях лимитирования временного режима жизнедеятельности [9. С. 13]. В этом случае ключевым драйвером актуальных перспектив развития телемедицины выступает минимальное количество времени, которое необходимо затратить на посещение медицинского учреждения и получения врачебной услуги.

В среднесрочной перспективе телемедицина может стать инструментом бережливого здравоохранения, которое будет обеспечивать системность процессов сохранения здоровья человека, как ключевого элемента человеческого капитала [5. С. 913]. Актуальность бережливого здравоохранения присутствует как на национальном, так и на корпоративном уровне. В государственном масштабе бережливое здравоохранение на основе расширения потенциала телемедицины обеспечивает совокупный рост здоровья нации, а на корпоративном уровне системное использование телемедицины позволяет сохранить качество человеческого капитала, обеспечить рост производительности труда и сформировать высокий уровень лояльности [11. С. 2655]. Важность использования телемедицины также обусловлена потребностями оказания срочной медицинской помощи в экстренных ситуациях. Жизнь человека носит непредсказуемый характер, и острая потребность получения консультации врача может возникнуть в любой момент. В этой связи использование цифровых технологий является важным инструментом обеспечения оперативности предоставления медицинских услуг, который может сохранить здоровье человека, а в отдельных случаях даже спасти и жизнь [7. С. 47].

Основная часть. Функционирование мирового рынка телемедицины происходит по двум основным направлениям:

- в рамках взаимодействия «врач-пациент»;
- в фарватере коммуникации «врач-врач».

На рисунке 1 отразим основные формы развития телемедицины на мировом рынке.

Рисунок 1. Основные формы развития телемедицины на мировом рынке

На этапах зарождения мирового рынка телемедицины доминирующей формой его развития были коммуникации в формате «врач-врач». Пандемия, спровоцированная эпидемией covid-19, повысила актуальность осуществления медицинской помощи с использованием телекоммуникационных технологий в формате «врач-пациент». Таким образом, основным трендом развития мирового рынка телемедицины выступает увеличение емкости предоставления медицинских услуг в формате коммуникаций «врач-пациент» при использовании цифровых технологий. Существующий мировой рынок телемедицины может быть сегментирован по нескольким основным направлениям, которые отражены на рисунке 2.

Каждый сегмент рынка телемедицины имеет свои особенности развития, которые определяются сезонными и региональными факторами, но в целом они формируют поступательный тренд, которые активно наращивает темпы ежегодного прироста. На основе материалов рисунка 3 можно сделать вывод о существовании устойчивого тренда расширения мирового рынка телемедицины. Темпы роста рынка телемедицины колеблются на протяжении рассматриваемого временного интервала под влиянием макроэкономических и санитарно-эпидемиологических факторов. Особо стоит отметить влияние пандемии на рост емкости рынка телемедицины, когда особым спросом стали пользоваться консультации в рамках дистанционного коммуникационной взаимодействия «врач-пациент». Стимулом для роста телемедицины в этот период также стали ограничения на перемещения лиц, которые потребовали использования дистанционных форм общения пациента и лечащего врача.

Рисунок 2. Основные направления сегментации мирового рынка телемедицины

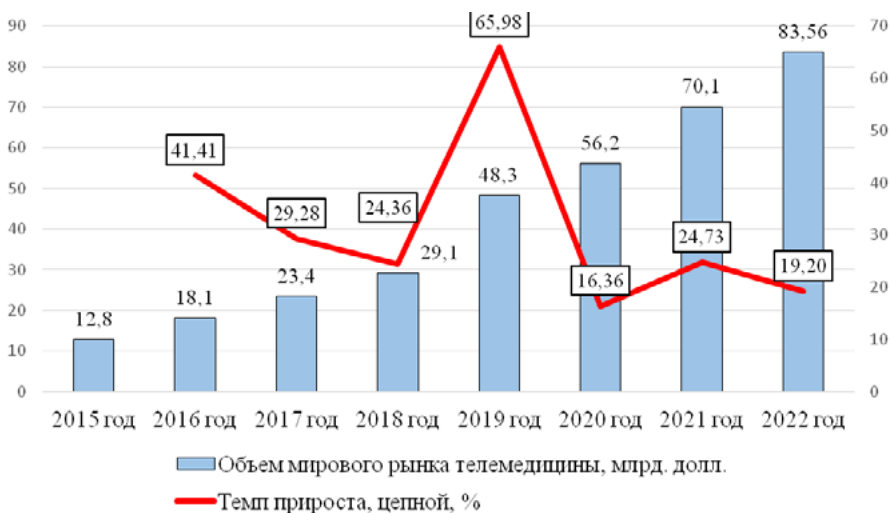

Рисунок 3. Динамика объема мирового рынка телемедицины [8; 12]

После смягчения уровня жесткости пандемийных ограничений популярность использования дистанционного формата общения с врачами не значительно сократилась из-за его удобства и оперативности получения информации. Вторым актуальным фактором формирования положительной динамики роста рынка телемедицины выступает развитие цифровых технологий. Анализ статистической информационной базы позволяет

отметить, что в 2022 году по сравнению с 2015 годом емкость мирового рынка телемедицины выросла более чем в 6,5 раза. Максимальный прирост рынка телемедицины отмечается в 2019 году по сравнению с 2018 годом, который составил 65,98%. В 2020 году емкость мирового рынка телемедицины также увеличилась по сравнению с предыдущим периодом на 16,36%. В 2021 и 2022 годах положительный трек мирового рынка телемедицины продолжил развиваться: в 2021 году темп роста относительно 2020 года составил 24,73%, а в 2022 году по сравнению с 2021 годом прирост был равным 19,2%. В среднесрочной перспективе прогнозируется дальнейшее увеличение емкости мирового рынка телемедицины. Так по прогнозным оценкам в 2028 году величина мирового рынка телемедицины достигнет примерно 233,5 млрд. долл. США, что превысит показатель 2022 года примерно в 2,8 раза.

Структура мирового рынка телемедицины движется в сторону роста удельного веса сегмента телемониторинга пациентов. С учетом представленной информационной базы рисунка 4 можно отметить, что доминирующее положение на мировом рынке телемедицины принадлежит сегменту, характеризующему мониторинг состояния здоровья пациентов при помощи телекоммуникационных сервисов. Доля данного сегмента в общем объеме мирового рынка телемедицины составляет более половины.

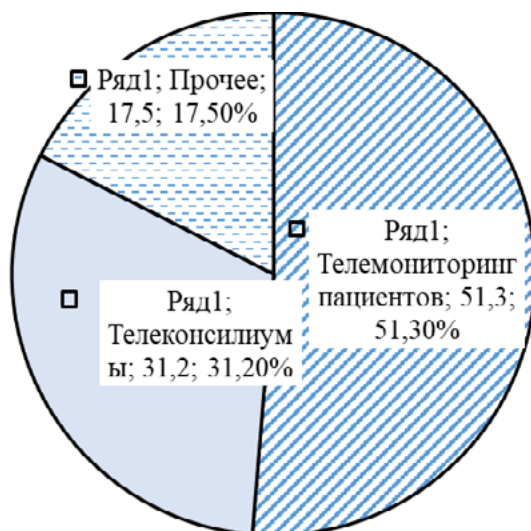

Рисунок 4. Структура мирового рынка телемедицины в 2022 году [3; 15]

На текущем этапе мировой рынок телемедицины характеризуется бурным ростом использования новых и продвинуемых технологий. Вся совокупность инструментов, которые используются для оказания медицинской

помощи на основе телекоммуникаций и цифровых технологий может быть разделена на три основных группы:

– технологии для медицинского персонала. В качестве примера использования данных телекоммуникационных инструментов можно рассмотреть Коммуникатор Smartbadge. Данный инструмент представляет собой гаджет, который используется медицинским персоналом и обеспечивает доступ к широкому формату медицинских систем;

– технологии для пациентов, имеющих серьезные и хронические заболевания. Актуальным примером инструментов телемедицины в указанном направлении является прибор Heartbit. Отмеченный прибор проводит регулярную диагностику состояния сердца пациента и передает его лечащему врачу;

– технологии, упрощающие проведение онлайн-консультаций. Технология Tyto Care позволяет пациенту проводить собственное медицинское исследование своего организма, а затем передавать полученные данные врачу для экспертной оценки.

Регион	Потенциал роста	Ключевые особенности
Африка и Ближний Восток	Низкий потенциал спроса за счет слабых темпов цифровизации и инновационной активности в сфере здравоохранения	– низкий уровень цифровизации социально-экономических систем; – большая изоляция отдельных локаций проживания населения; – дефицит государственной поддержки; – отсутствие частной инвестиционной активности
Латинская Америка	Низкий потенциал спроса за счет слабых темпов цифровизации и инновационной активности в сфере здравоохранения	– социальное неравенство; – низкая доступность телемедицины; – практически все игроки рынка представлены иностранными компаниями; – дефицит медицинского персонала, имеющего цифровые компетенции
Азиатско-Тихоокеанский регион	Использование прорывных технологий и рост инвестиционной активности формируют значительные предпосылки роста	– высокая доля сельского населения; – значительная доля населения старшего поколения; – активная поддержка со стороны государственных структур; – присутствие стимулов для частной инвестиционной активности

Регион	Потенциал роста	Ключевые особенности
Европа	Хороший потенциал роста, который определяется высоким уровнем колаборации в сфере цифровизации здравоохранения	<ul style="list-style-type: none"> – неравномерность цифровой трансформации отдельных стран ЕС; – высокие запросы и ожидания потенциальных пользователей; – присутствие емкой инвестиционной базы; – сложности телекоммуникационной интеграции из-за законодательных особенностей отдельных стран Союза
Северная Америка	Максимально высокий потенциал роста за счет активного платежеспособного спроса и наличия значительных цифровых технологий	<ul style="list-style-type: none"> – государственное стимулирование инвестиций; – возмещение расходов на телемедицину; – большое количество национальных разработчиков цифровых технологий в сфере здравоохранения; – растущий общественный интерес к сохранению здоровья

Таблица 1. Региональные особенности мировой телемедицины [18]

На основе аккумулированной в таблице 1 информации необходимо отметить, что мировой рынок телемедицины характеризуется значительной дифференциацией. В одних регионах мировой социально-экономической системы телемедицина активно развивается и прогрессирует, а в других регионах находится в зачаточном состоянии. В региональном разрезе бесспорным лидером мирового рынка телемедицины является Северная Америка во главе с США. Высокие темпы роста рынка телемедицины на современном этапе фиксируются в Китае, Японии, Германии и Франции, а также стоит отметить локальный рост данного рынка в нефтедобывающих странах Персидского залива. Основной проблемой развития мирового рынка телемедицины в мировом масштабе остается его доступность для широких слоев населения, которая лимитируется финансовыми возможностями и интенсивностью внедрения цифровых технологий. Важная роль в развитии рынка телемедицины в отдельных странах принадлежит государству, органы власти которого стимулируют инвестиционные процессы в данной сфере, а также вводят компенсации за использование телемедицины.

В динамике можно говорить о том, что неравномерность развития мирового рынка телемедицины только усиливается, так как ведущие государства наращивают свою активность, а отстающие страны даже не имеют технологических возможностей следовать за лидерами (рис. 5).

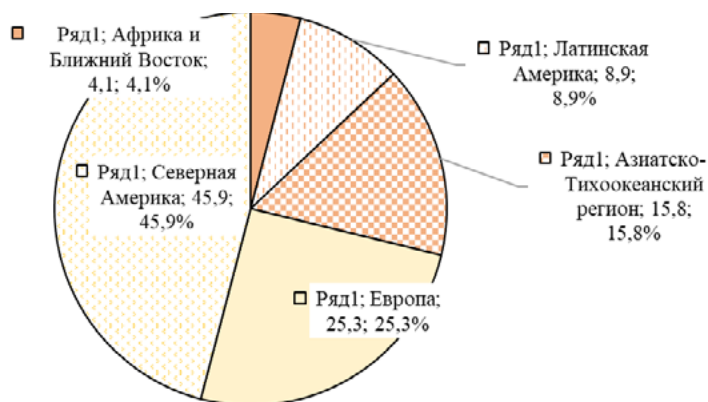

Рисунок 5. Региональная структура мирового рынка телемедицины [13; 16]

Важной характеристикой мирового рынка телемедицины является уровень инвестиционной активности его участников. Актуальность данного вопроса обусловлена тем, что инвестиции выступают основным драйвером роста мирового рынка телемедицины, которые характеризуется высокой технологичностью и наукоемкостью.

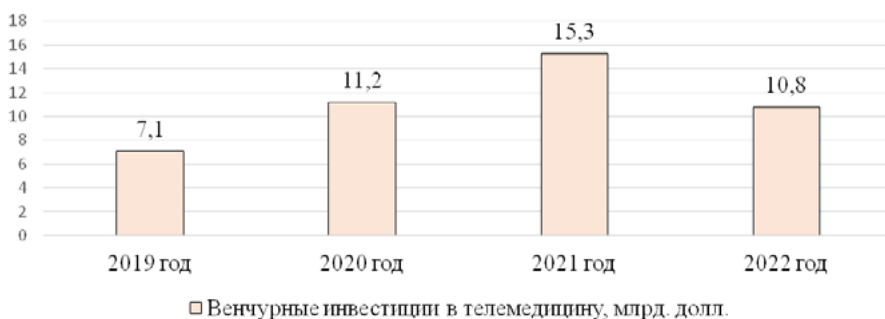

Рисунок 6. Динамика венчурных инвестиций на мировом рынке телемедицины [4; 17]

На основе представленной информационной базы рисунка 6 можно сделать вывод о том, что динамика венчурных инвестиций в телемедицину на мировом рынке за период 2019-2021 годов увеличивается, но в 2022 году наблюдается спад данного показателя. По итогам аналитических расчетов видно, что в 2020 году по сравнению с 2019 годом сумма венчурных инвестиций в мировую телемедицину выросла на 57,75%, а в 2021 году по сравнению с 2020 годом данный показатель увеличился на 36,61%. В 2022 году зафиксировано уменьшение объема венчурных инвестиций в мировую телемедицину по сравнению с 2021 годом на 29,41%, а по сравнению с 2020 годом данный показатель также сократился на 3,57%. Уменьшение

объема венчурных инвестиций на мировом рынке телемедицины в 2022 году вызвано следующими причинами:

– увеличение инфляции и расширение потенциала экономической неопределенности, вызванной геополитической турбулентностью, отпугнули инвесторов с меньшим капиталом, которые не приняли дополнительные риски;

– окончание трехлетнего цикла финансирования телемедицины, который связан с началом пандемии и повышением коммерческого интереса к цифровым инвестиционным проектам в сфере здравоохранения.

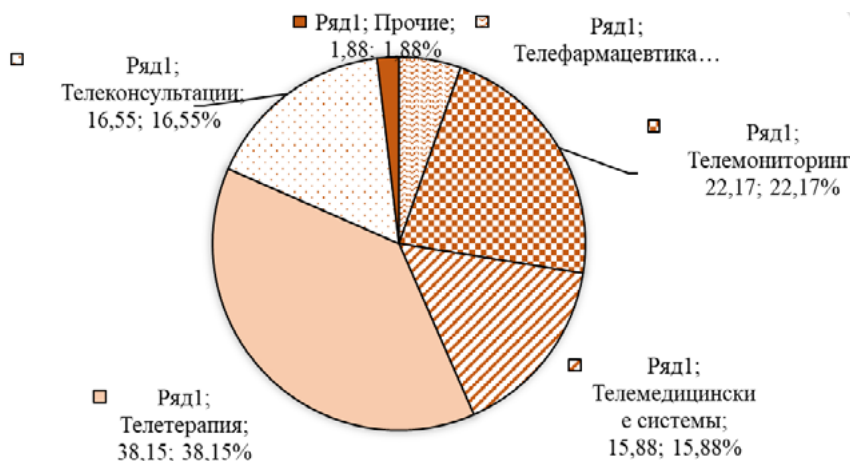

Рисунок 7. Структура инвестиций на мировом рынке телемедицины [4; 17]

Наибольший удельный вес в структуре венчурных инвестиций на мировом рынке телемедицины принадлежит инвестициям в области телетерапии, усредненная доля которых по итогам трех последних лет составила примерно 38,15%. В целом можно отметить, что структура венчурных инвестиций на мировом рынке телемедицины носит достаточно подвижный характер и меняется с учетом потребительских предпочтений и настроений представителей инвестиционного сообщества.

Заключение. Таким образом, по итогам проведенных исследований можно сделать вывод о том, что за последние пять лет мировой рынок телемедицины активно развивается, а темпы прироста показателя емкости его стоимостной оценки находятся на стабильно высоком уровне. Актуальными драйверами увеличения емкости мирового рынка телемедицины выступили пандемия коронавируса, а также расширение возможностей использования цифровых технологий в системе здравоохранения. В региональном разрезе мировой рынок телемедицины имеет существенные перекосы, так как основными точками его роста являются Северная Америка и Европа, а ряде других

регионов (Латинская Америка, Африка) услуги телемедицины представлены на минимальном уровне. Структура услуг мирового рынка телемедицины движется в сторону роста удельного веса сегмента телемониторинга состояния здоровья пациентов. Выявленная общая положительная динамика венчурной инвестиционной активности на мировой рынке телемедицины является важным фактором его прогрессивного развития. К числу основных векторов венчурной инвестиционной активности на мировой рынке телемедицины можно отнести телетерапию, телемониторинг и телеконсультации. Конкурентная структура мирового рынка телемедицины характеризуется присутствием несколько крупных участников, которые формируют общую траекторию его развития, что позволяет определить данный рынок, как умеренно-консолидированный. Увеличение возможностей цифровых технологий расширяет потенциал телемедицины и делает ее ресурсы более доступными для населения. Таким образом, использовать сервисы телемедицины становится проще, а качество коммуникаций постоянно возрастает. Отмеченные факторы выступили ключевыми причинами формирования устойчивого растущего трека развития мирового рынка телемедицины.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Авраменко А.Н.* Телемедицина в России. Как завоевать доверие пациента? // Экономический научный журнал: оценка инвестиций. 2018. № 3 (11).

2. *Адельшина А.А.* Достоинства и недостатки проекта «телемедицина» // В сборнике: Актуальные проблемы экспериментальной и клинической медицины. материалы 76-й международной научно-практической конференции молодых ученых и студентов. 2018.

3. Анализ рынка телемедицинских услуг напрямую для потребителей Обзор отрасли, рост, спрос и прогноз (2023-2030) // https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.41d10793-64a53452-2108914f-74722d776562/https/www.marketwatch.com/press-release/direct-to-consumer-telehealth-services-market-analysis-industry-overview-growth-demand-and-forecast-2023-2030-2023-05-10.

4. В 2021 году объем инвестиций в цифровое здравоохранение достиг \$15 млрд благодаря вложениям в телемедицину // https://evercare.ru/news/v-2021-godu-obem-investicij-v-cifrovoe-zdravookhranenie-dostig-15-mlrd-blagodarya-investiciyam?utm_source=sendpulse&utm_medium=email&utm_campaign=ec-news.

5. *Жуляков Д.И.* Анализ функционирования системы образования в сельских территориях региона / Д.И. Жуляков, С.О. Новосельский, Ю.В. Лисицина, П.О. Коротков, Т.О. Оласунканми // International Agricultural Journal. 2022. Т. 65. № 2.

6. Леванов В.М. Информатизация и телемедицина как инструменты бережливого здравоохранения / В.М. Леванов, Е.А. Перевезенцев, О.В. Переведенцев // В сборнике: Актуальные проблемы управления здоровьем населения. тематический сборник научных трудов по результатам II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2019.

7. Макаров В.В. Применение телемедицины для совершенствования бизнес-процессов диагностики и лечения / В.В. Макаров, А.А. Асеев, К.Н. Крутелев // В сборнике: Modern science and technology. Сборник статей II Международной научно-практической конференции. 2020.

8. Мировой рынок телемедицины // <https://zdrav.expert/index.php/> Статья: Телемедицина_(мировой_рынок).

9. Новосельский С.О. Методы оценки эффективности рекламных кампаний организаций / С.О. Новосельский, Ю.С. Мозговая // Политика, экономика и инновации. 2015. № 2 (2).

10. Новосельский С.О. Оценка цифровой трансформации социально-экономической системы России в условиях геополитической турбулентности / С.О. Новосельский, Т.Г. Антропова, О.А. Грунина // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2023. Т. 12. № 3 (49).

11. Попова С.А. Благотворительность как инструмент социально-экономического развития и расширения потенциала корпоративной социальной ответственности в условиях геополитической нестабильности / С.А. Попова, С.О. Новосельский, М.А. Булавина // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 6.

12. Рынок телемедицины – рост, тенденции, влияние covid-19 и прогнозы (2023-2028 гг.) // <https://www.mordorintelligence.com/ru/industry-reports/global-telemedicine-market>.

13. Рынок телемедицины в России: перспективы развития цифровой медицины // <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/gynok-telemeditsiny-v-rossii-perspektivy-razvitiya-tsifrovoy-meditsiny/>.

14. Шатохин М.В. Состояние и тенденции политики импортозамещения в агропромышленном комплексе страны / М.В. Шатохин, С.О. Новосельский, Т.Г. Антропова, Л.Ф. Пономарева // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2022. № 3.

15. Digital Health: обзор рынка // https://innoagency.ru/files/Digital_Health_AIM_2021.pdf.

16. State of Digital Health Q1'23 Report // <https://www.cbinsights.com/research/report/digital-health-trends-q1-2023/>.

17. Telemedicine Market: Global Industry Analysis and Forecast (2022-2029) // <https://www.maximizemarketresearch.com/market-report/global-telemedicine>.

18. Telemedicine Services Global Market Report 2023 // https://www.researchandmarkets.com/reports/5735387/telemedicine-services-global-market-report?utm_source=BW&utm_medium=PressRelease&utm_code

N.V. GONCHAROVA

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Automated Control Systems and Cybernetics FSBEI HE «OSU named after I.S. Turgenev», Orel, Russia

M.N. IGNATOVA

Candidate of pedagogical sciences, Associate Professor of the Department of International Relations and government controlled», Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Southwestern State University», Kursk, Russia

S.O. NOVOSELSKY

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Leading Researcher at the Research Center for the Study of the History and Development of World Civilizations ANO VO «University of World Civilizations named after V.V. Zhirinovskiy», Moscow, Russia

I.A. BIRYUKOV

Student of the Department of International Relations and government controlled», Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Southwestern State University», Kursk, Russia

A.I. PANOVA

Student of the Department of International Relations and government controlled», Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Southwestern State University», Kursk, Russia

FOREIGN EXPERIENCE IN IMPLEMENTING THE POLICY OF DIGITALIZATION OF HEALTHCARE: ECONOMIC ASSESSMENT OF THE WORLD TELEMEDICINE MARKET

Introduction: *the article reflects the results of an economic assessment of the development of the global telemedicine market, which resulted from the*

implementation of the healthcare digitalization policy in foreign countries. The tools for using telecommunications and digital technologies to provide medical care are actively developing in foreign countries. The formation of a progressive path for the development of telemedicine in most foreign countries occurs in the presence of a comprehensive regulatory legal framework that corresponds to the current conditions and features of the use of telecommunications and digital technologies for the provision of medical care. The presence of a relevant organizational and legal framework helps expand the potential for the use of various types of telemedicine tools, and also establishes a clear and transparent framework for the functioning of medical organizations in this area. The development of telemedicine occurs with the active participation of government agencies. Forms of state support are of a different nature, which is due to the specifics of the existing socio-economic formation and the peculiarities of the methods of state regulation of the economy used. An important form of government participation is the activation of digital transformation processes of the national healthcare system.

Purpose and objectives: *the purpose of the work is to consider the results of the implementation of the digitalization policy of healthcare in foreign countries through the prism of an economic assessment of the global telemedicine market. The article poses and solves the following problems:*

- highlight the relevance of implementing digital transformations in healthcare in the current socio-economic environment;*
- analyze key dynamic and structural indicators of the functioning of the global telemedicine market;*
- group regional features of the development of the global telemedicine market.*

Research results: *the team of authors carried out a comprehensive diagnosis of the functioning of the global telemedicine market in the focus of analyzing the dynamics of its value volume and segmentation structure, and also carried out a study of investment activity and regional features of the intensification of the digital transformation of healthcare. The generalizations made allow us to form an objective picture of the current state and trends in the development of digitalization of healthcare in the wake of the use of telecommunication technologies.*

Key words: *digital transformation, healthcare, telemedicine, global market, foreign experience.*

Р.А. ПОЯРКОВ

аспирант Среднерусского института
управления – филиал (г. Орел), Россия, г. Орел;
учредитель ООО «Р групп», Россия, г. Москва

ПРИМЕНЕНИЕ БОЛЬШИХ ДАННЫХ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

В условиях цифровой трансформации государственной службы, в статье рассмотрены особенности и проблемы применения массивов информации (Big Data), анализ которых позволяет повысить обоснованность важных решений в государственном управлении, а также актуальность использования технологий искусственного интеллекта в целях совершенствования рассматриваемого вида службы и его механизма в нашем государстве. В заключении приходим к выводу, что в современной развивающейся в сторону интеграции цифровых технологий в повседневную жизнь, России, общественные отношения в сфере госрегулирования, выдвигают на первый план новые требования к одной из форм государственной деятельности. Именно поэтому она претерпевает изменения, которые в полной мере, в дальнейшем, будут отвечать цифровой трансформации. В связи с этим на территории нашей страны претворяется в жизнь один из многих долгосрочных стратегических проектов – «Цифровая экономика Российской Федерации», начавшийся в 2018, реализация которого должна завершиться в 2024 году. Однако, как бы удивительно не выглядело, но не все граждане освоили или приобрели современные средства цифрового общения, что влечет за собой перспективы выживания в условиях искусственного интеллекта и конкуренции с ним.

Ключевые слова: государственное управление, цифровизация, долгосрочный стратегический проект, искусственный интеллект, Big Data, Интернет, цифровая экономика, трансформация, Российская Федерация, нейросеть, национальная программа, информационное общество.

Введение. В современном мире существует огромное информационное пространство, участниками которого, по сути, являются все граждане сразу. Развитие информационных технологий и средств коммуникации обеспечило

возможность любому человеку получать доступ к любой информации, имея возможность доступа к сети интернет.

Помимо доступа к информации, безусловно, есть и возможность получать услуги, пользоваться сервисами и даже проводить какие-то работы удаленно, без необходимости физически посещать место предоставления услуги или рабочее место.

Безусловно, как для организации предоставления услуг в электронном виде, так и для организации рабочего процесса органов государственного управления (далее – ГУ) в удаленном режиме, необходима серьезная информационно-техническая база в виде оборудования и программного обеспечения. Помимо непосредственного приобретения необходимых средств информационных технологий, необходимо также организовать процессы обслуживания и администрирования, обучения и поддержки пользователей. Если удаленный режим работы не является необходимостью, то предоставление услуг в электронном виде уже закреплено в законодательстве и обязательно для органов государственной власти.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 3; 4; 6; 10; 12; 13; 14; 15; 16; 18; 19; 20; 23; 24; 27].

Однако проблему цифровизации государственного управления и развития информационных технологий нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Развитие использования информационных технологий мотивируется и контролируется на самых верхних уровнях власти. Основным документом сегодня является подзаконный акт «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» [21], с учетом которого так же разрабатываются стратегические проекты и программы разных уровней.

В процессе анализа уровня информатизации деятельности особо остро сказывается разница в обеспеченности органов государственной власти разных уровней. В то время, как на федеральном уровне разрабатываются уникальные операционные системы для нужд определенных служб [8], на уровне субъектов государственным служащим приходится решать специальные задачи общими инструментами, что сказывается на скорости и качестве работы.

Полагаем прежде, чем раскрывать суть цифровой трансформации государственной службы, необходимо обратиться к пониманию того, что из себя представляет профессиональная деятельность в аппарате госуправления на современном этапе развития нашего государства. Как правило, под упомянутым видом службы понимается основной механизм реализации функций

государства, своего рода ведущее звено системы ГУ. Для констатации факта эффективности ГУ требуется, во-первых, понимание причинно-следственной связи между деятельностью госслужащих и КПД от их деятельности, а, во-вторых, обоснование объема финансирования, используемого для развития ГУ в нашей стране. Ведь нерешенность данных вопросов влечет за собой использование ресурсов не в полной мере и недостаточности претворения в жизнь потенциала социально-экономического развития страны в эпоху цифровизации.

Считаем верным акцентировать внимание на том, что интеграция цифровых технологий в ГУ выступает тенденцией общемирового масштаба. Так, в частности, в России на цифровую трансформацию рассматриваемого вида службы направлен один из долгосрочных документов стратегического планирования – «Цифровая экономика Российской Федерации» [17]. При реализации процесса превращения аналоговых данных и рабочих процессов в цифровой формат на государственной службе, сегодня особе внимание отводится цифровой трансформации процессов и процедур в рамках оказания государственных услуг [22].

Сегодня, перед госорганами актуальной является проблема создания платформы интенсивного развития в цифровом поле, когда ИТ развиваются намного быстрее, чем государственные нормативы, касающиеся использования этих технологий [5]. Поэтому при воплощении в жизнь упомянутого документа всех больше времени, точнее, до конца 2024 года, предусмотрено для централизации и оптимизации работы с кадровыми документами вместе с упрощением, ускорением и унификацией кадровых процедур.

Полагаем, что в условиях всеобщей информатизации и цифровизации, актуальным и своевременным является применение больших данных (Big Data) и искусственного интеллекта (далее – ИИ), прежде всего, в системе государственной службы.

Так, происходящие процессы цифровизации, неизбежно, приводят к изменению представления о том, какую играют роль и какие возможности влекут за собой используемые информационные ресурсы на государственной службе. Информация на сегодняшний день выступает одним из самых доступных ресурсов, распространяясь с высокой скоростью, а также действенным инструментом для роста благополучия членов общества [11]. В любом государстве принципиально важно создать условия беспрепятственного движения по всей территории информации. Видится, что применение значимых, достоверных и своевременных сведений в формате Big Data играет роль катализатора всей системы ГУ, особенно на региональном уровне.

Обычно термин «Big Data» применяется в тех случаях, когда необходимо описать объем данных в больших масштабах, невозможный подвергнуть обработке с помощью традиционных методов и средств. Эти данные

характеризуются рядом основных свойств: а) объем (Volume); б) разнообразие (Variety); в) скорость (Velocity); г) истинность (Veracity); д) сложность (Complexity). Одними из первых такой формат сбора и обработки информации использовали банковские структуры, организации по предоставлению услуг мобильной или стационарной телефонной связи, а также компании, реализующие розничную торговлю. Однако, что касается госслужбы, то рассматриваемые технологии пришли в эту сферу относительно недавно. Хотя на региональном уровне до сих пор наблюдается передача определенной информации привычным традиционным способом – бумажным. В то же время, следует констатировать, что госслужащие осознают переход от бумажного документооборота к электронному неизбежным, что в значительной степени ускорит процесс сбора, обработки и анализа данных, с последующим повышением КПД от госуправления [26].

К сожалению, данный формат сбора и обработки информации встречается на своем пути много трудностей. Во-первых, чтобы Big Data заработали, особенно в сфере ГУ, необходимы высококвалифицированные кадры в данной области. Во-вторых, цифровая трансформация на госслужбе требует серьезного и перманентного инвестирования. Однако, на практике ГУ, особенно на региональном уровне, сталкивается с нехваткой материального обеспечения рассматриваемого формата аккумулирования информации.

Позитивные последствия от Big Data, в целом, видятся в следующем: а) повышение благосостояния (качества жизни) граждан нашего государства; б) обеспечение национальной безопасности страны; органами ГУ решается целый ряд важнейших задач в таких сферах, как ЖКХ, благоустройство, городская инфраструктура [25], и т.д.

Не вызывает сомнения, что в современных реалиях ИТ являются одним из программных модулей социально-экономического роста, тем самым влияя на развитие искусственного интеллекта.

На сегодняшний день вопрос внедрения технологий ИИ на госслужбе вызывает особую актуальность, так как с их помощью возможно решить многие типовые задачи госслужащих или существенно упростить выполнение рутинных операций [9].

Направления применения технологий ИИ в сфере государственного управления видятся в следующем:

а) поскольку машинное обучение позволяет обрабатывать огромные массы данных, то это, в свою очередь, поможет решить проблему нехватки кадров, имеющих навык анализа огромного массива данных, с последующим управлением процессами на основе проведенной аналитики.

б) автоматизация стандартных процессов, влекущая за собой снижение административной нагрузки, с последующей концентрацией на решении более важных проблемных сторон [2];

Кроме того, перед органами, входящими в систему государственного управления, появляется возможность использования нейросети при решении некоторых проблем и в разных сферах:

1) предоставление ИИ возможности анализировать, сравнивать, систематизировать и обобщать разнообразные данные, делая соответствующие выводы;

2) процессуальные проблемы, т.е. ИИ при решении задач, ограничится рядом вариантов решений;

3) предоставление ИИ на основе существующих материалов статистики за предшествующий период, возможности разработки прогноза;

4) проблема недостатка кадров, квалифицированных и опытных экспертов и аналитиков, т.е. ряд высококвалифицированных специалистов может быть заменен технологиями ИИ;

5) слишком большие базы данных, которые трудно анализировать и группировать. Однако, в свою очередь, нейросеть способна структурировать данные за значительный временной отрезок, с последующей синхронизацией в форме, в удобной для использования при проведении сравнения за прошлые год, месяц, неделю, и т.д.

Значительным аргументом в поддержку необходимости внедрения и использования нейросети в сфере ГУ, является значительная экономия материальных ресурсов в процессе выполнения возложенного на госорганы функционала (к примеру, используя автоматизацию процесса, что повлечет за собой существенное сокращение времени ожидания, и снизит административную нагрузку).

Выводы. Таким образом, сегодня развитие общества диктует новые требования к системе государственного управления, именно поэтому она претерпевает изменения, которые в полной мере в дальнейшем будут отвечать цифровой трансформации. Необходимость использования информационных технологий в деятельности органов госуправления сегодня не вызывает сомнений. Процесс сквозной информатизации всех процессов управления запущен Президентом России и выражен в Указе Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы», а также в государственных программах и проектах различных уровней. Также необходимо отметить, что с целью цифровой трансформации государственной службы при правительстве Российской Федерации создан Центр развития ИИ [7].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Абрашин И.И.* Основные направления политики цифровизации местного самоуправления // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 12 (93).

2. *Акопова Л.А.* Направления развития и применения современных технологий искусственного интеллекта в государственном управлении // *Modern Science*. 2021. № 1-2.

3. *Аюпова З.К., Жомарткызы А.* Сущность, содержание и роль цифровизации юридических услуг // *Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права*. 2021. Т. 8. № 4 (26).

4. *Белюсов П.Н.* Становление модели государства как цифровой платформы на примере Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2022. Т. 12. № 5 (86).

5. *Васильева Е.В.* Компетентностный подход в государственной службе: какие знания и навыки выбирают госслужащие? // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2018. № 4.

6. *Добрынина Е.Я.* «Цифровая революция» и ее последствия для современности (взгляд Энтони Гидденса) // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2023. Т. 13. № 7 (100).

7. Искусственный интеллект в государственном управлении // https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Искусственный_интеллект_в_государственном_управлении?ysclid=lnp2umr064409167001.

8. Информационный портал nixr.ru «Федеральная служба судебных приставов РФ внедряет свой Linux-дистрибутив – GosLinux» // <https://www.nixr.ru/news/12424.html>.

9. *Катанандов С.Л.* Технологическое развитие современных государств: искусственный интеллект в государственном управлении / С.Л. Катанандов, А.А. Ковалев // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2023. № 1.

10. *Квиндт А.В.* Государственное администрирование в эпоху развития и внедрения искусственного интеллекта: использование основных технологий, барьеры и их преодоление в России // *Вопросы политологии*. 2023. Т. 13. № 7 (95).

11. *Кузнецова И.В.* Методики оценки эффективности применения цифровых технологий в системе государственного управления И.В. Кузнецова // *Новые технологии*. 2021. № 2.

12. *Куликов Д.А.* Цифровые картели как новый вид киберпреступности в российской антимонопольной практике // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2023. Т. 13. № 2 (95).

13. *Лобанова Ю.В., Отц Е.В.* Социально-политическое осмысление последствий компьютеризации и джентрификации в Кремниевой долине // *Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права*. 2022. Т. 9. № 3 (28).

14. *Мартышкин С.А., Рассадин А.А., Омелькович А.В.* Цифровая реальность в государственной политике и менеджменте // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2023. Т. 13. № 5 (98).

15. Новосельский С.О., Сморгачева В.П., Морозова И.Г. Характеристика цифровизации науки и образования // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2023. Т. 12. № 5 (51).

16. Новосельский С.О., Антропова Т.Г., Грунина О.А. Оценка цифровой трансформации социально-экономической системы России в условиях геополитической турбулентности // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2023. Т. 12. № 3 (49).

17. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) // <https://digital.gov.ru>.

18. Петров Д.Ю. Социальная политика в условиях трансформации цифрового медиа пространства // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2023. Т. 12. № 4 (50).

19. Победин П.К. Перспективы развития цифровых технологий и ИИ на новых территориях в контексте политических процессов и их проектирования. Современные реалии, тенденции и вызовы // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 8 (101).

20. Сурков С.Ю. Государственная информационная система промышленности в Российской Федерации: проблемы и перспективы внедрения и совершенствования // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2023. Т. 10. № 1 (30).

21. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

22. Цифровая трансформация государственного управления: мифы и реальность: докл. к XX Апрель. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества / под общ. ред. Н.Е. Дмитриевой. М.: Высшая школа экономики, 2019.

23. Чебан А.А. Особенности модели современного этапа цифровизации политического процесса в Российской Федерации // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 3 (96).

24. Чепелюк С.Г. Практики формирования цифрового правительства: зарубежный и отечественный опыт // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 4 (97).

25. Щетинина И.С. Использование технологий Big Data в государственном управлении в условиях цифровой трансформации // Цифровые трансформации в развитии экономики и общества: материалы XV Международной научно-практической конференции, Липецк, 21 апреля 2021 года. Воронеж: Автономная некоммерческая организация по оказанию издательских и полиграфических услуг «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2021.

26. *Щетинина И.С.* Цифровой маркетинг как инструмент повышения эффективности управления территорией / Глобальная трансформация России в эпоху цифровизации: проблемы, особенности, тенденции: материалы XIII международной научно-практической конференции (17 апреля 2019 г.) г. Липецк) / под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. Г.Ф. Графовой, канд. юрид. наук, доц. А.Д. Моисеева. Елец: ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина», 2019.

27. *Янь Ян.* Экономические эффекты от внедрения технологий «Искусственного интеллекта» // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 9-2 (97-2).

R.A. POYARKOV

*Post-graduate student, Central Russian Institute
of Management – branch (Orel), Orel, Russia;
founder, R Group LLC, Moscow, Russia*

THE USE OF BIG DATA AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE DIGITAL TRANSFORMATION OF PUBLIC SERVICE

In the context of the digital transformation of the public service, the article discusses the features and problems of using arrays of information (Big Data), which are entrusted with making informed decisions in public administration, as well as the relevance of using artificial intelligence technologies in order to improve the type of service under consideration and its mechanism in our state. In conclusion, we come to the conclusion that in modern Russia, which is developing towards the integration of digital technologies into everyday life, public relations in the field of state regulation, bring to the fore new requirements for one of the forms of state activity. That is why it is undergoing changes that will fully respond to digital transformation in the future. In this regard, one of the many long-term strategic projects is being implemented on the territory of our country – the Digital Economy of the Russian Federation, which began in 2018, the implementation of which should be completed in 2024. However, no matter how amazing it may look, not all citizens have mastered or acquired modern means of digital communication, which entails prospects for survival in the conditions of artificial intelligence and competition with it.

Key words: *public administration, digitalization, long-term strategic project, artificial intelligence, Big Data, Internet, digital economy, transformation, Russian Federation, neural network, national program, information society.*

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

DOI 10.35775/PSI.2023.98-1.10-1.018

УДК 32.327

Е.В. ЛИНЬКОВА

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Россия, г. Москва

Е.В. КРЯЖЕВА-КАРЦЕВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Россия, г. Москва

Н.Г. ГЕОРГИЕВА

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Россия, г. Москва

В.В. ЗВЕРЕВ

доктор исторических наук, профессор Центра «История России в XIX – начале XX в.» Института российской истории РАН, Россия, г. Москва

Т.В. ЧЕРНИКОВА

доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО-Университета, Россия, г. Москва

ОБРАЗ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XIX ВЕКА: ОСОБЕННОСТИ И ЭВОЛЮЦИЯ

В статье раскрывается многогранный образ Латинской Америки, сформированный в российском общественном сознании XIX в. При этом основным предметом исследования выступает картина представлений о латиноамериканском континенте, ставшая частью внешнеполитических построений российских мыслителей. Именно в их концепциях, отражающих всю специфику международного курса России, ее положения на мировой арене, взаимоотношений с отдельными европейскими странами, можно выявить основные черты того образа далекого материка, который одновременно

и манил русских путешественников своей необычностью, и рассматривался как возможная новая сила, которая может влиять на общеевропейскую ситуацию.

Авторы делают вывод о многогранности представлений о Латинской Америке в российском обществе, сложившихся под воздействием записок путешественников и дипломатов, а также тех суждений, которые транслировались представителями общественно-политической мысли России на страницах журналов и газет. Сложно однозначно сказать, насколько объективным был данный образ. Однако уже к середине XIX в. для российских мыслителей становится очевидным, что Латинская Америка постепенно превратилась в тот регион, который оказывает существенное влияние на европейскую повестку, определенным образом меняя внешнеполитический курс таких стран, как, например, Франция и Великобритания. Кроме того, многие события на американском континенте (в частности, мексиканский поход Наполеона III) происходили параллельно с трансформацией той системы, которая сложилась после Крымской войны 1853-1856 гг., а это не могло не затрагивать интересы России, желавшей как можно скорее отменить ограничительные статьи Парижского мира 1856 г. По этой причине и официальный Петербург, и российские общественно-политические деятели внимательно следили за происходящим в странах Латинской Америки, давали оценки текущей ситуации, принимали попытки прогнозирования того, как латиноамериканские вопросы скажутся на риторике европейских стран, их политике на европейском континенте. Наконец, авторы отмечают, что ко второй половине XIX в. процессы и события, происходившие в Латинской Америке, рассматривались в российском дискурсивном поле не только как часть общемировой системы. Российских мыслителей данный аспект привлекал в контексте развития теории культурно-исторических типов, своеобразного цивилизационного подхода второй половины XIX в.

Ключевые слова: Латинская Америка, имагология, общественно-политическая мысль, внешняя политика, история идей, Мексика, Бразилия, теория «культурно-исторических типов».

29 сентября – 2 октября 2023 г. в Москве состоялась международная парламентская конференция «Россия – Латинская Америка». В приветственной речи на открытии конференции Президент России В.В. Путин напомнил о значимости отношений между Россией и странами региона, отношений, которые сформировались несколько веков назад и продолжают активно развиваться в настоящее время. Взаимный интерес России и латиноамериканских государств вполне закономерен в силу широкого спектра возможностей для сотрудничества в экономической, политической и гуманитарной

сферах. Латинская Америка традиционно привлекала внимание отечественного общества своим потенциалом, историей и культурными традициями. Можно отметить, что образ региона сложился в России еще в XIX в., когда происходило «открытие» континента для широкой российской аудитории. Латинская Америка вызывала большой интерес в российском обществе XIX в. в силу своей малой изученности, небольшого количества русских путешественников, побывавших в далеких американских землях и, следовательно, ограниченного круга записок о подобных поездках, а также экономического потенциала региона. Именно в XIX в. в общественном сознании России, и, в частности, в консервативном дискурсе, формируется своеобразная геополитическая концепция, в которой определяется роль и место отдельных стран и регионов. Бесспорно, центром данной концепции являлась дихотомия Россия – Запад, именно в рамках данного противопоставления российские консерваторы и либералы определяли национальную идентичность России, ее историческую судьбу и место в мире.

Однако постепенно неотъемлемой частью геополитических построений российских мыслителей становятся новые регионы и страны, например, Дальний Восток, Латинская Америка. На протяжении XIX в. в международную повестку постепенно вступали страны, находившиеся в данных регионах, заявлявшие о себе на мировой арене и менявшие расклад сил на мировой арене и экономике. Так происходило со странами Латинской Америки, которые привлекали все больше внимания не только стран Западной Европы, что было вполне традиционно, но и, например, России. Русские путешественники достигают берегов Калифорнии, с исследовательскими миссиями продвигаются вглубь материка, купеческие корабли входят в американские порты, а дипломаты открывают консульства и в своих записках подробно рассказывают о новых землях. В 1829 г. Россия заявляет о своем признании Педро I [5], которое последовало за отправкой в Санкт-Петербург представителя первого императора Бразилии. Все это формирует определенный образ Латинской Америки в российском общественном сознании, образ, который эволюционировал на всем протяжении XIX столетия.

Среди компонентов данного образа можно выделить несколько реперных точек, которые свойственны представлениям о странах Латинской Америки.

Российские мыслители пытались определить особое положение стран Латинской Америки через сравнение с отдельными европейскими регионами. Например, историк Владимир Ламанский писал о дискуссиях, развернувшихся среди западных коллег по вопросу об отношениях между США и государствами Средней и Южной Америки. Российский ученый считал некорректной точку зрения немецкого ученого и публициста Юлиа Фребеля, согласно которой «в отношениях Соединенных Американских Штатов к Мексике, средней и южной Америке находит некоторое сходство

с отношениями России к греко-славянским землям Турции». В.И. Ламанский обращал внимание «на огромную этнографическую, историческую и культурную разницу» [2] между США и народами Латинской Америки, в то время, как со славянским миром Россия была связана «самыми крепкими узами церковными, племенными, всеми своими историческими преданиями и многовековым взаимодействием, обоюдными вещественными и нравственными интересами, которые не существуют между протестантским англосаксонским севером и католическим и испанским центром, и югом Америки» [2]. Российский мыслитель был убежден, что «Южная Америка относительно Северной составляет особое самостоятельное целое и почти равную величину, тогда как весь задунайский и закарпатский славянский мир занимает относительно России положение только Мексики относительно Соединенных Штатов», т.к. Мексика – это «естественное дополнение североамериканского материка...» [2].

Цивилизационная идентичность народов Средней и Южной Америки была предметом особых размышлений российских мыслителей. Известно, что в теории культурно-исторических типов Николая Данилевского историком среди прочих выделяются два типа – «мексиканский и перуанский, погибшие насильственной смертью и не успевшие совершить своего развития» [1. С. 110]. Российский мыслитель писал о чрезвычайной важности для Европы самого открытия Америки с точки зрения, как экономических приобретений, так и для формирования европейской идентичности, ментальной карты Европы. Во многом, данный процесс происходил благодаря самоопределению на ментальном уровне «свой-чужой», вследствие дифференциации границ собственной ойкумены: религиозной, национальной, культурной. Открытие Америки относится к тому периоду, когда имел место важный цивилизационный переход к новому европейскому сознанию, зарождались новые социальные отношения, появлялись элементы новой философии жизни, связанной с эпохой Возрождения. Это было время многих прежних установок и зарождение новой реальности, без Константинополя, павшего в 1453 г., с появлением новых сил на международной арене, таких, как набирающее мощь османское государство или освобождавшаяся от ордынской зависимости Московия. Перед европейцами появлялась важная задача – найти всем этим новым землям, народам, государствам место в собственной картине мира. И данный поиск приводил к необходимости понимания, прежде всего, собственной идентичности, своих особенностей, истоков, историософии. Так, в познании «другого» формировалось западноевропейское мировосприятие. В этом смысле открытие Америки российские мыслители зачастую сравнивали с «открытием» России Европой – эти два события происходили почти синхронно. Русское государство обрело независимость от власти Золотой Орды в 1480 г. и к этому же периоду относится выход Великого княжества московского на международную арену

в качестве независимого государства. Так же, как и Америка, Московия привлекала большое внимание западных стран – Священной Римской империи германской нации, папского государства. Правда, интерес к великому князю московскому был иного сорта, европейские правители видели в нем возможного союзника для борьбы с Османской империей. В отношении американских земель был вполне очевиден экономический интерес. И России, и Америке необходимо было найти «место» в системе ценностей и сознании европейских народов, что и происходило на протяжении XVI–XVII вв. Поиск приводил к самоидентификации, поэтому и был столь важен для европейской цивилизации.

Наконец, открытие Америки и «узнавание» России существенно расширяли ментальные границы европейцев, представления о мире, о географии, о разнообразии народов, населяющих другие земли. Правда, справедливости ради, нужно отметить, что данные новые знания зачастую использовались с целью обосновать свою «цивилизованность» и высокий уровень культуры. Примечательно, что коренные народы, проживавшие в Америке, равно как и население русских земель рассматривались преимущественно как варвары, чуждые европейской цивилизации, ценностям и традициям. И если русские, или, как их называли в странах Западной Европы – москвиты, были относительно близки европейцам, включавшим православных в единую христианскую ойкумену, то индейцы явно не входили в это общее ментальное пространство. С другой стороны, как отмечал Н.Я. Данилевский, открытие новых земель было важной вехой на пути развития науки и познания мира. Историк отмечал, что «открытие книгопечатания, взятие Константинополя турками и открытие Америки – почти одновременно случившиеся, имели в своем совокупном влиянии такую важность, что она была сочтена достаточной для разграничения великих отделов жизни человечества; и хотя такое понятие о них несогласно с требованиями здравых правил исторической системы, во всяком случае, совокупность этих событий делит на два существенно различные периода если и не историю вообще, то, по крайней мере, историю романо-германского культурного типа. Но самую значительную долю силы и значения придает этим событиям именно их совокупность, их воздействие друг на друга, в несчетное число раз усилившее влияние каждого из них на развитие просвещения, на расширение деятельности европейских народов» [1. С. 372]. Открывая Америку, европейцы сталкивались с новой природой, климатическими условиями и, конечно же, народами. Все это возбуждало ум, давало толчок к развитию разных отраслей знания. «Своеобразность тропической американской природы, напротив того, не могла не возбудить самодеятельности в умах. Горы, реки, воздушные процессы, растения, животные, люди – все было в Америке ново и не могло не возбудить любознательности и пытливости» [1].

Следующей темой, связанной с Латинской Америкой и нашедшей отражение в российской общественной мысли было то, как американская повестка меняла международную ситуацию в Европе. Причем особенно чувствительно для России это происходило не столько в период завоевания американского континента, а, начиная, с середины XVIII в., т.е. в ходе Семилетней войны. Данный военный конфликт отличался особой масштабностью вследствие того, что военные действия развивались на двух «площадках» – в Европе, где сталкивались интересы Австрии и Пруссии и их союзников – России и Франции (сторона Австрии), и Англии (сторона Пруссии), а также в американских колониях. Безусловно, российских историков больше беспокоили результаты войны, затрагивавшие непосредственно российские интересы, а они лежали в Европе и были связаны с ростом амбиций прусского короля Фридриха II и начавшимися притязаниями на австрийские земли. Но именно события в колониях привели к еще большему ослаблению Франции на европейском континенте и к началу британского господства на морях. А это обстоятельство не могло не затрагивать интересы России и вызывало серьезное беспокойство.

Второй эпизод, когда вновь была поднята латиноамериканская тема, так или иначе затронувшая Россию, был связан с наполеоновской эпохой, когда противоречия Великобритании и Франции достигают своего апогея. Это противостояние касалось и колоний, и уже независимых государств Латинской Америки. Например, в газете «*Moniteur*», официальном рупоре наполеоновской Франции, содержатся требования о необходимости исключения Великобритании числа стран, имеющих право вмешиваться в судьбу Перу и Мексики [4]. В частности, в газете приводились выдержки из речи графа Монталиве, с которой он выступил в рамках заседания Законодательного собрания 14 декабря 1809 г. и заявил, что можно согласиться с единством Мексики и Чили с политикой метрополии или даже с независимым курсом, однако свободные народы не должны поддерживать никаких связей с Великобританией.

Кстати, этот же период отмечен активным проникновением подданных России в Калифорнию и в Южную Америку. Известно, что именно в Калифорнии был основан и долгое время существовал «Орден русских рыцарей», началось освоение данных территорий, расширились коммерческие связи с регионом.

Наконец третий внешнеполитический сюжет был связан с политикой Наполеона III и историей Второй Империи. Речь идет о мексиканском походе французского императора, который стал одной из тех военных кампаний, проводимых Наполеоном III с целью восстановления международных позиций Франции, серьезным образом поколебленных разгромом армии Наполеона Бонапарта и установлением Венской системы международных отношений. Во многом, именно на слом данной системы и были направлены

как дипломатические, так и военные усилия Наполеона III, поставившего своей целью укрепление как собственной власти, так и положения Франции и французского оружия. С кампанией в Мексике (1861-1867 гг.) порой сравнивают Крымскую войну 1853-1856 гг., а точнее, период непосредственного участия в ней французской армии – 1854-1856 гг. Прежде всего, подобные сравнения можно встретить в мемуарах, записках и письмах французских солдат и офицеров, рассматривавших оба события как своего рода авантюру [3]. Исход данных был определенно неоднозначным для Франции, однако существенно изменил расстановку сил на международной арене, привел к слому Венской системы и данные изменения были связаны, как отмечали российские историки, с двумя регионами, где переплетались и сталкивались интересы великих держав – в Америке и на Ближнем Востоке. Таким образом Средняя и Южная Америка входили во внешнеполитическое дискурсивное поле России, становились темой полемики по международным вопросам. События в Мексике ослабили Францию и стали одной из причин как внутренней нестабильности, так и в итоге поражения страны во Франко-прусской войне 1870-1871 гг. Ростислав Фадеев, российский военный историк и общественно-политический деятель вспоминал, что в тот период «общее мнение Европы считало Францию парализованной мексиканской войной» [6].

Можно сказать, что российское общество с большим вниманием наблюдало за событиями в Мексике, которые, хоть не затрагивали Россию напрямую, но меняли внешнеполитический ландшафт в Европе и расстановку сил на мировой арене.

Итак, представляется возможным отметить, что на протяжении XIX в. в российском общественном сознании формируется вполне определенный образ Латинской Америки, состоящий из многих компонентов и отличающийся характерными особенностями. Причем данный образ эволюционировал в зависимости от международной обстановки, от влияния ситуации в Латинской Америке на европейскую политику. Уже к 1820-1840-м годам российским мыслителям стало очевидно, что данный регион имеет огромное значение во внешнеполитическом курсе стран Европы, во взаимоотношениях между западноевропейскими государствами. И эта важность заключалась не только и не столько в борьбе за колонии, на повестке были вопросы торговли, портов, военные аспекты. Кроме того, в России в начале XIX в. существенно расширились знания об американском континенте, возросло число путешествий в регион, открывались российские консульства.

Благодаря проанализированным документами можно сделать вывод о многокомпонентности образа Латинской Америки в российском общественно-политическом дискурсе, причем данная особенность будет сохраняться на протяжении всего XIX в. Более того, сравнения представления о данном регионе в исследуемый период и в современную

эпоху, мы обнаруживаем многие сходные черты и элементы. В наши дни. Как и в XIX в. образ Латинской Америки остается весьма притягательным для российского общества, не лишенным некой романтической составляющей. Это регион большого экономического потенциала, самобытной культуры, природного разнообразия, привлекательный как для путешествий, так и для бизнеса. Однако, удаленность России и латиноамериканских государств друг от друга, влияет на то, что основная масса россиян черпают сведения о регионе главным образом из СМИ, документальных фильмов, литературы и т.д. и зачастую не имеют возможности воочию увидеть далекий континент.

При этом, как и прежде, в российском обществе сохраняется убежденность в крайней важности региона с точки зрения международной повестки, во влиянии событий в Латинской Америке на состояние дел в Европе, на взаимоотношения России и США.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М.: Известия, 2003.

2. *Ламанский В.И.* Геополитика панславизма. М.: Институт русской цивилизации, 2010.

3. *Линькова Е.В., Де Болливье М.Л.* Французская историография Крымской войны (1853-1856): основные направления и тенденции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Том 19.

4. РГИА Ф. 1409. Оп 1. Д. 431 В. Извлечение из речи Гр. Монталиве в заседании Законодательного собрания и напечатанное в «Moniteur» 14 декабря 1809 г. Л. 7.

5. РГИА. Ф. 934. Оп. 1. Ед.хр. 837. *Projet de dépêche au Prince de Varsovie.* Л. 13 об.

6. *Фадеев Р.А.* Государственный порядок. Россия и Кавказ. М.: Институт русской цивилизации, 2010.

E.V. LINKOVA

*Doctor of Historical Sciences, Professor
of the Department of Russian History of the Patrice Lumumba
Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia*

E.V. KRYAZHEVA-KARTSEVA

*Ph.D., Associate Professor of the Department
of Russian History of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship
University of Russia, Moscow, Russia*

N.G. GEORGIEVA

*, Doctor of Historical Sciences, Professor
of the Department of Russian History of the Patrice Lumumba
Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia*

V.V. ZVEREV

*Doctor of Historical Sciences, Professor,
Institute of Russian History of the Russian Academy
of Sciences, Center "History of Russia in the XIX – early XX century",
Moscow, Russia*

T.V. CHERNIKOVA

*Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department the
World and national history of MGIMO University,
Moscow, Russia*

THE IMAGE OF LATIN AMERICA IN THE RUSSIAN POLITICAL THOUGHT OF THE XIX CENTURY: FEATURES AND EVOLUTION

The article reveals the multifaceted image of Latin America formed in the Russian public consciousness of the XIX century. Moreover, the main subject of the study is the picture of ideas about the Latin American continent, which has become a part of the foreign policy constructions of Russian thinkers. It is in their concepts, reflecting all the specifics of Russia's international course, its position on the world stage, and relations with European countries, that it is possible to identify the main features of that image of a distant continent, which at the same

time attracted Russian travelers with its uniqueness, and was considered as a possible new force that could influence the pan-European situation.

The authors draw a conclusion about the versatility of ideas about Latin America in Russian society, formed under the influence of the notes of travelers and diplomats, as well as those judgments that were broadcast by representatives of the socio-political thought of Russia on the pages of magazines and newspapers. It is difficult to say unequivocally how objective this image was. However, by the middle of the XIX century for Russian thinkers, it becomes obvious that Latin America has gradually turned into a region that has a significant impact on the European agenda, in a certain way changing the foreign policy course of countries such as, for example, France and the Great Britain. In addition, many events on the American continent (in particular, the Mexican campaign of Napoleon III) took place in parallel with the transformation of the system that developed after the Crimean War of 1853-1856, and this could not but affect the interests of Russia, which wanted to cancel the restrictive articles of the Paris Peace of 1856 as soon as possible. For this reason, both official St. Petersburg and Russian public and political figures closely followed what was happening in Latin America, gave assessments of the current situation, and made attempts to predict how Latin American issues would affect the rhetoric of European countries and their policies on the European continent. Finally, the authors note that by the second half of the XIX century, the processes and events that took place in Latin America were considered in the Russian discursive field not only as part of the global system. Russian thinkers were attracted to this aspect in the context of the development of the theory of cultural and historical types, a kind of civilizational approach of the second half of the XIX century.

Key words: *Latin America, imagology, public and political thought, foreign policy, history of ideas, Mexico, Brazil, theory of “cultural and historical types”.*

В.Л. АБРАМОВ

*доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института исследований
международных экономических отношений; профессор
департамента мировой экономики
и мировых финансов (ДМЭ и МФ) Финансового
университета при Правительстве Российской Федерации,
Россия, г. Москва*

КОНТРАМЕРЫ ИРАНА И ВЕНЕСУЭЛЫ ДЛЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ ДОЛГОВРЕМЕННЫХ САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ³

Актуальность, научная и практическая значимость статьи обусловлена тем, что российская экономика подверглась беспрецедентным санкциям со стороны ряда других недружественных стран. Цель статьи заключается в анализе долговременных санкционных ограничений, которые налагались на Иран и Венесуэлы, как на суверенные государства, отстаивающие свои политические и экономические интересы, национальную идентичность. Актуальной задачей стало обобщение лучших практик и контрсанкционных мер, которые они использовали для преодоления санкционных ограничений, оценка возможностей их использования в российских условиях.

Показано, что за последние десятилетия санкционные ограничения стали системно использоваться в качестве инструмента политического экономического давления со стороны США и стран ЕС на государства, не разделяющие идеологию монополярного мироустройства. Анализируются контрмеры, которые страны-мишени используют, чтобы уменьшить влияние санкций на свою экономику, обойти их или возложить издержки их введения против самих стран-инициаторов. В фокусе анализа контрсанкционные меры, которые использовали Иран и Венесуэла для преодоления санкций на экспорт нефтяных ресурсов, как важного источника социально-экономического развития.

³ Выражение признательности: Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Фининиверситету.

Полученные результаты могут быть использованы в практической деятельности государственных и муниципальных органов, российских компаний для преодоления санкционных ограничений.

Ключевые слова: санкционные ограничения, Иран, Венесуэла, контр-санкции, монополярное мироустройство.

Следует отметить, что исследования зарубежных ученых показывают, что экономические санкции оказывают значительное негативное влияние на экономическое развитие государств-мишеней [15]. С теоретической точки зрения существуют различные механизмы, посредством которых введение экономических санкций может негативно повлиять на экономику целевой страны [17]. Начиная с 2014 года отмечается значительный интерес и рост публикаций российских ученых по данной тематике [16]. Знаменательным явлением стали информационно-аналитические ресурсы, позволяющие российскому бизнесу оценивать риски экспорта в страны-инициаторы санкционного давления [2; 3]. Отмечается масштабный характер антироссийских санкций и их поэтапное наращивание со стороны недружественных стран коллективного запада. В настоящее время в отношении России действует более 10 900 ограничительных мер, из которых более 8 000 были введены после 22 февраля 2022 года [19]. Они носят несопоставимый характер с санкциями, в отношении Ирана (3637), а также КНДР (2111), которые длительное время ощущают санкционное давление. Особенность стало то, что они применяются прежде всего в отношении стран, которые стремятся развивать ядерную энергетику, реализуют ядерные программы или обладают высокими наличными запасами нефти. По имеющимся оценкам, наибольшие ресурсы нефти сосредоточены в Венесуэле (17,6% или 300,9 млрд баррелей). Далее следует Саудовская Аравия (15,6%), Канада (10%), Иран (9,3%), Ирак (9%), Россия (6,4% или 109,5 млрд.), Кувейт – 101,5 млрд. (5,9%), ОАЭ – 97,8 (5,7%). Остальные страны, включая США и Ливию, располагают 347,7 млрд. баррелями нефти (20,5%) [1].

Санкции против Ирана были введены еще в начале 50-х годов прошлого века в ответ на национализацию «Англо-иранской нефтяной компании», принадлежавшей на тот момент правительству Великобритании. Оно незамедлительно объявило бойкот на иранские нефтепродукты, к которому тотчас присоединились США. Следующий масштабный пакет санкций был принят по итогам политических событий 1978-1979 годов, получивших известность как Иранская революция, которая характеризовалась массовыми волнениями и вызвала недовольство со стороны американской администрации. Формальной дипломатической причиной стал захват протестующими американского посольства в Тегеране. В качестве ответной санкционной политики власти США заморозили все иранские активы

и запасы золота в американских банках. Был установлен запрет на ведение бизнеса в Иране для американских компаний и граждан, в том числе в нефтегазовой отрасли. В последующие годы санкционное воздействие стало существенно усиливаться. В 1984 году был установлен запрет для международных финансовых организаций на предоставление кредитов Ирану, а в 1987 году – полностью прекращен товарооборот между США и Ираном. С 2006 года начали действовать санкции ООН, которые в основном были направлены против ядерной программы Ирана. В декабре 2011 года президент Обама подписал Закон о национальной обороне на 2012 финансовый год, который ввел жесткие односторонние санкции против Центрального банка Ирана [12]. Он запрещал любую деятельность иностранных финансовых учреждений, которые проводят или содействуют любым значительным финансовым операциям с Центральным банком Ирана или любыми другими иранскими финансовыми учреждениями. Принятые меры с учетом их масштабности оказались неожиданными для государственных структур и Центрального банка Ирана, которых утверждали, что «предпринятый акт был незаконным и противоречащим всем принципам и нормам международного права» [11]. Следует отметить, что предпринятые на данном этапе американские санкции вкупе с аналогичными действиями стран ЕС были направлены прежде всего на сокращение доходов Ирана от экспорта, а также на ограничение доступа страны к ее валютным резервам, которые в основном использовались для покупки товаров гуманитарного назначения. Предполагалось, что их результатом станет изменение политического курса государства на фоне роста недовольства населения ухудшением своего социально-экономического положения. В этой связи режим санкций, введенных в отношении Ирана в 2012 г., стал беспрецедентным по своему инструментарию, строгости, охвату и дискриминационному характеру. Если предыдущие санкции были ограничены по своему охвату и часто были нацелены на определенных лиц или компании, участвующие в ядерной или военной программе, новые санкции были нацелены прежде всего на ослабление социально-экономического положения в стране. В этих целях ЕС ввел запреты на импорт, приобретение, транспортировку нефти, продуктов нефтехимии, природного газа и продуктов нефтехимии, а также на предоставление услуг по их финансированию, страхованию и перестрахованию. Более того, в марте 2012 г. ЕС заморозил активы центрального банка Ирана и запретил иранскому финансовому сектору доступ к SWIFT. В итоге в течение 2011 г. иранский риал обесценился примерно на 40% по отношению к доллару. Национальная валюта еще более обесценилась в октябре 2012 г. в связи с ужесточением санкций и вступлением в силу бойкота ЕС экспорта иранской нефти.

Важным этапом легитимизации санкций стало принятие Советом безопасности Организации объединенных наций (СБ ООН) резолюции 2231

от 20 июля 2015 г. которая одобрила «Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД) по урегулированию ситуации вокруг иранской ядерной программы (ИЯП) [4]. Он явился результатом взаимодействия России, США, КНР, Великобритании, Франции, Германии и заложила основу деятельности МАГАТЭ в Иране на период реализации СВПД.

В силу принятых Ираном ответных контрсанкционных мер в 2016 году часть их была отменена или смягчена, в том числе и в отношении нефтяных танкеров. Однако в мае 2018 г. администрация президента Д. Трампа объявила о выходе США из СВПД и восстановлении всего «пакета» односторонних экстерриториальных антииранских санкций, ввела ограничительные меры в отношении иранского автомобильного сектора, торговли золотом и другими металлами, транзакций центрального банка страны. Иран был отключен от международной системы межбанковских расчетов SWIFT. Односторонний выход США из Соглашения стал ощутимым ударом по многосторонней дипломатии, так как СВПД был принят СБ ООН. Российские исследователи достаточно обстоятельно проанализировали и оценили непоследовательные действия американской стороны, поэтому сосредоточимся на наиболее важных аспектах [6]. Особо следует отметить, что даже страны, подписавшие СВПД (Бельгия, Германия, Финляндия, Франция, Нидерланды, Норвегия, Испания, Швеция и Соединенное Королевство), не поддержали данное решение США по выходу из соглашения, как затрагивающее интересы их национальных компаний.

Следует отметить, что введенные масштабные экономические, направленные на сокращение основных экспортных доходов, оказали негативное воздействие на состояние иранской экономики. Экспорт нефти обеспечивал около 80% всех экспортных доходов Ирана и около 60% доходов его бюджета. Среднегодовые темпы роста ВВП Ирана с 2012 по 2020 год практически снизились до нулевых показателей, а ВВП на душу населения снизился более чем в три раза (с 8525,8 долл. США до 2756,7 долл. США) [5].

Годовая инфляция в 2019 г. по причине девальвации иранского риала из-за введенных секторальных санкций, сокращения доходов от экспорта, она достигла практически 40% [20].

Иран был объектом санкций на протяжении более четырех десятилетий, он накопил определенный опыт в использовании контрсанкционных мер. Был осуществлен пересмотр своих торговых партнеров, в основном путем увеличения торговли с Китаем, а также с соседними странами. Одной из центральных контрсанкционных стратегий страны, которой она придерживалась в течение длительного времени, являлась последовательная диверсификация национальной экономики с целью уменьшения зависимости национальных доходов от экспорта нефти. По данному направлению преодоления санкций показателен успешный опыт Ирана, в рамках создания турбореактивного двигателя «OWJ», аналога двигателя General Electric

J85, который ранее устанавливался на истребители F5. Целесообразно взять на вооружение контрсанкционный опыт Ирана по преодолению санкционных ограничений на развитие автомобильного сектора путем самостоятельной локализации европейских и американских моделей, отказавшись или ограничив проекты по поставке китайских автомобилей с минимальной степенью локализации их производства в стране. Иран при производстве легковых автомобилей самостоятельно обеспечил локализацию производства европейских и американских моделей после их ухода с иранского рынка (Peugeot 206, Peugeot 405, Peugeot 406, KIA Pride, Chrysler Hillman Hunter др.). Санкции стимулировали развитие иранских фармацевтических компаний, которые стали активнее заниматься дженериковыми и оригинальными разработками. Сегодня 95% потребностей фармацевтического рынка Ирана удовлетворяются за счет продукции иранских фармацевтических производств. Нужно использовать иранский опыт диверсификации производства экспортной продукции, в импортозамещении и локализации. Их реализация привела к тому, что иранская экономика стала более диверсифицированной, чем экономика других стран-экспортеров нефти, а сельское хозяйство, предоставление услуг, производство и финансовый сектор продемонстрировали весьма важные результаты и достижения. Зарубежные исследователи отмечают, что при этом темпы роста в неэнергетических секторах были медленными, а внутреннее производство не смогло развиваться такими темпами, чтобы компенсировать потери от экспорта нефти. На этом фоне Иран ускорил приватизацию некоторых своих государственных компаний, чтобы получить дополнительные доходы для правительства и сократить дефицит бюджета [10].

Иран практикует различные инструменты обхода санкций, включая такие как передачи или использование фальшивых флагов транспортных судов» [14]. Иранские государственные органы использовали различные обходные меры для закупки предметов и товаров, запрещенных в соответствии с санкциями в отношении распространения ядерного оружия и баллистических ракет [13]. Они применялись таким образом, чтобы скрыть связь финансовых транзакций с иранскими контрагентами. Финансовые операции использовались как для законной торговли, финансирование которой стало еще более затруднительным, а также для обхода санкционных ограничений [13]. Согласно зафиксированным данным, иранские предприниматели приобрели в одном из национальных банков большую часть акций, что в дальнейшем способствовало осуществлению операций через несколько иранских банков, включая банк «Мелли» и банк «Садерат». Иранские компании регистрировались предпринимателями в других иностранных государствах для предоставления таких обходных финансовых инструментов как предварительно оплаченные банковские карты, значение которых для отмывания денег было особо отмечено Группой разработки финансовых мер ООН [10].

Некоторые государства, импортирующие иранскую нефть или другие подсанкционные энергетические продукты, предоставляли полномочия банкам, находящимся в их юрисдикции на получение платежей по счетам, которые принадлежат Центральному банку Исламской Республики Иран. Данные счета, номинированные в местных валютах, использовались также для осуществления законных коммерческих операций в пределах соответствующего государства [13].

В качестве обобщающего вывода отметим, что за почти сорокалетний период Иран накопил ценный опыт в применении ряда контрсанкционных мер, имеющих важное значение для других государств, испытывающих санкционное давление. Основная цель контрсанкционных практик и мер состояла в том, чтобы скрыть иранские экспортные компании путем регистрации финансовых и деловых структур в других юрисдикциях, в том числе подставных компаний, для облегчения и финансирования операций, попавших под санкции. Их значительная часть сосредоточена на «запутывании» происхождения, пункта назначения и получателя экспортных поставок нефти.

Перейдем к анализу практики и мер, предпринимаемых Венесуэлой для преодоления санкционных ограничений, налагаемых на экспорт. Она является одной из стран мира, обладающей огромными запасами нефти и сильно зависящей от ее экспорта. Санкционная политика США в отношении Венесуэлы носит долговременный характер, имеющий экономические и политические цели, реализуемые под эгидой установления демократических ценностей по американским моделям. Экспорт венесуэльской нефти оставался замороженным в течение многих лет, поскольку Вашингтон пытался оказать давление на президента Н. Мадуро, чтобы тот согласился на проведение политических изменений, отвечающей национальным интересам США. В Венесуэле парламентские выборы 2020 г. были бойкотированы крупнейшими оппозиционными партиями, а США посчитали их недемократическими и сфальсифицированными. Вашингтон открыто заявляет, что санкционные ограничения будут действовать до тех пор, пока в стране не будут проведены новые выборы, открытые для всех кандидатов, включая членов оппозиции. Во время президентства Байдена политический фокус санкций был перенесен на дипломатические инструменты для поощрения переговоров между Н. Мадуро и оппозицией [18]. По этой причине США смягчили имеющиеся санкционные ограничения для нефтяных компаний: испанской Repsol и итальянской Eni, позволив им договариваться с американской компанией Chevron относительно условий экспортных контрактов. Оно непосредственно связано с интересами американской компании Chevron, ее возможностями по получению новой лицензии от Управления по контролю за иностранными активами Министерства финансов США (OFAC) по снятию ограничений на экспорт венесуэльской

нефти. В настоящее время американские государственные органы разрешили Chevron расширить производство и возобновить экспорт венесуэльской нефти. Следует отметить, что Венесуэла, преодолевая ограничения со стороны США, включающие финансовые, нефтяные и вторичные санкции, экспортирует ежегодно сырой нефти на сумму более 12 млрд. долл. США. Снятие санкционных ограничений путем реализации нефтяной сделки с Chevron, позволит увеличить венесуэльский экспорт до 18 млрд. долл. в год [18]. Важно и то, что Chevron экспортирует сырую нефть из Венесуэлы на нефтеперерабатывающие заводы в США, что отвечает интересам американских избирателей и профсоюзов [7]. Реализация сделки по ослаблению нефтяных ограничений на экспорт дает государственным органам Венесуэлы серьезные финансовые стимулы для ускорения восстановления ее экономики. Нефтяная отрасль страны из-за опасений покупателей по введению вторичных американских санкций была вынуждена предоставлять огромные скидки на размещение своей нефти в Азии, особенно в Китае. Здесь венесуэльская нефть продавалась с дисконтом на 30-40 процентов ниже рыночной стоимости.

Следует отметить, что несмотря на снятие американских санкций, руководство компании Chevron может вновь столкнуться с трудностями при пролонгации нефтяной сделки из-за предстоящих выборов в 2024 году в Венесуэле. Причина состоит в том, что за американской политикой в отношении страны внимательно следят и решительно протестуют ряд высокопоставленных сенаторов из Комитета по международным отношениям Конгресса, выступающих против нефтяной сделки. Чтобы смягчить критику с их стороны, государственные органы США требуют от венесуэльских властей политических уступок относительно допуска оппозиции к конкурентным президентским выборам в 2024 году.

Антисанкционную политику государственных органов Венесуэлы в отношении американских санкций характеризуют следующие особенности.

Во-первых, Н. Мадуро и его сторонники имеют веские доводы и основания полагать, что они победили американского ставленника Х. Гуайдо на демократических выборах, получили поддержку основной массы населения.

Во-вторых, венесуэльские власти обоснованно не доверяют любому предложению США, поскольку оппозиция в Конгрессе может воспрепятствовать или обратить вспять любые санкционные уступки американских властей. Наглядным примером подобных действий может служить санкционная политика США в отношении Кубы.

В-третьих, имеется поддержка ряда латиноамериканских стран для преодоления санкционных ограничений, которая служит мощным антисанкционным фактором. Правительства Мексики, Перу, Боливии, Аргентины и Чили отказались от признания временного правительства во главе с Х.

Гуайдо. Они открыто заявляют, что с точки зрения международного права американские санкции являются не обоснованными и нелегитимными. Показательным аргументом служит то, что Президент Колумбии после своего вступления в должность в августе 2022 г. признал Н. Мадуро законным лидером Венесуэлы. Можно утверждать, что избрание левых лидеров в Латинской Америке имеет серьезные последствия для санкционной политики США в отношении Венесуэлы и других латиноамериканских стран. Они перестают видеть себя в положении «заднего двора» США, начинают активно отстаивать свой национальные интересы и суверенитет. Страны Латинской Америки неоднократно убеждались, что американские государственные органы продолжает вести в отношении них двойную игру.

В-четвертых, высшие должностные лица Венесуэлы при реализации контрсанкционных мер, уклоняясь от переговоров с американской стороной, опасаются персональных санкций. Они имеют обоснованную почву так, как ООН опубликовала три детальных отчета, в которых подробно изложены действия венесуэльских органов безопасности. Их высшие должностные лица обвиняются в непосредственном участии во внесудебных казнях, произвольных задержаниях, пытках и систематическом преследовании деятелей оппозиции. В отношении многих должностных лиц и влиятельных политических деятелей Венесуэлы в Америке имеются судебные дела по их обвинению в отмывании денег и в незаконном обороте наркотиков. Поэтому высшие должностные лица страны считают, что им должны быть представлены со стороны американских государственных органов убедительные и весомые гарантии, позволяющие им избежать судебных расследований и уголовных наказаний.

Подводя итоги по санкционным ограничениям, предпринимаемых США против Венесуэлы, следует отметить, что они имеют ярко выраженную политическую направленность. Она состоит в том, чтобы государственные органы страны возглавляли чиновники, не препятствующие реализации национальных интересов США и локализованных в них ТНК. При этом Венесуэла, как страна-мишень демонстрирует способность отстаивать свои национальные интересы и суверенитет, опираясь на поддержку своих национальных компаний и массовых слоев населения.

Оценивая, предпринимаемые контрсанкционные меры со стороны Ирана и Венесуэлы, нужно учитывать, что они имели лишь ограниченные возможности в ответ на санкции, введенные ООН, ЕС и США. В ситуации с Ираном эффект санкций кажется более существенным, поскольку санкции способствовали тому, что он согласился с СВПД в 2015 году. Санкции США также оказали существенное негативное влияние на экономику Ирана после их повторного введения в 2018 году. Хотя санкции негативно повлияли на экономику стран, против которых они были введены, санкции до сих пор не достигли своих политических целей.

Выводы. Анализ мировой практики и мер, предпринимаемых государствами для преодоления долговременных санкционных ограничений, показал следующее. На протяжении последних 40 лет страны «золотого миллиарда», прежде всего США, ЕС усовершенствовали меры санкционного давления против стран, отстаивающих свои национальные интересы и суверенитет в условиях монополярного мироустройства. Ими сформирован механизм обхода легитимных санкций, которые с позиции международного права может принимать только Совет Безопасности ООН. Санкции декларируются странами-инициаторами как ненасильственный инструмент, но по своей сути они являются инструментом ведения «гибридных войн» в условиях усиления глобальной гиперконкуренции, перехода к полицентричному мироустройству.

Показано, что страны-инициаторы стремятся достичь широкого круга целей своими санкционными мерами, однако эти цели не только различаются между государствами, входящими в одну и ту же санкционную коалицию, но и могут кардинально меняться с течением времени в зависимости от смены внутривнутриполитических приоритетов. Подтверждены выводы международных экспертов, специалистов и ученых, что санкционные ограничения не имеют реальных шансов изменить политический и экономический курс стран-мишеней.

Выявлено, что Иран, Венесуэла и Куба, как страны длительное время испытывающие санкционные ограничения, накопили ценный опыт в применении контрсанкционных мер по их преодолению, а также усовершенствовали инструменты и механизмы поддержки национальных предприятий в условиях санкций со стороны недружественных стран, прежде всего США, ЕС, других стран «золотого миллиарда». Они широко использовали диверсификацию производства экспортной продукции, проведение политики импортозамещения и локализации экспортных производств. Для обхода санкционных ограничений страны-мишени широко использовали сокрытие юрисдикции своих компаний, перенос их деятельности в юрисдикцию стран – членов интеграционных объединений, создание совместных предприятий, аффилированных компаний, использованием цепи посреднических организаций, не попавших под санкционные ограничения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Запасы нефти по странам мира по данным BP Statistical Review of World Energy в 2016 году. Нефтегаз. 2023 // <https://www.neftegaz-expo.ru/ru/ui/17167/>.
2. Информация о введенных санкциях в отношении Российской Федерации // Торгово-промышленная палата Российской Федерации // https://uslugi.tpprf.ru/ru/sanctions_2022/.

3. Путеводитель по санкциям и ограничениям против Российской Федерации (после 22 февраля 2022 г.) // Информационно-правовой портал ГАРАНТ // <https://base.garant.ru/57750632/?ysclid=lmbx3qgvtn660945737>.

4. Резолюция 2231 (2015), принятая Советом Безопасности на его 7488-м заседании 20 июля 2015 года // <https://documentsddsny.un.org/doc/UDOC/GEN/N15/225/30/PDF/N1522530.pdf?OpenElement>.

5. Санкции Запада – не приговор. Тем более – России. Опыт Ирана в российской проекции // Журнал ПЛИАС. 2022. № 6 (292) // <https://plusworld.ru/journal/2022/plus-6-2022/sanktsii-zapada-ne-prigovor-tem-bolee-rossii-opyt-irana-v-rossijskoj-proektsii/>.

6. Тимофеев И. Выход США из СВПД и санкции против Ирана: за и против. 30 июля 2019 // Официальный сайт РСМД // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vykhod-ssha-iz-svpd-i-sanktsii-protiv-irana-za-i-protiv/>.

7. Chevron отправит более 100 000 баррелей венесуэльской нефти в сутки в США в этом месяце // Рейтер // <https://www.reuters.com/markets/commodities/chevron-send-over-100000-bpd-venezuelan-oil-us-this-month-2023-02-16/>.

8. *Andreas P.* Criminalizing consequences of sanctions: Embargo busting and its legacy // *International Studies Quarterly*. 2005. No. 49 (2).

9. *Bozorgmehr N., England A.* Iran embarks on biggest IPO as economy struggles // *Financial Times*. 2020 // <https://www.ft.com/content/86eaf33d-699f-4a71-8a94-67225044c6a6>.

10. *Emanuele Ottolenghi.* Prepaid cards may be Iran's latest sanctions busting tactic // *Forbes*, 3 June 2014.

11. IRNA (2011b). The world cannot boycott the Central Bank of Iran // www.irna.ir/news/6519089/.

12. OFAC (2012). National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2012 // <https://home.treasury.gov/policy-issues/financial-sanctions/specially-designated-nationalslist-sdn-list/program-tag-definitions-for-ofac-sanctions-lists>.

13. UN Panel of Experts. (2015). Final report of the panel of experts established pursuant to resolution 1929 (2010): S/2015/401 // <https://undocs.org/S/2015/401>.

14. U.S. Department of the Treasury. (2020, May 14). Guidance to address illicit shipping and sanctions evasion practices [Advisory] // https://home.treasury.gov/system/files/126/05142020_global_advisory_v1.pdf.

15. *Hufbauer G., Schott J., Elliott K.A., & Oegg B.* Economic Sanctions Reconsidered: History and Current Policy // Washington, DC: Institute for International Economics. 2009.

16. *Mirкина I.* FDI and sanctions: An empirical analysis of short- and long-run effects // *European Journal of Political Economy*. 2018. No. 54.

17. Neuenkirch M., & Neumeier F. The impact of UN and US economic sanctions on GDP growth // *European Journal of Political Economy*. 2015. No. 40.

18. Penfold Michael A. U.S. Venezuela Policy: Moving Beyond Sanctions // <https://www.wilsoncenter.org/publication/us-venezuela-policy-moving-beyond-sanctions>.

19. Statista Research Department. Total number of restrictive measures imposed on Russia since 2014 and after February 22, 2022 as of June 15, 2022, by selected actor. Statista – the Statistics Portal. 2022 // <https://www.statista.com/statistics/1294752/sanctions-imposed-on-russia-by-actor/>.

20. World Economic Outlook Database. International Monetary Fund // https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/October/weo-report?c=429,&s=NGDP_RPCH,PCPIPCH,&sy=1980&ey=2021&ssm=0&scsm=1&sc=0&ssd=1&ssc=0&sic=0&sort=country&ds=,&br=1.

V.L. ABRAMOV

*Doctor of Economic Sciences, Professor,
chief researcher at the Institute for International Studies
economic relations; Professor of the Department of World Economy
and Global Finance (DME and MF) Financial University under the
Government
of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

COUNTERMEASURES BY IRAN AND VENEZUELA TO OVERCOME LONG-TERM SANCTIONS LIMITATIONS

The relevance, scientific and practical significance of the article is due to the fact that the Russian economy was subjected to unprecedented sanctions from a number of other unfriendly countries. The purpose of the article is to analyze the long-term sanctions restrictions that were imposed on Iran and Venezuela as sovereign states defending their political and economic interests and national identity. The urgent task was to summarize the best practices and counter-sanction measures that they used to overcome sanctions restrictions, and to assess the possibilities of their use in Russian conditions.

It is shown that over the past decades, sanctions restrictions have become systematically used as an instrument of political economic pressure from the United States and EU countries on states that do not share the ideology of a monopolar world order. It analyzes the countermeasures that target countries use to reduce the impact of sanctions on their economies, circumvent them, or impose the costs of their implementation on the initiating countries themselves. The focus of the analysis is the counter-sanction measures that Iran and Venezuela used to overcome sanctions on the export of oil resources, as an important source of socio-economic development.

The results obtained can be used in the practical activities of state and municipal bodies and Russian companies to overcome sanctions restrictions.

Key words: *sanctions restrictions, Iran, Venezuela, counter-sanctions, monopolar world order.*

АГОННУДЕ БИДОЛЕЙ ВИАННЕЙ ФРЕДДИ

*кандидат политических наук, ассистент кафедры
публичной политики и истории государства и права юридического
института Российского университета дружбы народов
имени Патриса Лумумбы (РУДН), Россия, г. Москва*

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19: ОПЫТ СТРАН АФРИКИ К ЮГУ ОТ САХАРЫ

Статья посвящена вопросу цифровой трансформации в африканском регионе. Автор анализирует цифровые инструменты и принятые меры руководствами стран Африки к югу от Сахары для смягчения последствий пандемии Covid-19. Пандемия Covid-19 обозначена автором как основной драйвер цифровой трансформации в странах Африки в 2020-2022 гг.

Ключевые слова: *цифровая трансформация, Африка к югу от Сахары, пандемия Covid-19, цифровые инструменты, государственные услуги.*

Цифровизация государственного управления является важным компонентом государственной политики практически всех стран мира и обязательным элементом ее модернизации. Цифровая трансформация – это довольно широкое понятие. Морозкина А.К. определяет цифровизацию как «процесс интеграции информационно-телекоммуникационных технологий (ИКТ) в повседневную жизнь, в котором можно выделить три аспекта: создание цифровой инфраструктуры (в том числе обеспечение доступа к Интернету); развитие цифровой грамотности пользователей; обеспечение социальных преимуществ, которые граждане получают при использовании ИКТ в повседневной жизни» [1. С. 70]. В свою очередь Субач Т.И. считает, что «в глобальном плане цифровизация представляет собой концепцию экономической деятельности, основанной на цифровых технологиях, внедряемых в разные сферы жизни и производства» [2. С. 38]. Выходит, что цифровизация предполагает распространение и использование цифровых технологий (Интернет, мобильные телефоны, другие инструменты и системы) для сбора, хранения, анализа и цифрового обмена информацией с целью изменения

социальных, политических и бизнес-процессов, что в результате приводит к улучшению качества жизни.

Цифровая трансформация играет первоочередную роль в экономическом и социальном развитии Африканского континента. По данным Африканского союза и Европейской комиссии, цифровые технологии являются приоритетом для стран Африки [13]. Следует отметить, что в африканском контексте цифровизация управления повышает эффективность и прозрачность государственных услуг, снижает коррупцию и административные расходы, улучшает доступ к финансовым услугам и здравоохранению, стимулирует инновации и экономический рост.

Быстрой трансформации традиционных систем государственного управления в сторону электронных правительств в мире способствовала пандемия Covid-19 (2020-2022 гг.). Опыт по размещению государственных услуг в сети Интернет показывает, что успех в данном направлении обусловлен не только техническими аспектами. Основанный на взаимодействии между людьми, процессами и технологиями, успех цифровой трансформации требует стратегии, разработанной в межведомственных рамках, нормативно-правовой базы, качественного и доступного контента и соответствующих навыков. Это цифровая трансформация общества, иначе говоря, новая промышленная революция. В своей работе «Четвертая промышленная революция: что это значит, как реагировать» немецкий инженер и экономист Клаус Шваб справедливо описывает цифровую трансформацию как четвертую промышленную революцию. По его мнению, «первая промышленная революция использовала воду и пар для механизации производства; вторая использовала электроэнергию для обеспечения массового производства; третья использовала электронику и информационные технологии для автоматизации производства; а сегодня четвертая промышленная революция строится на третьей, цифровой революции, которая произошла с середины прошлого века. Для четвертой революции характерно слияние технологий, стирающее границы между физической, цифровой и биологической сферами» [22].

Сегодня общество и поведение граждан меняются под воздействием цифровых технологий. Ожидания граждан в отношении государственного управления и государственных услуг также меняются. Темпы преобразований ускорились за последние два десятилетия, и пандемия Covid-19 усилила преимущества, усугубив во всех обществах мира маргинализацию малообеспеченных домохозяйств, малообразованных граждан и людей с ограниченными возможностями.

Пандемия Covid-19 оказала влияние на многие сферы, включая здравоохранение, экономику, образование и конечно же информационно-коммуникационные технологии. Многие страны Африки к югу от Сахары приняли цифровые меры для поддержки и смягчения последствий пандемии

COVID-19. Например, мобильные деньги эффективно использовались в африканских странах для оказания необходимой поддержки во время пандемии, что способствовало эффективному соблюдению физического дистанцирования гражданами.

Цифровая трансформация позволила предприятиям в африканском регионе частично поддерживать бизнес во время пандемии COVID-19, но некоторые пробелы в подключении к Интернету не позволили странам в полной мере воспользоваться онлайн-услугами. Хотя уровень электронной коммерции остается низким на Африканском континенте, во время пандемии в некоторых странах Африки она позволила поддержать деловую активность. Онлайн-заказы увеличились, например, в Кении [6] и Нигерии [12]. А власти Сенегала создали платформу электронной коммерции [19], которая облегчает доступ к веб-сайтам малого и среднего бизнеса, торгующего товарами первой необходимости. В Кении и Уганде власти использовали социальные сети, чтобы направлять потребителей к поставщикам, позволяющим им платить за еду мобильными деньгами и доставлять ее через приложения, разработанные для этой цели. Некоторые африканские государства полагались на новые технологии для обеспечения непрерывности государственных услуг. Телеработа (удаленная работа) позволила некоторым странам ограничить перебои в работе определенных государственных услуг. Например, в Руанде судебные органы все чаще использовали во время пандемии видеоконференцсвязь для ведения судебных разбирательств [7]. В Кот-д'Ивуаре новое агентство по биометрическим паспортам уже несколько лет управляет онлайн-сервисом для заявок, приглашений в ведомство, платежей и т.д. [17]. В этой стране также существует портал государственных услуг [15], которым граждане Кот-д'Ивуара массово пользовались во время пандемии. В Кении на портале «eCitizen» наблюдался рост использования таких услуг как регистрация актов гражданского состояния, и регистрация транспортных средств [9]. В Бенине с 2016 года до настоящего времени насчитывается около 700 услуг на портале государственных услуг «Services Publics.BJ» [23]. Среди популярных услуг можно отметить выдачу биометрических паспортов, выдачу справок о наличии/отсутствии судимости, подача налоговой декларации и т.д. Все эти услуги, естественно, пользовались большим спросом во время пандемии Covid-19.

Среди нововведений следует отметить внедрение цифровых инструментов для дистанционного обучения. Хотя страны Африки к югу от Сахары отстают от других регионов мира в плане онлайн-доступа к школьному обучению и онлайн-курсам в университетах, приложения и веб-сайты виртуальных кампусов предоставляли бесплатные образовательные материалы во время закрытия школ и университетов в Кот-д'Ивуаре, Гане, Кении, Либерии, Уганде и др. [16]. Образовательные теле- и радиопрограммы были

также запущены в Анголе, Буркина-Фасо, Камеруне, Мадагаскаре, Малави и Сьерра-Леоне.

После принятия мер по сдерживанию последствий пандемии, власти многих африканских стран обратились к цифровым инструментам, чтобы поддержать свои усилия в этом направлении и повысить осведомленность граждан. Цифровые технологии оказывали и продолжают оказывать беспрецедентную поддержку работе служб сферы здравоохранения. Власти ЮАР и Кении привлекли технологические компании к разработке приложений для отслеживания пациентов. В Нигерии и Нигере бесплатные инструменты онлайн-консультирования позволили пользователям самостоятельно оценить свой риск заражения и пройти тестирование на основе своих симптомов. В Мозамбике передовые врачи смогли воспользоваться ноу-хау международных экспертов в области управления больницами, экстренного реагирования и медицинского обучения персонала посредством вебинаров. В Руанде роботы следили за пациентами, доставляли еду и лекарства и обновляли медицинские записи [8].

В африканских странах цифровые инструменты используются до сих пор для повышения осведомленности общественности и контроля за соблюдением ограничений. В Южной Африке и Нигере интерактивные платформы на базе WhatsApp и Facebook (1) предоставляли автоматические ответы на местных языках на вопросы, связанные с COVID-19 [14]. В Руанде дроны, оснащенные мегафонами, использовались для повышения осведомленности и обеспечения соблюдения мер сдерживания [21]. В Ботсване у жителей появилась возможность подать заявку на получение разрешений на поездки внутри страны через онлайн-платформу [18]. Власти некоторых стран использовали мобильные приложения и технологии геолокации для мониторинга эффективности режима изоляции. Эти методы позволили наблюдать резкое снижение подвижности в апреле 2020 года.

Многие африканские страны активно обращались к цифровым решениям, чтобы смягчить социально-экономические последствия пандемии, используя лидирующую роль региона в области мобильных денег. Так, Центральные банки ослабили свои правила, а операторы связи ослабили условия обслуживания, чтобы стимулировать использование мобильных денег. Эти меры были направлены на поддержку розничных операций при ограничении распространения коронавируса через банкноты, например, в Камеруне, Гане, Кении, Либерии, Мозамбике, Уганде, Демократической Республике Конго, Руанде, Замбии, в странах Западноафриканского экономического и валютного союза (ЮЭМОА) и Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС) [4]. Меры принимали форму, в частности, отмены комиссий по транзакциям ниже определенных сумм (включая переводы с банковских счетов на электронные кошельки

и наоборот), повышения максимальных значений и смягчения правил в отношении совместимости.

Важно отметить реализацию целевых программ социальной защиты для испытывающих трудности домохозяйств и предприятий с использованием мобильных денег, денежных переводов (в Бенине, Кот-д'Ивуаре, Гамбии, Лесото, Мадагаскаре, Намибии, Уганде, Того, Замбии, Зимбабве) [3]. В Того успешно реализовалась программа денежных переводов «NOVISSI» [20], суть которой заключалась в использовании мобильных телефонов для управления и направления платежей наиболее уязвимым группам, в основном в неформальном секторе экономики. Мобильные денежные переводы также использовались во многих африканских странах для выплаты экстренной финансовой помощи и пособий людям, потерявшим работу из-за пандемии COVID-19. В Уганде городская программа социального обеспечения девочек-подростков «Девушки расширяют возможности девушек» (*англ. Girls Empowering Girls*) [11] смогла превратиться в виртуальную службу наставничества. В Габоне [10] и Сенегале [5] власти участвовали в оплате счетов за воду и электроэнергию путем цифрового кредитования счетов бенефициаров в соответствующих компаниях. В некоторых странах Африки налоговые органы специально поощряли использование налоговых онлайн-сервисов. Например, в Кении, Намибии и Нигерии налогоплательщиков призвали использовать существующие онлайн-платформы для подачи налоговых деклараций, регистрации в налоговых службах, подачи заявок на возмещение и общения с налоговыми органами во время карантина.

Говоря о нормативно-правовой основе вышеперечисленных инициатив, нужно подчеркнуть, что в африканских странах меры по реализации цифровых инициатив в период пандемии были приняты на основе постановлений правительств, министерских указов и приказов. Создание существующих порталов государственных услуг (до пандемии почти во всех африканских странах) также основывалось на такой же нормативно-правовой базе.

В целом пандемия продемонстрировала важность цифровых технологий и во многом ускорила цифровую трансформацию во всем мире. Африканский регион является мировым лидером по использованию мобильных платежей. Однако разрыв в связности между странами Африки к югу от Сахары и остальным миром указывает на то, что более высокая готовность к применению цифровых технологий позволила бы региону достичь больших результатов.

Подводя итоги можно констатировать, что для реагирования на кризис Covid-19 страны Африки к югу от Сахары использовали цифровые инструменты, опираясь на существующие стратегии. Различные меры, перечисленные в африканском контексте, поддаются идентификации (с их спецификой по странам) в значительной степени в случае внимательного наблюдения

принятых мер в других макрорегионах мира. Это позволяет сделать вывод, что пандемия Covid-19 в условиях четвертой промышленной революции неожиданно выступила основным драйвером цифровой трансформации во всем мире включая Африку.

Активно принимая теперь участие в процессах цифровой трансформации, руководства африканских стран должны опираться на четыре основных направления действий: инвестиции в цифровую инфраструктуру, обеспечение человеческих ресурсов и повышение уровня цифровой грамотности населения, улучшение навыков государственных служащих с целью повышения эффективности, разработка соответствующей долгосрочной нормативно-правовой базы по вопросам цифровизации государственного управления.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Компания Meta, которой принадлежат WhatsApp, Instagram и Facebook, признана в РФ экстремистской организацией.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Морозкина А.К. Цифровой разрыв в странах БРИКС: проблемы межрегионального неравенства // Вестник международных организаций. 2020. Т. 15. № 4. (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2020-04-04.

2. Субач Т.И. Цифровизация в глобальном плане // Теоретическая экономика. 2021. № 5 (77) // <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-v-globalnom-plane>.

3. A l'ère de la pandémie, le mobile money au service de l'urgence sanitaire et sociale // Sofrecom // <https://www.sofrecom.com/news-insights/a-lere-de-la-pandemie-le-mobile-money-au-service-de-lurgence-sanitaire-et-sociale.html>.

4. Communiqué de la Banque Centrale des Etats de l'Afrique de l'Ouest (BCEAO) // <https://www.bceao.int/fr/communiqué-presse/communiqué-de-la-banque-centrale-des-etats-de-lafrique-de-louest-bceao>.

5. Covid-19: l'Etat du Sénégal va payer des factures d'eau et d'électricité pour près de 1 000 ménages // <https://www.vivafrik.com/2020/04/07/covid-19-letat-du-senegal-va-payer-des-factures-deau-et-deelectricite-pour-pres-de-1-000-menages-a35439.html>.

6. Covid-19 Spurs Growth of E-Commerce in Kenya, Study Reveals, Published December 6, 2022 // Capital Business // <https://www.capitalfm.co.ke/business/2022/12/covid-19-spurs-growth-of-e-commerce-in-kenya-study-reveals/>.

7. Covid-19: Rwanda courts go online during lockdown, Thursday april 23 2020 // Capital Business // <https://www.theeastafrican.co.ke/tea/news/east-africa/covid-19-rwanda-courts-go-online-during-lockdown-1440324>.

8. Des robots pour dépister le COVID-19 au Rwanda, 21 mai 2020 // UNDP // <https://www.undp.org/fr/africa/news/des-robots-pour-d%C3%A9pister-covid-19-au-rwanda>.

9. eCitizen Kenya // <https://www.ecitizen.go.ke/>.

10. Euloge Makita-Ikouaya, «Le Gabon face à la Covid-19: mesures sanitaires et conséquences socio-économiques» // Revue du Rhin supérieur, 2, 2020.

11. Girls Empowering Girls // <https://trailblazersuganda.org/wp-portfolio/girls-empowering-girls-programme-geg/>.

12. How the pandemic fuelled e-commerce growth in Nigeria // Oxford Business Group // <https://oxfordbusinessgroup.com/reports/nigeria/2022-report/economy/clicks-and-mortar-accelerated-shift-towards-online-shopping-prompts-retailers-and-regulators-to-adapt-to-changing-consumption-patterns>.

13. L'essor de l'économie numérique africaine // Banque Européenne d'investissement // <https://www.eib.org/fr/publications/the-rise-of-africa-s-digital-economy>.

14. Le gouvernement du Niger et WhatsApp lancent un ChatBot pour répondre aux questions liées au Covid-19 avec l'appui de Facebook (communiqué de presse) // Actus du Niger // <https://www.actuniger.com/technologie/16131-le-gouvernement-du-niger-et-whatapp-lancent-un-chatbot-pour-repondre-aux-questions-liees-au-covid-19-avec-l-appui-de-facebook-communiqu%C3%A9-de-presse.html>.

15. Le portail de l'Administration ivoirienne // <https://servicepublic.gouv.ci/accueil/detaildemarcheparticulier/1/288/63>.

16. Les plates-formes d'apprentissage en ligne en Afrique et leur contribution durant la pandémie du COVID-19 // Do4Africa // <https://www.do4africa.org/les-plates-formes-dapprentissage-en-ligne-en-afrique-et-leur-contribution-durant-cette-pandemie-liee-a-covid-19/>.

17. Mon passeport CI // <https://monpasseport.ci/>.

18. Movement Permits // <https://www.gov.bw/temp-movement-permits>.

19. Plateforme nationale e-commerce du Sénégal: Boutik 221 // <https://www.boutik221.sn/>.

20. Programme de transferts monétaires NOVISSI // <https://novissi.gouv.tg/#:~:text=Qu'est%2Dce%20que%20Novissi,de%20riposte%20contre%20le%20Coronavirus>.

21. Rwanda Deploys Drones to Combat #COVID-19 As Cases Rise // Top Africa News // <https://www.topafricanews.com/2020/04/12/rwanda-deploys-drones-to-combat-covid-19-as-cases-rise/?pr=128858&lang=fr>.

22. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution: what it means and how to respond // World Economic Forum. 2016 // <https://www.weforum.org/agenda/2016/01/the-fourth-industrial-revolution-what-it-means-and-how-to-respond/>.

23. Services Publics. BJ Bénin // <https://service-public.bj/>.

AGONNOUE BIDOLEY VIANNEY FREDDY

Ph.D. in Political science.

*Assistant at the Department of Public Policy and
history of state and law. Law Institute, Peoples' Friendship University
of Russia (RUDN University),
Moscow, Russia*

DIGITAL TRANSFORMATION DURING THE COVID-19 PANDEMIC: EXPERIENCES FROM SUB-SAHARAN AFRICA

The article is devoted to the issue of digital transformation in the African region. The author examines the digital tools and measures taken by governments in sub-Saharan Africa to mitigate the impact of the Covid-19 pandemic. The Covid-19 pandemic is identified by the author as the main driver of digital transformation in African countries in 2020-2022.

Key words: *digital transformation, sub-Saharan Africa, Covid-19 pandemic, digital tools, government services.*

С.С. ПИСАРЕНКО

аспирант факультета глобальных процессов
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва
ORCID: 0009-0009-4985-9012

РАСШИРЕНИЕ ВОЕННОГО ПРИСУТСТВИЯ США В ИНДО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

В данной статье рассматривается использование возможностей стран, поддерживающих «Концепцию Свободного и открытого Тихоокеанского региона», в обеспечении участников-членов современным вооружением, направленным на противостояние, в связи с растущей угрозой от Китая и Северной Кореи. В статье были проанализированы официальные заявления глав государств, представителей министерств иностранных дел, министерств обороны. Исследование выявило, что передача современного вооружения происходит через программы по укреплению береговой охраны и контролю судоходных линий, а также на регулярной основе по программам обороны, заключенными между союзниками. За несколько последних месяцев в отчетах, саммитах, заявлениях Министерств обороны США и союзных государств прослеживается повестка наращивания военного потенциала в Индо-Тихоокеанском регионе против «ниспровергателей международного порядка» в лице Китая и КНДР. Главы внешнеполитических ведомств США, совместно с союзниками выстраивают определенную риторику в ходе игры за господство в Индо-Тихоокеанском регионе, осуждая авторитарные действия Китайской народной республики, комбинируя методы активной пропаганды и использование открытых каналов по переговорам с Китаем. Несмотря на то, что концепция «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» предусматривает обеспечение свободы морей и воздушного пространства в Индо-Тихоокеанском пространстве, главным остается – обеспечение планомерного развития экономик, решение проблем климата и окружающей среды, развитый коридор гуманитарной помощи и современная система здравоохранения. США, в свою очередь, видят возможность получения выгоды от непрямого столкновения со своим противником – Китаем, вооружая и обучая своих союзников под разными предложениями, а иногда и напрямую.

Ключевые слова: *Индо-Тихоокеанский регион, внешняя политика США, внешняя политика Китая, ИТР, милитаризация ИТР, трехстороннее сотрудничество Японии, Южной Кореи и США.*

Государства Индо-Тихоокеанского региона стремятся сохранить стабильное развитие своих экономик и различных инициатив по решению проблем климата, окружающей среды, гуманитарных коридоров, систем здравоохранения, ведь страны, относящиеся к ИТР, являются стабильной движущей силой глобализации со времен Второй мировой войны. Экономика стран Индо-Тихоокеанского региона не может развиваться только с помощью торговли, которая порождает соперничество за право обладания лучшими торговыми и транспортными узлами, что в итоге выливается в постоянные политические распри внутри ИТР. Пытаясь сохранить стабильное развитие в интересах мира, внутри Индо-Тихоокеанского региона государства все чаще делают ставку на скрытый милитаризм, в первую очередь это касается внешней политики. Последствия такой политики не могут позитивно сказаться как на малых, так и на крупных государствах внутри ИТР. Главными акторами международных отношений, стоящих в авангарде наращивания военной силы в ИТР, являются США и Китай.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 3; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13].

Однако проблеме обеспечения безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

В западной риторике последних лет на обсуждение выносятся методы противодействия экономической и «скрытой» военной экспансии Китая, а также угрозе, исходящей от КНДР. США и солидарные страны-участницы концепции «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» все чаще указывают, каким путем происходит распространение влияния КПК на ИТР. Вашингтон выражает беспокойство в связи с военным и экономическим усилением Китая в регионе и считает его внешней политикой дестабилизирующей. Более того, нередко реакция Пекина на действия США рассматривается как угроза.

Азиатское направление внешней политики вновь стало приоритетным после заявления госсекретаря Хиллари Клинтон о «незаменимости США в Тихоокеанском регионе» в 2011 г. Это заявление стало маячком для американских политиков о необходимости выстраивания новой региональной стратегии. Китай, чья экономика и военная сила стремительно росли, уверенно занял позицию не только регионального лидера, но со временем заявил о своих глобальных амбициях. Вашингтон, который на протяжении

долгого времени сохранял свое влияние в регионе, не мог смириться с появлением соперника и начал поиски новых внешнеполитических подходов. Изначально это проявлялось в проекте Транстихоокеанского партнерства, поддерживаемом администрацией Барака Обамы. Затем, когда к власти пришел Дональд Трамп, концепция Индо-Тихоокеанского региона, предложенная японским правительством, стала инструментом американской дипломатии с 2018 г. Очевидной является цель Белого дома – ослабление КНР.

Американский политолог Джексон В. выделяет две стратегии американского правительства в регионе, которые, по его мнению, помогут сохранить влияние США. С одной стороны, Вашингтон может стремиться к сохранению баланса сил в регионе. В этом случае США укрепляет связи со своими союзниками и создает «хрупкий» баланс между зоной влияния Китая и зоной влияния США. Другой вариант – мягкая стратегия, подразумевающая сохранение мира в регионе и стремление снизить напряженность в регионе. Такая стратегия включает демилитаризацию региона и выстраивание взаимовыгодного сотрудничества. Третья возможная стратегия для действий США – институционализм, который подразумевает создание институтов, режимов и других акторов, регулирующих и формирующих региональный порядок.

Мягкая стратегия является наименее вероятной, особенно в контексте американской внешней и военной политики последних лет. США не намерены выстраивать дружественные отношения с Китаем, не идут на переговоры и даже сохраняют напряженность в регионе. Таким образом, Вашингтон будет стремиться к сохранению баланса сил в регионе либо строить институты, помогающие сохранить его влияние [21. Р. 142-145]. Данная теория находит свое подтверждение в развивающейся концепции ИТР.

США планомерно вырабатывают стратегию сотрудничества с союзниками внутри ИТР, а также прорабатывают механизмы воздействия на Китай в регионе. Можно выделить следующие механизмы:

- 1) проведение координационных саммитов с союзниками;
- 2) поставки вооружения в открытой и завуалированной формах;
- 3) обеспечение информационного сопровождения и наращивание влияния в медиапространстве.

За последние несколько месяцев Министерство обороны США докладывало о результатах совместных тренировок с союзниками, а также об успешных договоренностях между ними.

Так, например, США стараются объединить усилия Японии и Южной Кореи в рамках трехсторонних отношений. 18 августа 2023 года состоялась историческая встреча глав трех государств в резиденции главы Белого дома, Кэмп-Дэвиде. Среди ряда вопросов, которых коснулись главы в ходе своего общения, важно выделить договоренность о расширении сотрудничества

в сфере обороны, которое включает в себя проведение регулярных военных учений в целях укрепления оборонного потенциала Японии и Южной Кореи [16]. Отмечается открытый антикитайский посыл встречи: впервые восточноазиатские партнеры США высказались, что Китай препятствует установлению правового международного порядка [4]. После саммита главы трех стран договорились о наращивании и укреплении цепочек поставок электроники и полезных ископаемых, а также о проведении ежегодного трехстороннего саммита в связи с нормализацией отношений Сеула и Токио [25]. Первые серьезные учения между странами состоялись в конце августа и завершились 30 числа. В ходе учений была отработана система соединения сетей между кораблями «Иджис» и обмен информацией о пусках баллистических ракет [22]. США стали уделять больше внимания своим давним союзникам и стремятся превратить их не только в идеологическую или экономическую, но и военную опору в регионе.

Важную роль играет наращивание военного потенциала самой Японии. В декабре 2022 года Токио заявил о готовности увеличить военные расходы на 26% на 2023 финансовый год, что стало самым большим военным бюджетом за послевоенное время [24]. Показательным является заявление премьер-министра Кисида 31 августа 2023 г. о планах японского правительства продолжить увеличение военного бюджета и достичь отметки 2% от ВВП к 2027 году (в настоящее время военные расходы Японии составляют чуть больше 1% ВВП). США подтвердили и впредь сохранять договоренности 5 статьи Договора о безопасности Японии и США, а также защищать острова Сэнкаку, на которые претендует Китай [23].

Австралия также проводит военные учения с США в Индо-Тихоокеанском регионе на регулярной основе. В настоящее время отмечается наращивание военного присутствия американского контингента на территории материка. Австралия получает современное вооружение – артиллерийские ракетные системы HIMARS, зенитные системы NASAMS. Руководство страны совместно с США разработали план наращивания оборонного потенциала Австралии, согласно которому крупные силы Австралии будут развернуты на севере страны, где будет проходить обучение войск совместно с союзниками [20].

Таким образом, буквально за последние пару лет можно отметить не только рост американских военных расходов в ИТР, но и самих стран данного региона. Исключением может являться Индия, выступающая против милитаризации Индо-Тихоокеанского сообщества.

Тем не менее, США стремятся привлечь на свою сторону наибольшее количество стран, для укрепления своих позиций. Для этого он проводит успешную информационную кампанию. Вашингтон не стесняется в выражениях и «демонизирует» Пекин в информационном поле. В частности,

Или Ратнер в своих заявлениях он называет Китай – «ниспровергателем международного порядка» [18].

В своих документах Вашингтон не боится высказывать радость и воодушевление от успехов по сдерживанию военного потенциала Китая в Южно-Китайском море. Помощник министра обороны США по делам Южной и Юго-Восточной Азии Линдси Форд заявила, что Китай мешает проведению экономической деятельности стран в Южно-Китайском море, китайские силы блокируют выгодные судоходные маршруты, ограничивают воздушные коридоры. Также Л. Форд в своем докладе отмечает, что китайские военные выстроили ряд аванпостов на оккупированных территориях островов Спратли. Данные аванпосты оснащаются самым современным вооружением. По мнению Минобороны США, китайские военные силы уничтожают рыболовные суда Вьетнама, преследуют суда малайзийских энергетических компаний, совершают опасные маневры около самолетов ВВС США. Несмотря на количество провокаций со стороны Китая в Южно-Китайском море, страны-союзники США все чаще стали пользоваться нормами международного права и закона. Это позитивно влияет на возможности разведки морских полезных ископаемых, а также мешает Китаю авторитарно пользоваться Южно-Китайским морем. США уже выделили дополнительные 475 миллионов долларов для укрепления региональной морской безопасности партнерам из Юго-Восточной Азии, а также берут на себя обязательство поддерживать «многосторонние» и «мини-сторонние» коалиции союзников, направленные на поддержку развития безопасности в ИТР. С помощью этих заявлений США стремятся, с одной стороны, укрепить связи со странами АСЕАН, известными своей нейтральной позицией, балансирующей между Пекином и Вашингтоном. С другой стороны, оправдать наращивание военных расходов союзников [17].

В ответ на американские заявления Китай заявляет, что ситуация вокруг Южно-Китайского моря вызвана подстрекательством США. Китайское правительство подчеркнуло, что продолжение влияния США на ИТР не является основной заботой для Вашингтона, так как Китай вправе решать, каким способом он будет договариваться со своими соседями и партнерами в ИТР [19].

США и Китай 29 сентября провели первую открытую встречу между двумя ведущими дипломатами под эгидой «откровенных, углубленных и конструктивных консультаций» в Вашингтоне. В ходе данной конференции были затронуты региональные вопросы, касающиеся морских судоходных маршрутов, стабильность в Тайваньском проливе. Однако каждая страна стояла на своем [14]. После проведенной конференции с заявлением выступил Министр обороны США, в котором он сообщил, что у КНР отсутствует заинтересованность в дальнейшем поддержании открытых линий связи с представителями министерства обороны США и другими

чиновниками Пентагона. Или Ратнер, предоставив выдержки из нового «Отчета о военной мощи Китая» за 2023 год, заявил, что Китай стал чаще прибегать к использованию вооруженных сил в качестве инструмента принуждения стран для удовлетворения своих авторитарных амбиций, реструктуризации международного порядка и подрыва глобального мира и безопасности [15].

Таким образом, США за последнее время усилили свое военное присутствие в ИТР. Шаг за шагом они выстраивают линии пассивной обороны для себя и союзников на случай, как было заявлено в выступлениях первых лиц страны, агрессии и прямого захвата территорий со стороны Китая. Администрация США тратит колоссальные денежные средства на поддержку милитаристской машины, как своей, так и союзнической, накачивая вооружениями и знаниями военные корпуса, ведет агрессивную информационную политику, ежедневно публикует о своих достижениях на театре Индо-Тихоокеанского региона. Китай пока довольно пассивно отвечает на вызовы, которые исходят от США, продолжая проводить свою тихую политику в ИТР.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Ан Д.М., Низамова М.А.* Проблема пересмотра 9-й статьи Конституции Японии: различие в подходах ведущих политических партий // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 4 (92).
2. *Аносова Е.Д., Шитикова Ю.А.* Позиция международных организаций в отношении территориальных споров в Южно-Китайском море // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 5 (98).
3. *Ван Цзюньтао, Ван Минцзюнь.* Анализ военного союза Соединенных Штатов, Великобритании и Австралии – AUKUS // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2022. Т. 11. № 2 (42).
4. *Воронцов А.* Реинкарнация треугольника США – Япония – Южная Корея // <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/reinkarnatsiya-treugolnika/>.
5. *Гребнев Р.Д.* Предпосылки формирования Индо-Тихоокеанской региональной системы регулирования международных отношений в контексте внешней политики Индии // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 9-1 (97-1).
6. *Медведев Н.П., Слизовский Д.Е.* К вопросу о теоретических аспектах и перспективах международных отношений (по материалам актуальных публикаций) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 3 (96).
7. *Сурма И.В.* JAUKUS или проактивный пацифизм политики обеспечения безопасности Японии в Индо-Тихоокеанском регионе // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 12 (93).

8. *Тушков А.А., Оселедец А.Г., Тушков А.А.* Сценарии развития стратегии внешнеполитического курса Соединенных Штатов в Индо-Тихоокеанском регионе // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. Т. 10. № 5 (39).

9. *Хорбаладзе Э.Л.* Ключевые элементы китайской стратегии в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 4 (92).

10. *Цой Чае Джук.* A Study on the Competition of the U.S.- China and the Change of International Order/Исследование конкуренции США и Китая в контексте изменения международного порядка // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 3 (96).

11. *Чжоу Гээр.* Развитие Северного морского пути: предпосылки и факторы сотрудничества России со странами Северо-Восточной Азии на примере Китая, Японии и Южной Кореи // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 1 (94).

12. *Чжоу Цинчао.* Перспективы решения Тайваньского вопроса в китайско-американских отношениях // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 5 (98).

13. *Шуплецова К.В., Писаренко С.С.* Японский взгляд на Индо-Тихоокеанское пространство // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 8-2 (96-2).

14. *Chen Alyssa.* China-US ties: Beijing and Washington diplomats overseeing Asian affairs meet in sign of more open communication // <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3236242/china-us-ties-beijing-and-washington-diplomats-overseeing-asian-affairs-meet-sign-more-open>.

15. *Clark Joseph.* DOD Remains Focused on Deterring Conflict in Indo-Pacific // <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/3549903/dod-remains-focused-on-deterring-conflict-in-indo-pacific/>.

16. *Garamone Jim.* Japan, South Korea, U.S. Strengthen Trilateral Cooperation // <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/3498451/japan-south-korea-us-strengthen-trilateral-cooperation/>.

17. *Garamone Jim.* U.S. Official Says Allies Acting Together to Deter China // <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/3543179/us-official-says-allies-acting-together-to-deter-china/>.

18. *Garamone Jim.* DOD Expert Says U.S. Indo-Pacific Strategy Is Seeing Successes // <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/3517217/dod-expert-says-us-indo-pacific-strategy-is-seeing-successes/>.

19. Head-on blow from China awaits if US dares to provoke China's core interests in the S. China Sea // <https://www.globaltimes.cn/page/202308/1297124.shtml>.

20. *IMAHASHI RURIKA.* Australia redeploys troops to north in bid to deter China // <https://asia.nikkei.com/Politics/Defense/Australia-redeploys-troops-to-north-in-bid-to-deter-China>.

21. *Jackson Van*. Relational peace versus pacific primacy: Configuring US strategy for Asia's regional order // *Asian Politics and Policy*. 2023. № 15 (1).

22. *Mahadzir Dzirhan*. U.S., South Korea, Japan Hold Joint Ballistic Missile Defense Drills After Failed North Korea Launch // <https://news.usni.org/2023/08/29/u-s-south-korea-japan-hold-joint-ballistic-missile-defense-drills-after-failed-north-korea-launch>.

23. *Murakami Sakura*. Japan makes record defence spending request amid tension with China // [https://www.reuters.com/business/aerospace-defense/japan-makes-record-defence-spending-request-amid-tension-with-china-2023-08-31/#:~:text=ТОКYO%2C%20Aug%2031%20\(Reuters\),trillion%20yen%20over%20five%20years](https://www.reuters.com/business/aerospace-defense/japan-makes-record-defence-spending-request-amid-tension-with-china-2023-08-31/#:~:text=ТОКYO%2C%20Aug%2031%20(Reuters),trillion%20yen%20over%20five%20years).

24. *Nan Tian, Xiao Liang*. The proposed hike in Japan's military expenditure // <https://www.sipri.org/commentary/topical-background/2023/proposed-hike-japans-military-expenditure>.

25. U.S., Japan, South Korea agree to hold annual talks after Camp David summit // <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/U.S.-Japan-South-Korea-agree-to-hold-annual-talks-after-Camp-David-summit>.

S.S. PISARENKO

*Postgraduate student of the Faculty
of Global Studies, Moscow State University
named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia
ORCID: 0009-0009-4985-9012*

THE EXPANDING OF US MILITARY PRESENCE IN THE INDO-PACIFIC

This article examines the use of the capabilities of countries supporting the “Free and Open Indo-Pacific Vision” to provide member states with modern weapons aimed at countering the growing threat from China and North Korea. The article analyzed official statements by heads of state, representatives of the ministries of foreign affairs, and ministries of defense. The study found that the transfer of modern weapons occurs through programs to strengthen coast guards and control shipping lines, as well as on a regular basis through defense programs concluded between allies. Over the past few months, reports, summits, and statements from the US Department of Defense and allied states have traced the agenda of building up military capabilities in the Indo-Pacific region against the “subverters of the international order” represented by China and the DPRK. US foreign policy chiefs, together with allies, are building a certain rhetoric during the game for dominance in the Indo-Pacific region, condemning the authoritarian actions of the People’s Republic of China, combining methods of active propaganda and the use of open channels for negotiations with China. Despite the fact that the concept of a “Free and Open Indo-Pacific Region” provides for ensuring freedom of seas and airspace in the Indo-Pacific, the main aim remains to ensure the systematic development of economies, solving climate and environmental problems, to develop humanitarian aid corridor and a modern system of healthcare. The United States, in turn, sees the opportunity to benefit from an indirect clash with its enemy, China, by arming and training its allies under various pretexts, and sometimes without any of them.

Key words: *Indo-Pacific region, US foreign policy, Chinese foreign policy, IPR, militarization of IPR, trilateral cooperation between Japan, South Korea and the USA.*

А.А. СПАСОВ

*кандидат политических наук, ассистент кафедры
политического анализа и социально-психологических процессов
Российского экономического университета
имени Г.В. Плеханова, Россия, г. Москва*

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ США НА БАЛКАНСКОМ ТРЕКЕ КАК УГРОЗА РОССИЙСКО-СЕРБСКИМ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫМ ОТНОШЕНИЯМ

В настоящей статье рассматривается современная военно-политическая операция США, направленная на контролируруемую эскалацию косово-сербского конфликта посредством частичной транспортной блокады сербских муниципалитетов, находящихся в Косово и Метохии. Политическое и военное давление на правительство Сербии было оказано с целью переориентирования Белграда от межгосударственного взаимодействия с Москвой к выстраиванию сотрудничества с Вашингтоном. Автор фиксирует два этапа военно-политической операции, в которых были задействованы KFOR («Силы для Косова») и политическое руководство Косово и Метохии. Операция началась после неудачных попыток Вашингтона повлиять на позицию Сербии в отношении России посредством шантажа введения санкций. Автор отмечает, что военно-политическая операция не привела к должным результатам для Вашингтона, поскольку межгосударственные отношения между Россией и Сербией сохраняют положительную динамику развития двухстороннего сотрудничества. В конце статьи обозначаются направления сотрудничества Белграда с Москвой в вопросах безопасности от внешних угроз и военно-политических операций.

Ключевые слова: *военно-политическая операция, косово-сербский конфликт, США, межгосударственные отношения, Россия, Сербия.*

Балканский регион исторически является важным геополитическим местом для России в выстраивании партнерских и взаимовыгодных отношений с рядом государств полуострова по вопросам безопасности, экономического и социального сотрудничества.

После распада социалистического блока, особую роль в международных отношениях на Балканском треке для России стала играть Сербия. Несмотря на международную политическую турбулентность 90-х годов XX века, через которую прошли страны бывшей Югославии, в том числе и Сербия, взаимодействия двух государств на высшем уровне не прекращались. Позиция России по косовскому вопросу (не признание Косово отдельным государством) и осуждение бомбардировок Сербии натовцами в 1999 г., позволили сохранить дружеские отношения между Москвой и Белградом.

В середине нулевых годов XXI века, после преодоления кризиса, связанного с распадом Югославии, а также относительного затишья военизированных албанских группировок на полуострове, Россия планомерно стала наращивать свое влияние на Балканах путем развития энергетических проектов [2. С. 218].

К 2014 году России посредством взаимодействия с Турцией удалось добиться значительного успеха в этом направлении, несмотря на санкции ЕС, введенных в отношении Москвы. Так, было заключено российско-турецкое соглашение о строительстве «Южного потока». К 2020 году начались первые поставки газа в одну из стран Балканского региона – Болгарию. К 2021 году через Болгарию удалось провести газопровод в Сербию [10. С. 263].

Усиление позиций России на Балканах в последние несколько лет вызывает настороженность у Вашингтона, наращивающего свое влияние посредством военно-политического давления – местами успешного – на полуострове. Активная международная деятельность России на Балканском треке замедляет действия натовцев, где первую скрипку играет США, на восточном фронте [19] и ухудшает для альянса координацию давления непосредственно на сферы влияния России на постсоветском пространстве.

В 2022 г. на фоне СВО, когда конфронтация России и коллективного Запада стала усиливаться, США начали оказывать политическое давление на Сербию, тем самым пытаясь нивелировать международные усилия России, направленные на выстраивания долгосрочного партнерства с Белградом. Первоочередные действия США были классическими – запугивание санкциями. Президент Сербии Александр Вучич неоднократно заявлял о смене риторики руководства США в отношении Сербии, которые фактически в ультимативной форме стали вести диалог с руководством страны. Формальный предлог угрозы введения санкций – нежелание смягчить позицию Сербии по косовскому вопросу, а также «коррупция» в государстве [8; 6].

Однако политика шантажа и запугивания санкциями оказалась малоэффективным инструментом против Сербии. Межгосударственные отношения Москвы и Белграда в условиях беспрецедентного политического давления сохраняют положительную динамику развития. В частности, в сентябре

2022 года была проведена встреча между министром экономического развития РФ М.Г. Решетниковым и министром Правительства Сербии Ненадом Попович. В ходе встречи были даны высокие оценки товарообороту, который достиг исторического максимума – 2,3 млрд долларов США [5]. Другой пример развития межгосударственного сотрудничества – Россия и Сербия в 2022 г. на заседании Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке подписали соглашение о взаимных консультациях по вопросам внешней политики (рассчитано на период 2023-2024 гг.). Соглашение подобного уровня было подписано впервые между странами с 1996 года [16].

Выделим еще один положительный момент в выстраивании российско-сербских межгосударственных отношений – предоставление скидки на закупку российского газа сербами. Александр Вучичи в конце августа 2022 года заявил о том, что Сербия в среднем будет платить примерно 400 долларов США за 1 тыс. кубических метров газа, когда цены для стран Западной Европы стали достигать 4000 долларов США [22]. Благодаря установленным договоренностям с Россией по вопросам поставок газа со значительной скидкой, сегодня Сербия имеет заполненные газовые хранилища, часть из которых находится в Венгрии [7].

Таким образом, можно сказать, что стандартные инструменты политического давления США (угрозы введения санкций) не сработали, поскольку Москва и Белград сохранили дружественные межгосударственные отношения. В этой связи Вашингтон стал менять тактику на Балканском треке (летом 2022 года начали проследиваться первые ее контуры), направленную на контролируруемую эскалацию косово-сербского конфликта.

Военно-политическая операция по контролируемой эскалации на первом этапе стала проводиться через Альбина Курти («премьер-министр» Косово, находится в режиме ручного управления США), и началась она с провокации против сербов – введение запрета на транспортные номера, не соответствующих косовским стандартам [15]. Провокация была нацелена на сербов, проживающих в Сербии (возникли трудности с пересечением косово-сербских КПП) и в сербских муниципалитетах в Косово (требования властей заменить транспортный номер на новый, с косовской символикой, а также пройти процедуру получения новых транспортных документов, имеющих герб самопровозглашенной Республики). С 1 августа 2022, водителям, въезжающим со стороны Сербии, начали выдавать «декларационный лист», временно заменяющий техосмотр, процедура прохождения которого стала включать обязательную замену номера.

Провокация косовских властей привела к ответной реакции правительства Сербии и сербских муниципалитетов в Косово, для которых подобные нововведения самопровозглашенной Республики были восприняты, как ущемление прав и свобод. Сербия в Косово начала блокировать работу муниципалитетов – в знак протеста сотрудники органов власти, а также

депутаты отказались продолжать свою работу. На улицах начались протесты, стали возникать баррикады и блокироваться проезжие части. Президент Сербии Александр Вучич выступил с официальным заявлением, в котором обозначил главную цель косовских властей – выгнать людей из сербских муниципалитетов в Косово, отрезав их от поставок товаров из г. Рашки (город находится в Сербии, оттуда идут поставки хлеба, молока, лекарств и прочих важных товаров в сербские муниципалитеты) [23].

Волна протестов в сербских муниципалитетах Косово не осталась без внимания Евросоюза. Представители ЕС, несмотря на постоянную оглядку в сторону Вашингтон в принятии важных политических решений, все же стремятся действительно выступать медиатором в этнополитических конфликтах на Балканах. Отчасти, это связано в том, что у ЕС в силу его сложности и противоречивости нет единой позиции по Косово (Испания, Словакия, Кипр, Румыния и Греция не признают независимость Косово). Также не стоит забывать, что ряда балканских государств – Болгария, Греция, Румыния, Словения, Хорватия – состоят в Евросоюзе.

Итак, искусственная и контролируемая эскалация косово-сербского конфликта вызвала серьезную озабоченность представителей Евросоюза (не исключаем, что это привело к серьезным спорам и разногласиям с Вашингтоном), поэтому при участии представителей ЕС, Александра Вучича, Альбина Курти и Вьоси Османи («президент» Косово и Метохии) был подготовлен французско-немецкий план урегулированию конфликта, предусматривающий создание Союза сербских муниципалитетов на территории самопровозглашенной Республики.

Ситуация, разворачивающаяся вокруг косово-сербского конфликта, а также достижение определенных договоренностей в рамках французско-немецкого плана сторонами конфликта не вызвали никакого оптимизма у России. В частности, Директор департамента информации и печати МИД РФ Захарова М.В. отметила: «Не предпринимая на деле никаких эффективных шагов с целью положить конец провокациям со стороны косово-албанских радикалов, западники откровенно толкают ситуацию к прямому конфликту» [13]. Подтверждением слов Захаровой М.В. стала очередная косовская провокация, произошедшая весной 2023 года – косовские власти запретили въезд грузовых автомобилей и поставку товаров из центральной Сербии. После введения данного запрета в сербских муниципалитетах вновь прошла волна протестов [4].

Ситуация в сербских муниципалитетах достигла своего пика эскалации к декабрю 2022 г., когда косовские власти ввели свою полицию на их территорию, а также провели задержание по обвинению в терроризме сербского полицейского, работающего в Косово, ветерана косово-сербской войны Деяна Пантича. В том же месяце на места сербских депутатов парламента

северной части Косовской Митровицы, ушедших в отставку в знак протеста, назначили албанских [17].

В апреле 2023 года в 4 сербских муниципалитетах косовские власти стали проводить выборы мэров, несмотря на бойкот сербов. В результате в муниципалитетах Северная Косовска-Митровица, Звечан, Зубин-Поток и Лепосавич на севере Косова и Метохии явка составила всего 3,47%. Из 45 095 зарегистрированных избирателей проголосовали 1 566 албанцев и 13 сербов.

Фактический бойкот выборов сербскими гражданами в 4 муниципалитетах привел к победе албанских кандидатов на посты мэров. Нежелание «премьер-министр» Альбина Курти действовать в конструктивном ключе, учитывая мнение сербского меньшинства, проживающего Косово, привели к очередной волне протестов – 30 мая демонстрации прошли у администрации города Звечане на севере Косово, что привело к столкновениям сотрудниками миротворческой миссии НАТО [14].

Позиции США и ЕС по вопросу проведенных выборов в мэры городов сербских муниципалитетах отличались. Вашингтон, несмотря на низкую явку в 3,5 процента на выборах и сербский бойкот, официально заявили, что они прошли с соблюдением всех демократических стандартов [20]. Европейский союз отнесся сдержаннее к результатам выборов, и отметили, что из-за столь низкой явки выборы не могут считаться нормальными [3].

В конце мая 2023 года Александр Вучич на одной из встреч по урегулированию конфликта Приштины с сербскими муниципалитетами обозначил свою позицию по отношению к косовским властям так: «Односторонние действия Приштины ведут к насилию над сербским сообществом, что отдаляет от мира и стабильности в регионе». На встрече он также потребовал немедленного снятия албанских мэров в четырех сербских муниципалитетах [21]. И здесь можно сказать, что позиция Президента Сербии совпала с Евросоюзом, что придало стимул для проведения новых переговоров.

В результате к июню 2023 г., после проведения нескольких встреч на высшем государственном уровне между представителями ЕС, США, Косово и Сербии, прозвучали заявления Франция и Германия о необходимости проведения новых выборов в мэры городов в сербских муниципалитетах [11], против чего не стали выступать США.

К осени 2023 года новый виток косово-сербского конфликта, вызванный сначала провокацией, связанной с автомобильными номерами, а затем назначением албанских мэров в сербских муниципалитетах Косово, постепенно перешел к этапу деэскалации. «Премьер-министр» Косово Альбин Курти лично был вынужден заявить о необходимости проведения новых выборов мэров в четырех муниципалитетах [9].

На сегодняшний день сложно предугадывать дальнейшее развитие конфликта, поскольку многое зависит от действий администрации Президента

США, которая не стала идти в разрез мнению ЕС в мае 2023, когда и было вынесено окончательное решение о необходимости проведения новых выборов мэров. Напомним, что изначальная позиция США по выборам была совершенно иной – Вашингтон выступал в поддержку албанских мэров и признавал состоявшийся выборы демократическими.

Итак, анализируя новый виток косово-сербского конфликта в рамках военно-политической операции США, которая началась примерно с лета 2022 года (не исключено, что подготовка искусственной эскалации началась весной 2022 г.), можно выделить два основных этапа.

Первый этап военно-политической операции – провокация, устроенная «руками» косовских властей на косово-сербской границе, которая ударила одновременно как по сербским муниципалитетам, так и по Сербии. Введение новых номерных стандартов, во-первых, привело к транспортной блокаде муниципалитетов (отрезались поставки из Сербии). Во-вторых, военно-политическая операция на первом этапе включала эмоциональную провокацию против сербов – они должны были поступиться своими историческими ценностями, и заменить номера автомобилей на те, что содержали бы символику самопровозглашенной Республики Косово и Метохии.

Действия косовских властей по контролируемой эскалации конфликта не могли проходить без кураторства США. Во-первых, по первой реакции жителей сербских муниципалитетов было ясно, что провокация с номерными знаками приведет к сильнейшим протестам. Дальнейшее повышение ставок в таких случаях не может происходить без одобрения главного куратора Косово – США. Во-вторых, KFOR (СДК – «Силы для Косова», международные силы под руководством НАТО), активном образом задействованные в конфликте, всеми силами препятствовали сербским муниципалитетам в отстаивании своих прав. В начале 2023 года руководство силы KFOR заблокировало запрос Белграда о введении сербского контингента войск в сербские муниципалитеты Косово. Аргументация позиции Белграда о необходимости защиты сербских граждан в Косово была оставлена без внимания. Президент Сербии Александр Вучич справедливо отметил на этот счет: «Руководство (КФОР) озабочено политическими решениями членов НАТО, которые и устроили все это; они лишь оружие в руках мощных сил Запада» [1].

К слову, на всем протяжении косовского конфликта, силы KFOR никак не способствовали урегулированию косово-сербских противоречий. Ситуация с конца 90-х годов отсечется сложной. Из-за фактического бездействия KFOR, на территории Косово и Метохии сохраняется высокий уровень наркотрафика, торговли оружием [18. С. 176].

Итак, возвращаясь к сегодняшним реалиям, можно сказать, что операция Вашингтона наделена не только политической составляющей (курирование косовских властей по контролируемой эскалации конфликта),

но и военной (действия KFOR, направленные против граждан сербских муниципалитетов).

Второй этап военно-политической операции развернулся в период подготовки и проведения выборов мэров в четырех сербских муниципалитетах. Он включал в себя информационное обеспечение – официальное заявление Вашингтона о демократических выборах и соблюдение ее процедур при явке в 3,5 процента, а также обеспечение безопасности так называемой новой албанской власти в муниципалитетах с помощью KFOR.

Сейчас остается открытым вопрос, о чем детально удалось договориться Презенту Сербии Александру Вучичу на переговорах с США, Великобританией, Германией, Францией, Италией на встрече, которая прошла в мае 2023 года. По итогам встречи страны ЕС (Франция и Германия) выступили с заявлением о необходимости проведения новых выборов в сербских муниципалитетах, с чем также согласились США.

Очевидно, что военно-политическая операция по контролируемой эскалации косово-сербского конфликта не достигла своей главной цели – оказание давления на Сербию. Сербия по-прежнему сохраняет свою самостоятельность на международной арене и выстраивает партнерские отношения с Россией.

Полагаем, что военно-политическая операция США была поставлена временно на паузу. Более того, можно предположить, что операция вызвала недовольство стран-членов ЕС, которые не заинтересованы в новом витке косово-сербского конфликта, пусть даже который контролируется Вашингтоном.

Заклучим, что сегодня существенную угрозу для российско-сербских международных отношений несут в себе военно-политические операции США ввиду их безрезультативности угроз введения санкций. Неразрешенные этнополитические конфликты на Балканах, в «урегулировании» которых участвовали в том числе НАТО и США, позволяют сегодня оказывать давление на Балканские страны через контролируемую эскалацию этих конфликтов. Отчасти, это уже было продемонстрировано в Северной Македонии, где начиная с 2001 года натовцы создавали видимость борьбы с боевиками и контрабандистами, а в действительности применяли тактику «выкручивания рук» в отношении македонской власти, что и привело к вступлению страны в Североатлантический альянс. Апробированные методы и технологии данной тактики в Северной Македонии сегодня пытаются применить в Сербии через контролируемую эскалацию косово-сербского конфликта.

Глобальная цель Вашингтона на Балканах – тотальное поглощение Балканских государств. Общий нарратив США – вступление Балканских стран в НАТО позволит избежать какой-либо дальнейшей эскалации этнополитических конфликтов. Поперек этому нарративу сегодня идет Сербия, которая своим примером показывает, что на Балканах можно действовать

самостоятельно. Второй раздражающий фактор для Вашингтона – прочные межгосударственные отношения Сербии и России, которые им не удалось ухудшить ни угрозами санкций, ни после оказанного давления в рамках военно-политической операции.

Считаем, что для сохранения стабильности в Сербии, а также упрочнения российско-сербских межгосударственных отношений сегодня важно уделить особое внимание отработкам реагирования на провокации у косо-во-сербской границы, а также подготовке специалистов по информационным операциями. В данном направлении Россия может оказать содействие Сербии. К примеру, сегодня на базе Факультета политологии МГУ реализуется программа «Информационные и гибридные войны» под руководством профессора кафедры российской политики МГУ А.В. Манойло [12. С. 2-7]. В рамках данной программы могли бы проходить обучение сербские граждане. В вопросах оперативного реагирования Сербии на новые косовские провокации Россия также может оказать содействие по линии спецслужб в рамках предоставления практических рекомендаций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Александр Вучич об отказе КФОРа ввести сербские войска в Косово: Они лишь оружие в руках мощных политических сил Запада // Балкансит // <https://balkanist.ru/aleksandr-vuchich-ob-otkaze-kfora-vvesti-serbskie-vojska-v-kosovo-oni-lish-oruzhie-v-rukah-moshhnyh-politicheskikh-sil-zapada/>.

2. Арлянова Е.С., Пономарева Е.Г., Пророкович Д. Возможности НАТО в глобальном управлении: место действия – Балканы // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 2.

3. В ЕС признали, что выборы в Косове не могут считаться нормальными из-за низкой явки // ТАСС // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17594053>.

4. В Косово запретили въезд грузовых авто и поставку товаров из Центральной Сербии // Вести Ru // <https://www.vesti.ru/article/3404683>.

5. Взаимный товарооборот России и Сербии вырос на 10,2% в 2022 году // Министерство экономического развития Российской Федерации // https://www.economy.gov.ru/material/news/vzaimnyy_tovarooborot_rossii_i_serpii_vyros_na_10_2_v_2022_godu.html#:~:text=Взаимный%20товарооборот%20России%20и%20Сербии,Министерство%20экономического%20развития%20Российской%20Федерации&text=8%20сентября%202022%20года%20состоялась,экономическому%20и%20научно%20техническому%20сотрудничеству.

6. Вучич потребовал немедленного удаления псевдо-мэров и косовской полиции с севера Косово // Балкансит // <https://balkanist.ru/vuchich-potreboval-nemedlenno-udaleniya-psevdo-merov-i-kosovskoj-politsii-s-severa-kosovo/>.

7. Вучич сообщил, что Сербия хранит половину своего газа в Венгрии // ТАСС // <https://tass.ru/ekonomika/18535971>.

8. Вучич: Сербия будет игнорировать санкции США против руководства Республики Сербской // ТАСС // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18447797>.

9. Выборы на севере Косово пройдут осенью // Балканист // <https://balkanist.ru/vybory-na-severe-kosovo-projdut-osenyu/>.

10. *Калайджиев Г.В.* История реализации газопровода «Балканский поток» // Инновации и инвестиции. 2021. № 5.

11. Макрон: Париж и Берлин призывают к новым муниципальным выборам в четырех округах Косова // ТАСС // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17907749>.

12. *Манойло А.В.* Интервью с научным руководителем магистерской программы «Информационные и гибридные войны» доктором политических наук, профессором кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова // Юрист спешит. 2022. № 6.

13. МИД РФ о Косово: «Западники откровенно толкают ситуацию к прямому конфликту» // Балканист // <https://balkanist.ru/mid-rf-o-kosovo-zapadniki-otkrovenno-tolkayut-situatsiyu-k-pryamomu-konfliktu/>.

14. На севере Косово возобновились протесты сербов // Actor // <https://factor.am/ru/46200.html>.

15. «Премьер-министр» Косово призвал сербов переходить на косовские номера // Балканист // <https://balkanist.ru/chto-proishodilo-na-balkanah-4-iyulya>.

16. Российский совет по международным делам» (НП РСМД) // Российско-сербские отношения в условиях санкционного давления // <https://russiancouncil.ru/news/gorodskoy-zavtrak-rsmd-rossiysko-serbskie-otnosheniya-v-usloviyakh-sanktsionnogo-davleniya/>.

17. Сербия и Косово на грани новой войны? // Балканист // <https://balkanist.ru/serbiya-i-kosovo-na-grani-novoj-vojni/>.

18. *Филимонова А.И., Чередниченко С.А.* «Республика Косово»: наркотеррор регионального и глобального уровня // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 1.

19. Michta A // NATO's Eastern Front. CSIS Report. Center of Strategic and International Studies (2014) // <https://www.csis.org/analysis/nato%E2%80%99s-eastern-front>.

20. U.S. Embassy Statement on Municipal Elections // U.S. Embassy in Kosovo // https://xk.usembassy.gov/nm_election/.

21. Вучић за РТС: Очекује нас најтежи период, Курти неће стати, притисци за санкције Русији најјачи // <https://www.rts.rs/vešti/politika/5256814/vucic-za-rts-ocekuje-nas-najtezi-period-kurti-nece-stati-pritisci-za-sankcije-rusiji-najjaci.html>.

22. ВУЧИЋ СЕ ОБРАТИО НАЦИЈИ: Ана Брнабић мандатар за састав Владе, председник говорио и о ситуацији на КиМ и енергетици // Печат. Лист слободне Србија // <https://www.pecat.co.rs/2022/08/vucic-se-obratio-naciji-ana-brnabic-mandatar-za-sastav-vlade-predsednik-govorilo-i-o-situaciji-na-kim-i-energetici/>.

23. Vučić: Prešli smo Rubikon, biće težak povratak u normalnost // Kosov online // <https://www.kosovo-online.com/vesti/politika/vucic-presli-smo-rubikon-bice-tezak-povratak-u-normalnost-14-6-2023>.

A.A. SPASOV

Ph.D. in Political Science, Assistant of the Department of Political Analysis and Socio-Psychological Processes, Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov, Moscow, Russia

THE US MILITARY-POLITICAL OPERATION ON THE BALKAN TRACK AS A THREAT TO RUSSIAN-SERBIAN INTERSTATE RELATIONS

This article examines a modern US military-political operation aimed at a controlled escalation of the Kosovo-Serbian conflict through a partial transport blockade of Serbian municipalities located in Kosovo and Metohija. Political and military pressure was exerted on the Serbian government in order to reorient Belgrade from interstate interaction with Moscow to building cooperation with Washington. The author records two stages of the military-political operation, in which KFOR (“Forces for Kosovo”) and the political leadership of Kosovo and Metohija were involved. The operation began after Washington’s unsuccessful attempts to influence Serbia’s position towards Russia through blackmail and the imposition of sanctions. The author notes that the military-political operation did not lead to proper results for Washington, since interstate relations between Russia and Serbia maintain positive dynamics in the development of bilateral cooperation. At the end of the article, the directions of cooperation between Belgrade and Moscow in matters of security from external threats and military-political operations are outlined.

Key words: *military-political operation, Kosovo-Serbian conflict, USA, interstate relations, Russia, Serbia.*

С.Д. ДАВЫДОВ

преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, Россия, г. Москва

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА США В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В СЕРЕДИНЕ 2010-Х-ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 2020-Х ГГ.

Важной частью современных международных отношений является информационная политика, которую осуществляют различные акторы. Условия, существующие на данный момент в информационном пространстве, предоставляют новые возможности для ее реализации и усовершенствования взаимодействия между элементами, так или иначе участвующими в мировой политике. Характер подобного взаимодействия может быть различным: от сотрудничества до информационной конфронтации. Это зачастую связано со стремлением актора расширить собственное влияние на других акторов, включая культурное, политическое, ценностное, технологическое. Цель статьи заключается в анализе особенностей информационной политики США в Юго-Восточной Азии (ряде государств региона) в период середины 2010-х-первой половины 2020-х гг. Рассматриваются основные документы ВВГ/USAGM (американские организации, осуществляющие информационную политику), касающиеся стран Юго-Восточной Азии, тех шагов, которые предпринимались данными организациями в регионе в указанный период с целью информационного воздействия. В качестве итога в статье приводится характеристика информационной политики Соединенных Штатов в регионе, включая основной фактор, определяющий ее свойства и изменения.

Ключевые слова: *США, Юго-Восточная Азия, Бирма, Таиланд, Камбоджа, Вьетнам, Индонезия, Лаос, Филиппины, информационная деятельность, информационная политика, ВВГ, USAGM.*

Введение. Информационная политика США (и в целом, и касательно отдельных регионов мира) способна оказывать существенное влияние на обстановку в международных отношениях, на их контекст. Более того, информационная деятельность Вашингтона позволяет выявить значимость

того или иного региона либо государства как для информационной политики Соединенных Штатов, так и для их внешней политики в целом. Новые качества, тенденции и направления (помимо географической специфики) информационной деятельности США представляются полезными в плане ее изучения в прошлом, настоящем и будущем. В середине 2010-х-первой половине 2020-х гг. среди важных, ценных для американской информационной политики регионов можно выделить Юго-Восточную Азию. Информационную деятельность Вашингтона на данной территории предполагается рассматривать на примере документов, шагов, действий, мероприятий, связанных с Агентством США по глобальным медиа (U.S. Agency for Global Media, USAGM, ранее Совет управляющих по вопросам вещания, Broadcasting Board of Governors, BBG).

Основная часть. Информационная деятельность BBG/USAGM в рассматриваемый в статье период имела множество проявлений: ««Голос Америки» (Запрещенная в России организация) отреагировал на приостановку тайскими военными радио- и телевидения, расширив свои программы на спутниковых и цифровых носителях, добавив два новых временных интервала в свою новостную программу Hotline News. ... Горячая линия новостей расширяется с пяти до семи дней в неделю. Тайская служба VOA продолжит вещание по радио в обычное время... Кроме того, новости горячей линии будут транслироваться одновременно по телевидению и в Интернете... Новостная программа также будет доступна на странице Тайской службы в Facebook (Продукт запрещенной в России организации) и на канале YouTube» [20].

Помимо каналов вещания важным направлением информационной работы является поиск целевой аудитории. Анализ информационных материалов «Голоса Америки» позволяет говорить о том, что ставка делается в первую очередь на молодежь и журналистов, определяющих себя в качестве оппозиционных. Примером работы с первой обозначенной группой может служить материал о Вьетнаме. В нем значилось: «Согласно данным, опубликованным сегодня Советом управляющих по вопросам вещания (BBG) и Gallup, вьетнамская молодежь все чаще обращается к онлайн-источникам новостей... Молодые люди, в свою очередь, чаще называют онлайн-источники – чаще всего это популярные вьетнамские новостные и информационные порталы..., а также глобальный гигант социальных сетей Facebook. ... Хотя телевидение остается почти повсеместным, а частота использования телевидения и радио изменилась лишь незначительно, доля взрослых вьетнамцев, которые пользуются Интернетом еженедельно или чаще, продолжала расти с 26,3% в 2012 году до 38,8% сегодня» [22].

При этом работа с молодежью и, в целом взрослым населением посредством Интернет не исключает других направлений информационного влияния. Одним из них является вручение различных наград за творческую

деятельность. Например, «первая премия «Голоса Америки» за короткометражный или документальный фильм о правах человека была вручена 19 июня на Четвертом ежегодном международном кинофестивале «Права человека и достоинство» в Янгоне, Мьянма. ... «Голос Америки» сообщает о правах человека, демократии и свободе во всем мире. Как новостная организация, «Голос Америки» сообщает о нарушениях прав человека, где бы они ни происходили. Мы также поддерживаем такие мероприятия, как этот кинофестиваль, которые продвигают ценности прав человека и человеческого достоинства», – сказал Тан Лвин Хтун (руководитель отделения VOA в Мьянме)» [19].

Второе из указанных направлений, работа с журналистами, нашло свое выражение в проведении семинаров, тренингов и пр. Одним из примеров материалов об этой работе может служить такой: «Двадцать журналистов из членских организаций «Голоса Америки» и неправительственных организаций приняли участие в трехдневном тренинге по съемке, редактированию и публикации с мобильных телефонов. Также рассматриваются: журналистская этика, вопросы авторского права и поддержание профессионального присутствия в социальных сетях. Участники смогли попрактиковаться и реализовать свои новые навыки, а затем поделились своими проектами на Facebook. Семинар прошел в Пномпене 25-27 марта 2018 г.» [3]. Аналогичные примеры по работе с журналистами Таиланда, Индонезии, Филиппин, Бирмы и ряда других государств ЮВА также были обнаружены при анализе информационных сообщений последних пяти лет [7; 11; 21; 4; 12; 6; 7; 9].

При этом, очевидно, что основным направлением информационной работы США в ЮВА является сфера политики и вмешательство в нее посредством деятельности информационных институтов. Например, такой материал был посвящен событиям в Камбодже: «Либи Лю, президент Radio Free Asia (RFA), сегодня выступила со следующим заявлением о решении RFA приостановить деятельность внутри страны в Камбодже: к сожалению, Радио Свободная Азия было вынуждено закрыть свое бюро в Пномпене. Безжалостное подавление правительством независимых голосов в последние недели сделало невозможным сохранение бюро открытым, гарантируя целостность журналистской миссии RFA. ... Власти применяют ту же тактику против RFA, несмотря на наше полное сотрудничество на каждом этапе выполнения всех запросов и наши искренние усилия по регистрации в качестве лицензированной медиа-компании. ... RFA будет продолжать сообщать о наиболее важных и подвергнутых цензуре проблемах и событиях внутри страны, и мы будем продолжать транслировать и публиковать наши программы, репортажи и контент на коротковолновом радио, в социальных сетях и на нашем веб-сайте» [10].

Не меньшее внимание было посвящено событиям в Бирме. О них сообщалось: «Переворот 1 февраля в Бирме привлек международное внимание, но доступ к информации внутри страны оказался сложным для большинства жителей Бирмы. Контролируемое военными правительство... начало блокировать доступ к негосударственным источникам новостей, включая социальные сети. В связи с отступлением местных СМИ, радио «Свободная Азия» и «Голос Америки», поддерживаемые USAGM, добились резкого увеличения аудитории. ...Веб-сайты VOA и RFA на бирманском языке по-прежнему доступны, несмотря на некоторые перебои в Интернете, и агентство расширяет свои радиопередачи и доступ к инструментам безопасности в Интернете. ... VOA Burmese заметил всплеск активности аудитории во время специального освещения военного переворота. Больших результатов добился анализ руководителя службы в прямом эфире в студии на Facebook и мнение бирманского правозащитника о кризисе в скайп-дискусии. Комментарии/репосты только к этим двум интервью превысили отметку в 3 миллиона, а веб-сайт службы набрал 1,9 миллиона просмотров за ночь. ... Бирманская служба «Голоса Америки» вышла в прямом эфире на телевидении, радио, в Интернете и социальных сетях, чтобы рассказать историю, которую местные СМИ не предоставили. «Голос Америки» предоставил справочную информацию о событиях и лицах, участвовавших в них, а также график событий, приведших к перевороту. Сеть также освещала осуждающие заявления США, ЕС и других западных лидеров, и лидеров АСЕАН» [1].

При этом США укрепили свое информационное влияние в стране. «Агентство США по глобальным медиа (USAGM) объявило на этой неделе, что две его общественные медиа-сети – «Голос Америки» (VOA) и «Радио Свободная Азия» (RFA) – объединили свои усилия для создания нового круглосуточного видеоканала для аудитории в Бирме. Канал, доступный на двух разных спутниковых каналах прямого вещания, покрывающих Бирму, создан в ответ на закрытие бирманскими военными независимых СМИ и периодическую блокировку услуг мобильной связи и интернета после военного переворота 1 февраля» [14].

Также они обозначили «важность» своего информационного присутствия. Ими сообщалось: «Бирма сталкивается с гуманитарным кризисом на фоне информационной блокировки. С момента прихода к власти военной хунты местные СМИ подвергались безжалостным репрессиям, несмотря на острую потребность в достоверных новостях. Присоединяйтесь к нам для виртуального разговора о роли журналистики и неопределенном будущем Бирмы в рамках серии мероприятий, посвященных 25-летию Радио Свободная Азия. ... Бывший посол США в Бирме Дерек Митчелл, президент Национального демократического института, будет модератором

группы экспертов для решения этих вопросов... На мероприятии также будет представлено интервью руководителя RFA Бэй Фан...» [2].

В итоге о расширении американского влияния на регион сообщалось в 2021 г. в информационных материалах самого агентства. «USAGM продолжает расширять охват аудитории... Рост аудитории также произошел на нескольких ключевых рынках, включая... Бирму (рост на 132 процента по сравнению с последним опросом) и Вьетнам (рост на 241 процент по сравнению с последним опросом), а также на ранее неисследованных рынках, включая... Филиппины (5,0 млн)» [5].

О деятельности, осуществляемой USAGM/BBG, их филиалами и ответвлениями в рассматриваемый в статье период сообщается также в отчетах, охватывающих финансовый год. Они помогают фиксировать характерные черты и приоритетные цели американской информационной политики, ее активизацию в различных областях, на разных направлениях. Юго-Восточная Азия также фигурирует в данных документах.

Например, в отчете 2017 года значится: «Еженедельная аудитория RFA выросла с 6,4 миллионов до 6,9 миллионов в 2017 финансовом году, превысив целевой показатель. Росту способствовало расширение аудитории во Вьетнаме, в первую очередь видеоаудитории. Аудитория RFA в Камбодже, измеренная до недавнего кризиса, вынудившего радио RFA отказаться от FM-частот, также продолжала оставаться очень сильной. ... RFA и VOA продемонстрировали огромный рост цифрового и социального взаимодействия... по всей Юго-Восточной Азии, с новым контентом, возросшей вовлеченностью и высокорейтинговыми сайтами в социальных сетях. ... После подавления СМИ в Камбодже активность кхмерской страницы RFA в Facebook резко возросла. Количество зрителей прямых трансляций новостной программы Кхмерской службы в Facebook увеличилось почти вдвое по сравнению с неделей, предшествовавшей закрытию, и неделей после нее, а среднее количество вовлеченных пользователей увеличилось более чем на 20 процентов. Бирманский «Голос Америки» стал четвертым по величине сайтом Facebook в Бирме, индонезийский «Голос Америки» стал третьим по темпам роста медиа-сайтом Facebook в Индонезии, а страница «Голоса Америки» в Facebook имеет наибольшее количество поклонников в Камбодже. В 2017 финансовом году количество поклонников вьетнамского сайта VOA в Facebook выросло на 36 процентов» [13].

Отчет 2019 года продолжил логику «информационных достижений». В нем значилось: «RFA продемонстрировал устойчивый рост активности в социальных сетях, особенно вокруг новых видеопродуктов в Бирме, и значительно превысил свой целевой показатель. ... Например, несмотря на потерю телеаудитории, цифровая аудитория «Голоса Америки» в Индонезии выросла почти на 600 процентов с 2016 года. ... Индонезийский «Голос Америки» обслуживает в этом качестве 11 национальных телеканалов

и многие крупные радиосети. Подобные договоренности существуют в... Таиланде...» [16].

В отчете 2021 г. ЮВА также была обозначена в качестве важного региона: «... рост аудиторией произошел на нескольких ключевых рынках, включая...Бирму и Вьетнам, а также на ранее неисследованных рынках, включая...Филиппины. ... Показатель доверия к RFA в последнем модуле опроса USAGM по Бирме (96,9 процента) вырос на 10 процентных пунктов по сравнению с предыдущим опросом в этой стране, менее чем за два месяца до того, как ее демократически избранное правительство было свергнуто в результате военного переворота 1 февраля 2021 года. ... Прогнозируемая еженедельная аудитория выросла на всех этих рынках, более чем в три раза по сравнению с предыдущими прогнозами аудиторией в...Бирме и Вьетнаме, и более чем вдвое в Лаосе. Росту аудиторией способствовал рост онлайн- и социальных сетей на всех рынках, а также срочные новости, особенно в...Бирме. ... В ответ на военный переворот в Мьянме в феврале 2021 года USAGM расширило покрытие и запустило круглосуточный спутниковый телеканал...для Бирмы, предоставляющий новости и информацию без цензуры. ... Оценка RFA понимания текущих событий в целевой стране полностью основана на данных из Камбоджи. ... Понимание показателей национального опроса Камбоджи, завершено в октябре 2019 года, значительно выше, чем у Китая... ВЬЕТНАМ RFA Vietnamese стала популярным новостным ресурсом для вьетнамских зрителей...» [17].

Отчет 2022 включил в себя наиболее подробную по сравнению со всеми предыдущими годами информацию о регионе. В нем значилось, что «в 2022 финансовом году взаимодействие RFA с аудиториями существенно сократилось, что было вызвано, главным образом, новыми ограничениями в отношении Facebook в Мьянме... Во Вьетнаме, где все более усиливаются цензурные ограничения, измеренная аудитория агентства сократилась примерно на 3 миллиона человек, в основном среди пользователей «Голоса Америки». ... Бирманская и вьетнамская службы «Голоса Америки» значительно превысили целевой показатель на 2022 финансовый год, связанный с улучшением понимания внешней политики США с заметным увеличением по сравнению с 2021 финансовым годом. За последние два года...правительства приняли чрезвычайные меры по расширению...цензуры веб-сайтов. Это включало расширенную цензуру под прикрытием безопасности в... Камбодже, Бирме... Многие языковые службы «Голоса Америки» действуют как американские бюро для своих партнеров, предоставляя новости и анализ основных событий в Соединенных Штатах, которые можно включать непосредственно в партнерские новостные программы» [18].

Таким образом, содержание докладов американского информационного агентства демонстрирует значимость ЮВА в рассматриваемый период. Более того, в одном из «стратегических планов», играющих весьма важную

роль в американской информационной политике, также содержится информация о мероприятиях, проводимых в Юго-Восточной Азии. Это свидетельствует о высокой значимости региона для информационной деятельности Вашингтона. В частности, в нем упоминается, что «в таких странах, как Бирма... мы боремся с цензурой, поддерживая передовые инструменты открытого Интернета и обхода цензуры...» [15].

Приведенные выше фрагменты, выдержки из документов позволяют сделать вывод о том, что Юго-Восточная Азия в целом и отдельные страны этого региона в разной степени важны для информационной политики Соединенных Штатов на современном этапе. Более того, была осуществлена существенная активизация информационной политики США в данных государствах в период середины 2010-х-первой половины 2020-х гг.

Следует отметить, что информационная политика Вашингтона, направленная на разных акторов, может значительно отличаться. В отношении государств союзных США наблюдается определенная двойственность: с одной стороны, американская информационная политика не направлена против местного руководства напрямую, с другой стороны, BBG/USAGM проводили и проводят разного рода тренинги, занимались и занимаются освещением различных проблем, включая тренинги и проблемы социального, политического характера, так или иначе касающихся именно правительств данных государств.

Относительно недружественных Вашингтону стран американская информационная деятельность была напрямую направлена против местных правительств. В качестве приоритетных направлений были выбраны такие как социальный протест, взаимодействие с общественными и политическими деятелями оппозиционного «крыла».

Приведенные выше фрагменты информационных материалов также свидетельствуют о том, что информационная политика США модернизируется посредством внедрения новых технологий, опоры на социальные сети, равно как и о значительных результатах данной модернизации в том, что касается охвата аудиторий, взаимодействия с ней. Более того, непосредственно Бирма, по-видимому, на протяжении выделенного в статье временного отрезка рассматривалась (и рассматривается по сей день) и руководством BBG/USAGM, и руководством США в качестве своего рода экспериментальной площадки, то есть на этой стране тестируются технологические разработки, предназначение которых состоит в повышении эффективности информационной деятельности Соединенных Штатов как в региональном, так и в глобальном масштабе.

Также весьма примечательной представляется значимость разнообразных культурных программ как способа расширения влияния для информационной политики Вашингтона в Юго-Восточной Азии, равно как и значимость для нее сотрудничества с высшими учебными заведениями. В качестве

причин этого могут выступать их роль в общественных дискуссиях на темы, так или иначе касающиеся американских интересов в данных государствах и концентрация экспертов, которые обладают возможностью способствовать достижению этих же целей, а также высокая концентрация молодежи, которая, по-видимому, рассматривается в качестве имеющей больший доступ к информации, более политически активной и потому представляет особенную важность для Соединенных Штатов в рамках их информационных и внешнеполитических устремлений в Юго-Восточной Азии.

Заключение. В итоге можно говорить о том, что на приоритетность региона ЮВА для информационной политики США указывает то обстоятельство, что BBG/USAGM в рассматриваемый период тесно взаимодействовали в ходе осуществления своей деятельности с американскими дипломатами. Это также свидетельствует о том, что информационная политика Вашингтона является продуктом коллективных усилий нескольких структур, функции которых шире. Активизация американской информационной политики в Юго-Восточной Азии диктуется, по-видимому, «оборонительно-наступательной» двойственностью как ее основным принципом, постепенный переход к которому был осуществлен в рассматриваемый в статье период. «Наступательный» компонент данного принципа предполагает стремление к лидерству в глобальном информационном пространстве путем активизации информационной деятельности, расширения (либо углубления) географического воздействия, охвата аудитории, а «оборонительный» компонент, связанный с обеспокоенностью по поводу информационной безопасности самих США, только усиливает «наступательный». Также весьма примечательной тенденцией являются ответные меры ряда государств Юго-Восточной Азии, которые вводились в отношении филиалов BBG/USAGM в рассматриваемый в статье период. Американская информационная политика не устраивает ряд акторов и потому все чаще встречает противодействие с их стороны, что нашло свое отражение и в политике государств данного региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Burma coup: USAGM coverage inside the country and from abroad // <https://www.usagm.gov/2021/02/12/burma-coup-usagm-coverage-inside-the-country-and-from-abroad/>.
2. Burma: Journalism's power and peril // <https://www.usagm.gov/2021/09/29/burma-journalisms-power-and-peril-an-rfa-25th-anniversary-event/>.
3. Cambodia: Mobile journalism workshop // <https://www.usagm.gov/2018/07/19/cambodia-mobile-journalism-workshop/>.
4. Digital, physical, psychological safety and security of journalists in the Philippines // <https://www.usagm.gov/2021/09/29/>

digital-physical-psychological-safety-and-security-of-journalists-in-the-philippines/.

5. Extensive audience growth reflects global need for reliable and credible information // <https://www.usagm.gov/2021/11/15/extensive-audience-growth-reflects-global-need-for-reliable-and-credible-information/>.

6. Fact-based reporting and mobile journalism // <https://www.usagm.gov/2022/08/23/fact-based-reporting-and-mobile-journalism/>.

7. Media Literacy: Understanding Misinformation and Disinformation // <https://www.usagm.gov/2022/10/04/media-literacy-understanding-misinformation-and-disinformation/>.

8. Mobile journalism training in Bangkok // <https://www.usagm.gov/2018/10/04/mobile-journalism-training-in-bangkok/>.

9. Reporting nature crimes in Indonesia // <https://www.usagm.gov/2022/10/14/reporting-nature-crimes-in-indonesia/>.

10. Statement from Radio Free Asia's President on Cambodia // <https://www.usagm.gov/2017/09/12/statement-radio-free-asias-president-cambodia/>.

11. Thai Affiliate Conference: Journalism in Digital Era & Audience Growth Strategy // <https://www.usagm.gov/2019/09/19/thai-affiliate-conference-journalism-in-digital-era-audience-growth-strategy/>.

12. The building blocks of good reporting // <https://www.usagm.gov/2021/10/14/the-building-blocks-of-good-reporting/>.

13. USAGM BBG FY 2017 Performance and Accountability Report // https://www.usagm.gov/wp-content/uploads/2017/11/BBG_FY_2017_PAR.pdf.

14. USAGM launches 24/7 satellite TV channel for Burma to counter military censorship // <https://www.usagm.gov/2021/06/09/usagm-launches-24-7-satellite-tv-channel-for-burma-to-counter-military-censorship/>.

15. USAGM Strategic Plan 2022-2026 // https://www.usagm.gov/wp-content/uploads/2022/03/Strategic-Plan-2022-2026_74Y22-02-23-22.pdf.

16. USAGM USAGM FY 2019 Performance and Accountability Report // <https://www.usagm.gov/wp-content/uploads/2019/11/USAGM-FY2019-PAR.pdf>.

17. USAGM USAGM FY 2021 Performance and Accountability Report // <https://www.usagm.gov/wp-content/uploads/2021/11/FY-2021-USAGM-PAR-FINAL.pdf>.

18. USAGM USAGM FY 2022 Performance and Accountability Report // <https://www.usagm.gov/wp-content/uploads/2022/11/USAGM-FY2022-PAR.pdf>.

19. VOA award presented at Myanmar Human Rights Film Festival // <https://www.usagm.gov/2016/06/20/voa-award-presented-at-myanmar-human-rights-film-festival/>.

20. VOA Thai Programming Counters Coup // <https://www.usagm.gov/2014/05/23/voa-thai-programming-counters-coup/>.

21. Webinar for Indonesian Students: Persuasive Public Speaking // <https://www.usagm.gov/2021/05/11/webinar-for-indonesian-students-persuasive-public-speaking/>.
22. Young Vietnamese Increasingly Turning to the Internet for News // <https://www.usagm.gov/2015/06/10/young-vietnamese-increasingly-turning-to-the-internet-for-news/>.

S.D. DAVYDOV

Lecturer, University under the Inter-Parliamentary Assembly of EurAsEC, the Chair for Social and Humanitarian Disciplines, Moscow, Russia

US INFORMATION POLICY IN SOUTHEAST ASIA IN THE MID-2010S TO THE FIRST HALF OF THE 2020S.

A very important part of modern international relations is information policy, which is carried out by various actors. The conditions that currently exist in the information space provide new opportunities for its implementation, for improving the interaction between elements that are one way or another involved in world politics and in relevant processes. The nature of such interaction can be different: from cooperation to informational confrontation. This is often associated with the actor's desire to expand its own influence on other actors, including cultural, political, value, and technological influence. The purpose of the article is to analyze the characteristic features of US information policy in Southeast Asia (in a number of states in the region) in the period from the mid-2010s to the first half of the 2020s. The main documents of BBG/USAGM (American organizations implementing information policy) concerning the countries of Southeast Asia and the steps taken by these organizations in the region during this period for the purpose of information impact in various forms are considered. As a result, the article provides a description of the information policy of the United States in the region, including the main factor determining its properties and changes.

Key words: *USA, Southeast Asia, Burma, Thailand, Cambodia, Vietnam, Indonesia, Laos, Philippines, information activity, information policy, BBG, USAGM.*

И. А. КОПЫЛОВ

*кандидат политических наук, доцент,
член-корреспондент Академии военных наук,
Россия, г. Москва*

SPIN-код: 5319-6005, AuthorID: 695158

УПРАВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНОЙ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются вопросы функционирования системы государственного управления России в условиях современного межгосударственного противоборства, анализируются основные ее подсистемы, функцией которых является обеспечение обороны и безопасности страны. Акцентируется внимание на необходимости дальнейших научных исследований подсистемы государственного управления – управления национальной обороной, значение которой в настоящее время неуклонно возрастает.

Ключевые слова: *система государственного управления, межгосударственное противоборство, теоретико-методологические основы, управление обороной: управление национальной обороной Российской Федерации, обеспечение безопасности.*

Современная трансформация мирового порядка, возникновение многих новых, стремительно развивающихся центров мирового влияния, оказывающих существенное влияние на развитие международных отношений и как следствие военно-политической обстановки в регионах планеты, привела к изменению политической картины мира, проявлению предпосылок формирования на планете многополярного мироустройства во главе с крупнейшими региональными и континентальными державами.

Происходящие сегодня мировые и региональные процессы наглядно доказывают усиление межгосударственного противоборства за лидирующие позиции в мировой системе, владение и контроль над мировыми природными ресурсами и транспортными коридорами, первенство в разработке новых военных и информационных технологий и т.д.

Наиболее кардинальные изменения происходят в военно-политической области межгосударственного взаимодействия, которая подвергается

новейшим вызовам и угрозам, источником которых становится деструктивная политика лидеров однополярного мироустройства, стремящихся сохранить свое глобальное доминирование. В мире обострилась конкуренция по многим вопросам жизнедеятельности человечества, которая затронула все сферы общественной жизни, внесла значительные изменения в межгосударственное сотрудничество государств по вопросам образования, культуры и спорта.

В настоящее время противостояние сторонников однополярного и многополярного мироустройства вступило в «горячую точку» своего осуществления, оказывает значительное влияние на состояние военно-политической обстановки во многих регионах мира, способствует зарождению и протеканию современных межгосударственных конфликтов. Подтверждением тому служат:

- продолжающееся противоборство между Республиками Армения и Азербайджан, которое до настоящего времени не завершено;
- военный конфликт между Израилем и ХАМАС в секторе Газа, который за короткое время унес жизни более 4 тысяч граждан с обеих сторон, в том числе женщин и детей;
- осуществляемая Россией специальная военная операция против нацистского украинского режима, которая в настоящее время трансформировалась в необъявленную войну коллективного Запада против российского государства.

В этих условиях основной функцией любого суверенного государства становится осуществление защиты суверенитета, конституционного строя и целостности, обороны страны, общества и личности от внешних и внутренних опасностей и угроз. Ведущая роль в этом процессе принадлежит государственному управлению, которое в Российской Федерации определяется как организующая, исполнительная и распорядительная деятельность федеральных, региональных органов государственной власти, местного самоуправления, общественных и иных государственных и негосударственных организаций, наделенных соответствующими государственно-властными полномочиями в целях обеспечения национальных интересов государства [4]. Данная деятельность осуществляется, на основе Конституции Российской Федерации, федеральных законов, а также нормативных правовых актов Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации.

События межгосударственного противоборства 2022-2023 годов показали, что при осуществлении обороны страны и обеспечении безопасности государства важнейшая роль в данном процессе принадлежит не только созданным в этих целях государственным институтам и ведомствам, непосредственно осуществляющим свою деятельность в области обороны, но и другим структурам, которые создаются в непосредственный период

обострения военно-политической обстановки и ведения боевых действий. Примером тому служит Координационный совет при Правительстве Российской Федерации по обеспечению потребностей Вооруженных Сил Российской Федерации, созданный после начала специальной военной операции на территории Украины, в целях усиления координации действий федеральных и региональных исполнительных органов власти [10].

Совершенствование государственного управления – наиболее важный и необходимый по своему значению процесс, который становится наиболее актуальным в период активного деструктивного воздействия внешних и внутренних факторов на состояние обороны и безопасности государства. Следует отметить, что объектом государственного управления являются социально-экономические процессы, государственные и общественные институты, социальные группы, обеспечивающие оборону и безопасность страны, а само понятие «управление», с точки зрения системного подхода, в научных трудах определяется как функция системы, ориентированная либо на сохранение основного качества, т.е. совокупности свойств, утрата которых ведет к разрушению системы в условиях изменения среды, либо на выполнение некоторой программы, обеспечивающей устойчивость функционирования и достижение определенной цели [9. С. 51].

Основные задачи управления и его составной части организации, решает система управления, итоговым результатом функционирования которой является принятие и реализация управленческого решения, представляющего собой конкретный выбор одной или нескольких альтернатив из множества возможных вариантов. Деятельность любой организации представляет собой единую централизованно управляемую систему.

Система государственного управления представлена иерархическими уровнями управления, каждый из которых представляет собой подсистему (или совокупность подсистем) вышестоящей иерархической системы. В зависимости от подхода к рассмотрению государственного управления как системы, оно будет представлять подсистему высшего иерархического уровня и иметь многочисленные подсистемы подчиненного порядка, к которым можно отнести подсистемы политического, военного, социального, экономического и других управлений. Иерархическая, вертикальная структура организации системы государственного управления составляет основу ее планомерного развития и функционирования. Помимо вертикальной оси координат, система государственного управления имеет горизонтальную ось взаимоотношений между различными подсистемами одного уровня. Это министерства и ведомства, оборонно-промышленный комплекс государства и другие органы управления, отвечающие за состояние обороны страны в мирное и военное время. Горизонтальная и вертикальная структуры организации управления придают системе устойчивость и гибкость.

В настоящее время, в условиях усиления и расширения межгосударственного противоборства, наиболее пристальное внимание необходимо уделять функционированию тех подсистем государственного управления, которые непосредственно задействованы в обеспечении обороны, способствуют предотвращению и нивелированию деструктивного влияния внешнеполитических факторов на состояние национальной безопасности российского государства.

Особая роль в обеспечении поступательного развития государства и общества, их безопасности принадлежит системе военного управления обороной государства, которая изначально формируется в зависимости от основных военно-политических и экономических характеристик конкретного государства – политический режим, государственное устройство, форма правления и экономическая система. Следует напомнить, что в истории человечества довольно часто военное управление отождествлялось с государственным управлением, исходя из того, что у власти находились представители вооруженных сил, которые осуществляли руководство всеми ветвями власти – т.е. были легитимным руководством страны.

В XX веке в Чили, Турции и многих государствах Африки управление государством осуществлялось военными органами, их должностными лицами или военными методами. И в XXI веке мы наблюдаем многочисленные военные перевороты во многих уголках нашей планеты, по итогам которых к власти приходят профессиональные военнослужащие, кардинально изменяющие курс развития государства и общества, осуществляя военное управление на высоких государственных постах.

Вопросам теоретико-методологических основ исследования роли и места военного управления в системе государственного управления Российской Федерации посвящены труды многих российских военных теоретиков, труды которых актуальны и настоящее время. Так в работах доктора политических наук, профессора А.Г. Лихоносова еще в 2005–2008 гг. были рассмотрены проблемы совершенствования системы государственного и военного управления в интересах укрепления военной безопасности Российской Федерации, определены ключевые понятия и категории по данной проблематике, выявлены характерные черты системы государственного и военного управления, проанализированы место и роль системы управления в реализации государственной политики обеспечения военной безопасности [5; 6; 7].

Уже в те годы сущность исследуемой проблемы заключалась в разрешении противоречия между тенденциями нарастания военных угроз в динамично развивающемся окружении России и не отвечающей требованиям системой государственного и военного управления Российской Федерации, ее недостаточной эффективностью в обеспечении военной безопасности из-за отставания теоретико-методологических подходов к совершенствованию

системы. В целях эффективного функционирования системы государственного и военного управления профессором А.Г. Лихоносовым были разработаны многочисленные предложения по ее совершенствованию, в том числе Концепция проекта федерального закона «О системе государственного и военного управления Российской Федерации» [8].

Не менее актуальными разработками в области государственного и военного управления являются труды доктора философских наук С.И. Музыкова, который рассматривает государственное и военное управление как единую систему. По мнению С.И. Музыкова, основной составляющей системы государственного и военного управления является подсистема государственного управления, которая представляет собой сложную разновидность социально-политического управления с присущими только данному виду управления спецификой и свойствами, такими как:

- характер подсистемы государственного управления в конкретное историческое время определяется целесообразностью, конституционными основами (принципами) обороны и безопасности государства;

- подсистема государственного управления опирается на властные полномочия и представляет собой способ реализации государственной власти, которая распространяется на конкретные органы государственной власти (федеральные, региональные, местные, объекты экономики) и все общество в интересах обеспечения обороны и безопасности государства;

- законы, иные правила и нормы в интересах обеспечения обороны и безопасности, устанавливаемые государственной властью, – общеобязательны, обеспечиваются авторитетом силы государства;

- в центре подсистемы государственного управления (смысл воздействия) – решение общенациональных задач, согласование действий всех граждан, защита совместного интереса, удовлетворение потребности в безопасности всего общества;

- комплекс методов и средств подсистемы государственного управления составляет не только правовые, политические, экономические (регулирование, согласование, убеждение, стимулирование и т.д.), но и принуждение с помощью сил правоохранительных государственных органов;

- подсистема государственного управления в источнике имеет правовую и политическую обусловленность (легитимность), а в реализации – силу государственного аппарата, обладающего и средствами принуждения [9. С. 58].

Цели и функции подсистемы представляют собой систему управления обороной государства, определяемую в научном сообществе как «целенаправленная деятельность субъектов политики по осуществлению системы политических, экономических, военных, социальных, правовых и иных мер по подготовке к вооруженной защите и руководство вооруженной защитой страны по сохранению целостности и неприкосновенности ее территории»

[9. С. 162]. Управление обороной государства, как составная часть всего военного управления, осуществляется в контексте военной политики государства, которая прописана в конституционных, нормативно-правовых и военно-доктринальных актах государства. В Российской Федерации военная политика отражена в Военной доктрине 2014 г. [2].

Перечисленные научные термины «государственное управление», «военное управление», «управление обороной» являются лишь незначительной частью понятийно-категориального аппарата военной теории и практики, которая определяет и характеризует социально-политические, организационные, правовые, духовные и др. основы, принципы, меры военной политики государства, организации обороны страны, развития Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов.

В своих трудах доктор философских наук, профессор О.А. Бельков неоднократно останавливался на трудностях и недостатках понятийно-категориального аппарата военной теории и практики, которые затрудняют ее понимание и развитие. Так в своей работе «Прикладное измерение понятийного аппарата военной теории и практики» профессор О.А. Бельков рассматривает некорректное определение содержания некоторых понятий, анализирует неполно или односторонне объясненные понятия, приводит примеры введения в оборот необъясненных, или неверно объясненных понятий, констатирует отсутствие понятий, обозначающих реальные явления военной безопасности и потому как бы не включенные в теорию и не ставшие предметом регуляции [1].

Особый интерес вызывает позиция профессора О.А. Белькова по проблемам сугубо централизованной деятельности в области обороны страны, которую в определенной мере устраняют Совет Безопасности и Национальный центр управления обороной Российской Федерации. Однако Совет Безопасности является совещательным, а не распорядительным органом, и вопросы военной безопасности государства являются для него одним из семи (по числу Межведомственных комиссий) направлений деятельности, а Национальный центр управления обороной Российской Федерации представляет собой ведомственную структуру управления, находящуюся в подчинении Генерального штаба, созданную для обеспечения централизованного боевого управления Вооруженными Силами. Сам же Генеральный штаб, по словам генерала армии В.В. Герасимова, призван осуществлять координацию, а не напрямую руководить оборонной деятельностью других ведомств [3]. Нельзя не согласиться с О.А. Бельковым, что решение вопроса централизации управления обороной видится в создании специальной властно-распорядительной структуры федерального уровня, функционально ответственной за мониторинг глобальной военно-политической обстановки и принятие управленческих решений по реагированию на ее

изменение. Примером тому служат осуществлявшие свою деятельность в разные годы Совет Труда и Обороны, Государственный Комитет Обороны, Совет Обороны.

Современные мировые процессы в области безопасности, осложненные активным межгосударственным противоборством с использованием и применением новых видов вооружения и техники, осуществляемым во всех сферах международной и национальной жизнедеятельности. В этих условиях противодействие внешним вызовам и угрозам должно носить комплексный характер и обеспечивать не только оборону государства, но и национальную безопасность страны. Ведущая роль в этом процессе должна принадлежать управлению национальной обороной государства, которое в настоящее время определяется как «целенаправленная деятельность органов государственной власти по реализации политических, экономических, военных, социальных, правовых и иных мер по подготовке к вооруженной защите и вооруженной защите конкретного государства, целостности и неприкосновенности его территории» [11].

Сравнивая имеющиеся научные определения понятий «управление обороной государства» и «управление национальной обороной» следует отметить, что различием в них является лишь то, что управление обороной государства подразумевает «руководство вооруженной защитой страны», а управление национальной обороной – «вооруженную защиту конкретного государства». Возникает вопрос: не тождественны ли данные понятия? Отрицательный ответ подтверждается тем, что в отличии от управления обороной, большинство функций которого распространяются на военную сферу, управление национальной обороной осуществляет свою деятельность во всех сферах общественной жизни и занимает, по мнению автора статьи, более высокое место в иерархической структуре системы государственного управления, а управление обороной является его подсистемой.

Значимость управления национальной обороной как самостоятельной системы заключается и в том, что исполнение многочисленными его субъектами закрепленных функций, определяет деятельность всего государственного аппарата по вопросам обеспечения обороны и безопасности страны, которые необходимо осуществлять в условиях воздействия внешних и внутренних факторов, которыми, в том числе, являются: геополитическая ситуация в мире, внутренняя и внешняя политика государства, состояние экономики страны и вооруженных сил, возможности социализации человека в обществе и реализации духовного потенциала личности и другие. Каждое из перечисленных условий может выступить деструктивным фактором в обеспечении жизнеспособности системы.

Совершенствование системы управления национальной обороной Российской Федерации необходимо осуществлять как на научном, так и на практическом уровнях, что подразумевает продолжение научных

исследований по данной проблематике и своевременное внедрение полученных научных знаний в повседневную деятельность всех органов государственной власти Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Бельков О.А. Прикладное измерение понятийного аппарата военной теории и практики // *Философские и прикладные проблемы обороны государства / Материалы вторых Военно-философских чтений памяти профессора И.С. Даниленко / Общественная палата Российской Федерации, ассоциация «Аналитика», Военная академия Генерального штаба ВС РФ, Академия военных наук, Военный университет Министерства обороны России, Национальная ассоциация объединений офицеров запаса Вооруженных Сил (МЕГАПИР). Королев: АО «ПСТМ», 2022.*
2. Военная доктрина Российской Федерации // *Рос. газ.* 30 декабря 2014.
3. Герасимов В.В. Развитие военной стратегии в современных условиях. Задачи военной науки // *Вестник Академии военных наук.* 2019. № 2 (67).
4. Государственное управление России // *Сайт Министерства обороны Российской Федерации / Справочник по терминологии в оборонной сфере // <https://dictionary.mil.ru/folder/123102/item/129203/>.*
5. Лихоносов А.Г. Информационное обеспечение системы государственного и военного управления Российской Федерации. Монография. М.: ВАГШ ВС РФ, 2005.
6. Лихоносов А.Г. Теоретико-методологические основы исследования проблемы совершенствования системы государственного и военного управления Российской Федерации. Монография. М.: ВАГШ ВС РФ, 2006.
7. Лихоносов А.Г. Политологический анализ существующей системы государственного и военного управления в России. Монография. М.: ВАГШ ВС РФ, 2006.
8. Лихоносов А.Г. Теоретические аспекты совершенствования системы государственного и военного управления Российской Федерации в интересах укрепления ее военной безопасности. Монография. М.: ВАГШ ВС РФ, 2008.
9. Совершенствование системы государственного и военного управления Российской Федерации в современном геополитическом пространстве / под общей редакцией С.И. Музыкова. М.: ВАГШ ВС РФ, 2018.
10. Указ Президента Российской Федерации от 21 октября 2022 г. № 763 «О Координационном совете при Правительстве Российской Федерации по обеспечению потребностей Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов» // *Официальный сайт Президента Российской Федерации // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48438>.*

11. Управление национальной обороной // Сайт Министерства обороны Российской Федерации / Справочник по терминологии в оборонной сфере // <https://dictionary.mil.ru/folder/123102/item/129240/>.

I.A. KOPYLOV

*Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
Corresponding Member of the Academy
of Military Sciences, Moscow, Russia
SPIN code: 5319-6005, AuthorID: 695158*

NATIONAL DEFENSE MANAGEMENT IN THE SYSTEM OF PUBLIC ADMINISTRATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines the functioning of the Russian public administration system in the conditions of modern interstate confrontation, analyzes its main subsystems, the function of which is to ensure the defense and security of the country. Attention is focused on the need for further scientific research into the subsystem of public administration – national defense management, the importance of which is currently steadily increasing.

Key words: *public administration system, interstate confrontation, theoretical and methodological foundations, defense management: management of the national defense of the Russian Federation, ensuring security.*

ЛЮЙ ВАНЬЦИН⁴

*аспирант кафедры глобалистики
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва*

СЮЙ МЭНЧЖУ⁵

*аспирант кафедра глобалистики
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва,*

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ НОВОЙ ЕВРАЗИИ

Для России Азия была и занимает второе место среди стратегических приоритетов России. Партнерство России с Китаем и Индией началось только в середине 90-х г. по инициативе Примакова Е.М., который в то время был министром иностранных дел России. Но взять курс на Восток, Россию поспособствовало ухудшение отношений с западом в 2014 годы.

Для России одним из наиболее важных аспектов были два:

- тесные связи с Китаем;*
- двусторонний подход в отношениях с другими странами.*

Целью современного партнерства России и Азии является создание и построение «Большой Евразии», которая будет включать одновременно геополитический, военный, информационный и культурный аспекты.

Ключевые слова: *международные отношения, российско-китайское сотрудничество, региональные связи, внешнеполитический курс России, стратегия развития экономики Китая.*

Россия, нужно сказать, всегда больше смотрела в направлении запада, чем в направлении востока. Россия пыталась найти свое место и признание, как великая европейская держава пока, не захотела пойти на покорение азиатской части земли с множеством обширной территории и всеми ее соседними странами. В азиатской политике России геополитические

⁴ **Научный руководитель:** АЛЕКСЕЕНКО О.А., доктор политических наук, доцент кафедры глобалистики МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва.

⁵ **Научный руководитель:** КОРОТАЕВ А.В., доктор исторических наук, профессор кафедры глобалистики МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва.

и стратегические факторы обычно преобладали над экономическими. Так было во времена правления императора и в советское время, ну и конечно же во время холодной войны особенно.

Царская Россия расширила свои владения до Тихого океана, аннексировав обширные территории Сибири, Кавказа и Средней Азии. Советская Россия сначала поддерживала антиколониальную борьбу, а затем перешла к укреплению коммунистического блока с Китаем, Северной Кореей, Вьетнамом и другими странами Индокитайского полуострова. В 1950-х годах, в течение десятилетия, советско-китайский союз был явно направлен против Соединенных Штатов и их союзников в Азии, в то время как Варшавский договор выступал против НАТО в Европе. Однако союз Москвы с Пекином быстро распался, и в течение следующих трех десятилетий холод в отношениях между двумя коммунистическими гигантами сопровождался пограничными столкновениями и неминуемой угрозой ядерной войны.

Во время холодной войны, в отличие от Европы, Азия представляла собой небольшой, но «горячий» фронт. Советский Союз пытался сдержать и ослабить Соединенные Штаты в Корее и Вьетнаме, а также нейтрализовать американское влияние в регионе, стратегически сблизившись с Индией, и в то же время оказался втянутым в десятилетнюю войну в Афганистане. С целью урегулирования напряженности в Азии Горбачев М. нормализовал отношения с Китаем, установил дипломатические отношения с Южной Кореей, предпринял шаги по сближению с Японией, провел переговоры о политическом урегулировании в Камбодже и вывел советские войска из Афганистана. В результате противостояние было прекращено, но вместе с ним исчезло и влияние Москвы.

Постсоветская Россия изначально сосредоточилась на отношениях с Западом, надеясь, что сможет интегрироваться на своих собственных условиях, а Азия на какое-то время отошла на второй план. Ситуация начала меняться с середины 1990-х годов, когда отношения России с Западом начали ухудшаться. С 1996 года началось сближение России и Китая, а с 1998 года с помощью тогдашнего министра иностранных дел Евгения Примакова Москва выступала за создание континентального треугольника Россия-Индия-Китай (Рик). Впоследствии Россия стала инициатором расширения этой группы в формате Брик. Москва также поддержала идею Пекина преобразовать формат переговоров по безопасности между Китаем и бывшими советскими республиками в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). Российско-китайская граница была полностью определена в ряде соглашений, подписанных в период с 1991 по 2004 год.

После разрыва с Западом в 2014 году в результате украинского кризиса положение России в международной системе резко изменилось. Однако интерес Европейского Союза к более тесному сотрудничеству с Россией

ослаб еще до украинских событий. Речь уже не идет об интеграции России с Западом в рамках так называемого «единого евроатлантического пространства безопасности» или «Большой Европы от Лиссабона до Владивостока». Этой парадигмы больше не существует. В то же время попытки Москвы интегрировать постсоветские территории в «Евразийский союз» также продемонстрировали географические и структурные ограничения этой концепции.

Мечта не сбылась. Понятие Евразия как новое название бывшей Российской империи, затем Советского Союза и, наконец, бывшего СССР оказалось ненужным для определения геополитического и геоэкономического региона. Оставшийся огузок – «малая Евразия» в форме Евразийского экономического союза – представляет собой скромное экономическое соглашение, едва ли способное превратиться в настоящую сплоченную организацию. Таким образом, Россия – это частное лицо, частично в Европе, частично в Азии, не принадлежавшее ни тому, ни другому.

Между тем обширный евразийский континент, простирающийся от Восточной Азии до Западной Европы, на котором Россия когда-то доминировала благодаря своему центральному положению, претерпевает глубокие геополитические изменения. На Западе большая часть Европы с 1990-х годов предприняла мощные усилия по объединению многих стран в Союз, который сегодня включает почти весь «западный полуостров Евразии», вплоть до границ России. Несмотря на успехи, эта попытка не привела к появлению объединенной Европы как крупнейшего стратегического полюса. Кроме того, в 2010-х годах Европейский Союз столкнулся с рядом кризисов – финансовых, миграционных и связанных с безопасностью, – и его будущее зависит от его способности справиться с ними.

Между тем обширный евразийский континент, простирающийся от Восточной Азии до Западной Европы, на котором Россия когда-то доминировала благодаря своему центральному положению, претерпевает глубокие геополитические изменения. На Западе большая часть Европы с 1990-х годов предприняла мощные усилия по объединению многих стран в Союз, который сегодня включает почти весь «западный полуостров Евразии», вплоть до границ России. Несмотря на успехи, эта попытка не привела к появлению объединенной Европы как крупнейшего стратегического полюса. Кроме того, в 2010-х годах Европейский Союз столкнулся с рядом кризисов – финансовых, миграционных и связанных с безопасностью, – и его будущее зависит от его способности справиться с ними.

На востоке Китай не только стал второй по величине экономикой мира и современной военной державой, но и начал проявлять активный интерес к внешнему миру. В 2013 году китайский лидер Си Цзиньпин выдвинул идею «Одного пояса, одного пути», призванную превратить геоэкономическую экспансию в инструмент внешней политики Китая. В последующих

комментариях китайские лидеры подтвердили, что соседние страны Азии и Евразии становятся приоритетом для Китая. Впервые со времен Чингисхана евразийская интеграция осуществляется силами, движущимися не с запада или центра, а с востока континента.

Эти события имеют самые важные, можно сказать, экзистенциальные последствия для России, которая вступила в конфронтацию с Соединенными Штатами, долгое время находилась вдали от Европы и не смогла создать свой собственный региональный блок на бывшем советском пространстве. В то же время Россия должна адаптироваться к продвижению Китая на запад и усилить влияние Пекина на бывших советских приграничных территориях в Средней Азии, на Южном Кавказе и в Восточной Европе. Кроме того, соседний ближневосточный регион становится источником глобальной нестабильности, и Россия все активнее вовлекается в борьбу с исламистским экстремизмом и радикализмом.

В этой новой ситуации Российской Федерации необходима всеобъемлющая стратегия, которая позволит ей сохранить себя в качестве крупнейшей независимой силы в Евразии. Кремль поставил перед собой цель подтвердить статус своей страны как великой державы, и для этого он постоянно маневрирует и прибегает к силовой политике. В то же время у него вряд ли есть стратегия в полном смысле этого слова, которая может быть обусловлена личными качествами и профессиональными навыками президента Владимира Путина и его главных помощников или являться результатом неопределенной и постоянно меняющейся обстановки, в которой существует постсоветская Россия, или просто отражают мудрость политиков, которые понимают, что тщательно продуманные геополитические стратегии, как на войне, часто не выдерживают первого залпа.

Тем не менее, логика, вытекающая из анализа совокупности внешнеполитических решений, может помочь спрогнозировать будущее направление вытекающей из них политики, что позволяет говорить о некоей реальной «стратегии». В этом заключается основная цель данной статьи. Такая «стратегия» может сильно отличаться от громких заявлений политиков и комментариев официальных лиц, принимающих политические решения, но она основана на анализе объективных данных и, следовательно, может претендовать на определенную степень достоверности.

По мнению автора, в России нет единой азиатской стратегии, а скорее существуют отдельные подходы к различным государствам, которые необходимо согласовать с учетом географической близости и растущего взаимодействия между ними азиатских стран, а также их отношений с различными международными организациями Азиатско-Тихоокеанского региона. Следует также заранее отметить, что термин «Азия» в данном контексте означает Восточную, Южную и Юго-Восточную Азию. Ближний Восток

исключен из этого анализа, а Центральная Азия и Афганистан рассматриваются только в той мере, в какой они важны для российско-китайских отношений.

Владимир Путин посвятил свое долгое пребывание на посту президента двум основным задачам: сохранению целостности России и восстановлению ее статуса мировой державы, а не только региональной. Изменение внешней политики Кремля к востоку от Урала направлено одновременно на достижение двух целей: обеспечение безопасности Дальнего Востока и Сибири в составе России и обеспечение самой России ведущей роли в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Так называемый поворот России в сторону Азии фактически предшествовал разрыву с Западом. Владимир Путин был движущей силой этого процесса с 2000-х годов. Если на Западе главный вызов России исходит от Соединенных Штатов, которые после окончания холодной войны перестали относиться к ней как к великой державе со своими особыми интересами и распространили свое влияние далеко на территории, ранее находившиеся под контролем Москвы, на восток, этот вызов принял форму растущего Китая, впервые в современной истории опередившего Россию в области объединенной национальной мощи и уже начавшего расширять свое влияние в Азии, втягивая в свою орбиту соседние страны.

До 2014 года Россия искала компромисс с Соединенными Штатами в Европе, Закавказье и Центральной Азии, одновременно пытаясь укрепить свои позиции за счет расширения и углубления связей с Китаем. В свою очередь, хорошие отношения с Вашингтоном и растущие экономические, политические и культурные связи с Европой обеспечили баланс в отношениях Москвы и Пекина. Поддерживая баланс между западным и восточным направлениями своей внешней политики, Москва также прилагала усилия для укрепления своих позиций в центральной части континента – «малой Евразии», которая принадлежала Российской Империи, а затем и Советскому Союзу, – в надежде отбросить туда западную и Восточную ориентации. Основа собственной мощи – Евразийский союз.

После 2014 года этот баланс был нарушен. Превращение Запада во врага и значительное сокращение возможностей на постсоветском пространстве вынудили Москву искать дополнительную поддержку в Азии, особенно со стороны Китая – крупнейшей экономики мира, которая не присоединилась к режиму антироссийских санкций. В то время как рост Китая явно бросает вызов доминирующему положению Соединенных Штатов в Восточной Азии и во всем мире, а Россия выражает свое несогласие с Соединенными Штатами в Восточной Европе, некоторые умы надеются, что Китай и Россия создадут вокруг БРИКС и Евразийский экономический союз. ШОС – это ядро коалиции не западных стран с целью замены западного господства

во главе с Соединенными Штатами новым многополярным мировым порядком.

Действительно, Москва и Пекин разделяют недовольство доминированием США в мировых экономических, финансовых, информационных, культурных и, прежде всего, военных делах. Они отвергают либеральный интервенционизм Вашингтона и вмешательство Запада во внутренние дела других стран в интересах демократии и прав человека, которые Китай и Россия рассматривают исключительно как инструмент внешней политики Соединенных Штатов. Они чувствуют себя невыносимо ущемленными в своих интересах из-за военного присутствия США вблизи их границ и политической поддержки, которую США оказывают своим союзникам и партнерам, с чем Пекин или Москва часто не согласны.

Несмотря на это, сближение России и Китая оказалось возможным до определенного уровня. Им удалось избежать конфликта вокруг общих соседних стран в Центральной Азии, как бы этого ни ожидали на Западе. Но единого русско-китайского фронта против США не было. Китай не хотел ставить под угрозу свои обширные экономические связи с Америкой, оказывая слишком большую поддержку России. Он также не проявил интереса к оказанию финансовой помощи России исключительно ради политической выгоды, полученной в результате приобретения влиятельного союзника в его все более интенсивном соперничестве с Соединенными Штатами. В конечном счете, Китай не присоединился к попыткам «изоляции», инициированным Соединенными Штатами, от России, но и не встал на сторону России в ее борьбе с Соединенными Штатами.

Фактически это означает, что Пекин не воспользовался уникальной возможностью более тесно привязать Россию к себе, более активно поддерживая ее в трудную минуту и поощряя ее в роли младшего партнера в явно растущем соперничестве с Соединенными Штатами. В качестве близкой аналогии можно вспомнить особые отношения, сложившиеся между Вашингтоном и Лондоном, которые сделали ослабленную Великобританию верным союзником Соединенных Штатов. Такое поведение Китая показывает, что, несмотря на его новую мощь, его интересы носят скорее геоэкономический, чем геополитический характер, и что его лидеры не уверены в своей способности контролировать такую амбициозную и независимую страну, как Россия, несмотря на ее очевидную слабость.

Для некоторых наблюдателей ограничения в сближении России и Китая означают провал российского «поворота к Азии», но ирония заключается в том, что этот результат оказался для России скорее хорошим, чем плохим. Пекин, считающий неприемлемым риск ухудшения отношений с США, сознательно лишил себя уникальной возможности вовлечь Россию в свою орбиту. Таким образом, Москва на сегодняшний день избежала риска попасть в полную зависимость от своего могущественного восточного

соседа. Хотя, столкнувшись в одиночку с серьезными вызовами, Россия сохраняет свою свободу. Его проблема не в том, что Пекин не оказал ему достаточной поддержки, а в том, что ему еще не удалось привлечь инвестиции и инновации и создать благоприятный деловой климат.

После 2014 года отношения между Россией и Китаем настолько улучшились, что их можно назвать взаимопониманием (картелем), что означает взаимное сочувствие и взаимопонимание на высшем политическом уровне, расширение доступа китайских компаний к российским энергетическим активам и народной армии Китая. Освобождение Китая от российских военных технологий, а также расширение возможностей использования территории России для инфраструктурных проектов, связывающих Китай с Европой. Со своей стороны, Китай расширил кредитование российских энергетических компаний, которые поставляют ему нефть и газ. Она остается основным потребителем продукции российской оборонной промышленности, помогает России в развитии и модернизации инфраструктуры и делится с ней некоторыми технологиями [2].

Однако эти отношения явно не соответствуют реальному Союзу. Москва и Пекин продолжают координировать свою внешнюю политику по важнейшим мировым вопросам, в том числе на уровне Совета Безопасности ООН, но не слишком тесно. Россия играет сольную роль не только на Украине, но и в Сирии, в то время как Китай в одиночку решает свои проблемы в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Даже в вопросе ядерного нераспространения, будь то Иран или Северная Корея, Москва и Пекин идут относительно параллельными путями, но не рука об руку. Девиз нынешних китайско-российских отношений: никогда друг против друга, но не обязательно всегда вместе. Подчеркнутый нейтралитет Пекина в отношении Крыма и Донбасса и беспристрастность Москвы в споре об островах у побережья Китая являются взаимными.

Однако в области динамики этих отношений преимущественное положение занимает Китай, экономика которого замедляется и переживает период трансформации, но при этом в шесть-семь раз превосходит Россию, находящуюся в глубокой рецессии, которая может длиться несколько лет. Москва нуждается в инвестициях, а Пекин располагает огромными ресурсами. Китай технологически превосходит Россию по растущему числу направлений. Китайский экспорт в Россию – это в основном промышленные товары, в том числе машины. Российский экспорт в Китай в основном состоит из энергии и сырья. Оборонный бюджет Пекина более чем в два раза превышает российский. Евразийский проект политической структуры ШОС является детищем Китая со штаб-квартирой в Пекине. Когда в 2015 году Пекин и Москва договорились «объединить» свои планы, в том числе проект «Один пояс, один путь» и Евразийский экономический союз, было ясно, что Китай является лидером [1].

Сегодняшнюю российскую стратегию в отношении Китая можно сформулировать как контроль над ситуацией, возникающей в результате роста Китая, поддержание добрососедских отношений во многих отношениях, сведение к минимуму трений в областях пересечения конкурирующих интересов двух стран (Центральная Азия и отношения России с двумя другими стратегическими партнерами в Азии, Индией и Вьетнамом), стремление уравновесить асимметричные торговые отношения с поддержкой или усилением зависимости Китая от России в определенных областях (продажа оружия, возможные поставки воды или продовольствия) и т.д. Конечно, ограничение доминирования Китая на мировой арене. Россия (ограничение иммиграции из Китая и доступа к российским оборонным технологиям, природным ресурсам Сибири и стратегическим водным путям, таким как Северный морской путь).

Такой подход на сегодняшний день очень успешен. Тесные отношения позволяют Китаю и России координировать свои действия, избегая конфронтации. Их отношения не являются ни Союзом, ни соперничеством. И несмотря на то, что Китай все еще не готов забыть о «нравноправных договорах» XIX века, границы остаются спокойными, а жители двух стран воспринимают друг друга в основном положительно. Недавнее снижение объема торговли в долларах на 40% в основном объясняется резким падением цен на нефть и структурным кризисом в России. Экономические отношения основаны на здоровом прагматизме, без примеси политики. Внешне Китай рассматривает Россию как великую державу, хотя в иерархии китайских приоритетов она занимает значительно более низкий статус, чем Соединенные Штаты.

Менее ясно, где и как Россия намерена двигаться дальше. Динамика отношений свидетельствует об укреплении позиций Китая и растущей зависимости России от своего соседа. Существует риск превращения Китая в единственного партнера России в Азии, что было бы крайне невыгодно Москве. Естественно, Россия стремится к диверсификации своей азиатской политики, уводя ее от чрезмерной зависимости от Китая и ориентируясь на других возможных партнеров, в первую очередь Японию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Международное сотрудничество Китая и России в условиях трансформации глобальных политических процессов 2019-2022 гг. // <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo-kitaya-i-rossii-v-usloviyah-transformatsii-globalnyh-politicheskikh-protsessov-2019-2022-gg>.
2. О международных договорах Российской Федерации» // <http://www.kremlin.ru/acts/news/52979>.

LU WANQING⁶

*Postgraduate student, Department of Global Studies,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

XU MENGZHU⁷

*Postgraduate student, Department of Global Studies,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

FORMATION AND DEVELOPMENT OF A NEW EURASIA

For Russia, Asia has been and occupies the second place among Russia's strategic priorities. Russia's partnership with China and India began only in the mid-90s on the initiative of Primakov E.M., who at that time was the Minister of Foreign Affairs of Russia. But to take a course to the East, Russia was promoted by the deterioration of relations with the West in 2014.

For Russia, one of the most important aspects were two:

- Close ties with China;*
- Bilateral approach in relations with other countries.*

The goal of the modern partnership between Russia and Asia is to create and build a "Greater Eurasia", which will include both geopolitical, military, informational and cultural aspects.

Key words: *international relations, Russian-Chinese cooperation, regional relations, Russia's foreign policy course, China's economic development strategy.*

⁶ **Scientific supervisor: ALEKSEYENKO O.A.**, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Department of Global Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

⁷ **Scientific supervisor: KOROTAEV A.V.**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Global Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

А.А. ТУШКОВ

*доктор исторических наук, доцент
Военной академии Ракетных войск стратегического
назначения им. Петра Великого,
Россия, г. Москва*

Т.Д. МАКСИМОВА

*аспирант кафедры международных отношений и права
Владивостокского государственного университета,
Россия, г. Владивосток*

МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ЛЕГИТИМАЦИИ И ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СТРУКТУР СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

Предлагаемая статья посвящена актуальной теме, которая исследует международные аспекты легитимации и позиционирования в деятельности политического руководства современного Китая. Автор рассматривает некоторые аспекты в деятельности ряда государств в той или иной степени влияющие на формирование внутривнутриполитического ландшафта Китайской Народной Республики. Это такие форматы политической трансформации, как «от транслатеральной формы взаимоотношений поствестфальского миропорядка к формату по правилам в эпоху хаотического колебания осыпающегося мира», «практика в период геополитической прокрастинации» и «асинхронная многополярность».

Ключевые слова: *КНР, БРИКС, G7, геополитическая прокрастинация, асинхронная многополярность, Юго-Восточная Азия.*

Возможность подойти к предметному исследованию параметров легитимации и позиционирования в исследовании общественно-политических структур, связанных с формированием современных внутривнутриполитических и многоаспектных отношений современного Китая, с точки зрения его цивилизационного развития, даст возможность ответить на многие исследовательские вопросы. Исходным параметром для автора выступают механизмом продвижения системы ценностей и интересов китайской цивилизации. Можно апеллировать к Л. Строссу – каждая цивилизация имеет

тенденцию к завышенной оценке объективной направленности своего мышления («*every civilization tends to overestimate the objective orientation of its thinking*»).

Нельзя не учитывать того, что новый мировой порядок выдвигает на ведущие роли наиболее интенсивно развивающиеся цивилизации. Однако, он несет некоторые черты, явно просматривающиеся уже сегодня. Это – увеличивающиеся риски эскалации мировой войны на Ближнем Востоке между Израилем и арабскими государствами, а также растущая вероятность войны между Китаем и США за Тайвань, острое противоречие между КНР и Индией. Необходимо учесть и то, что НАТО, а также иные временные или долгосрочные коалиции и союзы утрачивают некогда прочное единство. При этом военное и политическое противостояние двух ядерных держав – Индии и Пакистана, а также усиливающиеся ядерные амбиции Корейской Народно-Демократической Республики, кратно увеличивают опасность ядерной войны.

Но необходимо учитывать еще ряд аспектов. Так, военно-политический блок, сформированный из стран Евросоюза, Австралии, Великобритании и Японии, возглавляемый Вашингтоном для активного политического, экономического и военного противодействия России и Китаю, изолирован и закрыт от остального мира. Включая самые быстрорастущие экономики и рынки Индии и Азии. Помимо того, что те страны, которые не входят в зону американского влияния, не делают выбор между США и его предполагаемыми противниками. Они остаются открыты для ведения бизнеса с обеими сторонами. Напротив, прошедший в Китае в октябре форум международного сотрудничества «Один пояс, один путь» позволяет говорить о нарастании центростремительной силы и расширении влияния КНР в Евразии, Юго-Восточной Азии и Восточной Африке. Благодаря этому проекту политическое влияние Пекина в этих регионах постепенно вытесняет американское и т.д. В результате в мире нарастает недовольство системой *Pax Americana* конца XX века, которая сейчас находится в упадке и растет желание увидеть ее замену многополярным миропорядком или порядками, в которых разные страны будут играть ведущие роли в разных сферах международной жизни. Кроме этого растет доля в мировой экономике стран, не входящих в блок западных стран, что способствует неуклонному снижению его роли в международных делах.

К примеру, только в 2023 г. страны БРИКС обеспечат 32,1% глобального роста, а государства G7 (Великобритания, Германия, Италия, Канада, США, Франция и Япония) – только 29,9% [1]. Эти данные предоставлены Bloomberg со ссылкой на аналитиков Международного валютного фонда [4]. В материале агентства приводится график под названием «Оставляя Запад позади» (*Leaving the West Behind?*). В 2020 г. значение стран БРИКС и государств G7 для глобального экономического роста было на сопоставимом

уровне. Однако в следующие несколько лет расклад сил изменился в пользу Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР [4].

Для сравнения: вклад стран БРИКС и G7 в мировой экономический рост в 2020 г. оказался на одном экономическом показателе, однако после этого данные по западным странам начали снижаться. К примеру, в 2023 г., Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка обеспечат 32,1% роста. Но при этом Великобритания, Германия, Италия, Канада, Франция, Япония и США – 29,9%. Но по экспертным данным в 2028 г. экономические показатели БРИКС будут на уровне 33,6%, а страны, входящие в G7 – на уровне 27,8%». Далее эксперты обосновывают следующие данные: в 2028 г. вклад стран БРИКС в мировой экономический рост будет значительно больше и обеспечит почти 40% от суммарного прироста глобального внутреннего валового продукта. Кроме тех данных, которые автором представлены выше, Bloomberg указывает, что в течение следующих пяти лет КНР будет вносить наибольший вклад в глобальный рост. Его доля до 2028 г. составит 22,6% от общего мирового роста [4].

Исходя из приведенного анализа, можно констатировать, что, уступая в своем экономическом развитии, коллективный Запад не уступает своего места в цивилизационном развитии. Исходя из этого, автор полагает, что цепь политических событий создает новый международный политический ландшафт и коалиции мировых акторов. Именно данные коалиции перестанут быть централизованными, а политическое, финансовое, экономическое и военное преимущество распределятся по региональному или функциональному принципу. Для того, чтобы успешно справиться с вызовами, по мнению Чеза Фримана, необходимо, «чтобы государственное управление должно иметь долгосрочную перспективу, фокусируясь на неизменных интересах, а не на сиюминутных страстях, а для успешной конкуренции нужно не только добиться единства внутри страны, но и использовать все имеющиеся инструменты – политические, экономические, финансовые, технологические и военные» [3].

Опираясь на то, что дискурс в научном сообществе о роли и месте современной дипломатической практики апеллирует, в основном к широко практикуемым коллективным Западом методам военного давления, рестрициям и манипуляциям, влияющим на внутреннюю политику государств, автор настоящего исследования рассматривает ее в парадигме цивилизационного развития, что даст возможность предметно подойти к исследуемой задаче настоящей статьи. Исходя из данного рассуждения, автор считает возможным рассмотреть императивы современной международной практики в трех ключевых аспектах, характеризующих ярко выраженный внутриполитический ландшафт, формируемый политическим руководством современного Китая.

Первый аспект: современная международная практика включает в себя формат политической трансформации *«от транслатеральной формы взаимоотношений поствестфальского миропорядка к формату по правилам в эпоху хаотического колебания осыпающегося мира»*: стремительный переход коллективного Запада от транслатеральной дипломатии, как парадигмы, направленной на переосмысление внешнеполитических отношений и прекращение использования манипулятивности международных отношений к игре «по правилам». Концепция транслатерализма Кадзусигэ Кобаяси [2] и американского профессора Марлен Ларюэль [5] подразумевает, прежде всего, объединение государств, основанное на компромиссных решениях для взаимовыгодного сотрудничества. Причем государств, в основе которых лежат различные политические режимы и политические культуры. Авторы концепции утверждают, что политическое противостояние между «демократическими» державами и «автократическими» соперниками утратило свою актуальность. Старому бинарному, двоичному коду они противопоставили концепцию транслатерализма. Данная концепция подразумевает преодоление блокового мышления путем установления инклюзивных, гибких и открытых партнерских отношений между государствами [2].

По мнению автора, проблема гораздо сложнее, чем дихотомия «принимаем – не принимаем» данную концепцию. Она заключается во всеобъемлющем кризисе западной дипломатической практики, включая международное политико-правовое пространство. По всему видно, что коллективный Запад не смог принять новый принцип международных отношений. Итогом служит то, что веками сложившиеся западные концепции миропонимания и мироустройства не справляются с осмыслением перемен и требуют адаптации к стремительно меняющимся условиям. Утверждая тезис о союзнических отношениях он провозглашает нарратив «мы против тех, кто не разделяет западные демократические ценности». Это, по сути, стало инструментом внешней политики. В основе этого лежит утверждение, что стабильный мировой порядок требует неукоснительного союзнического единства в нормативном отношении и подчинения сюзерену: чем более он единообразен внутри союза, тем стабильнее мировой порядок.

Второй аспект, характеризующий современную международную практику в политическом ландшафте современной обстановке, это – *«практика в период геополитической прокрастинации»*, которая является следствием глобальных потрясений. Современный, 2023 год ознаменовался переходом от ожиданий и теоретизирования к действиям, которые выражаются в возврате к интенсивной дипломатии и окончательном изменении наших представлений о том, где проходят «красные линии» в отношениях с коллективным Западом и насколько незыблемыми они являются, а также активным движением неокolonialизма (неокolonialизм в эру неомеркантилизма). Сутью происходящих глобальных трансформаций является то, что мир

вступил в «поствестфальский период» или «постбиполярный мир», в основе которого лежит слом Ялтинско-Потсдамской системы правопорядка. Именно тогда был сформирован двуполярный мир, при этом мифология «однополярного мира» и *эмпатия к постбиполярному миру* более тридцати лет определяли направление общественно-политической мысли и *практику мировой дипломатии*. На него сделали политическую ставку большинство стран мира, которые взяли политический курс, следовавший в фарватере англосаксонской политики. Итогом тому стало то, что коллективный Запад до сегодняшнего дня живет в прежней парадигме всеобщей эмпатии к постбиполярному миру и не в состоянии осмыслить реальное положение дел.

Третий аспект, представляющий еще одну важнейшую форму современных международных отношений, это – *«асинхронная многополярность»*, которая дает определенное представление о структуре политической эквивалентности между Западом и не-Западом – странами Мирового большинства. Процесс превращения старого мирового уклада в многополярный мир уже давно стал реальностью. Многоаспектность данного процесса характеризуется высокой степенью эмерджентности.

Исходя из предполагаемой агрегативно-эмерджентной модели постулируем то, что агрегатными свойствами современной дипломатии в условиях становления многополярного мира становятся:

- отчуждение;
- периферийный менталитет;
- цикличное время.

При этом эмерджентными свойствами:

- вид индоктринации (опора на силовой элемент, экономическое и финансовое давление, рестрикции и т.д.);
- развитие и масштаб внешнеполитического конфликта;
- вовлеченность в его сферу иные страны, блоки, коалиции, а также временной контекст конфликта и цикл развития;
- вид самоидентификационной фрустрации.

Но особенность этого заключается в том, что часть элементов многополярности формируются быстрее других, что дает нам возможность анализировать процесс, обозначив его как «асинхронная динамика» и чтобы сохранить баланс, необходимо понимание происходящих процессов, их управляющих параметров и векторов развития.

Таким образом, в качестве выводов можно акцентировать внимание на том, что глобальные трансформационные изменения миропорядка имеют своим следствием весьма парадоксальную ситуацию: дипломатия находится под сильнейшим влиянием тактического маневрирования в силу складывающейся международной обстановки, а не стратегии развития современных государств. Даже действия таких держав, как Китай или Россия, являющихся по множеству показателей действительно образцами дипломатического

консерватизма, содержат в себе признаки не стратегических, а контекстуальных соображений. Более того, международный порядок находится в переломном состоянии. Однако текущие изменения являются наиболее значимыми за последние годы, так как никогда еще в истории международной политики он не включал в себя столько участников с разным социально-политическим, культурно-историческим и экономическим опытом. Результат этого – не перераспределение сил внутри ограниченного круга государств, а создание более широкого круга центров силы, новое распределение силовых возможностей и влияния внутри намного более широкого, чем когда-либо ранее, круга участников.

В настоящий момент страны Мирового большинства стремятся извлечь краткосрочные выгоды из общекризисного состояния, вызванной борьбой между великими державами, которая по известным причинам вызывает сомнения в своей долгосрочной стратегии, так как державам будет труднее отстоять свои достижения, когда мир будет все больше разделяться на противоборствующие крупные регионы. Все теоретические концепции в рамках науки о международных отношениях были созданы в условиях двуполярного мира, который поддавался простому анализу и прогнозированию. Однако в настоящий момент на мировую арену вышли державы, такие как Китай, представляющие такое разнообразие политических цивилизаций, что рассчитывать на системное понимание природы отношений между ними нельзя, или по крайней мере в ближайшей перспективе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Акулов А. МВФ: страны БРИКС в 2023 году обеспечат 32,1% глобального экономического роста // <https://www.gazeta.ru/business/news/2023/04/18/20237005.shtml>.
2. Кадзусигэ Кобаяси. Будущее транслатерального мирового порядка: переосмысление глобального партнерства в эпоху неопределенности // Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» // <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/budushchee-translateralnogo-mirovogo-poryadka/>.
3. Фриман Ч. Мировые порядки: глобальный калейдоскоп в режиме повтора // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 5 // <https://globalaffairs.ru/articles/globalnyj-kalejdoskop/>.
4. China to Be Top World Growth Source in Next Five Years, IMF Says // <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-04-17/china-to-be-top-world-growth-source-in-next-five-years-imf-says>.
5. Marlene Laruella. Accusing Russia of fascism // Russia in Global Affairs. 2020. V. 18. № 4.

A.A. TUSHKOV

*Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Moscow, Russia*

T.D. MAXIMOVA

*Postgraduate Student of the Department
of International Relations and Law
Vladivostok State University,
Vladivostok, Russia*

INTERNATIONAL ASPECTS IN THE STUDY OF LEGITIMATION AND POSITIONING SOCIO- POLITICAL STRUCTURES OF MODERN CHINA

The proposed article is devoted to an urgent topic that explores the international aspects of legitimation and positioning in the activities of the political leadership of modern China. The author examines some aspects in the activities of a number of states that influence the formation of the internal political landscape of the People's Republic of China to one degree or another. These are such formats of political transformation as "from the translateral form of relations of the post-Westphalian world order to the format according to the rules in the era of chaotic fluctuations of the crumbling world", "practice in the period of geopolitical procrastination" and "asynchronous multipolarity".

Key words: *China, BRICS, G7, geopolitical procrastination, asynchronous multipolarity, Southeast Asia.*

К.Э. ХАСАНОВА

аспирант кафедры международной и национальной безопасности,
Дипломатической академии МИД России,
Россия, г. Москва

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6679-2045>

ПОДХОДЫ К ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ МИРОВОЙ НАРКОТИЗАЦИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОЦИАЛЬНОЙ ТОПОЛОГИИ Д. ЛО

Введение. Настоящая статья посвящена изучению диапазона применения акторно-сетевой теории (далее – АСТ) в политической науке. Концепция Д. Ло, делая особый акцент на изменчивых формах социальной координации, открывает широкое поле для исследования актуальных проблем международных отношений через призму социальной топологии. Место одной из наиболее острых дилемм мировой политики на протяжении более чем полувека занимает вопрос эффективности решений государств, принимаемых в области антинаркотических стратегий.

Цели и задачи. Целью данной статьи стал компаративный анализ репрессивной и некарательной антинаркотической политики в терминах АСТ, который позволил выявить механизм выстраивания каждой из стратегий и те особые условия, при которых они сохраняют свою целостность. Для достижения цели работы был выделен следующий ряд задач: 1) определение компонентов «сетевой формы» двух типов антинаркотических моделей; 2) описание физического уровня пространственности наркополитики; 3) выявление устойчивых и неустойчивых связей объектов.

Методы. В работе были использованы такие общенаучные методы, как анализ, синтез и наблюдение, а также структурно-функциональный метод.

Результаты исследования. В результате исследования автор приходит к выводу о том, что ядро значимых отношений того или иного режима наркоконтроля достаточно восприимчиво к изменениям настроений внутри общества, а оттого подвержено разрыву формы. В свою очередь, широкие возможности социальной топологии Д. Ло позволяют теории стать важным инструментом в прогнозировании морфогенетических трансформаций тех или иных регионов в сфере принятия новых мер по противодействию незаконному обороту наркотических средств.

Ключевые слова: наркотические средства, антинаркотическая политика, акторно-сетевая теория, социальная топология, наркотизация общества

Акторно-сетевая теория как междисциплинарное экспериментальное поле, в котором происходит взаимодействие человеческого и нечеловеческого, агентов и материальных объектов, зародилось в 1980-е годы, а к 1990 году уже оформилось как целостное направление. Несмотря на то, что традиционное разделение на Парижскую (Б. Латур, М. Каллон) и Ланкастерскую (Д. Ло, А. Мол, М. Акрич, Н. Альбертсен, В. Синглтон) ветви АСТ на сегодняшний день не имеет большой актуальности, такая дифференциация, тем не менее свойственна ряду отечественных авторов. Так, В. Вахштайн и С. Астахов в своих исследованиях делают особый акцент на кризисе АСТ в 1990-х годах и, как следствие, выраженном отдалении Д. Ло, А. Мол и их аспирантов от построений Б. Латура [2. С. 25; 7. С. 3]. В действительности, Д. Ло, опираясь на магистральные идеи АСТ о гетерогенности и гибридности общества, о взаимодействии социального и материального, формулирует исследовательскую программу, значительно сближающую его с постструктурализмом. Это происходит благодаря тому, что Д. Ло мастерски переносит семиотическую логику с языка на материальные объекты. В синтаксическом или сетевом пространстве для Д. Ло «объект остается тем же самым объектом, пока сохраняет свое место в устойчивой сети отношений с другими вещами», а «стабильность порядка отношений» составляет «непрерывность формы объекта как сетевого единства» [6. С. 34].

Данный вывод является одним из ключевых в анализе концепции Д. Ло, однако, самобытность отца-основателя АСТ заключается не только и даже не столько в применении семиотической метафоры, сколько в успешном распространении метафоры топологической. Именно в этой точке топология, будучи математической областью, позволяет Д. Ло значительно расширить объясняющий инструментарий, включив в него такие определения, как гомеоморфизм (то есть способность изменения топологической формы без ее разрыва) и морфогенез (разрыв формы и превращение ее в другой объект), а также предложенный Б. Латуром термин «неизменные мобильности» [1. С. 107]. Механику, на первый взгляд, парадоксального неологизма Д. Ло демонстрирует на примере передвижения корабля из Калькутты в Лиссабон. Существование корабля представляет собой существование сразу в нескольких пространствах и, таким образом, оказывается, что корабль «топологически множественен». С одной стороны, он пересекает некоторое расстояние в евклидовом пространстве, однако это становится возможным только благодаря тому, что команда не сломлена болезнями, продовольственные

склады не пусты, а штормовой ветер не превратил корабль в щепки, – иными словами, судно сохранило свою «сетевую форму» и оставалось в ней неподвижным. В данном случае конкретному целому под названием «корабль» смысл придавало минимальное ядро устойчивых отношений, компоненты которого не претерпели никаких изменений [6. С. 34].

Теоретические и методологические интенции социальной топологии Д. Ло направили взгляд исследователей в сторону поиска ядра значимых отношений объектов в самом широком круге научных сфер как то, в философии, антропологии или социологии общества [8. С. 48]. Хотя практическое применение подходов АСТ в политологии носит весьма фрагментарный характер, тем не менее в данной работе будет предпринята попытка перенести формулу Д. Ло с вопроса «что делает корабль кораблем?» на вопрос «что делает антинаркотическую политику антинаркотической политикой?». В связи с этим представляется особенно важным исследовать наркополитику как сеть.

Приближаясь к первой четверти XXI столетия, человечество, кажется, никогда еще не находилось настолько далеко от решения проблемы мировой наркотизации общества. Сложная организация преступных группировок, высокий уровень их латентности и стремительная диверсификация наркомаршрутов вынуждают государства постоянно совершенствовать использовавшиеся ранее методы противодействия транзиту психоактивных веществ (далее – ПАВ). Кроме того, с 1990-х годов наряду с традиционными наркотиками растительного и полусинтетического происхождения (каннабис, морфин, героин и кокаин) на авансцену вышли так называемые «дизайнерские наркотики» или «новые психоактивные вещества» (далее – НПВ). В эту группу вошли все синтетические агонисты опиоидных рецепторов. Стремительно растущая популярность НПВ среди потребителей сформировала глобальный вызов традиционному укладу наркосцены, ответ на который ложится на ВОЗ и национальные министерства здравоохранения. Последствия совокупности вышеперечисленных процессов наглядно отражаются в ежегодном Всемирном докладе о наркотиках, подготавливаемом Управлением ООН по наркотикам и преступности. В отчете за 2023 год специалисты пришли к выводу о том, что количество наркопотребителей в мире выросло с 240 млн. чел. в 2011 году до 296 млн. чел. в 2021 году. При этом, в 2019 году на долю опиоидов пришлось почти 70% из 128 тыс. смертей, связанных с незаконным употреблением наркотических средств. По оценкам ВОЗ, у людей, прибегающих к инъекционному введению наркотиков, риск заражения ВИЧ-инфекцией возрастает до 35 раз, а гепатитом С до 23 раз [9]. Подобную неутешительную статистику едва ли возможно интерпретировать двояко, а вот способы ее стабилизации и улучшения – вполне. Конвенции о международном контроле над наркотиками, и систематическая работа специализированных агентств ООН по целому ряду

комплексных причин не привели к глобальному консенсусу в отношении мер, пресекающих нелегальное производство, транспортировку и сбыт наркотических средств [3; 4; 5]. Утопический сценарий так и не был реализован, и вместо универсального алгоритма действий мы можем наблюдать порой полярные представления государств о том, как следует выстраивать антинаркотическую политику.

Сегодня в мире наиболее ярко очерчены два подхода – репрессивный и некарательный. К первой группе стран, придерживающихся директивно-охранительного курса и соответствующего типа законодательства, а также публичного дискурса относятся, например, такие государства, как Китайская Народная Республика, Федеративная Республика Нигерия, Республика Корея, Малайская Федерация, Япония, Королевство Саудовская Аравия, Республика Сингапур, Королевство Тайланд, Исламская Республика Иран и Российская Федерация. Политико-идеологическим противовесом вышеперечисленным странам по вопросу отношения к наркотическим средствам стали Португальская Республика, Королевство Нидерланды, Королевство Испания, Французская Республика, Мексиканские Соединенные Штаты, Королевство Дания, Швейцарская Конфедерация, Республика Колумбия и некоторые другие государства с нарочито либеральными взглядами на употребление их гражданами и подданными психоактивных веществ.

Акторно-сетевая теория позволяет нам рассмотреть две различные модели борьбы с мировой наркоиндустрией в качестве объектов, которые существуют дискретно и обособленно благодаря наличию у каждого ядра устойчивых отношений и непрерывных связей. При этом компоненты «сетевой формы» той или иной антинаркотической стратегии могут выглядеть следующим образом: уровень толерантности общества к наркотическим средствам (тенденция к дифференцированию ПАВ или ее отсутствие) – дискурсивные практики – законодательство об ответственности за наркопреступления – социальные институты, направленные на реабилитацию и социализацию наркопотребителей. В терминах Д. Ло, антинаркотическая политика есть следствие отношений с другими объектами и «акторно-сетевой анализ направлен на исследование стратегий, которые производят (и произведены) этой объектностью, определяющей место антинаркотической политики в сети отношений» [6. С. 32]. Физический уровень ответственности антинаркотических моделей закрепляется за географическим местоположением стран (а чаще всего целых регионов и международных организаций), что приводит к выводу о том, что наркополитика как объект подвержен мобильности. Наиболее наглядно этот процесс происходит как следствие легализации/декриминализации, когда наркотические средства меняют свою правовую модальность, переходя в легальную плоскость, и некарательная антинаркотическая политика распространяется на новые территории. Аналогичный сценарий, хотя гораздо реже, но все-таки

применим и к экспансии репрессивного подхода. Подобные морфогенетические изменения продиктованы, как правило, рядом очень схожих социально-экономических и идеологических причин, однако ключевым моментом в выборе государством антинаркотического курса становится ее уникальный исторический контекст и ментальный код населения. Именно по этой причине разрыв формы, как правило, начинается с интерпретации феномена зависимости либо как заболевания, требующего квалифицированной медицинской помощи, либо как порока и преступления с последующим уголовным наказанием. Существование как либеральной, так и репрессивной наркополитики невозможно объяснить лишь законодательными изменениями, – скорее метаморфозы внутри общества и порождают предпосылки к криминализации или легализации ПАВ. Насильственное ограничение предложения наркотических средств или предоставление свободного к ним доступа давно превратились в очередную бинарную оппозицию современного мира. В данном контексте АСТ, обладая широким потенциалом, может быть использована в качестве эффективного прогностического инструмента в выявлении тех регионов, которые наиболее подвержены культурным и законодательным сдвигам, а также в фиксации темпов, с которыми та или иная антинаркотическая стратегия «движется из Калькутты в Лиссабон».

Анализ двух подходов (репрессивного и некарательного) к пресечению мировой наркоэпидемии через призму акторно-сетевой теории показал, что две родственные по заявленным целям концепции в действительности имеют прямо противоположный идейно-смысловой контур и ядро значимых отношений, стабильность которого сохранить порой достаточно сложно. Таким образом, за обращением политической науки к АСТ в целом и социальной топологии Д. Ло в частности стоит стремление дать новую концептуализацию «формы», которую может принимать антинаркотическая политика, а также дать более глубокое обоснование тенденций к устойчивости и трансформации смыслового наполнения политики в области противодействия нелегальному обороту наркотиков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Вахштайн В.* Возвращение материального. «Пространства», «Сети», «Потоки» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. 2005. № 1 // <https://cyberleninka.ru/article/n/vozvrashchenie-materialnogo-prostranstva-seti-potoki-v-aktorno-setevoy-teorii>.
2. *Вахштайн В.* Джон Ло: социология между семиотикой и топологией // Социологическое обозрение. 2006. № 1 // <https://cyberleninka.ru/article/n/dzhon-lo-sotsiologiya-mezhdu-semiotikoy-i-topologiyey>.

3. Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года // Организация Объединенных Наций. 1961 // https://www.unodc.org/pdf/convention_1961_ru.pdf.
4. Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года // Организация Объединенных Наций. 1988 // https://www.unodc.org/pdf/convention_1988_ru.pdf.
5. Конвенция о психотропных веществах 1971 года // Организация Объединенных Наций. 1971 // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/substances1971.pdf.
6. *Ло Д.* Объекты и пространства // Социологическое обозрение. 2006. № 1 // <https://cyberleninka.ru/article/n/obekty-i-prostranstva/viewer>.
7. *Писарев А., Астахов С., Гавриленко С.* Акторно-сетевая теория: незавершенная сборка // Философско-литературный журнал «Логос». 2017. № 1 (116) // <https://cyberleninka.ru/article/n/aktorno-setevaya-teoriya-nezavershennaya-sborka>.
8. *Руденко Н.* Сети, знание и реальность: проблематика социальной топологии в концепции Джона Ло // Социология власти. 2012. № 6-7 // <https://cyberleninka.ru/article/n/seti-znanie-i-realnost-problematika-sotsialnoy-topologii-v-kontseptsii-dzhona-lo>.
9. World Drug Report 2023 // UNODC. 2023, June // https://www.unodc.org/res/WDR-2023/WDR23_Exsum_fin_SP.pdf.

K.E. KHASANOVA

*PhD Student, Diplomatic Academy of the Ministry
of Foreign Affairs of the Russian Federation, Department
of International and National Security,*

Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6679-2045>

COUNTERING GLOBAL INCREASE IN DRUG USE THROUGH THE PRISM OF J. LAW'S SOCIAL TOPOLOGY

Introduction. *The article studies an application range of actor-network theory (ANT) in political science. By laying a particular emphasis on variable forms of social coordination, J. Law's concept opens up a wide field of research in current issues of international relations through the prism of social topology. Meanwhile, for more than half a century the question of effectiveness of different anti-drug strategies has been one of the most acute dilemmas of world politics.*

Purpose and objectives. *The aim of the study was to present a comparative analysis of the punitive and non-punitive drug policy models in terms of ANT. The review allowed to identify the mechanism of building each of the strategies and to reveal specific conditions under which they maintain their integrity. The following tasks were set to achieve the goal: 1) defining the components of two anti-drug models' 'network form'; 2) describing the physical level of spatiality in drug policy; 3) exploring stable and unstable connections of the entities.*

Methods. *The research combines both general scientific (analysis, synthesis and observation) and specific methods, including the structural-functional method.*

Results. *The author concludes that the core of significant relations of anti-drug policies is receptive to changes in public sentiment. That is exactly why the core is prone to disruption. Therefore, multifold capabilities of J. Law's social topology let the theory become a far-reaching instrument in forecasting morphogenetic transformations in various regions when it comes to adoption of new counterdrug activities.*

Key words: *narcotic drugs, anti-drug policy, actor-network theory, social topology, increase in drug use.*

ШЕНЬ ЛИХУА

*профессор центра изучения русского языка,
литературы и культуры, директор центра украинских
исследований Хэйлуницзянского университета,
Китай, г. Харбин*

ДУ ИЛИНЬ

*аспирант центра изучения русского языка,
литературы и культуры Хэйлуницзянского университета,
Китай, г. Харбин*

СУО ЛИНФЭН

*аспирант центра изучения русского языка,
литературы и культуры Хэйлуницзянского университета,
Китай, г. Харбин*

ВЕКТОРЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ МОЛДОВЫ НА ФОНЕ РОССИЙСКОЙ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Будучи небольшой восточноевропейской страной, соседствующей с Украиной, Молдова привлекла к себе пристальное внимание международной общественности с начала российско-украинского конфликта. Побочные эффекты конфликта оказали значительное влияние на внутреннюю и внешнюю политику Молдовы. В области внешней политики Молдова продолжает процесс интеграции в Европейский Союз, укрепляет сотрудничество с НАТО, но в то же время демонстрирует более сильный антироссийский крен на международной арене. Конкуренция между Россией и ЕС, НАТО вокруг Молдовы будет становиться более напряженной, Молдова окажется перед еще более сложным выбором.

Ключевые слова: *внешняя политика, Молдова, российско-украинский конфликт, геополитическая конкуренция.*

Непосредственно после начала российско-украинского конфликта правительство Молдовы заняло очень осторожную дипломатическую позицию. Министр иностранных дел Молдовы Нику Попеску высказался так: «Молдова – нейтральное государство. Из этого мы исходим в данном

случае. Мы не будем вмешиваться в конфликт на чьей-либо стороне. Также Молдова не будет присоединяться к каким-либо санкциям» [5]. В апреле 2022 года опрос молдавского общественного мнения показал, что 82,9% респондентов поддерживают нейтралитет Молдовы в российско-украинском конфликте и 73,3% не поддерживают санкции против России [2].

Несмотря на попытки Молдовы сохранять нейтралитет, побочные эффекты российско-украинского конфликта тем не менее затронули эту страну.

Во-первых, это массовый приток в Молдову беженцев. С начала российско-украинского конфликта в феврале 2022 года по март 2023 года в Молдову въехало 800 000 граждан Украины. Молдова является одной из беднейших стран Европы и ее возможные расходы на прием беженцев в значительной степени зависят от международной помощи. В связи с нежеланием украинцев трудоустроиваться и ростом социальной напряженности в Молдове с 15 мая 2023 года действует мера, согласно которой граждане Украины не могут находиться в стране более 90 дней без вида на жительство [6].

Во-вторых, Молдова сталкивается с повышенными рисками в сфере безопасности. В марте-апреле 2022 года в Приднестровском регионе были атакованы здание МГБ в Тирасполе, воинская часть в районе села Парканы и вышки радиотелецентра вблизи поселка Маяк. После серии атак В Приднестровье установлен «красный уровень» террористической угрозы и усилены меры безопасности в регионе [10].

В-третьих, серьезно страдает молдавская экономика. Из-за конфликта молдавские экспортные товары приходится транспортировать в Россию через третьи страны, минуя Украину, что привело к двукратному росту цен на экспортируемые товары и отмене многих экспортных заказов. Торговля Молдовы с Россией значительно сократилась в результате санкций, которые не позволяют банкам переводить средства из России. В 2022 году экспорт Молдовы в Россию составил 189,8 млн долл. (4,38% от общего объема экспорта), что значительно ниже показателя 2021 года (8,78%), а импорт из России – 1,14 млрд долл. (12,42% от общего объема импорта), что ниже 14,69%, зафиксированных в 2021 году [19]. По сравнению с 2021 годом ВВП Молдовы в 2022 году сократился на 5,9%, сельскохозяйственное производство – на 29,8%, инфляция составила 28,7%, побив 20-летний рекорд [1]. При этом в 2022 году цены на электричество, уголь и брикеты выросли более чем на 200%. Цены на яйца, овощи и сахар примерно на 60% выросли, а хлеб из пшеничной муки подорожал на 30% [22].

В-четвертых, политическая ситуация в Молдове стала более нестабильной. После начала российско-украинского конфликта в стране устраиваются многочисленные демонстрации. Протестующие обвиняют власти в неспособности справиться с кризисом и нежелание вести переговоры с Россией о более выгодных ценах на газ [3]. 3 июня 2023 года в Молдове прошел

массовый митинг против законопроекта о переименовании Дня Победы 9 мая в День памяти и установили для этого дату 8 мая, предложенного Партией «Действие и солидарность», под призывом «нет искажению истории» [4].

В условиях российско-украинского конфликта и изменения внешней обстановки и внутренней ситуации в стране внешняя политика Молдовы также претерпела заметные изменения.

Во-первых, в отношениях Молдовы с Россией наметилась тенденция постепенного охлаждения. В апреле 2023 года Молдова объявила, что высокопоставленным российским чиновникам, включая президента Путина, будет запрещен въезд в республику. Кроме того, жителей Молдовы будут штрафовать за ношение георгиевской ленточки в День Победы. В мае Молдова объявила о начале процедуры «развода» с СНГ, а в июле – о сокращении численности сотрудников посольства России.

Во-вторых, Молдова совершила прорыв в отношениях с ЕС. В марте 2022 года президент Молдовы Майя Санду подписала заявку на вступление в ЕС. ЕС положительно отреагировал на стремление Молдовы. В начале мая 2023 года Европейский парламент принял решение о предоставлении стране макрофинансовой помощи в размере 145 млн евро. Вслед за этим Совет Европейского Союза принял решение о предоставлении Молдове дополнительной финансовой помощи в размере 150 млн евро для стабилизации экономики и оказания помощи в проведении структурных реформ [13]. В июне 2022 года Молдова получила статус страны-кандидата в члены ЕС. ЕС также объявил о предоставлении Молдове радаров для укрепления воздушной безопасности.

Наконец, значительно ускорились темпы сотрудничества Молдовы с НАТО. После начала российско-украинского конфликта НАТО придает большое значение военному сотрудничеству с Молдовой. В ноябре 2022 года Молдова впервые была приглашена на встречу министров иностранных дел стран НАТО в Бухаресте, где обсуждался вопрос об укреплении вооруженных сил страны. В апреле 2023 г. заместитель генерального секретаря НАТО Мирча Джоанэ признал очевидным, что Молдове необходима система противовоздушной обороны, система защиты от беспилотников и киберзащита, и заявил, что НАТО будет соответствующим образом реагировать на потребности Молдовы [11]. Страны-члены НАТО также значительно увеличили свою помощь Молдове. В 2022 г. финансовая помощь США Молдове более чем в шесть раз превысила показатели предыдущих лет. Соединенные Штаты помогли Молдове справиться с кризисом беженцев в первые месяцы войны. Финансовая помощь Вашингтона также во многом обеспечила энергетическую безопасность Молдовы [7].

Чуть более чем за год с начала российско-украинского конфликта Молдова постепенно перешла от нейтральной позиции к антироссийской,

активно сближаясь с Евросоюзом и НАТО, в основном по следующим причинам:

Первая – это непосредственное влияние ЕС и НАТО. Особое географическое положение Молдовы и наличие российских миротворцев в Приднестровье заставили ЕС и НАТО обратить на Молдову более пристальное внимание. Используя страх Молдовы перед «российской угрозой» и ее стремление получить гарантии безопасности, ЕС и НАТО стали рассматривать эту страну в качестве важной антиросийской фигуры. В 2022 году агентство Европейского союза по безопасности внешних границ «Фронтекс» предоставило Молдове гуманитарную помощь в размере 13 млн евро и задействовало механизм гражданской защиты ЕС для спасения украинских беженцев, прибывающих в страну. В июле 2022 Совет ЕС принял постановление о временной (в течение года) либерализации торговли некоторыми молдавскими сельскохозяйственными продуктами. Это позволило Молдове удвоить экспорт этих продуктов в Евросоюз без каких-либо тарифов [14]. Страны-члены ЕС также уделяли особое внимание приднестровскому вопросу, который всегда был проблемой для правительства Молдовы. В июне 2023 года в Берлине состоялся круглый стол по урегулированию Приднестровского конфликта, обсудили ситуацию и перспективы Приднестровья. Однако представители Приднестровья и России, как соответствующей стороны конфликта, не были приглашены к участию [8].

Вторая причина – это решимость Молдовы завершить интеграцию в ЕС антиросийскими действиями. После того как в июне 2022 года Молдова стала страной-кандидатом в члены ЕС, темпы сотрудничества между Молдовой и ЕС значительно ускорились. В начале 2023 года Еврокомиссия заявила, что «ради интеграции с Западом Молдове придется прекратить все текущие соглашения о преференциях в торговле, заключенные в том числе с СНГ» [15]. В апреле 2023 года Молдова заявила о готовности расторгнуть соглашения, заключенные в рамках СНГ [12]. Поддерживая ЕС, Молдова присоединилась к антиросийским санкциям. В настоящее время Молдова является участником 21 из 38 существующих санкций ЕС. О причинах поддержки санкций ЕС и НАТО против России Майя Санду высказалась прямо: на протяжении столетий Россия рассматривала территорию Молдовы как свой задний двор. В случае успешного захвата Украины Россия продолжила бы введение войск на территорию Молдовы, и агрессией против Украины россияне пытаются «переделать Советский Союз» [25].

Третья причина – это результат обострения противоречий между Молдовой и Россией. Отношения Молдовы с Россией осложняются близостью Молдовы к Европейскому союзу. После подписания Соглашения об ассоциированных государствах между Молдовой и ЕС о создании зоны свободной торговли Россия начала вводить тарифы на молдавское мясо, овощи, фрукты, зерно и вино. Цена на российский газ, поставляемый в Молдову,

значительно возросла. В октябре 2021 года «Газпром» и «Молдовагаз» заключили контракт о поставках в Молдову 2,9 млрд куб. м газа в год по цене 450 долл. за тыс. куб. м. Ранее Молдова получала российский газ по цене 149 долл. за 1 тыс. куб. м. [9]. После того как Молдова объявила о введении санкций против России, Москва предупредила Кишинев, что Молдова может лишиться поставок газа из России. Майя Санду ответила решительно, заявив, что мир важнее цены на газ, и что Молдова никогда не будет на стороне агрессоров [16].

Говоря об ухудшении отношений между двумя странами, президент отметила, что Россия не уважает Молдову и против воли молдавского народа 30 лет держит свои войска на территории страны. Молдова платит высокую цену за газ, тем не менее поставки газа сокращаются на 60% без каких-либо причин. По мнению президента, это нельзя назвать стратегическим партнерством [20].

Вероятно, процесс интеграции Молдовы в ЕС необратим. Независимо от окончательного исхода российско-украинского конфликта, Молдова не изменит своей цели – вступить в ЕС. 11 июля 2023 года опрос общественного мнения в Молдове показал, что около 59,2% респондентов поддерживают вступление страны в ЕС, 31,6% высказались против [26]. Однако хотя правительство Молдовы надеется начать переговоры о вступлении в ЕС в начале 2024 года, в ближайшей перспективе стать членом Евросоюза Молдове вряд ли удастся, поскольку страна отстает по уровню экономического развития и по ряду показателей не соответствует стандартам Евросоюза. Существует большой разрыв между Молдовой и странами-членами ЕС, даже при сравнении с относительно отстающими в экономическом развитии странами ЕС, такими как Румыния. По оценке Европейской комиссии, Молдова находится на ранней стадии готовности по всем программам. По данным «Трансперенси Интернешнл», в 2020 году Молдова занимала 115-е место из 180 стран по уровню коррупции.

До тех пор, пока стратегические намерения НАТО по сдерживанию России остаются неизменными, Молдова будет оставаться пешкой в геополитической игре Запада. Но маловероятно, что Молдова станет членом НАТО в ближайшей перспективе. Это нейтральная и демилитаризованная страна, тем более что Приднестровский конфликт до сих пор не решен. А согласно правилам НАТО, в альянс не может вступить страна, имеющая территориальные споры и являющаяся участником военных конфликтов. По данным опроса, 52,6% граждан Молдовы не хотят вступления страны в НАТО и лишь 20,8% жителей республики выступают за укрепление армии и закупку вооружений [23].

В то же время отношения Молдовы с Россией продолжают усложняться и находятся под угрозой разрыва. По данным опроса общественного мнения, проведенного в июне 2023 года, лишь 37,9% респондентов поддержали

вступление Молдовы в ЕАЭС, а 47% высказались против. На вопрос о выборе между интеграцией в ЕС и интеграцией в Таможенный союз 53,3% респондентов высказались за ЕС и лишь 27,2% – за Таможенный союз [17].

Тем не менее в перспективе у России остаются важные средства влияния на внешнюю политику Молдовы, включая поставки газа, миграцию и военное присутствие в Приднестровье.

В энергетическом секторе потребность Молдовы в российском газе по-прежнему высока, в 2022 году она составила 8,06 млн куб. м. В последнее время между двумя странами возник спор по поводу долга: «Молдовагаз» задолжала «Газпрому» 709 млн долларов, но Кишинев заявил, что, по результатам аудита, «Молдовагаз» не имеет никакой задолженности перед Россией и что «Газпром» пытался обмануть Кишинев. Совершенно ясно, что Россия хочет использовать поставки газа в качестве инструмента воздействия на политику Молдовы, но Молдова предупреждает Россию, чтобы она не принимала решение о прекращении поставок газа. На фоне антироссийских настроений в Европе, даже если бы «Газпром» предложил арбитраж, он не получил бы желаемого результата. Более того, если Россия прекратит поставки газа в Молдову, это ударит и по Приднестровью. Кишинев в данном случае использует сложившуюся ситуацию в свою пользу [24].

С другой стороны, Молдова активно принимает меры по диверсификации каналов импорта энергоносителей. Это проявляется в стремлении направить азербайджанский газ через Турцию и Болгарию в Румынию, а затем в Молдову. Хотя правительство Молдовы неоднократно заявляло, что страна освободилась от газовой зависимости от России, согласно статистике, в 2022 году Молдова импортировала 936,7 млн куб. м газа. Из них 771 млн куб. м (82,8% от всего импорта) на сумму 704,4 млн долл. импортировано из России [18]. Очевидно, что в короткие сроки полностью избавиться от зависимости от российского газа будет очень сложно, пока Молдова не получит доступ к стабильному и дешевому газоснабжению.

Следует отметить, что, хотя правительство Молдовы и заявило о том, что приднестровская проблема будет решена после окончания российско-украинского конфликта, оно намерено поднять статус США и ЕС с наблюдателей до посредников или гарантов в переговорах по приднестровскому урегулированию в формате «5+2» [21]. Таким образом, нельзя исключать возможность ослабления российского влияния на решение Приднестровской проблемы после завершения российско-украинского конфликта.

Постепенный переход Молдовы от первоначально нейтральной позиции к прозападной, антироссийской внешней политике в полной мере иллюстрирует, что внешняя политика малой страны в значительной степени формируется под влиянием позитивных и негативных внешних факторов, являясь реакцией на внутренние события, а также на внешние вызовы и возможности. Независимо от исхода российско-украинского конфликта,

ЕС и НАТО не изменят своего стратегического намерения использовать Молдову против России в будущем, а Москва будет заинтересована в том, чтобы Молдова оставалась в «серой зоне» противостояния между Россией и Западом. Под влиянием геополитической и геоэкономической конкуренции между великими державами Молдове как малой стране будет трудно определять свою судьбу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Анализ INCE: 2022 год был одним из самых сложных для экономики Молдовы. 4 мая 2023 // <https://point.md/ru/novosti/ekonomika/analiz-ince-2022-god-by-l-odnim-iz-samykh-slozhnykh-dlia-ekonomiki-moldovy/>.

2. Большинство жителей Молдовы выступают за сохранение нейтралитета страны – опрос. 13 апреля 2022 // <https://news.mail.ru/society/50868178/?ysclid=lmlk3i7n9982016340>.

3. В Германии заявили о выделении Молдавии €32 млн на фоне энергокризиса. 21 ноября 2022 // <https://iz.ru/1429141/2022-11-21/v-germanii-zaiavili-o-vydelanii-moldavii-eu32-mln-dopolnitelnoi-pomoshchi>.

4. В Кишиневе стартовал марш-митинг в поддержку Дня Победы. 3 июня 2023 // <http://www.vedomosti.md/news/v-kishineve-startoval-marsh-miting-v-podderzhku-dnya-pobedy>.

5. В конфликте между Россией, и Украиной Молдова будет исходить из принципа конституционного нейтралитета – глава МИДЕИ. 01 марта 2022 // <http://www.infotag.md/politics-m9/297694/>.

6. Власти Молдавии ограничили пребывание украинских беженцев в республике. 11 мая 2023 // <https://eadaily.com/ru/news/2023/05/11/vlasti-moldavii-ogranichili-prebyvanie-ukrainskih-bezhencev-v-respublike>.

7. В 2022 году США в шесть раз увеличили финансовую поддержку Молдовы. 17 апреля 2023 // <https://esp.md/ru/sobytiya/2023/04/17/v-2022-godu-ssha-v-shest-raz-uvelichili-finansovuyu-podderzhku-moldovy#>.

8. *Гамова С.* Германия опять занялась Приднестровьем. 6 июня 2023 // https://www.ng.ru/cis/2023-06-06/5_8742_conflict.html.

9. «Газпром» в три раза повысил цену на газ для Молдавии. 30 октября 2021 // https://kapital-rus.ru/articles/article/gazprom_v_tri_raza_povysil_cenu_na_gaz_dlya_moldavii/.

10. *Горчак О.* В Приднестровье ввели «красный код» террористической угрозы. 26 апреля 2022 // <https://newsmaker.md/rus/novosti/v-pridnestrove-vveli-krasnyu-kod-terroristicheskoy-ugrozy-vlasti-tiraspolya-soobschili-o-treh-atakah/>.

11. Джоанэ: По просьбе Кишинева НАТО даст Молдавии все, в чем она нуждается. 12 апреля 2023 // <https://eadaily.com/ru/news/2023/04/12/dzhoane-po-prosbe-kishineva-nato-dast-moldavii-vse-v-chem-ona-nuzhdaetsya>.

12. Для чего Молдавия ссорится с Россией. 29 апреля 2023 // <http://www.vedomosti.md/news/dlya-chego-moldaviya-ssoritsya-s-rossiej>.

13. Евросоюз увеличит финансовую помощь Молдове до 295 млн евро. 30 мая 2023 // <https://esp.md/ru/sobytiya/2023/05/30/evrosoyuz-uvlichit-finansovuyu-pomoshch-moldove-do-295-mln-evro>.

14. Еремина Н. Евросоюз повел Молдову по украинскому пути. 11 января 2023 // <https://eurasia.expert/evrosoyuz-povel-moldovu-po-ukrainskomu-puti/>.

15. Логинов В. Вся на выход: Молдавия может ускорить разрыв с СНГ. 21 апреля 2023 // <https://iz.ru/1501605/valentin-loginov/vsia-na-vykhod-moldaviia-mozhet-uskorit-razryv-s-sng>.

16. Майя Санду: «Мир важнее цены на газ, и мы не должны поддерживать убийц ради того, чтобы цена на газ была на доллар ниже». 19 июля 2023 // <http://www.vedomosti.md/news/majya-sandu-mir-vazhnee-ceny-na-gaz-i-my-ne-dolzheny-podderzhivati-ubitsy-radi-togo-chtoby-cena-na-gaz-byla-na-dollar-nizhe>.

17. Опрос: в Молдове не хотят выхода из СНГ. 27 июня 2023 // <http://www.vedomosti.md/news/opros-v-moldove-ne-hotyat-vyhoda-iz-sng>.

18. Простой газ из России Молдова импортировала по 913 доллара, особый газ из США – по 7047 долларов. 13 мая 2023 // <http://www.vedomosti.md/news/prostoj-gaz-iz-rossii-moldova-importirovala-po-913-dollar-a-7047-dollarov>.

19. Посольство Республики Молдова в Российской Федерации. Торговые отношения между Республикой Молдова и Российской Федерацией в 2022 году // <https://rusia.mfa.gov.md/ru/content/torгово-экономические-отношения-3>.

20. Россия не является стратегическим партнером Молдовы – Санду. 21 мая 2023 // <https://nv.ua/world/geopolitics/rossiya-ne-yavlyaetsya-strategicheskim-partnerom-moldovy-poslednie-novosti-50326011.html>.

21. Судьбу российских миротворцев в Приднестровье будут решать ЕС и США? 15 июля 2023 // <https://cenzura.md/sudbu-rossijskih-mirotvorcev-v-pridnestrove-budut-reshat-es-i-ssha/>.

22. Цены на электроэнергию, уголь и природный газ выросли больше всего в прошлом году. 04 июля 2023 // <https://primul.md/ru/ceny-na-elektroenergiyu-ugol-i-prirod/>.

23. Шаповалов Б. США пытаются всеми силами «пристегнуть» Молдову к конфликту с Россией – молдавский эксперт. 05 сентября 2023 // <https://eurasia.expert/ssha-putayutsya-vsemi-silami-pristegnut-moldovu-k-konfliktu-s-rossiej/>.

24. Эксперты рассказали о последствиях отказа Молдовы от российского газа. 11 сентября 2023 // <https://eurasia.expert/eksperty-rasskazali-o-posledstviyakh-otkaza-moldovy-ot-rossiyskogo-gaza/>.

25. Alec Russell. Moldova's Maia Sandu: 'They would like to remake the Soviet Union'. 05 May 2023 // <https://www.ft.com/content/2a8278f8-5e58-413d-a6b9-41fb207f9cc0>.

26. The Institute for European Policies and Reforms. Opinion poll: 59.2% of the Moldovan citizens support Moldova's accession to the European Union.

11 July 2023 // <https://ipre.md/2023/07/11/sondaj-de-opinie-592-dintre-cetateni-sustin-aderarea-republicii-moldova-la-uniunea-europeana/?lang=en>.

SHEN LIHUA

*Professor of the Center for the Study of Russian Language,
Literature and Culture, Director of the Center for Ukrainian
Studies, Heilongjiang University,
Harbin, China*

DU YILIN

*PhD student at the Center for Russian Language,
Literature and Culture Studies, Heilongjiang University,
Harbin, China*

SUO LINGFENG

*PhD student at the Center for Russian Language,
Literature and Culture Studies, Heilongjiang University,
Harbin, China*

MOLDOVA'S FOREIGN POLICY VECTORS AGAINST THE BACKDROP OF THE RUSSIAN SPECIAL MILITARY OPERATION

As a small Eastern European country neighboring Ukraine, Moldova has attracted close international attention since the beginning of the Russian-Ukrainian conflict. The spillover effects of the conflict have had a significant impact on Moldova's domestic and foreign policy. In the area of foreign policy, Moldova continues the process of integration into the European Union and strengthens cooperation with NATO, but at the same time demonstrates a higher anti-Russian sentiment on the international stage. The competition between Russia and the EU and NATO around Moldova will become more intense, Moldova will face even more difficult choices.

Key words: *foreign policy, Moldova, Russian-Ukrainian conflict, geopolitical competition.*

В.Д. ПОТУРУХИН

аспирант факультета глобальных процессов
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

ПЕРСПЕКТИВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ГЛОБАЛИЗМА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Современные условия процесса международного взаимодействия, характеризующаяся нарастающей геополитической и геоэкономической напряженностью между гегемоном утвержденной в последнем десятилетии двадцатого века конфигурации мирового порядка и вновь формирующимися полюсами силы международных отношений, сопровождается поляризационными процессами в торгово-экономической, военно-политической, информационно-идеологической сферах жизни общества, демонстрируя ярко выраженные деглобализационные тенденции. В то же время, утверждать о необратимости современных дезинтеграционных процессов представляется необоснованным по причине фундаментальной объективности феномена глобализации, в настоящий момент переживающей лишь очередную понижательную волну собственного цикла, долгосрочная тенденция которого остается неизменной – рост взаимосвязи и взаимозависимости всех народов мира. Одновременно преждевременным выглядит утверждение о «смерти» феномена глобализма, в настоящий момент переживающего стадию сжатия и концентрации сил в преддверии новой повышательной волны с принципиально новыми участниками и глобализационными проектами.

Ключевые слова: *глобализация, глобализм, глобализационные проекты, мировой порядок, международные отношения.*

Истоками глобализации как процесса интеграции в общемировом масштабе принято считать период Великих географических открытий. Именно географическая глобализация дала начало объединению множества разрозненных обществ в единое целое. Открытие Нового света, выстраивание контактов с народами Африки, Азии предопределило расширение географического охвата торгово-экономической деятельности человека, ранее ограниченной местным/региональным рынком, до трансконтинентального,

глобального масштаба. Представляется возможным заметить, что уже в семнадцатом веке возникает феномен политической формы глобализации, связанный с расширением политической власти европейских империй на все континенты земного шара. Так, в общественном дискурсе формируется понятие «Империя, над которой никогда не заходит Солнце», впервые примененное в отношении Испанской империи, а затем широко употребляемая в отношении Британской империи. Одним из пиков политической глобализации стало образование наднациональных международных организаций, представленных большинством государств мира (Лига Наций, ООН). Научно-технический прогресс способствовал еще большему углублению как социокультурных связей человечества. Так, в середине девятнадцатого века образовывается принципиально новая информационная форма глобализации, истоком которой послужил реализованный трансконтинентальный мегапроект по прокладке телеграфного кабеля между Северной Америкой и Европой. Современное же общество стало свидетелем пика информационной глобализации, связанной с окончательной интеграцией всего мира в единую глобальную информационную сеть Интернет. Одновременно экономическая глобализация первых двух десятилетий двадцать первого века также вышла на принципиально новый масштаб распространения и глубины интеграционных связей: включение большинства национальных хозяйств мира в систему международного разделения труда и специализации, в рамках которой производственный цикл одного единственного товара может включать в себя десятки стран со всех концов света, каждая из которых выполняет лишь определенную часть технологических операций, а изготовление готового продукта возможно лишь в условиях совместной бесперебойной работы всех включенных в производственный цикл национальных экономик, в совокупности образующих глобальную мегаэкономику. При этом возможно заметить иерархичность современной системы международного разделения труда и специализации, в рамках которой каждой стране отводится определенная роль в общемировых хозяйственных процессах, факт наличия которой формирует вопрос, кто и на каком основании определяет для других место в указанной иерархии.

Весь период двадцатого века оказался связан с понятием глобализма, как внешней политики, направленной на утверждение в глобальном масштабе политической, культурной, социальной и экономической доктрины в чьих-либо интересах. Так, политику глобализма в двадцатом веке проводили такие страны как Германия, США, СССР. Последнее же десятилетие двадцатого века ознаменовало образование единственной глобальной сверхдержавы, единолично доминирующей и задающей тренды развития большинству общественных процессов в глобальном масштабе. Так, первое десятилетие двадцать первого века представляется возможным охарактеризовать в качестве периода общемирового распространения «западных»

общественно-политических и социокультурных ценностей, принципов устройства хозяйственной и торговой деятельности в условиях одновременного ослабления военной, политической, технологической, хозяйственной, а в некоторых случаях и культурной самостоятельности других народов. Таким образом, еще до недавнего времени процесс глобализации в общественном дискурсе бесповоротно связывался с перспективами дальнейшей интеграции и объединения человечества именно под эгидой западоцентричного глобализма.

Представляется возможным заметить, что долгосрочная тенденция, направленная на рост взаимосвязи и взаимозависимости множества географически, политически, культурно разрозненных обществ, оставалась неизменной. Человечество на протяжении веков двигалось по пути интеграции. В целом большинство исследователей сходятся в отношении объективности феномена глобализации, как процесса естественного расширения и углубления связей между народами в своем самом широком понимании. Таким образом, общественно-научный дискурс в большинстве своем признает глобализацию как естественный прогрессивный процесс развития человечества в целом, протекающий независимо от наличия или отсутствия внешнего влияния. Тем не менее, в мировой истории предостаточно примеров, характеризующихся периодами военно-политической, торгово-экономической, информационно-идеологической дезинтеграции, когда десятилетиями копившиеся противоречия между субъектами международных отношений в одночасье рушили веками выстраиваемые связи между народами – две мировые войны, слом глобальных империй (Испанская, Британская), Деколонизация.

При наличии понижательных волн, характеризующихся деглобализационными тенденциями, пики повышательных волн глобализации всегда превосходили по масштабу достигнутого уровня интеграции предыдущие пики глобализационных циклов, генеральная тенденция между циклами определялась как возрастающая.

Возможно отметить, что феномен глобализации во многом зависит от утвержденной конфигурации мирового порядка и распределения сил акторов международного взаимодействия в момент времени. Так, элиты отдельных государственных субъектов, реализовывая политику глобализма и стремясь управлять глобализационными процессами, неизбежно сталкиваются с противодействием со стороны политических элит других государств, стремящихся сохранить собственный суверенитет. Таким образом, глобализация может выступать не только в качестве естественного, но и внешне управляемого процесса. Формат управляемой глобализации, реализующийся за счет проводимой политики глобализма, встраивается в том числе в концепцию современной иерархичной системы международного разделения труда,

где роль каждого участника мировой экономики определяется гегемоном утвержденной модели международных отношений.

Наблюдаемые в настоящий момент процесс дезинтеграции глобального пространства на противоборствующие блоки, влекущий за собой разрыв ранее созданных торгово-экономических, политических и культурных связей, также возможно представить в качестве следствия накопленных на протяжении более чем тридцати лет международных противоречий, в рамках которых главный глобализатор и гегемон утвержденной модели международных отношений стремится к укреплению собственной власти в общемировом масштабе, а субъекты, собственное положение которых в существующей конфигурации мироустройства не отвечает их интересам, направлены на устранение влияния внешнего глобализма и продвижение собственной международной повестки. Описанные условия применимы к современному взаимодействию Китая и России с США, в рамках которого Китай, нарастивший экономический потенциал, достаточный для конкуренции с гегемоном, стремится к увеличению собственной и уменьшению американской доли в глобальной торговле, Россия стремится к восстановлению исторической сферы собственного регионального влияния за счет ослабления роли гегемона однополярной конфигурации международных отношений на соответствующих территориях, а сам глобализатор стремится к устранению укрепляющихся амбиций вновь образованных полюсов силы.

Современные условия международных отношений характеризуются нарастающими противоречиями, разрешение которых возможно исключительно за счет уступок одной из сторон конфликта и утверждения новой конфигурации сил субъектов мировой политики. Одними из вероятных исходов конфликта становятся возвращение к исключительной и неоспоримой гегемонии США, сопровождающейся усилением западоцентричного глобализма и подавлением ролей Китая, России и других вновь образующихся полюсов силы в системе глобального мироустройства в целом. В ином же случае вероятным выглядит многополярная конфигурация сил международных отношений при формировании множества самодостаточных торгово-экономических, финансово-инвестиционных и военно-политических блоков государств с собственными центрами силы. В этом случае представляется возможным утверждать об усилении внутренней региональной интеграции при одновременной деградации глобальных, межрегиональных связей.

Утверждения об исчезновении глобализма как явления или о необратимости деглобализационных тенденций выглядит преждевременным. Существующие дезинтеграционные процессы представляется возможным рассматривать в качестве ограниченной во времени понижательной волны, завершающей очередной глобализационный цикл, нижний порог которого фактически будет означать наиболее острую точку накопленных международных противоречий, после прохождения которой произойдет становление

новой модели международных отношений и только затем возобновление и постепенное наращивание повышательных интеграционных тенденций между отдельными регионами и новые конкурирующие между собой итерации глобализма, продвигаемые принципиально иным составом участников.

В этой связи одним из форматов видится формирующееся в настоящий момент китайское видение глобального мироустройства и исходящие из него очертания китайского глобализма, некоторые элементы которого наблюдаются уже сегодня, например, пока что «мирная» трансконтинентальная торгово-экономическая экспансия. При этом, общественно-политическое и культурно-идеологическое направления китайского глобализационного проекта в большинстве своем находятся на начальном этапе своего становления.

Особый интерес представляют потенциальные очертания российского видения будущего глобального мироустройства в условиях ранее продвигаемого, но потерпевшего неудачу советского проекта глобализации, во многом отличного от китайского тем, что по большей части ориентировался именно на культурно-идеологический фундамент.

Принципиально новым выглядит потенциал формирования глобализационных проектов, предлагаемых со стороны исламской, латиноамериканской или индуистской цивилизаций.

Актуальным видится глубокая оценка проблем «западного» проекта глобализации, распространение которого породило отчаянное противодействие со стороны представителей многих цивилизаций современного мира, и его корректировка с учетом ранее совершенных просчетов. Во многом главной ошибкой «западного» глобализма при поверхностной оценке видятся методы его распространения, сопровождающиеся принудительным встраиванием в систему на условиях, не соответствующих реальному потенциалу того или иного участника, а также жестокие меры, применяемые к субъектам, не желающим встраиваться в западоцентричную глобальную систему.

Подводя к заключению, возможно отметить, что глобализация, отражая объективный и прогрессивный процесс объединения множества географически, политически и культурно разрозненных человеческих обществ в единое целое, по мнению автора, не должна происходить под управлением и в исключительных интересах одной цивилизации или отдельной группы государств. Наиболее же перспективным видится естественный путь становления глобального общества, отражающий единые общечеловеческие ценности и не предоставляющий экономические, военные, политические или иные преимущества какой-либо одной цивилизации. В этой связи также видится перспективной конкурентная борьба множества глобализационных проектов, представленных каждой цивилизацией и отрицающая методы принуждения, присущие международным отношениям в случае наличия единственного центра силы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Гринин Л.Е., Гринин А.Л.* Глобализм против Американизма. Часть вторая. Глобализм и будущее США и мира. М.: Век глобальных перемен. История и современность. 2021. № 1.
2. *Громыко А.А.* О новом мировом порядке, или о большом беспорядке. М.: Азия и Африка сегодня, 2014. № 12.
3. *Деягин М.Г.* Конец эпохи. Осторожно: двери открываются! Том 2. Специальная теория глобализации. М.: Книжный мир, 2020.
4. *Казанцев А.А.* Кризис американоцентричной глобализации: причины, тенденции, сценарии развития. М.: Вестник МГИМО-Университета. 2020. № 2.
5. *Кортунов А.В., Афонцев С.А., Иванов И.С., Мельвиль А.Ю., Жуковский И.И.* Глобализация 2.0: новые подходы в исследованиях, преподавании и обучении. М.: МГИМО-Университет, 2017.
6. *Кувалдин В.Б.* Глобализация и национальное государство: вчера, сегодня, завтра. М.: Мировая экономика и международные отношения. 2021. № 1.
7. *Малков С.Ю.* О прогнозе мировой динамики в 21 веке. М.: История и современность. 2021. № 4.
8. *Пантин В.И.* Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. М.: Новый Век, 2002.
9. *Спиридонова В.И.* Цивилизация: новые смыслы в эпоху перестройки современного мирового порядка. М.: Россия: тенденции и перспективы развития. 2016. № 2.
10. *Чумаков А.Н.* Глобальный мир в аспекте российского и китайского восприятия. Ч. 1. М.: Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2020. № 2.
11. *Шахалилов Ш.Ш.* Современные западные исследования новой фазы кризиса мирового порядка. М.: Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 4.
12. *Pyin I.V., Leonova O.G.* Non-global Globalization. New features of political globalization // Journal of Globalization Studies. 2022. № 1.
13. *Leonova O.G.* The Globalization of the «New Wave». UK: Journal of Chinese Philosophy. 2021. № 2.

V.D. POTURUKHIN

*Postgraduate student, Faculty of Global Studies
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia*

PROSPECTS OF GLOBALIZATION AND GLOBALISM IN INTERNATIONAL RELATIONS

The modern conditions of the process of international interaction, characterized by the growing geopolitical and geo-economic tension between the hegemon of the world order configuration approved in the last decade of the twentieth century and the newly emerging poles of power of international relations, are accompanied by polarization processes in the trade, economic, military-political, information and ideological spheres of society, demonstrating pronounced deglobalization trends. At the same time, it seems unreasonable to assert the irreversibility of modern disintegration processes due to the fundamental objectivity of the phenomenon of globalization, which is currently experiencing only another downward wave of its own cycle, the long-term trend of which remains unchanged – the growth of interconnection and interdependence of all peoples of the world. At the same time, the statement about the "death" of the phenomenon of globalism, which is currently undergoing a stage of compression and concentration of forces on the eve of a new upward wave with fundamentally new participants and globalization projects, looks premature.

Key words: *globalization, globalism, globalization projects, world order, international relations.*

Я.Д. РОГОВА

студент Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток

С.А. ТОКАРЕВА

студент Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток

А.Д. КОСТИНА

студент Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток

ОДНОСТОРОННИЕ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ И ОСОБЕННОСТИ

Тема односторонних ограничительных мер как инструмента принуждения среди международных акторов становится все более и более актуальной. Данный инструмент широко используется в современном мировом сообществе и может иметь серьезные последствия для экономических, политических и социальных отношений между государствами и компаниями.

В статье авторы определяют и формулируют понятие односторонних ограничительных мер и их классификации, изучают основные принципы и механизмы их применения.

Ключевые слова: *международные отношения, безопасность, ограничительные меры, правовое регулирование, санкции.*

В последнее время все больше актуализируется тема односторонних ограничительных мер как инструмента принуждения среди международных акторов. Данный инструмент широко используется в современном мировом сообществе и может иметь серьезные последствия для экономических, политических и социальных отношений между государствами и компаниями.

Во-первых, сегодня современная мировая экономика становится все более глобализованной, и ее участники нередко прибегают к односторонним ограничительным мерам, таким как санкции, экономическая блокада, запрет на вывоз товаров и другим мерам, которые оказывают негативное воздействие на экономику стран-участников.

Во-вторых, использование односторонних ограничительных мер может вызывать споры и конфликты между государствами и организациями, что подчеркивает важность изучения данной темы.

Именно поэтому изучение и комплексное понимание влияния односторонних ограничительных мер на международные отношения имеет большую важность для современного общества.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14].

Однако проблему введения односторонних экономических санкций в международной жизни нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Односторонние ограничительные меры (ОМ) – это инструменты принуждения в международных отношениях, которые государства могут использовать для защиты своих интересов.

Односторонние ограничительные меры – это меры, принимаемые одним государством без участия других государств, они включают в себя экономические, политические, правовые и другие меры. Односторонние ограничительные меры часто используются государствами в ответ на действия других государств, которые, по их мнению, наносят ущерб их национальным интересам. Такие меры могут применяться в экономической сфере, например, путем введения тарифов или запрета на импорт определенных товаров из других стран. Важно отметить, что термин «санкция» входит в более широкое понятие «принудительные меры» и представляет собой одно из проявлений таких мер. Санкцию в данном смысле необходимо отграничивать от контрмер – другой формы принуждения в ответ на противоправное деяние государства. Контрмеры – принудительные меры, принимаемые индивидуально потерпевшим государством к государству-делинквенту в ответ на противоправное деяние [15; 16].

Они также могут использоваться для оказания политического давления, например, путем высылки дипломатов, введения санкций против государств или отдельных лиц, или ограничения въезда. Односторонние ограничительные меры имеют свои преимущества и недостатки. С одной стороны, они могут помочь государствам защитить свои интересы и достичь желаемых результатов в международных отношениях. Однако, с другой стороны, они могут привести к разрыву дипломатических отношений и обострению конфликтов.

В последние годы односторонние ограничительные меры стали распространенным средством политического принуждения в международных отношениях. Например, США применяют санкции против ряда стран,

включая Россию, Китай и Иран. Такие меры не только наносят экономический ущерб, но и угрожают глобальной безопасности и стабильности.

Таким образом, односторонние ограничительные меры могут играть важную роль в международных отношениях, но их применение должно быть осознанным и ограниченным, чтобы не усугублять конфликты и не нарушать международное право.

Односторонние ограничительные меры являются одним из инструментов, которые страны могут использовать для достижения своих целей в международных отношениях. Несмотря на это, у них есть и недостатки, например возможность возникновения торговых споров, санкций со стороны других государств и нарушения принципов свободной торговли. Для глубокого понимания понятия «односторонние ограничительные меры» необходимо выяснить, какие существуют виды, типы односторонних ограничительных мер, а также рассмотреть их особенности.

Первый вид односторонних ограничительных мер – это торговые санкции. Это один из самых распространенных видов односторонних ограничительных мер, применяемых государствами в сфере экономических ограничений на другое государство. Они представляют собой частичный запрет или в некоторых случаях полное ограничение на импорт или экспорт определенных товаров или услуг из-за политических, экономических или правовых причин. Такие меры используются государствами для достижения своих целей, но при этом часто приводят к усилению напряженности в отношениях между акторами процесса, а также могут обернуться негативным последствиям для всех участников.

Второй вид односторонних ограничительных мер – это финансовые санкции. На практике финансовые санкции реализуются путем замораживания счетов, блокировкой финансовых транзакций или запретом на доступ к определенным рынкам для лиц или организаций. Финансовые санкции достаточно часто применяются в случае нарушения международных соглашений или прав человека и имеют цель оказать давление, прессинг на государства, организации или индивидуальные лица.

Далее необходимо выделить такой вид односторонних ограничительных мер, как ограничительные меры в сфере торговли. Этот вид также является одним из видов односторонних ограничений, которые применяются странами для защиты своих национальных интересов. Такие меры могут быть введены для ограничения импорта определенного круга товаров или услуг из-за ряда различных причин, таких как защита от недобросовестной конкуренции, поддержка отечественных производств или, в некоторых отдельных случаях, защита экологии.

В сфере торговли односторонние ограничительные меры также имеют несколько категорий. Одной из таких категорий является введение таможенных пошлин. Подобные меры могут стать значительным барьером

для иностранных компаний в сфере международной торговли и повлечь за собой увеличение стоимости импортируемых товаров.

Следующим видом односторонних ограничительных мер в сфере торговли можно выделить установление квот на импорт. Установление квот на импорт применяется для ограничения конкуренции от иностранных товаров и способствуют увеличению доли отечественных производителей на рынке.

Немало важно отметить технические барьеры в торговле. Они включают в себя различные требования к безопасности, качеству или упаковке и маркированию товаров. Технические барьеры в торговле между государствами могут быть использованы для ограничения импорта иностранных товаров, поскольку производители из других стран могут столкнуться с трудностями в соответствии с нормами, перечисленными выше.

Односторонние ограничительные меры в сфере торговли имеют свои плюсы и минусы:

1. Они часто вызывают негативную реакцию со стороны других государств, что в теории может привести к возникновению торговых конфликтов и/или споров.

2. Односторонние ограничительные меры в сфере торговли могут негативно повлиять на конкурентоспособность государства-инициатора и экономическую эффективность той страны, которая их ввела.

Следующий вид односторонних ограничительных мер, которые необходимо рассмотреть в этой работе – ограничительные меры в сфере финансов. Далее рассмотрим категории этого вида ограничительных мер.

Первой категорией ограничительных мер в сфере финансов является ограничение на операции с иностранными валютами. Если выделять основную цель этих мер, то это, конечно, в первую очередь необходимо для контроля над обменным курсом национальной валюты и защиты финансовой стабильности государства.

Вторую категорию односторонних ограничительных мер в сфере финансов можно охарактеризовать как «установление капитального контроля». Под данным определением подразумевается запрет на вывод капитала за пределы страны, установление определенных лимитов на перевод денежных средств за границу или требование получения разрешения от государственных органов для проведения таких финансовых операций. Капитальные контроли позволяют государству контролировать потоки и оттоки капитала.

Следующая категория односторонних ограничительных мер в сфере финансов – это установление ограничений на денежные переводы. Так, например, это может быть полный или частичный запрет на перевод денежных средств за границу, установление лимитов на сумму перевода средств на заграничные счета или требование получения разрешения

от государственных органов для проведения таких операций. Главная цель введения подобных ограничений – это предотвращение незаконного перемещения денежной массы.

Последняя категория, которую необходимо выделить в сфере финансовых односторонних ограничительных мер является введение налоговых ограничений. Подобные меры направлены на регулирование экономической активности и привлечение инвестиций в стратегически важные секторы экономики.

Следующий вид односторонних ограничительных мер, которые необходимо рассмотреть – это ограничительные меры в сфере транспорта. Эти меры принимаются государствами для защиты своих экономических интересов и обеспечения безопасности национального транспортного сектора. Ограничительные меры в транспортной сфере предусматривают ограничение или запрет на проведение определенных видов транспортной деятельности или использования определенных видов транспортных средств. Односторонние ограничительные меры в сфере транспорта имеют интересные с точки зрения рассмотрения вопроса об односторонних ограничительных мерах особенности. Например, они могут иметь временный или постоянный характер. Временные меры принимаются на определенное время, к примеру, в случае возникновения кризисной ситуации или угрозы безопасности государства. Постоянные же меры, в свою очередь, действуют бессрочно и не требуют регулярного пересмотра со стороны государства-инициатора.

Важно отметить, что ограничительные меры в сфере транспорта могут применяться как для ввоза товаров и услуг, так и для их вывоза. Например, государство-инициатор может временно запретить экспорт определенных товаров через определенную транспортную систему для обеспечения внутренних потребностей рынка, для поддержания отечественных производителей или по иным внутренним экономическим причинам государства-инициатора.

Односторонние ограничительные меры в сфере транспорта являются эффективным инструментом защиты национальных интересов государства, но несмотря на это они могут вызвать негативные последствия для других государств. Страна, которая вводит данные ограничительные меры, должна предпринимать необходимые шаги для минимизации этих последствий.

Следующий вид односторонних ограничительных мер, который необходимо выделить – это ограничительные меры в сфере коммуникаций. Ограничительные меры в сфере коммуникаций применяются для контроля и регулирования информационного потока, ограничения его доступа определенному числу пользователей. Существует несколько категорий этих мер. Далее необходимо их рассмотреть:

1. Блокировка веб-сайтов и приложений. Это наиболее распространенный способ ограничить доступ к определенным интернет-ресурсам. Так, например, блокировка может быть как временной, так и постоянной, в зависимости от целей и задач, стоящих перед регулирующим органом. Несмотря на это, данная мера часто вызывает дискуссии и противоречия в современном обществе, связанные с ущемлением права на свободу слова, выражения открытого мнения и цензурованием информации, находящейся в открытом доступе.

2. Фильтрация контента. Фильтрация контента позволяет удалять или изымать из общего доступа нежелательные материалы (например, порнографический или экстремистский контент) с помощью специального программного обеспечения. Фильтрация может производиться на уровне провайдера интернет-услуг или на уровне самого пользователя. Фильтрация контента в некоторых случаях может приводить к ошибочной блокировке полезного и законного контента.

3. Массовая слежка и подслушивание. В рамках данной категории ограничительных мер правительство или спецслужбы получают доступ к персональным данным пользователей, кроме того, могут осуществлять наблюдение за их активностью в интернет-пространстве. В мировом сообществе часто возникают вопросы о нарушении права на конфиденциальность и личную жизнь граждан при введении подобной меры в интернете.

4. Цензура интернет-контента. Цензурирование интернет-контента зачастую предусматривает предварительную проверку информации, публикуемой в сети Интернет, с целью устранения нежелательных элементов. Цензура может быть как государственной, так и саморегулирующейся со стороны интернет-провайдеров или социальных сетей, важно отметить, что такое вмешательство может противоречить принципам свободного доступа к информации.

Последний вид односторонних ограничительных мер, которые будут рассмотрены в данной курсовой работе – это ограничительные меры в сфере технологий и инноваций.

Ограничительные меры в сфере технологий и инноваций – это важный инструмент для защиты национальных интересов и обеспечения безопасности государства в сфере информационных технологий, интеллектуальной собственности и инноваций.

Введение подобных мер может быть вызвано необходимостью сохранения конкурентоспособности отечественной промышленности или желанием предотвратить передачу ключевых, уникальных технологий конкурирующим странам.

Второй категорией ограничительных односторонних мер в это виде связан с контролем над получением зарубежного финансирования для инновационных проектов. Эти меры часто вводят опасаясь, что такое

финансирование может представлять для национальной безопасности или интересов страны прямые угрозы. Ограничения могут быть наложены, например, на получение инвестиций от определенных стран или компаний.

Подытожив, необходимо подчеркнуть, что, принимая решение о введении односторонних ограничительных мер, государства должны учитывать как краткосрочные, так и долгосрочные последствия введения подобных мер. Так экспортные ограничения могут как увеличить доходы отечественных производителей в краткосрочной перспективе, так могут и снизить конкуренцию и инновации в экономике в долгосрочной перспективе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Алленова А.С. Специфика антироссийской направленности политического дискурса современной Германии // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 3 (91).

2. Белановская Ю.Е., Миронова А.В., Слизовский Д.Е. Управление сферой образования и науки в условиях санкций: обзор политических решений и суждений в научных исследованиях // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2023. Т. 10. № 2 (31).

3. Внук В.К. Концепция ограниченного суверенитета в современном мировом политическом процессе // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 2 (95).

4. Зиновин М.А., Данилов В.А. Влияние санкционной политики Франции на энергетический сектор страны и партнеров в лице Китая // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 9-1 (97-1).

5. Магадиев М.Ф. Основные направления внешнеэкономического сотрудничества Российской Федерации в рамках БРИКС в условиях проведения Специальной военной операции // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 4 (97).

6. Магадиев М.Ф. Актуальные аспекты государственного управления в Российской Федерации в условиях экономических санкций западных государств // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2022. Т. 9. № 1 (27).

7. Медведев Н.П., Слизовский Д.Е. К вопросу о теоретических аспектах и перспективах международных отношений (по материалам актуальных публикаций) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 3 (96).

8. Новосельский С.О., Ксенофонтова С.Б., Гагарина И.Ю., Булавина М.А. Трансформация деятельности организаций высшего образования РФ в условиях санкций и геополитического давления // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 9-2 (97-2).

9. Новосельский С.О., Антропова Т.Г., Гагарина И.Ю., Булавина М.А. Особенности формирования интеллектуального капитала в России как фактора обеспечения национальной безопасности в условиях санкций // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 9-1 (97-1).

10. Новосельский С.О., Шатохин М.В., Моисеев В.А., Павлов В.В. Российская наука в условиях санкций и политической напряженности // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 7 (95).

11. Сергеева Е.А. Актуальное состояние и особенности регулирования воздушных перевозок в Российской Федерации и Европейском Союзе в условиях санкционного режима // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2023. Т. 10. № 1 (30).

12. Трунов И.Л. Международная санкционная политика с позиции верховенства права // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2022. Т. 11. № 3 (43).

13. Филиппова Н.И. Движение «Бойкот, изоляция, санкции»: меры Израиля по борьбе с движением // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 8-1 (96-1).

14. Шангараев Р.Н., Гришкина А.В. Особенности развития международных платежных отношений на современном этапе: сценарий дедолларизации // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 12 (93).

15. Elagab O. Y. The Legality of Non-Forcible Contermeasures in International Law. Oxford, Clarendon Press, 1988.

16. Zoleer E. Peacetime Unilateral Remedies: an Analysis of Countermeasures. New York: Transnational Publishers, 1984.

Y.A.D. ROGOVA

*Student Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia*

S.A. TOKAREVA

*Student Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia*

A.D. KOSTINA

*Student Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia*

UNILATERAL RESTRICTIVE MEASURES: CONCEPT, TYPES AND SPECIFICS

The topic of unilateral restrictive measures as an instrument of coercion among international actors is becoming more and more relevant. This tool is widely used in the modern world community and can have serious consequences for economic, political and social relations between states and companies.

In the article the authors define and formulate the concept of unilateral restrictive measures and their classification, study the main principles and mechanisms of their application.

Key words: *international relations, security, restrictive measures, legal regulation, sanctions.*

ЧЖАН ЧЖАНЬ

бакалавр факультета международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета,
Россия, г. Санкт-Петербург

МЯГКАЯ СИЛА И СТАТУС-КВО МЯГКОЙ СИЛЫ КИТАЯ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с «мягкой силой» статус-кво «мягкой силы» Китая. Цель исследования – изучить мягкую силу и статус-кво мягкой силы Китая. Основные методы исследования: метод анализа, сравнения, принятия решений, логического рассуждения и многие другие. Рассмотрено текущее состояние «мягкой силы» Китая. Далее изучим систему общественного культурного обслуживания. Рассмотрена система реформирования образования в Китае. Автором статьи отмечено, что право на международный голос охватывает широкий спектр областей таких, как политику, так и экономику и придает большее значение международному общественному мнению. Подчеркивается важность усиления «мягкой силы» Китая в 21 веке. Кроме того, изучены основные характеристики «мягкой силы» Китая. Усиление культурной мягкой силы является неизбежным требованием для укрепления всеобъемлющей национальной мощи. Усиление культурной мягкой силы является важным средством защиты национальной безопасности и интересов. Усиление культурной мягкой силы является важным способом формирования имиджа страны. Изучено понятие «национальный имидж». Рассмотрен процесс развития «мягкой силы» Китая. Изучены основные проблемы в развитии культурной «мягкой силы» Китая, среди которых отмечены: недостаточная способность трансформировать культурные ресурсы «мягкой силы», основная часть культурной конструкции «мягкой силы» имеет определенные дефекты, развитие культурной индустрии отсталое, а мотивация для культурных начинаний недостаточная. Изучены направления для усиления культурной мягкой силы Китая.

Цель: Цель исследования – изучить мягкую силу и статус-кво мягкой силы Китая.

Методы: Основные методы исследования: метод анализа, сравнения, принятия решений, логического рассуждения и многие другие.

Результаты: *Сегодняшний мир находится в историческом периоде великих потрясений, крупных корректировок, крупных изменений и крупного развития, дифференциации и сочетания международных сил и непрерывной эволюции структуры интересов в международных отношениях. Намечившаяся с конца XX века тенденция развития многополярности мира отвечает объективным требованиям культурного разнообразия и демократизации международных отношений. На этом фоне непреодолимой исторической тенденцией стало стремление к миру, стабильности, сотрудничеству и развитию. Таким образом, приверженность продвижению многополярности мировой структуры и формированию образа ответственной большой страны способствует совершенствованию национальной мягкой силы Китая. Относительно мягкой силы Китая многие эксперты неоднократно подчеркивали в интервью, что у них должно быть четкое понимание. Путь экономического развития Китая и концепция построения гармоничного общества также были подтверждены миром, а его мягкая сила улучшилась.*

Выводы: *В нынешней международной ситуации цель внешней политики Китая должна заключаться не только в создании мирной обстановки, способствующей экономическому строительству, но и в том, чтобы обратить внимание на то, как улучшить международный имидж моей страны и расширить дружеские отношения, а также на то, сможет ли она эффективно реализовать внешнеполитические политика гармоничного мира. Китай должен уважать существующий международный порядок, защищать свои национальные интересы в существующем международном порядке, международной системе и международном механизме, знать и эффективно применять существующие международные правила и практику, а также активно участвовать в консультациях, формулировании и многосторонней разработке соответствующих международных дела и международных правила. Дипломатическая деятельность, правильно поддерживать дипломатические отношения с крупными державами, соседними странами и развивающимися странами, жить в дружеских отношениях и сотрудничать со всеми странами мира в соответствии с Пятью принципами мирного сосуществования и другими признанными международными отношениями норм.*

Ключевые слова: *статус-кво, мягкая сила Китая, внешняя политика.*

Введение. Развитие является одной из двух основных тем в современном мире, и страны по всему миру используют этот период стратегических возможностей для постоянного повышения своей всеобъемлющей национальной мощи. Все это время политическое, экономическое, военное

строительство Китая и другие национальные уровни «жесткой силы» постоянно совершенствовались и развивались. Развитие национальной «мягкой силы», особенно культурной «мягкой силы», происходит относительно медленно. В этой статье в основном обсуждается текущее состояние развития китайской культурной «мягкой силы» и выдвигаются контрмеры и предложения о том, как дальше способствовать развитию национальной культурной «мягкой силы».

Очень важно определить культурную мягкую силу как привлекательность культурного содержания страны для других стран, чтобы другие страны добровольно последовали их примеру, научились следовать и оказывать влияние на государственную власть других стран, и на этой основе провести общую оценку и анализ текущего состояния культурной мягкой силы Китая.

Материалы и методы. При проведении исследования использовались труды российских и зарубежных ученых. При проведении данного исследования были использованы следующие методы: анализа, сравнения, принятия решений, логического рассуждения и многие другие.

Литературный обзор. Вопросы, касающиеся мягкой силы и статус-кво мягкой силы Китая рассматривали многие ученые такие, как Ван Пин, Цзя Пичжэн, Чжан Дэсюн и другие. Считаем, необходимым продолжить исследование в данном направлении и более подробно изучить отдельные вопросы темы.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16].

Однако проблему развития «мягкой силы» Китая нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Результаты. Мир и развитие – две главные темы в современном мире. Страны по всему миру активно используют этот период возможностей стратегического развития для постоянного укрепления своей всеобъемлющей национальной мощи и повышения своей мировой конкурентоспособности в различных областях, таких как политика, экономика и культура. С момента реформирования и открытости нашей страны национальная экономика достигла быстрого развития. На этой основе один за другим были реализованы крупные базовые проекты, такие как транспорт и городское строительство, модернизировались вооружения и техника национальной обороны, а боеспособность армии постоянно повышалась. Уровень развития «жесткой силы» страны относительно нов, и Китай совершил качественный скачок в начале своего становления. Однако созданию «мягкой силы» в нашей стране долгое время уделялось мало внимания, и оно

началось относительно поздно по сравнению с развитыми странами, такими как Европа и Соединенные Штаты. В начале 1990-х годов американский ученый Джозеф НУЕ впервые предложил концепцию «мягкой силы», которая вызвала бурный отклик в западном академическом сообществе. В 2004 году Най дал дальнейшее определение «мягкой силе» в своей книге «Мягкая сила – путь к успеху в мировой политике». Он предположил, что «мягкая сила – это способность достигать своих желаний посредством привлечения, а не принуждения или покупки». Это связано с привлекательностью культуры страны, политических концепций и политики» [19].

Най рассматривает культуру как один из важнейших источников «мягкой силы» и считает, что культура является фактором, который можно сравнить с политикой и военными, и может играть огромную роль в национальной политике и развитии, отражая особый статус культуры как разновидности «мягкой силы».

Рассмотрим текущее состояние «мягкой силы» Китая.

Пан Вэй, профессор Пекинского университета, считает, что отсутствие основных социальных ценностей является одной из самых серьезных проблем в реальности Китая. Если Китай хочет подняться, он не может избежать восстановления основных социальных ценностей. Куан Синь Синь, доцент китайского отделения Школы гуманитарных и социальных наук Университета Циньцзю, отметил, что с 1990-х годов китайское общество утратило свою ценность и вакуум смысла. По словам г-на Чжу Дунули, оно находится в состоянии «психического расстройства». На Двадцатом съезде партии генеральный секретарь Си Цзиньпин предложил «построить социалистическую систему основных ценностей», что на самом деле является эвфемистическим признанием основных ценностей китайского общества [18. С. 500].

Хотя в последние годы культурная индустрия нашей страны достигла замечательного развития. В целом, добавленная стоимость культурной индустрии Китая в 2007 году составила около 641,2 млрд юаней, увеличившись примерно на 18,4% в годовом исчислении, что составляет 2,6% ВВП. Однако, несмотря на быстрое развитие культурной индустрии нашей страны, из-за ее позднего начала конкурентоспособность культурной индустрии нашей страны все еще трудно сравнить с конкурентоспособностью развитых стран. Что касается литературы, то пока мало кто за рубежом может назвать имя известного китайского писателя. С точки зрения идиологов поп-музыки моя страна даже не так хороша, как соседние Южная Корея и Япония. Что касается трансграничного туризма, то анализ, проведенный Академией общественных наук в 2009 году, показал, что Китай занимает 61-е место среди более чем 100 крупнейших стран. Что касается компаний и брендов, то немногие компании или торговые марки в Китае столь же распространены и неизвестны в мире, как Coca-Cola или Microsoft

в Соединенных Штатах. Однако положение культурных продуктов нашей страны, находящихся в невыгодном положении на международном рынке, остается неизменным [19].

Далее изучим систему общественного культурного обслуживания.

По сравнению с прорывным прогрессом, достигнутым в области культурной индустрии, темпы реформ и развития в сфере государственных культурных услуг в Китае несколько замедлены. В настоящее время наблюдается недостаточный объем инвестиций в государственные культурные услуги, отсталая культурная инфраструктура, узкий охват, разрыв в культурном развитии между городскими и сельскими районами и между Востоком и Западом увеличивается день ото дня, механизм государственных учреждений культуры не активен, а также недостаточное предложение государственных культурных продуктов и услуг серьезно влияет и ограничивает всестороннее, скоординированное и устойчивое развитие экономики и общества. Это неоспоримый факт.

Некоторые местные органы власти в Китае в настоящее время придают большое значение строительству ключевых культурных объектов, что отчасти, но им часто не хватает научных планов о том, как эффективно выполнять роль культурных объектов в общественных культурных услугах. В действительности многие проблемы в той или иной степени отражают то, что в некоторых местах защита культурных прав и интересов людей и обеспечение культурных прав граждан по-настоящему не рассматриваются в качестве отправной точки для создания государственных культурных служб [20].

Отмеченный «Решением Центрального комитета Коммунистической партии Китая о реформе системы образования», обнародованным в 1985 году, моя страна приступила к реформированию системы управления образованием, совместимой с плановой экономической системой, и стремится создать новую систему управления образованием, совместимую с социалистической системой рыночной экономики. Реформа образования продолжается по сей день, и достигнутые успехи не могут быть стерты, но в то же время все еще существует много проблем: разделение полномочий по управлению образованием неясно, полномочия по управлению между центральными и местными органами власти на всех уровнях не были полностью урегулированы, а базовое образование управленческие полномочия правительств на всех уровнях и административных департаментов образования неясны; соответствующая политика и нормативные акты отсутствуют, и функционирование затруднено; отношения между правительством, школами и обществом еще не урегулированы; все еще существует разрыв между образованием и экономическим и социальным развитием; распределение использования образовательных ресурсов несправедливо; качественное образование все еще находится в идеальном состоянии и не смогло

по-настоящему заменить доминирующее положение образования, основанного на сдаче тестов [21].

Из-за существования этих проблем, а также из-за позднего начала процесса модернизации Китая уровень образования в Китае относительно отстает от уровня развитых стран мира, в результате чего качество жизни китайского народа относительно отстает от уровня развитых стран. В результате Китаю приходится продолжать усердно работать!

Право на международный голос охватывает широкий спектр областей. Оно охватывает как политику, так и экономику и придает большее значение международному общественному мнению. Например, в политической области право голоса на международном уровне означает квалификацию и права на участие в формулировании международных правил, квалификацию и права на участие в принятии решений международными организациями и право выражать свои собственные политические требования и мнения; в экономической области, право на международный голос означает не только право участвовать в формулировании международных правил и принятии решений, право выражать свои собственные экономические требования и связанные с ними мнения, но также право устанавливать цены на товары международной торговли; в области международного общественного мнения право на международный голос означает право выражать свое собственное мнение и позволять людям в других странах и регионах мира прислушиваться к их мнению, что означает международную публичную известность страны. Обсуждая культурную мягкую силу страны, мы в основном обращаем внимание на измерение международного общественного мнения.

До сих пор в Китае не было коммерческих СМИ, признанных миром. Сколько бы ни писали местные СМИ, они не могут повлиять на общественное мнение международного бизнеса и завоевать право выступать в глобальном масштабе. Даже в отношении событий, которые происходят в Китае и становятся центром глобального внимания, поскольку китайские СМИ находятся ближе всего к месту, где произошел инцидент, они не имеют права сообщать об этих событиях, в то время как иностранные СМИ, находящиеся далеко от Китая, имеют доминирующее право высказываться [22].

Культурная мягкая сила – это сплоченность, привлекательность и влияние, воплощенные в культуре страны. Национальная сплоченность, формируемая культурой внутри страны, и привлекательность, формируемая культурой для других стран мира, представляют собой культурную мягкую силу страны как с внутренней, так и с внешней точек зрения, повышая всестороннюю мощь страны и международную конкурентоспособность. Этот вид культурной мягкой силы связан не только с международной привлекательностью культуры, но также и о внутренней сплоченности культуры, которая представляет собой единство внутренней сплоченности культуры

и внешней привлекательности. Недостаточно видеть или подчеркивать только определенный аспект внутренней сплоченности или внешней привлекательности культурной мягкой силы. Только объединив их, можно сформировать истинную культурную мягкую силу, эффективно расширить влияние культуры и повысить всестороннюю национальную мощь страны и международную конкурентоспособность [9].

Во-первых, культурная мягкая сила обладает такими характеристиками, как систематизация и всесторонность. Мягкая сила интегрирована между различными элементами, такими как политика, экономика и вооруженные силы. Каждый элемент влияет друг на друга, тесно связан и интегрирован в систему. Во-вторых, культурная мягкая сила незаметна и долговечна с точки зрения влияния и формирования. Как правило, построение мягкой силы опирается на ее носителя незаметно, и ее нужно культивировать и накапливать в течение длительного времени, а не трансформировать так быстро, как жесткую силу, поэтому она обладает скрытым и долговечным воздействием и формированием.

В-третьих, ИТ и жесткая сила дополняют друг друга и ограничивают друг друга. Жесткая сила является основой мягкой силы, а мягкая сила является продолжением жесткой силы. Вообще говоря, проникновение и привлекательность системы, культуры и идеологии страны напрямую зависят от жесткой силы страны.

Мягкая сила стала невидимой духовной силой, которая может влиять на волю других стран, включая привлекательность политической системы, привлекательность ценностей, убедительность дипломатии, международный авторитет и обаяние лидеров и национальных образов. Культурная мягкая сила играет все более важную роль в измерении силы страны.

Существуют особенности «мягкой силы», которые заключаются в следующем.

(1) Усиление культурной мягкой силы является неизбежным требованием для укрепления всеобъемлющей национальной мощи.

Являясь важной частью всеобъемлющей национальной мощи, усиление культурной мягкой силы играет важную роль в создании и развитии всеобъемлющей национальной мощи. Прежде всего, с точки зрения повышения политической силы, культурная мягкая сила является мерой того, улучшилась ли политическая сила. Если политическая сила страны сильна, ее признание международным сообществом также возрастет. В то же время страна также будет иметь сильную способность участвовать в международных делах. Опять же, с точки зрения повышения экономической мощи, система культурной мягкой силы и культурная среда, сформированная ее основными концепциями, влияют на направление экономического развития и экономическую эффективность. Например, в Вэньчжоу, нашей стране, культурная атмосфера ведения бизнеса играет роль в еще большем

содействию экономическому развитию Вэньчжоу, чем роль, которую играют материальные факторы [23]. В то же время культурная мягкая сила отражается в относительно высокой культурной продуктивности. Как независимые отрасли, культурные индустрии и культурные продукты и услуги составляют высокую долю ВВП некоторых стран мира, особенно западных развитых стран. Таким образом, это также стало важным аспектом всеобъемлющей национальной соревнование по силе стран по всему миру. Наконец, культурная мягкая сила, как основа конкурентоспособности всеобъемлющей национальной мощи, может не только способствовать развитию экономической жесткой силы и научно-технической жесткой силы, но также способствовать укреплению всей всеобъемлющей национальной мощи и играть решающую роль в развитии характера и направления всеобъемлющей национальной мощи. Характер и направление развития всеобъемлющей национальной мощи зависят и доминируют от культурной мягкой силы страны и, в конечном счете, от основных ценностей, содержащихся в культурной мягкой силе. Культурная мягкая сила и основные ценности, содержащиеся в ней, не только ограничивают возможность страны развивать и укреплять свою всеобъемлющую национальную власть, но также определяет, какую всеобъемлющую национальную власть развивает страна, какова цель развития всеобъемлющей национальной власти и в каком направлении развивать всеобъемлющую национальную власть.

(2) Усиление культурной мягкой силы является важным средством защиты национальной безопасности и интересов.

Хотя мир и развитие страны нельзя отделить от важной роли жесткой силы, в контексте мировой многополярности и экономической глобализации роль культурной мягкой силы становится еще более важной в контексте темы эры мира и развития. Культура – это душа нации и важный символ всеобъемлющей национальной мощи страны. Многие страны в современном мире, особенно западные развитые страны, используют свое собственное культурное доминирование и определенные культурные средства для осуществления культурного проникновения в другие относительно отсталые страны мира. С точки зрения культурной безопасности эта невидимая сила еще более смертоносна для других стран, чем осязаемые войны. Например, в борьбе между двумя полюсами мира западные страны усилили и использовали средства в политической, культурной и идеологической областях, чтобы внедрить в Советский Союз так называемые ценности западного мира, ускорить процесс глобальной демократизации по американскому образцу и проводить политику мирной эволюции против советского Союз, который в итоге привел к распаду Советского Союза. Следовательно, если страна не обладает превосходной культурной мягкой силой, ее собственная

культура не только не сможет развиваться и процветать, но и подвергнется опасности проникновения, ассимиляции или даже утраты другими странами.

Культурные, образовательные, психологические и физические качества людей, научно-технический уровень страны, превосходство и передовой характер национальной культуры, ресурсы талантов страны и стратегические резервы талантов, сплоченность правительства, степень социального единства и стабильности, устойчивость экономического и социального развитие и т.д. – все это проявления культурной мягкой силы. Поэтому, учитывая положительный и отрицательный опыт мировой истории и в контексте глобализации, для укрепления национальной мощи и защиты национальной безопасности и интересов больше невозможно полагаться исключительно на экономическую и военную мощь, но также необходимо обладать сильной культурной мягкой силой, поэтому это необходимо усилить культурную мягкую силу, только так мы сможем по-настоящему повысить общую национальную мощь, войти в число мировых держав и лучше защищать безопасность и интересы страны [24].

(3) Усиление культурной мягкой силы является важным способом формирования имиджа страны.

Национальный имидж – это «субъективное впечатление сильной общности и относительной стабильности, формируемое внешней международной общественностью конкретной страны об объективной реальности (политике, экономике, культуре, географии и поведении) этой страны посредством сложного психологического механизма фильтрации». Формирование национального имиджа часто показывает объективную ситуацию и субъективные намерения страны посредством общения, обменов мнениями и национальной дипломатии. Следовательно, имидж страны скрывает больше политических коннотаций. При формировании национального имиджа в полной мере используйте интеграционную функцию культурной мягкой силы, эффективно интегрируйте ресурсы культурной мягкой силы и, в конечном счете, содействуйте улучшению мягкой силы страны и формированию хорошего национального имиджа. Например, в ответ на «Теорию китайской угрозы», пропагандируемую западными странами в отношении Китая, моя страна решительно выступила против «Теории китайской угрозы» посредством международного сотрудничества в борьбе с терроризмом, проведения различных спортивных мероприятий и культурных выставок, а также создания «институтов Конфуция» за рубежом. Формируя хороший национальный имидж, это также усилило культурную мягкую силу. Во-вторых, мы также должны уделять внимание формированию хорошего национального имиджа. Национальный имидж страны представляет собой имидж страны в международном сообществе, что требует усиления культурной мягкой силы, увеличения инвестиций в образование и повышения общего имиджа и качества жизни людей. Таким образом, усиление культурной

мягкой силы является эффективным средством фундаментального улучшения качества жизни людей и улучшения имиджа страны.

Далее рассмотрим процесс развития «мягкой силы» Китая.

Путь к развитию китайской культурной мягкой силы еще предстоит пройти долгий. Одной из неотложных задач, которые необходимо решить в этот период, является распознавание и решение различных проблем в развитии китайской культурной мягкой силы. Поэтому в этом разделе будет проведен углубленный анализ различных проблем в развитии культурной «мягкой силы» Китая.

Изучим основные проблемы в развитии культурной «мягкой силы» Китая.

(1) Недостаточная способность трансформировать культурные ресурсы «мягкой силы».

Растрата традиционных культурных ресурсов чрезвычайно серьезна, способность традиционной культуры преобразовывать реальность недостаточна, а прекрасные культурные идеи, основанные на марксизме, игнорируются.

Но прискорбно, что в настоящее время мы всегда отождествляли китайскую культуру с традиционной китайской культурой. Внешняя пропаганда нашей страны часто ограничивается традиционной культурой. Самое глубокое влияние западного общества на китайскую культуру – это также китайская традиционная культура. Это оказывает серьезное негативное влияние на формирование у нас передовой социалистической культуры, подходящей для пути социального развития Китая.

(2) Основная часть культурной конструкции «мягкой силы» имеет определенные дефекты.

Идеологические и моральные качества членов общества невысоки, и существует серьезная нехватка талантов для построения культурной мягкой силы. Уровень идеологической и моральной грамотности всех членов китайского общества напрямую влияет на внутреннюю и внешнюю привлекательность культурной мягкой силы нашей страны. Поэтому повышение идеологической и моральной грамотности членов их собственного общества играет очень важную роль в усилении мягкой силы их собственной культуры. В существующей культурной сфере очень мало талантов, которые действительно обладают богатым чувством культурного менеджмента, хозяйствования и даже инноваций, что непосредственно привело к различным проблемам в развитии культурной мягкой силы.

(3) Развитие культурной индустрии отсталое, а мотивация для культурных начинаний недостаточная.

Культурная индустрия Китая и культурные предприятия добились больших успехов после реформы и открытости, но в процессе развития культурной индустрии и культурных предприятий все еще существует много

проблем. Его основными проявлениями являются: развитие культурной индустрии отсталое, а мотивация для развития культурных начинаний недостаточная. Масштабы развития индустрии культуры не могут удовлетворить духовные потребности людей, развитию индустрии культуры не хватает совершенной политики, правил и институциональных гарантий, уровень культурных продуктов низок, инновационная мощь недостаточна, развитию культурных начинаний не хватает достаточного идеологического внимания, а инвестиции общественности культурных фондов и сооружений недостаточно. Развитие культурных начинаний несбалансированное, культурный дефицит серьезен, а возможности культурной коммуникации невелики.

Обсуждение. Первое, что нужно сделать для усиления культурной мягкой силы Китая, – это улучшить общее культурное качество китайского народа и повысить сплоченность и конкурентоспособность культурной мягкой силы. Кроме того, мы также должны усилить влияние китайской культурной мягкой силы на мир посредством внешнего распространения культуры. Только благодаря двустороннему подходу внутри и за пределами нашей страны культурное строительство «мягкой силы» может совершить качественный скачок.

(1) Создание социалистической культуры с китайской спецификой.

Культурное сознание является важной предпосылкой создания социалистической культуры с китайской спецификой, и только при наличии у людей объективного и справедливого понимания процесса своего культурного развития, состояния развития и тенденций развития люди могут создать на этой основе социалистическую культуру с китайской спецификой.

(2) Культурные инновации.

Создание социалистической культуры с китайской спецификой, отвечающей потребностям нынешнего стремления к социалистической модернизации, играет очень важную роль в продвижении культурной самобытности людей, улучшении национального единства и усилении международного влияния. Поэтому, принимая во внимание нынешнее состояние развития китайской культуры, мы должны активно создавать социалистическую культуру с китайской спецификой.

(3) Улучшить общее культурное качество людей.

Культурная мягкая сила является важным проявлением уровня культурного развития страны. Суть культуры заключается в процессе преобразования людей. Поэтому конечной целью развития культурной мягкой силы является осуществление всестороннего развития людей. Мы хотим повысить культурную мягкую силу, ядром является придерживаться ориентированных на людей, вокруг улучшения общего качества людей, чтобы способствовать продвижению культурной мягкой силы. В частности, это в основном включает в себя: укрепление экономической мощи и создание

хорошей материальной основы; активное развитие индустрии культуры и культурных мероприятий для удовлетворения различных культурных потребностей людей; содействие культивированию основных ценностей и улучшению общего качества людей.

Моральное качество, повышение научного и культурного уровня людей и содействие развитию инновационного сознания.

(4) Расширьте внешнее влияние культурной мягкой силы.

Конечной целью развития культурной мягкой силы является преобразование людей. Этот гуманизирующий эффект проявляется не только в содействии всестороннему развитию китайцев, но и в содействии правильному и всестороннему пониманию китайской культуры иностранными друзьями и повышении влияния китайской культуры в мире. своей собственной культуры. Поэтому расширение внешнего влияния культурной мягкой силы также является важным способом усиления культурной мягкой силы моей страны [2. С. 47].

Заключение. Культурная мягкая сила играет все более важную роль в развитии современного общества, способствуя не только общему развитию членов общества, но и усиливая международное влияние страны за счет распространения культурной мягкой силы. Таким образом, активное содействие развитию национальной культурной мягкой силы стало консенсусом в развитии всех стран. Только исходя из конкретной реальности Китая, путем построения прочной теоретической системы культурной мягкой силы, можно обеспечить теоретическое руководство для построения культурной мягкой силы.

Успех или неудача страны зависит не только от ее жесткой силы, но и от ее мягкой силы. Для укрепления культурной мягкой силы Китая, в дополнение к дальнейшему развитию всесторонней социалистической национальной мощи моей страны, также необходимо использовать потенциал традиционной национальной культуры и реализовать китайскую культуру Модернизация национальной традиционной культуры энергично поддерживать национальную индустрию культуры и развивать национальную культурную продуктивность продолжать укреплять единство социалистических основных ценностей укреплять культурное строительство и зарубежные культурные обмены, а также укреплять близость и влияние китайской культуры все возможные пути. Во-первых, повысить привлекательность социалистической системы основных ценностей. Эталон измерения мягкой силы страны в основном проявляется в психическом состоянии, качестве воли и внутренней сплоченности граждан страны, а ее ядро заключается в степени признания основных ценностей общества. Поэтому, чтобы усилить культурную мягкую силу моей страны, мы должны рассматривать социалистическую систему основных ценностей как основу и ядро построения культурной мягкой силы страны. Чтобы развить китайскую

культурную мягкую силу, мы должны установить социалистическую систему основных ценностей и построить гармоничное общество, в частности, мы должны придерживаться старого в настоящем, отсеивать старое и создавать новое, а также культивировать очарование китайской культуры; мы должны укреплять сплоченность и привлекательность и создавать китайские культурные ценности; мы должны выступать за взаимовыгодность, ответственность, концепция гармонии должна увеличивать вклад китайской культуры; развивать хорошие международные отношения, расширять культурное распространение и стремиться охватить международную силу дискурса. Во-вторых, активно развивать культурную индустрию. В настоящее время основной проблемой в развитии культурной «мягкой силы» моей страны является серьезное отставание культурной индустрии. «Для улучшения культурной «мягкой силы» страны очень важным содержанием является активное развитие культурной экономики, дальнейшее освобождение и развитие культурной продуктивности, а развитие культурных индустрий является важным способом высвобождения и развития культурной продуктивности и улучшения культурной мягкой экономики страны. Ускорение культурной индустрии Китая Темпы развития, необходимо изменить концепцию, энергично культивировать и развивать международный рынок, а также развивать группу экспортно-ориентированных культурных предприятий с сильной силой и международной конкурентоспособностью, необходимо углублять реформа системы культуры и содействие преобразованию коммерческих культурных учреждений; больше культурных продуктов отправляется за границу по коммерческим каналам для расширения доли международного культурного рынка; исследуйте рынок, уделяйте внимание исследованиям рынка, выясните потребности рынка культурного потребления, в полной мере учитывать привычки и эстетические вкусы иностранной аудитории и предоставлять востребованные культурные продукты, продукты и услуги, хорошо работать в области маркетинга, создавать стабильный рынок сбыта, расширять каналы распространения культурных продуктов и увеличивать маркетинговые усилия, расширять каналы для «выходов» и в полной мере использовать средства связи, сети, программное обеспечение, спутники прямого вещания, кино и телевидение. Мы должны поощрять экспорт культурных продуктов, постепенно сокращать торговый дефицит культурных продуктов, превратить Китай из крупного импортера культурных продукцию в крупного экспортера культурной продукции, и позволит нашей культурной продукции занять большую долю на международном рынке. В-третьих, Китай должен еще больше укреплять связь и взаимопонимание с миром, и на основе энергичного продвижения превосходных традиционных культуры, мыслить и продвигать новое культурное творение, основанное на славных традициях, на более глубоком уровне, а также мыслить и продвигать превосходное. Органичное сочетание

культурных достижений и современных коммуникационных технологий создает современный образ китайской культуры с культурными достижениями с дыханием времени и национальными традициями. характеристики, и демонстрирует силу и очарование китайской культуры, которая постоянно обновляется и развивается в новой реальности. Усилия по распространению культуры. Энергично проводить зарубежные обмены, углублять реформу иностранной культурной системы, внедрять стратегию иностранных культурных продуктов, расширять экспорт культурной продукции, хорошая работа в зарубежной рекламе, популяризация превосходной китайской культуры в мире, и пусть мир узнает больше о Китае Достижения Большое достижение.

В эпоху культурной глобализации постоянное совершенствование «культурной мягкой силы» страны стало важным источником повышения национальной сплоченности и творчества, важным фактором усиления конкуренции всесторонней национальной силы и неизбежным требованием для содействия великому омоложению китайская нация.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Акинина О.Г.* Великий Шелковый путь и его влияние на лингвистические контакты между народами // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 7 (88).
2. *Ван Лин.* Сравнительное исследование стран, участвующих в международных организациях [J] // Мировая экономика и политика. 2006 (11).
3. *Ван Цзюньтао, Кучумова Е.В.* Значение института Конфуция для китайской культурной дипломатии // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2022. Т. 11. № 6 (46).
4. *Ван Цзясюй.* Научное содержание, основные характеристики и ценностные последствия нового пути модернизации в китайском стиле // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 7 (100).
5. *Густырь А.А.* Сравнительный анализ российской и китайской мягкой силы в период 2013-2017 гг. // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2022. Т. 11. № 3 (43).
6. *Жарков А.А.* «Имиджелогическая» парадигма в комплексе «мягкой силы» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 8 (101).
7. *Мансур Д.Н., Скориков В.В.* Мягкая сила России на постсоветском пространстве // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 7 (95).
8. *Низамова М.А., Шайдуллин И.И.* СМИ как инструмент реализации «мягкой силы»: западный подход // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 11 (92).

9. Путин. Шанхайская организация сотрудничества – успешная новая модель международного сотрудничества [ЕВ/ОЛ]. [2014-02-10] // <http://www.gmv.cn/content/2006-06/14/content-432991.htm>, 14 июня 2006 г.

10. Су Шуай. Публичная дипломатия как инструмент политического китайско-российского взаимодействия // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 12 (93).

11. Сюн Лэтин, Лю Цзыси. Политика Китая в борьбе с коронавирусом и «мягкая сила» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 8 (89).

12. Тянь Мяо. Направления международной проектной деятельности Китая при Си Цзиньпине: краткий экскурс по основным вопросам // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 11 (92).

13. Чжан Чэньи. Китайская дипломатия в контексте решений 20 съезда КПК // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 1 (94).

14. Чимирис Е.С. Стратегии «мягкой силы» России и Запада. ИмPLICITное vs. ЭКСПЛИЦИТное знание // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 11 (87).

15. Чу Чэнчэн. Сравнительный анализ гуманитарной политики России и Китая в сфере образования в Центральной Азии // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 3 (96).

16. Ян Линьлин. Международный экономический форум как инструмент формирования имиджа страны (на примере Азиатского экономического форума в Боао, КНР) // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2023. Т. 12. № 2 (48).

17. 数字贸易发展与影响白皮书》《Белая книга о развитии и влиянии цифровой торговли». Чэнь Деминг, декан Высшей школы Национального Тайваньского университета // <https://mp.weixin.qq.com/s?src=11×tamp=1644480880&ver=3611&signature=UrFRO8>.

18. 习近平谈治国理政》第2卷, 外文出版社2017年版, 第500—501页。《Си Цзиньпин говорит о государственном управлении》. Том 2. Издательство иностранных языков. 2017 г.

19. [美] 帕拉格·康纳: 《超级版图》, 北京: 中信出版社, 2016年。[США] Параг Коннор: «Супертерритория», Пекин: Издательство Citic, 2016.

20. 新型全球化需各国共同努力 Новый тип глобализации требует, чтобы все страны работали сообща // <http://column.cankaoxiaoxi.com/2022/0207/2468476.shtml>.

21. 全球化2.0: 太空世纪的到来 Глобализация 2.0: Наступление космического века // https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_10673140.

22. CCTV节目官网 - 央视网 (Официальный сайт программы видеонаблюдения-сайт видеонаблюдения) // <https://tv.cctv.com/m/>.

23. 中国发改委官网 官方网站 Комиссии по развитию и реформам Китая // <http://www.ndrc.gov.cn>.

24. 国家超级计算机天津中心官网 (Официальный сайт Национальный суперкомпьютерный центр Тяньцзинь) // <http://nsccl-tj.gov.cn/show.asp?id=195>.

ZHANG ZHAN

Bachelor's degree,

Faculty of International Relations,

St. Petersburg State University,

St. Petersburg, Russia

SOFT POWER AND THE STATUS QUO OF CHINA'S SOFT POWER

The article discusses issues related to the “soft power” status quo of China’s “soft power”. The purpose of the study is to study the soft power and the status quo of China’s soft power. The main research methods: the method of analysis, comparison, decision-making, logical reasoning and many others. The current state of China’s “soft power” is considered. Next, we will study the system of public cultural services. The system of education reform in China is considered. The author of the article notes that the right to an international voice covers a wide range of areas, such as politics and economics, and attaches greater importance to international public opinion. The importance of strengthening China’s “soft power” in the 21st century is emphasized. In addition, the main characteristics of China’s “soft power” have been studied. Strengthening cultural soft power is an unavoidable requirement for strengthening comprehensive national power. Strengthening cultural soft power is an important means of protecting national security and interests. Strengthening cultural soft power is an important way to shape the country’s image. The concept of “national image” is studied. The process of development of China’s “soft power” is considered. The main problems in the development of China’s cultural “soft power” are studied, among which are noted: insufficient ability to transform the cultural resources of “soft power”, the main part of the cultural construction of “soft power” has certain defects, the development of the cultural industry is backward, and motivation for cultural endeavors is insufficient. The directions for strengthening China’s cultural soft power have been studied.

Purpose: *The purpose of the study is to study the soft power and the status quo of China’s soft power.*

Methods: Basic research methods: the method of analysis, comparison, decision-making, logical reasoning and many others.

Results: Today's world is in a historical period of great upheavals, major adjustments, major changes and major development, differentiation and combination of international forces and the continuous evolution of the structure of interests in international relations. The trend of the development of the multipolarity of the world, which has emerged since the end of the twentieth century, meets the objective requirements of cultural diversity and the democratization of international relations. Against this background, the desire for peace, stability, cooperation and development has become an irresistible historical trend. Thus, the commitment to promote the multipolarity of the world structure and the formation of the image of a responsible big country contributes to the improvement of China's national soft power. Regarding China's soft power, many experts have repeatedly stressed in interviews that they should have a clear understanding. China's economic development path and the concept of building a harmonious society have also been confirmed by the world, and its soft power has improved.

Conclusions: In the current international situation, the goal of China's foreign policy should not only be to create a peaceful environment conducive to economic construction, but also to pay attention to how to improve the international image of my country and expand friendly relations, as well as whether it can effectively implement the foreign policy of a harmonious world. China should respect the existing international order, protect its national interests in the existing international order, international system and international mechanism, know and effectively apply existing international rules and practices, and actively participate in consultations, formulation and multilateral development of relevant international affairs and international rules. Diplomatic activity, properly maintain diplomatic relations with major Powers, neighboring countries and developing countries, live in friendly relations and cooperate with all countries of the world in accordance with the Five Principles of Peaceful Coexistence and other recognized international relations norm.

Key words: *status quo*, China's soft power, foreign policy.

НАШИ АВТОРЫ

Абрамов Валерий Леонидович – доктор экономических наук, профессор главный научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений; профессор департамента мировой экономики и мировых финансов (ДМЭ и МФ) Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Россия, г. Москва (valabr@yandex.ru).

Агоннуде Бидолей Вианней Фредди – кандидат политических наук, ассистент кафедры публичной политики и истории государства и права юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), Россия, г. Москва (freddyagonnude@mail.ru).

Ащеулов Олег Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и экономической теории Академии ГПС МЧС России, Россия, г. Москва (olea80@mail.ru).

Бигулов Симон Александрович – аспирант, младший научный сотрудник СОИГСИ ВНИЦ РАН, Россия, г. Владикавказ (delfodor@gmail.com).

Бирюков Илья Александрович – студент кафедры «Международных отношений и государственного управления», ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Россия, г. Курск (kruzakrus@yandex.ru).

Бродская Нина Петровна – кандидат политических наук, с.н.с. ИМЭМО РАН, Россия, г. Москва (bav3@mail.ru).

Ван Сяощонь – аспирант кафедры политического анализа МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (yl819215123@gmail.com).

Георгиева Наталья Георгиевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Россия, г. Москва (georgieva-ng@rudn.ru).

Глебова Ирина Алексеевна – кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, заведующая кафедрой «Экологии и природопользования» ФГБОУ ВО «МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)», Россия, г. Москва (zolotoirina2013@ya.ru).

Гончарова Наталья Вячеславовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры автоматизированных систем управления и кибернетики ФГБОУ ВО «ОГУ имени И.С. Тургенева», Россия, г. Орёл (natalagoncarova583@gmail.com).

Гришин Олег Евгеньевич – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры публичной политики и истории государства и права Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Россия, г. Москва (grishin_oe@pfur.ru).

Грядунов Юрий Юрьевич – аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Среднерусский институт управления – филиал, Россия, г. Орёл (y.gryadunov@gmail.com).

Давыдов Стефан Дмитриевич – преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, Россия, г. Москва (fstef@yandex.ru).

Данилов Максим Валерьевич – магистр кафедры менеджмента и государственного муниципального управления, ФГБОУ ВО «МГУТУ им. К.Г. Разумовского» (ПКУ)», Россия, г. Москва (stud040114@mgutu.loc).

Ду Илин – аспирант центра изучения русского языка, литературы и культуры Хэйлунцзянского университета, Китай, г. Харбин (duyilin_larisa@163.com).

Зверев Василий Васильевич – доктор исторических наук, профессор, Институт российской истории РАН, Центр «История России в XIX – начале XX в.», Россия, г. Москва (zverev-vv@rudn.ru).

Золкин Александр Леонидович – кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры «Информатика и вычислительная техника», ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики» (ПГУТИ), Россия, г. Самара (alzolkin@list.ru).

Игнатова Марина Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Международных отношений и государственного управления», ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Россия, г. Курск (maripolyakova@yandex.ru).

Князева Ольга Владимировна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономической теории и экономики таможенного дела» ГКОУ ВО «Российская Таможенная Академия», Россия, г. Москва (olganalog79@mail.ru).

Ковальчук А.Г. – аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Среднерусский институт управления – филиал, Россия, г. Орёл (afgroup@ Rambler.ru).

Коньков Александр Евгеньевич – кандидат политических наук, доцент кафедры политического анализа МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (yl819215123@gmail.com).

Копылов Игорь Александрович – кандидат политических наук, доцент, член-корреспондент Академии военных наук, Россия, г. Москва (dxharald@mail.ru).

Костина Анастасия Дмитриевна – студент Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (bratkovskaya.dv@dvfu.ru).

Крутов Александр Владимирович – кандидат политических наук, доцент Московского авиационного института, Россия, г. Москва (avkrutov@inbox.ru).

Кряжева-Карцева Елена Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Россия, г. Москва (kartseva-ev@rudn.ru).

Ксенофонтова Катерина Михайловна – старший преподаватель кафедры психологии ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», Россия, г. Москва (ksenofontova-km@rguk.ru).

Лескова Ирина Валерьевна – доктор социологических наук, кандидат политических наук, профессор, зав. кафедрой политологии и прикладной политической работы ФГБОУ ВО Российского государственного социального университета, Россия, г. Москва (project.edu.2024@gmail.com).

Линькова Елена Валентиновна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Россия, г. Москва (linkova_ev@pfur.ru).

Люй Ваньцин – аспирант кафедры глобалистики МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (ilnarb009@gmail.com).

Максимова Татьяна Дмитриевна – аспирант кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета, Россия, г. Владивосток (maksimova.tanya@list.ru).

Морозов Д.А. – аспирант кафедры политологии Института истории и политики Московского педагогического государственного университета, Россия, г. Москва (voprospolitolog@yandex.ru).

Нестерчук Ольга Алексеевна – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры публичной политики и истории государства и права Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы; доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и политического управления Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Москва (nesterchuk-oa@rudn.ru).

Новосельский Святослав Олегович – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научного центра по исследованию истории и развития мировых цивилизаций АНО ВО «Университет Мировых Цивилизаций им. В.В. Жириновского», Россия, г. Москва (nsvyatoslav@yandex.ru).

Панова Александра Ивановна – студентка кафедры «Международных отношений и государственного управления», ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Россия, г. Курск (arinak22112003@mail.ru).

Писаренко Сергей Сергеевич – аспирант факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (Sergunya97@yandex.ru).

Пономарев Евгений Евгеньевич – магистр кафедры менеджмента и государственного муниципального управления, ФГБОУ ВО «МГУТУ им. К.Г. Разумовского» (ПКУ)», Россия, г. Москва (stud040118@mgutu.loc).

Попов Сергей Иванович – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры публичной политики и истории государства и права Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Россия, г. Москва (popov-si@rudn.ru).

Потурухин Вячеслав Дмитриевич – аспирант факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (poturukhin@yandex.ru).

Поярков Р.А. – аспирант Среднерусского института управления – филиал, Россия, г. Орёл; учредитель ООО «Р групп», Россия, г. Москва (r.poyarkov@gmail.com).

Привалов Владимир Араевич – аспирант факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (tigranabra@gmail.com).

Рогова Яна Дмитриевна – студент Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (bratkovskaya.dv@dvfu.ru).

Свириденко Егор Алексеевич – аспирант кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (egorsviridenko@mail.ru).

Спасов Александр Андреевич – кандидат политических наук, ассистент кафедры политического анализа и социально-психологических процессов Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, Россия, г. Москва (s4267@yandex.ru).

Столярова Алла Николаевна – доктор экономических наук, профессор, профессор базовой кафедры «Торговой политики» ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», Россия, г. Москва (stolyarova2011@mail.ru).

Суо Линфэн – аспирант центра изучения русского языка, литературы и культуры Хэйлунцзянского университета, Китай, г. Харбин (916106943@qq.com).

Сюй Мэнчжу – аспирант кафедры глобалистики МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (ilnarb009@gmail.com).

Токарева Софья Александровна – студент Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (bratkovskaya.dv@dvfu.ru).

Тушков Александр Анатольевич – доктор исторических наук, доцент Военной академии Ракетных войск стратегического назначения им. Петра Великого, Россия, г. Москва (aa_tushkov@mail.ru).

Фадеева Наталья Владимировна – кандидат технических наук, доцент кафедры управления персоналом Красноярского института железнодорожного транспорта – филиала ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет путей сообщения», Россия, г. Красноярск (fadeeva_natali@inbox.ru).

Хайрулина Татьяна Петровна – кандидат биологических наук, доцент кафедры «Экологии и природопользования» ФГБОУ ВО «МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)», Россия, г. Москва (Trkh82@yandex.ru).

Хасанова К.Э. – аспирант кафедры международной и национальной безопасности Дипломатической академии МИД России, Россия, г. Москва (khasanova.k@list.ru).

Черникова Татьяна Васильевна – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО-Университета, Россия, г. Москва (voprospolitolog@yandex.ru).

Чжан Чжань – бакалавр факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, г. Санкт-Петербург (st091140@student.spbu.ru).

Чунихина Анна Александровна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Международных отношений и государственного управления», ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Россия, г. Курск (anya-chunihina@mail.ru).

Шень Лихуа – профессор центра изучения русского языка, литературы и культуры, директор центра украинских исследований Хэйлунцзянского университета, Китай, г. Харбин (shenlh888@sohu.com).

OUR AUTHORS

ABRAMOV V.L. – Doctor of Economic Sciences, Professor, chief researcher at the Institute for International Studies economic relations; Professor of the Department of World Economy and Global Finance (DME and MF) Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

AGONNOUE BIDOLEY VIANNEY FREDDY – Ph.D. in Political science, Assistant at the Department of Public Policy and history of state and law. Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

ASHCHEULOV O.E. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Economic Theory of the State Fire Service Academy of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Moscow, Russia.

BIGULOV S.A. – Postgraduate Junior research fellow at SOIGSI of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS, Vladikavkaz, Russia.

BIRYUKOV I.A. – Student of the Department of International Relations and government controlled», Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Southwestern State University», Kursk, Russia.

BRODSKAYA N.P. – Cand. Of Science (Politics), Senior Researcher, Institute of World Economy and International Relations Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

CHERNIKOVA T.V. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department the World and national history of MGIMO University, Moscow, Russia.

CHUNIKHINA A.A. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International Relations and government controlled», Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Southwestern State University», Kursk, Russia.

DANILOV M.V. – Master of the Department of Management and state municipal government Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Moscow State Technical University named after. K.G. Razumovsky» (PKU)», Moscow, Russia.

DAVYDOV S.D. – Lecturer, University under the Inter-Parliamentary Assembly of EurAsEC, the Chair for Social and Humanitarian Disciplines, Moscow, Russia.

DU YILIN – PhD student at the Center for Russian Language, Literature and Culture Studies, Heilongjiang University, Harbin, China.

FADEEVA N.V. – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Personnel Management of the Krasnoyarsk Institute of Railway Transport – a branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Irkutsk State Transport University», Krasnoyarsk, Russia.

GEORGIEVA N.G. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

GLEBOVA I.A. – Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Ecology and Environmental Management, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Moscow State Technical University named after K.G. Razumovsky (PKU)», Moscow, Russia.

GONCHAROVA N.V. – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Automated Control Systems and Cybernetics FSBEI HE «OSU named after I.S. Turgenev», Orel, Russia.

GRISHIN O.E. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Policy and History of State and Law, Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

GRYADUNOV YU.YU. – Graduate student, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Central Russian Institute of Management – branch, Orel, Russia.

IGNATOVA M.N. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International Relations and government controlled», Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Southwestern State University», Kursk, Russia.

KHAIRULINA T.P. – Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, Department of Ecology and Environmental Management Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Moscow State Technical University named after K.G. Razumovsky (PKU)», Moscow, Russia.

KHASANOVA K.E. – PhD Student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Department of International and National Security, Moscow, Russia.

KNYAZEVA O.V. – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Theory and Economics of Customs Affairs State Educational Institution of Higher Education «Russian Customs Academy», Moscow, Russia.

KONKOV A.E. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor Department of Political Analysis, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia.

KOPYLOV I.A. – Candidate of political sciences, associate professor, corresponding member of the Academy of Military Sciences, Moscow, Russia.

KOSTINA A.D. – Student Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

KOVALCHUK A.G. – Graduate student, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Central Russian Institute of Management – branch, Orel, Russia.

KRUTOV A.V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Moscow Aviation Institute, Moscow, Russia.

KRYAZHEVA-KARTSEVA E.V. – Ph.D., Associate Professor of the Department of Russian History of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

KSENOFONTOVA K.M. – Senior Lecturer at the Department of Psychology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian State University named after. A.N. Kosygina (Technology. Design. Art)», Moscow, Russia.

LESKOVA I.V. – Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Political Sciences, professor, head Department of Political Science and Applied political work of the Russian State Social University, Moscow, Russia.

LINKOVA E.V. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

LU WANQING – Postgraduate student, Department of Global Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

MAXIMOVA T.D. – Postgraduate Student of the Department of International Relations and Law, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia.

MOROZOV D.A. – PhD student at the Department of Political Science of Institute of history and policy of Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia.

NESTERCHUK O.A. – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of Public Policy and History of State and Law, Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia; Professor of the Department of Political Science and Political Management of the Institute of Social Sciences of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia.

NOVOSELSKY S.O. – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Leading Researcher at the Research Center for the Study of the History and Development of World Civilizations ANO VO «University of World Civilizations named after. V.V. Zhirinovskiy», Moscow, Russia.

PANOVA A.I. – Student of the Department of International Relations and government controlled», Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Southwestern State University», Kursk, Russia.

PISARENKO S.S. – Postgraduate student of the Faculty of Global Studies, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia.

PONOMAREV E.E. – Master of the Department of Management and state municipal government Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Moscow State Technical University named after. K.G. Razumovskiy» (PKU)», Moscow, Russia.

POPOV S.I. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Policy and History of State and Law, Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

POTURUKHIN V.D. – Postgraduate student, Faculty of Global Studies Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

POYARKOV R.A. – Post-graduate student, Central Russian Institute of Management – branch (Orel), Orel, Russia; founder, R Group LLC, Moscow, Russia.

PRIVALOV V.A. – Postgraduate student, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

ROGOVA YA.D. – Student Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

SHEN LIHUA – Professor of the Center for the Study of Russian Language, Literature and Culture, Director of the Center for Ukrainian Studies, Heilongjiang University, Harbin, China.

SPASOV A.A. – Ph.D. in Political Science, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov», Assistant of the Department of Political Analysis and Socio-Psychological Processes, Moscow, Russia.

STOLYAROVA A.N. – Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Basic Department of Trade Policy FSBEI HE «REU im. G.V. Plekhanov», Moscow, Russia.

SUO LINGFENG – PhD student at the Center for Russian Language, Literature and Culture Studies, Heilongjiang University, Harbin, China.

SVIRIDENKO E.A. – M.V. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy, Department of Philosophy of Politics and Law, Moscow, Russia.

TOKAREVA S.A. – Student Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

TUSHKOV A.A. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Moscow, Russia.

WANG XIAOQUN – Graduate student at Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia.

XU MENGZHU – Postgraduate student, Department of Global Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

ZHANG ZHAN – Bachelor's degree, Faculty of International Relations, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

ZOLKIN A.L. – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Informatics and Computer Science, FSBEI HE «Volga Region State University of Telecommunications and Informatics» (PGUTI), Samara, Russia.

ZVEREV V.V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Center “History of Russia in the XIX – early XX century”, Moscow, Russia.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Тема статьи должна соответствовать профилю журнала. Представленный авторский текст может быть подготовлен как единолично, так и в соавторстве. Материал должен быть актуальным и иметь научную и практическую значимость.

2. Объем статьи для аспирантов и соискателей – до 13 страниц машинописного текста, для кандидатов и докторов наук – до 15 страниц машинописного текста. Шрифт текста – Times New Roman, размер шрифта – 14, междустрочный интервал – 1,5, все источники следует снабжать библиографическими ссылками.

3. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», – на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников – [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).

4. К материалу прилагается авторский перевод заглавия статьи, аннотация на русском и английском языках, список ключевых слов на русском и английском языках, пристатейный библиографический список (в алфавитном порядке). А также фамилия, имя и отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы – все на русском и английском языках. Обязательно указываются контактный телефон и адрес электронной почты.

5. Требования к аннотации. Аннотация должна раскрывать проблематику научной статьи, ее цель, а также полученные результаты. Рекомендуемая структура аннотации: введение, цели и задачи, методы, результаты, выводы. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в аннотации. Исторические справки, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся. Рекомендуемый объем аннотации – 200-250 слов.

6. Пристатейный список литературы должен быть нумерованным – каждый источник следует помещать с новой строки под порядковым номером. Нумерация ссылок на источники в списке литературы должна соответствовать ссылкам в тексте статьи. В списке литературы все работы перечисляются в алфавитном порядке. В списке литературы приводятся только материалы, на которые ссылается автор. Все источники в списке литературы следует оформить в соответствие ГОСТ Р 7.0.5-2008.

7. Все материалы следует представлять в редакцию в электронном виде (по электронной почте).

8. Все статьи подлежат обязательному двойному «слепому» рецензированию. Рецензии на статьи по наиболее актуальным и дискуссионным проблемам по решению редакции могут публиковаться в этом же номере журнала.

9. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Наши сайты: www.voprospolitolog.ru

E-mail: voprospolitolog@yandex.ru

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

ПЛАТОНОВ Владимир Михайлович – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой публичной политики и истории государства и права Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Председатель Московской городской думы (1994-2014 гг.) (Россия, г. Москва)

ЧЛЕНЫ СОВЕТА:

АВАЗОВ Камилль Халлиевич – доктор философии (PhD) по политическим наукам, преподаватель регионального центра переподготовки и повышения квалификации работников народного образования Сурхандарьинской области (Узбекистан, г. Ташкент)

АСТВАЦАТУРОВА Майя Арташесовна – д.п.н., профессор, директор Центра этнополитических исследований, профессор кафедры креативно-инновационного управления и права Пятигорского государственного университета, координатор Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов в СКФО (Россия, г. Пятигорск)

БЛОХИН Владимир Владимирович – д.и.н., профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов (Россия, г. Москва)

БОЖАНОВ Владимир Александрович – д.и.н., профессор, зав. кафедрой мировой и отечественной культуры Белорусского Национального Технического университета (Белоруссия, г. Минск)

ВАНКОВСКА Биляна – профессор политологии и международных отношений факультета философии Университета Святых Кирилла и Мефодия (Македония, г. Скопье)

ВЕЛИКАЯ Наталия Михайловна – д.п.н., заместитель директора Института социально-политических исследований РАН (ИСПИ ФНИСЦ РАН), декан социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Москва)

ГОНЧАРОВ Петр Константинович – д.с.н., профессор Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ) (Россия, г. Москва)

ГРАЧЕВ Михаил Николаевич – д.п.н., профессор кафедры теоретической и прикладной политологии Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Москва)

ДЭМБЭРЭЛ К. – доктор (PhD), старший научный сотрудник Института международных отношений АН Монголии (Монголия, г. Улан-Батор)

ЖИЛЬЦОВ Сергей Сергеевич – д.п.н., заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД РФ (Россия, г. Москва)

КАРАДЖЕ Татьяна Васильевна – д.ф.н., заведующая кафедрой политологии Московского педагогического государственного университета (Россия, г. Москва)

КАССАЕ НЫГУСИЕ В. МИКАЭЛЬ – д.и.н., профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (Россия, г. Москва)

КОВАЛЕНКО Валерий Иванович – д.ф.н., зав. кафедрой российской политики МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – д.с.н., зав. кафедрой зарубежного регионоведения и международного сотрудничества Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, г. Москва)

КРИВОКАПИЧ Борис – д.ю.н., профессор факультета бизнеса и права Унион – Никола Тесла университета (Сербия, г. Белград)

МЕДВЕДЕВ Николай Павлович – д.п.н., главный редактор журнала (Россия, г. Москва)

МИХАЙЛОВ Вячеслав Александрович – д.и.н., зав. кафедрой национальных и федеративных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, г. Москва)

НАЗАРОВ Александр Данилович – д.и.н., профессор, зам. руководителя кафедры по научной работе Московского авиационного института (Россия, г. Москва)

НАЗАРОВА Елена Александровна – д.с.н., профессор МГИМО МИД России (Россия, г. Москва)

НАСИМОВА Гульнара Орленбаевна – д.п.н., профессор, зав. кафедрой политологии факультета философии и политологии Казахского Национального университета им. Аль-Фараби (Казахстан, г. Алматы)

НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич – д.п.н., профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)

ОРЛОВ Игорь Борисович – д.и.н., профессор, заведующий Научно-учебной лабораторией исследований в области бизнес-коммуникаций, заместитель руководителя Департамента политики и управления факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)

ПАХРУТДИНОВ Шукритдин Ильясович – д.п.н., профессор, заведующий кафедрой основы духовности Института переподготовки и повышения квалификации руководителей и специалистов системы народного образования имени А. Авлони (Узбекистан, г. Ташкент)

ПЛЯЙС Яков Андреевич – д.и.н., д.п.н., профессор Финансового университета при Правительстве РФ (Россия, г. Москва)

ПРЯХИН Владимир Федорович – д.п.н., профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Москва)

ПУСЬКО Виталий Станиславович – д.ф.н., профессор кафедры гуманитарных дисциплин ВА РВСН им. Петра Великого (Россия, г. Москва)

РУБАН Лариса Семеновна – д.с.н., профессор, отдел исследования проблем международного сотрудничества Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (Россия, г. Москва)

СЛИЗОВСКИЙ Дмитрий Егорович – д.и.н., профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов (Россия, г. Москва)

СТАРОСТИН Александр Михайлович – д.п.н., профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, директор Института междисциплинарных исследований глобальных процессов и стратегического управления Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (Россия, г. Ростов-на-Дону)

СЫЗДЫКОВА Жибек Сапарбековна – д.и.н., профессор, зав. кафедрой стран Центральной Азии и Кавказа ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)

ХОПЕРСКАЯ Лариса Львовна – д.п.н., профессор кафедры международных отношений Киргизско-Российского славянского университета, (Киргизия, г. Бишкек)

ШАРКОВ Феликс Изосимович – д.с.н., зав. кафедрой общественных связей и медиаполитики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, г. Москва)

ЯН ФУЛИНЬ – проректор Хэйлунцзянского института иностранных языков (КНР, г. Харбин)

Academic journal
“Political Science Issues”
Volume 13. Issue 10-1 (98-1), 2023

Established by LLC “Publishing House “Science Today”

The journal is included in the database of the Russian
Science Citation Index.

Academic papers published in the journal undergo
obligatory editorial checking.

Executive Secretary *Shkurina S.S.*

Computer-aided makeup by *Zagumenov A.P.*

Translated by *Chernyshova E.V.*

The opinion expressed by the authors may not coincide
with the position of the editorial board.

No article may be reprinted without a reference to this journal.

Address of the editorial office:

10, Zagoryevskaya street, building 4, office 4, Moscow, Russia, 115598

Tel: (910) 463-53-42

www.voprospolitolog.ru

E-mail: voprospolitolog@yandex.ru

Signed for printing on 25.10.2023

Format 60x84/8. Offset paper.

Offset print. Number of printed sheets

Circulation 500 copies. Order ____.

Printed at the LLC “Bely Veter”

Str. Shchipok, 28, Moscow, Russia, 115054

Tel.: (495) 651-84-56

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА СЕГОДНЯ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ

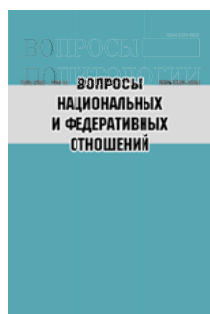
Научный журнал

«РЕГИОНАЛЬНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА»

На страницах журнала анализируются вопросы эффективности регионального и муниципального управления, политико-правового статуса органов власти субъектов Федерации и местного самоуправления, современные модели взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти, проблема наделения государственными полномочиями органов местного самоуправления, демократичность региональных и местных выборов и их влияние на повышение легитимности институтов регионального и муниципального управления. Исследуется зарубежный опыт регионального развития. Особенностью журнала является анализ различных аспектов регионального и муниципального управления на основе парадигм юридической, экономической и политической науки. В журнале делается попытка научного обобщения и распространения передового опыта работы различных субъектов Российской Федерации.

Журнал включен в базу РИНЦ.

Интернет-ресурс: www.regionupravlenie.ru

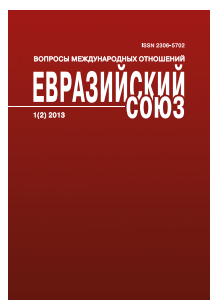
Научный журнал

«ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

Журнал издается совместно с кафедрой национальных и федеративных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Данный журнал является периодическим научным печатным изданием, раскрывающим проблемы новой научной специальности 23.00.05 – политическая регионалистика, этнополитика.

Журнал включен в Перечень ВАК РФ

Интернет-ресурс: www.etnopolitolog.ru

Научный журнал

«ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ: ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

На страницах журнала анализируются проблемы перспектив евразийского интеграционного проекта, стабильности политических режимов на постсоветском пространстве, а также экономические и социальные вопросы взаимодействия в рамках Таможенного Союза.

Журнал включен в Перечень ВАК РФ

Журнал включен в базу РИНЦ

Интернет-ресурс: www.evrazsouz.ru

Уважаемые коллеги, приглашаем Вас к сотрудничеству!

Журналы выходят ежеквартально. Включены в базу РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Оформить подписку на журналы можно в редакции.

По вопросам сотрудничества обращаться по адресу:
voprospolitolog@yandex.ru

ПОДПИСКА

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на научный журнал
«Вопросы политологии».

Стоимость подписки можно узнать в каталоге Агентства «Роспечать»
в любом отделении связи.

Индекс издания – 70035

			ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»													
			АБОНЕМЕНТ на журнал									70035				
			Вопросы политологии													
			Количество комплектов													
			на 2024 год по месяцам													
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
			Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)													
			Кому _____													
			ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА													
			ПВ	место	литер	на журнал									70035	
			Вопросы политологии													
			Стоимость		Каталожная								Количество комплектов			
					услуги почты											
					полная											
			на 2024 год по месяцам													
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
			Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)													
			Кому _____													